

Сапожников Борис Владимирович

Звезда и шпага

Аннотация:

Красные комиссары, коммунисты 1930-х получают важнейшее задание: перенестись в XVIII век и примкнуть к восстанию Емельяна Пугачева. Удастся ли им, используя все свои знания, одолеть самого Суворова, привести пугачевское войско к победе, свергнуть самодержавие, заразить бедноту екатерининской эпохи идеями марксизма-ленинизма и начать строительство «новой жизни»? Никому не известно, чем закончится эта авантюра. Между героической армией Российской империи и огромным войском казаков и крестьян, распевających «Интернационал», разгорается поистине страшная война. Силы, казалось бы, равны, и у каждой из сторон своя правда...

Этот роман нельзя считать продолжением романа "Наука побеждать". Не смотря на общую тему и схожесть жанров.

Сапожников Б.

Звезда и шпага.— СПб.: «Ленинградское издательство», 2010.— 480 с. ISBN 978-5-9942-0641-6

Пролог.

Впервые со странными людьми в кожаных куртках, которые звали себя комиссарами, я повстречался за три года до восстания Пугачева. Я тогда служил в Санкт-Петербургском карабинерном полку в чине вахмистра и уже успел несколько раз схватиться с гордыми

шляхтичами Барской конфедерации. По войскам уже давно ходили упорные слухи о неких комиссарах, ведущих пропаганду среди поляков против своего короля Станислава Понятовского. Они называли его "ставленником русского империализма", "кровавым деспотом" и прочими малопонятными словесами. Комиссаров этих было приказано в плен не брать, а вешать тут же, на месте.

Мне жуть как интересно было своими глазами посмотреть на одного такого, и когда молва донесла до нашего эскадрона слух о том, что в небольшой армии Морица Беньовского, с которой нам предстояло накануне сразиться, их особенно много. Ротмистр Беньовский уже успел прослыть великим болтуном, склонным очень уж сильно преувеличивать количество вражеских - то есть, наших - потерь. Про его рапортам выходило, что он со своими гусарами и несколькими ротами добровольческой пехоты истребил почти всю нашу армию. Именно поэтому Иосиф Пулавский, командующий войсками конфедерации, отправил к Беньовскому сразу нескольких комиссаров, чтобы проверить, так ли удачлив он, как пишет в докладах. Ну и для общего контроля, наверное.

- Вот будет потеха, - усмехнулся Пашка Озоровский, моих годов прапорщик, картинным движением проверяя, как выходит из ножен палаш с офицерским темляком. - У тебя, Петя, копьё прямо как у гусар Беньовского.

- Тебе такого не доверили б никогда, - ответил я, столь же картинно перехватывая поудобней древко знамени.

- Это да, - важно кивнул Озоровский, - мне сразу прапорщика дали.

- Вот я тебе сейчас как дам! - шутливо замахнулся на него командир нашего взвода поручик Коренин. - Довольно болтать. Проверьте оружие как следует. Не для показухи.

- Есть, - ответили мы.

Закинув привычным движением знамя за спину, я открыл замки обоих пистолетов, взвёл курки, осмотрел кремни. Затем пришла очередь палаша. Я вынул тяжёлый клинок из ножен, покачал его в руке, сунул обратно. Это заняло какое-то время, однако ждать появления гусар и ополченцев Беньовского пришлось ещё долго. Болтать в присутствии командира взвода мы не решались, а потому минуты тянулись с бесконечностью капли мёда по ложке. В детстве я любил наблюдать за тем, как медленно-прямедленно стекают они по блестящему металлу.

- Ползут они, что ли? - пробурчал Петька, не выдержав длительного молчания.

- Изматывают, - авторитетно заявил я. - Чем дольше мы так простоим, тем сильнее вымотает нас ожидание.

- Умён ты, Пётр Андреевич, - рассмеялся поручик Коренин, - не по годам. Похоже, у нас в полку Суворов от кавалерии растёт.

Унтера и Пашка Озоровский рассмеялись, даже солдаты попрытали улыбки, прикрывая лица обшлагами рукавов. Я не обиделся на командира - сам виноват, наверное, очень уж потешный вид был у меня, когда я выдал свою "бессмертную" сентенцию.

Веселье прервал сигнал полковой трубы, тут же подхваченный эскадронными трубачами.

- К бою! - выхватил палаш из ножен поручик Коренин. - Ребята, не подведите меня!

Я тронул шпорами бока коня, тот двинулся шагом навстречу пока ещё невидимому врагу. Так медленно мы прошли недолго. Когда из-за рощицы показались длинные выкрашенные красной краской гусарские копы с пёстрыми флажками, мы перешли на лёгкую рысь. Именно с ними сравнивал штандарт, что я нёс, Пашка Озоровский. Не смотря на то, что я не первый день воевал в Польше, знаменитых элеаров - крылатых гусар, видел впервые. До рези в глазах всматривался я в закованное в железо войско, за которым поспешали быстрым шагом разномастные пешие роты ополченцев. Я вытащил пистолет, взвёл курок и положил его на сгиб локтя, теперь я могу быстро выстрелить, сунуть пистолет в ольстру и выхватить палаш. Запели трубы, и наш эскадрон перешёл на рысь более резвую. Я выбрал себе цель - немолодого гусара в старинном шлеме,

большую часть лица которого закрывал массивный наносник в виде сердца. На самом деле, я видел в основном пышные усы, торчащие из-за него. Трубаچی сыграли "в галоп!". Я ткнул коня шпорами, заставляя сменить аллюр, и приподнялся на стременах, упершись каблуками сапог в перекладину. Мой польский vis-Ю-vis слегка сгорбился в седле, зажав древко пика под мышкой. Отчаянно хотелось нажать на спусковой крючок, но я отлично понимал, что шансов попасть с такого расстояния, нет никаких. Надо ждать. Подпустить гусара как можно ближе, пускай конец пика упрётся мне в грудь, но выстрелить только после того, как буду уверен, что попаду. Хотя можно и опоздать, получив за нерасторопность острие пика в сердце.

- Карабины! - разрешил мои сомнения поручик Коренин. - Товьсь! - Я вскинул пистолет, навёл на усатого гусара. - Пли! - Я нажал на курок, вместе с остальными всадниками первого ряда. Почти сразу бабахнули выстрелы и второго эскадрона.

"Мой" гусар уронил пика - голова его дёрнулась от попадания пули, в массивном наноснике появилась дыра размером с два пальца. Он покачнулся в седле и рухнул вперёд, вывернув ноги из стремян.

Я едва успел спрятать пистолет в ольстру и выхватить палаш, когда два конных строя сшиблись. Благодаря первому залпу, нам удалось выбить немало гусар первого ряда с длинными пиками и знаменитого таранного удара у них не получилось, хотя нескольких карабинеров они всё же выбили из седла. А потом пошла рукопашная. Я обменялся быстрыми ударами палашей с гусаром без шлема. Следом тот вскинул своё оружие, видимо, желая ткнуть меня наконечником в горло, но я опередил его, рубанув снизу вверх, в предплечье, не защищённое доспехом. Гусар заорал что-то, выронил палаш, я же походя ударил его по голове и поспешил вернуться на своё место в строю.

- Отстаёшь, Ирашин! - крикнул мне поручик Коренин. - Рубиться не твоё дело! Ты - знаменщик, а не хрен собачий! Помни!

Бой был кровавый и жестокий. Мы сшибались с гусарами, теснили их, откатывались под напором свежих сил врага. Я орудовал палашом без усталости, хотя навряд ли кого-то убил, кроме первых двух, тяжёлый клинок высекал искры из вражеских доспехов, кого-то удавалось достать в незащищённые части тела, но смертельных ран не наносил. Моё дело - нести штандарт, обороняя его в первую очередь. Думаю, никому не надо объяснять, что он значит для эскадрона и всего полка. Меня прикрывали Озоровский с Корениным, так что особой работы для меня не было.

В тот день мы разбили конфедератов. Сокрушили легендарных гусар, большую часть истребив, обратили в бегство разномастное ополчение. Разгром завершила пехота и казаки Санкт-Петербургского легиона. В тот день во второй раз попал к нам в плен Мориц Беньовский, отправленный в Киев, а оттуда куда-то в глубь Империи, едва ли не на самую Камчатку, а равно и полтора десятка "кожаных" комиссаров.

Как и все офицеры, я, естественно, отправился поглазеть на них. Они заметно выделялись на фоне остальных пленных своими куртками незнакомого покроя со звёздами на рукавах. Во время боя они вдохновляли пехоту конфедератов, продержавшуюся, видимо, именно благодаря им, так долго против нас и Санкт-Петербургского легиона, что ополченцам совершенно несвойственно.

- Кто такие? - спрашивал у них премьер-майор Брюсов, командовавший нашим дивизионом.

- Губители самодержавия, - гордо ответил старший из них на чистом русском, без малейшего акцента, - могильщики капитала! - зачем-то добавил он. Какое отношение мы имели к капиталу - понятия не имею. - Мы прибыли сюда, чтобы свергнуть императрицу и освободить Россию от оков тирании самодержавия!

- Что же вы делали в стане конфедератов? - удивился премьер-майор.

- Они борются против ставленника Екатерины за освобождение Речи Посполитой, - сказал на это комиссар. - Восстание, начавшееся в Польше, пройдёт по всей России.

Прогрессивное население империи поднимет голову и свергнет самодержавие. А после придёт время и для Мировой Революции!

- Эх хватил, - крикнул кто-то из солдат Легиона. - Лихо болтает, - поддержал его какой-то карабинер, не из моего эскадрона.

- Прекратить болтовню! - понимая опасность слов комиссара, рявкнул Брюсов. - Отойти от пленных! - приказал он на правах старшего из присутствующих офицера.

- Разойтись! Разойдись! - поддержали его унтера, что посмышлёнее. - Чего тут собрались? Пленных не видали? Или дел у вас нет? Так живо сыщем!

Последние слова произвели на солдат особенно сильное впечатление, и они потянулись к палаткам своих полков. Возле пленных остались офицеры и караульные.

- Всем рты не позатыкаете, - мстительно произнёс старший комиссар. - Наше слово уже пошло в народ.

- Ваше слово - ничто против нашего дела, - ответил ему секунд-майор Ерышев из первого эскадрона нашего полка. - Нам ни к чему затыкать вам рты, проще - перевешать. Что мы и сделаем!

- Всех не перевешаете! - пискнул молоденький комиссар, лет девятнадцати - не старше.

- А вот тут вы ошибаетесь, - мрачно усмехнулся секунд-майор, - всех вас перевешаем, как только задавим эту вашу конфедерацию.

- Повесите нас - придут другие, - заявил старший комиссар.

Тогда никто не придавал его словам особого значения. Я же вспомнил о них двадцать девятого ноября тысяча семьсот семьдесят третьего года, когда до Петербурга дошли слухи о появившихся в войске "маркиза Пугачёва" странных людей в кожаных куртках, называющих себя комиссарами. В тот же день императрица назначила командующим войсками, отправленными на подавление бунта генерала Бибикова. В составе этой армии находились и два эскадрона моего, Санкт-Петербургского карабинерного полка, где я уже был поручиком и командовал первым взводом третьего эскадрона.

Глеб Бокий выглядел совершенно не так, каким его себе представлял полковой комиссар Андрей Омелин. Известный в чекистских кругах как оккультист и специалист по "не традиционным технологиям", путешествовавший на Тибет, тайный член общества "Thule", в общем, личность крайне неординарная. А вот внешность подвела. Хотя с какой стороны посмотреть. Ведь настоящий чекист и, тем более, разведчик и должен выглядеть, что называется, никак. Примечательная внешность для него только помеха.

- Ну что же, товарищ полковой комиссар, - сказал он вместо приветствия, - вы представляете, чем вам с коллегами предстоит заняться?

- Пока нет, - покачал головой полковой комиссар Омелин.

- Да вы присаживайтесь, товарищ полковой комиссар, - указал Бокий ему на кресло напротив себя. - Не стесняйтесь. Задание у вашей группы, товарищ полковой комиссар, будет весьма сложным. И крайне ответственным. Вы слышали что-нибудь об экспорте революции?

- В контексте Мировой Революции, - пожал плечами Омелин, за время службы полковым комиссаром привыкший выражаться несколько витиевато.

- Не совсем, - покачал головой Бокий. - Вы чай берите, Андрей Валерьевич, не стесняйтесь. - Он и сам взял стакан в подстаканнике и сделал несколько глотков. Омелин последовал его примеру. - Как видите, идея Мировой Революции не получила должного распространения в мире, - он усмехнулся, - не смотря на все усилия Коминтерна. Поэтому "наверху" было решено экспортировать революцию во время.

- Во время? - удивился Омелин. - Простите, но это, каким образом?

- Весьма сложным, - усмехнулся Бокий. - Не скрою, что сам я мало что понимаю в этом, да и незачем это ни мне, ни вам, полковой комиссар. Главное, это возможно, а каким образом, пускай товарищи учёные думают, как им приказано было. - Он снова

приложился к стакану с чаем. - Вы отправитесь в восемнадцатый век, во вторую его половину, в семидесятые года. Думаю, вы понимаете, чем они знамениты?

- Восстание Емельяна Пугачёва, - предположил Омелин.

- Верно, товарищ полковой комиссар, - кивнул Бокий. - Народная война казака Емельяна Пугачёва. Задачей вашей группы будет пропаганда в рядах казаков идей народовластия и постепенной смены самодержавия на более просвещённые формы правления. Это проект долгосрочный, рассчитанный на то, что Пугачёв победит. Вы поведёте Россию к социализму, наставляя новых правителей её при помощи Марксизма-Ленинизма.

- Но ведь для этого надо победить, - заметил полковой комиссар Омелин. - А как раз это казакам Пугачёва не удалось, не смотря на колоссальное численное превосходство над карательными армиями Бибикова, де Колонга и Суворова.

- Для этого с вами отправятся комбриг Кутасов с группой офицеров РККА, - сказал Бокий. - Вы познакомитесь с ним непосредственно после нашего разговора.

- Значит, я с военно-политическим составом буду отвечать за моральный дух армии Пугачёва, а комбриг Кутасов со своими офицерами - за его боевую выучку, - подвёл итог Омелин. - Всё понятно.

- Тогда осталось последнее, - Бокий поставил стакан с чаем на обитый зелёным сукном стол, - вы должны это знать. Дороги назад у вас нет. И отказаться вы не можете.

- Об этом, товарищ Бокий, - как обращаться к одетому в офицерскую форму НКВД без каких-либо знаков различия Бокию, Омелин не представлял, а потому решил назвать просто по фамилии, - я и не думал.

- Отлично, - поднялся на ноги Бокий и протянул Омелину руку.

- Служу трудовому народу, - ответил тот, пожимая её, после чего отдал честь.

- Можете быть свободны.

Глава 1.

Поручик Ирашин.

- Со своими воевать, - сказал мне поручик Озоровский, командовавший третьим взводом нашего эскадрона, - не слишком приятное дело.

- Какие они тебе свои, - отмахнулся я. - Казаки даже русскими себя не считают.

- Всё равно они подданные российской короны, - стоял на своём Озоровский.

- Не забывайте, поручик, - заметил премьер-майор Ерышев, - что казаки подняли восстание против короны и империи. После этого они перестали быть для нас своими. Советую вам это запомнить.

Это был наш последний обед в полковом офицерском собрании перед выступлением на подавление восстания "маркиза Пугачёва". Все разговоры, естественно, были посвящены предстоящей кампании против казаков. Секунд-майор же особенно лютовал из-за того, что его поставили командовать маршевым эскадром, сформированным для пополнения убыли полка.

- А по мне так им просто головы запудрили, - возразил ему Озоровский. - А сами казаки ни в чём не виноваты. Они ведь считают, что воюют за царя Петра Третьего, а не против самой империи.

- Весьма опасное заблуждение, - заметил премьер-майор Брюсов. - Как бы то ни было, а корпус генерала Кара пугачёвцы разгромили, более того, часть войск перешла на сторону восставших. Не только солдаты, но и офицеры. Они, думаю, заблуждались столь же опасно, как и вы поручик.

- Во мне, господин премьер-майор, можете быть уверены, - резче, чем следовало бы отвечал Озоровский. - Я на сторону пугачёвцев не перейду и людей не переведу.

- Я в вас, поручик, не сомневаюсь ни в малейшей степени, - спокойно сказал ему Брюсов и от мирного тона его Озоровский густо покраснел. - Равно как и во всяком офицере нашего полка.

- А всё же, мы превращаемся в неких карателей, не находите? - поинтересовался поручик Самохин, давно заслуживший славу балагура, частенько выдающего довольно опасные шутки.

- Ротмистр, - тут же осадил его Ерышев, - оставьте ваши шуточки. Они неуместны!

- И, правда, Василий, - кивнул Брюсов, - не стоило бы так резко выражаться.

- А что такого? - притворно удивился Самохин. - В семидесятом громили Барскую конфедерацию, как ни крути, а воевали на чужой территории, решая чужие внутренние проблемы. А теперь и вовсе...

- Довольно, - холодно оборвал его Брюсов, и лично мне стало несколько страшно от тона, каким он это произнёс. - Довольно, ротмистр. Вы и без того наговорили слишком много. Здесь, в собрании, все свои, однако услышь вас кто за их пределами, вы вполне можете загреметь в тайную канцелярию. Это станет чудовищным пятном на репутации всего нашего полка. Вы это понимаете?

- Понимаю, - кивнул Самохин. - Понимаю.

Я в очередной раз подивился умению нашего командира пристыдить даже такого показного циника, как поручик Самохин.

На этом большая часть разговоров в собрании стихла. По крайней мере, о будущей кампании против восставших казаков никто не сказал ни слова.

Путешествие из Польши в Казань в январе-феврале месяце, да ещё и ускоренным маршем - то ещё дело. Мы сутками не покидали сёдел, ели-пили и даже спали, не слезая с коней. Такой безумной гонки не было даже когда полк в спешном порядке перебрасывали на польско-российскую границу перед самым выступлением Барской конфедерации. Тогда хоть давали дважды в сутки спешиться и ночевали мы в деревнях, часто занимая их целиком. Теперь же нам оставалось лишь провожать польские, а после и наши, родные, селенья угрюмыми взглядами, проезжая мимо. В середине февраля к нам присоединился маршевый эскадрон секунд-майора Ерышева. Тот становился ещё более мрачным, когда видел карабинеров своего эскадрона под командованием премьер-майора Брюсова. В общем, настроение в полку царило не самое лучшее. Командир нашего полка это понимал, однако, по словам того же Брюсова от каких-либо действий воздерживался.

- Он считает, что первые бои поднимут нам настроение, - говорил премьер-майор.

- Это при условии, что мы разгромим казаков, - заметил язвивший из-за дурного настроения вдвое против обычного поручик Самохин.

- Ротмистр, не начинайте, - умоляюще глянул на него Брюсов, которому просто надоело увещевать неисправимого циника.

- Я в смысле, что мы казаков не разгромим, - быстро нашёлся Самохин, - а просто разобьём в сражении, и часть их отступит с поля боя. Согласитесь, господин премьер-майор, это не так поднимает боевой дух, как полный разгром вражеской армии, не правда ли?

- Конечно, - кивнул Брюсов. - Но вам стоит взять на заметку, ротмистр, что от помещения под арест за ваши дерзкие высказывания вас спасает только одно.

- И что же? - не без интереса спросил Самохин.

- Отсутствие помещения, куда вас можно было поместить, - вполне серьёзно ответил ему Брюсов.

Второго марта полк наш прибыл в Казань.

Но и тут отдохнуть нам толком не удалось. Не успели мы разместиться на временных квартирах, где раньше стоял Казанский кирасирский полк, который почти в полном составе вот уже несколько лет воевал за Дунаем в армии генерала Петра Александровича Румянцева. Собственно, в Казани остался лишь неполный эскадрон, составленный из

солдат и офицеров, которые по тем или иным причинам не смогли отбыть вместе с полком на войну с Портой. Командовал ими седоусый поручик Роман Лычков, поднявшийся с самых низов и до восстания числившийся полковым квартирмейстером. Не смотря на это, колоссальный опыт у него был просто колоссальный, ибо начинал карьеру он вахмистром ещё в одном из голштинских полков при настоящем Петре III.

Не смотря на спешку, полтора дня отдыха нам выделили. Ведь нельзя же, на самом деле, держать людей в сёдлах днями напролёт, а после, едва они прибыли к месту назначения, вновь загонять на коней. В конце концов, можно и лошадей так угробить, про нас я уже молчу, а они больших денег стоят. Потому-то нам - и людям, и лошадям - дали эти полтора дня отдыха. Лучше бы сразу погнали в Прикамье, воевать с пугачёвцами.

Всё дело в том, что в Казани обреталось довольно много офицеров из разбитых казаками полков. Большую часть времени они были предоставлены самим себе, а потому предавались пьянству и распутству, если было на что. Те же, у кого не было денег на это, старались прибиться к компании тех, у кого они были. Так и образовывались не слишком приятные сборища офицеров, пьющих дни напролёт и вспоминающих свои поражения.

В одну такую компанию нежданно-негаданно попали мы с поручиком Озоровским и Самохиным. Собственно, именно Самохин подбил нас отлучиться с квартир полка и погулять по Казани. В его устах это означало прогулку по питейным заведениям самого разного пошиба - чем меньше денег оставалось у нас в карманах, тем хуже, соответственно, становились трактиры и кабаки, куда мы перекочёвывали, подобно диким татарам, в столице бывшего ханства которых мы сейчас находились.

В одном из трактиров мы и повстречались с компанией офицеров мушкетёрских полков. И если для нас это было самое начало путешествия по питейным заведениям, то они явно пребывали в загуле уже довольно давно. Может быть, несколько дней кряду.

- Так вы, господа офицеры, с пугачевцами воевать собираетесь? - спросил у нас средних лет капитан в мундире со знаками неизвестного мне мушкетёрского полка. - А, знаете ли, против кого идёте, а?

- Мы сражались против казаков, служивших полякам Барской конфедерации, - пожал плечами поручик. - Ничего особо страшного в них нет. Те же крылатые гусары опасней. Из-за своих пик.

- У яицких казаков тоже пики есть, - сказал на это капитан, - да только не в них дело, - отмахнулся он.

- А в чём же? - поинтересовался я.

- В дисциплине, - ответил капитан-поручик в мятой треуголке. - Мы ехали воевать с дикой ордой казаков и башкир, а получили организованное войско, которое разгромило нас и осадило Оренбург.

- Что значит организованное? - переспросил Самохин. - У казаков, как бы то ни было, организация есть. Полки, в конце концов.

- Полки! - рассмеялся капитан, первым заговоривший с нами. - Полки, говоришь. Мы сначала смеялись над пешими казаками в выкрашенных в разные цвета кафтанах. Хуже того, с ними рядом шагали заводские люди и даже деревенская голота. Над ними смеялись особенно сильно. В кафтанах разных цветов, а многие без штанов. Вот только под Юзеевой эти крашенные кафтаны задали нам перцу. И командующий наш смазал пятки аж до самой Москвы. Вот с кем вам воевать, господа.

- Какие кафтаны? - удивился Самохин. - При чём тут кафтаны.

- Не в кафтанах дело, - сказал капитан-поручик, кладя на стол свою живописную треуголку. - Самое неприятное то, что Пугачёв собрал не только некую Тайную думу, но Военную коллегию, которая сформировала самые настоящие полки. Из безлошадных казаков, рабочих, ушедших с заводов и той самой деревенской голоты. Самые настоящие полки, - повторил он, - со своими офицерами и унтерами и железной дисциплиной. Более

того, из башкир сформировали полноценную конную разведку, они же, вместе с казаками несут пикетную службу.

- В общем, - дополнил его третий офицер, поручик из егерской команды, - вместо разрозненной толпы бунтовщиков, которую мы ожидали увидеть, нам пришлось сражаться со вполне сформированной армией. Их офицеры уже худо-бедно овладели тактикой линейной пехоты и насадили дисциплину. Создаётся такое впечатление, что командуют в пугачёвском войске отлично обученные офицеры, прошедшие не одну военную кампанию.

- Что за бред?! - взорвался молчавший до того Пашка Озоровский. - Откуда у них могли взяться эти офицеры?

- А чёрт их знает? - пожал плечами егерский поручик. - Недаром же Пугачёва чёрным волхвом или колдуном народ считает. Может, договорился с Дьяволом, - тут все, включая самого рассказчика, перекрестились, а Озоровский даже суеверно трижды сплюнул через левое плечо, - вот тот и отсыпал ему щедрой рукой офицеров-грешников. Среди нашего брата с праведниками тяжело, - невесело усмехнулся он. - А к ним и чертей своих приставил в кожаных куртках со звёздами на рукавах да картузах, вроде фуражных шапок.

- Погодите-погодите, - тут же насторожился я, - каких ещё чертей в кожаных куртках? Повесите нас - придут другие.

- Есть такие в Пугачёвской армии, - мрачно сказал капитан-поручик, принимаясь разглаживать замятости на своей поношенной треуголке. - Комиссарами зовутся. Они ведут пропаганду в его армии и по всему Прикамью с Поволжьем, Уралу и Оренбургскому краю.

- Комиссары, - протянул я, вспоминая комиссаров Барской конфедерации. Что может связывать лихих шляхтичей Речи Посполитой с казаками Пугачёва. - Комиссары.

- Комиссары, комиссары, - кивнул капитан-поручик. - И вот что удивительно, особенно сильную пропаганду они ведут на демидовских заводах и среди крестьян, агитируют их вступать в ряды пугачёвской армии.

- И что же, - заинтересовался Самохин, - их слушают?

- Как попов, - ответил капитан-поручик, - в три уха, можно сказать. И после каждого, как они это на аглицкий манер зовут, митинга, за ними уходят два-три десятка человек. Целыми деревнями, бывает, с места снимаются, с бабами, детишками, даже скотиной. Так что армия Пугачёва в лагере напоминает некий табор, вроде цыганского.

На этом разговор сам собой затих. Мы выпили пару тостов для порядку, да и разошлись. Продолжать "прогулку по-Самохински" не хотелось, и мы направились обратно на квартиры Казанского кирасирского.

- Ты тоже вспомнил о польских комиссарах, Пётр? - спросил у меня Самохин, с которого беседа с офицерами-мушкетёрами согнала весь хмель, как и с нас с Озоровским.

- Да, - кивнул я.

- Что-то тут не сходится, - пожал плечами поручик. - Какая может быть связь между комиссарами Барской конфедерации, которых перевешали почти четыре года тому, и тем, что агитируют сейчас, по словам этих офицеров, в армии Пугачёва.

- Может, это аллюбрады, - предположил Озоровский, страсть как любивший разнообразные истории о тайных обществах, готовящих свергнуть нынешний миропорядок.

- Ты ещё фармазонов вспомни, - усмехнулся Самохин. - Чушь это всё. Досужие выдумки для барышень. А вообще, не о чем нам думать, да и незачем. Нам воевать надо. С Пугачёвым и всеми его чертями со звёздами на рукавах, кем бы они ни были.

А уже следующим утром наш полк, усиленный эскадроном Казанского кирасирского и ещё несколькими кавалерийскими частями, выступил на юго-восток, к Уфе. По дороге нам предстояло заниматься малопочтенным делом усмирения крестьянского бунта. В

одних деревнях и сёлах нас встречали, как освободителей от зловредной пугачёвщины, хлебом-солью, но куда больше было таких, где нам были совсем не рады. И если в иных только смотрели исподлобья, да плевали вослед, то кое-где встречали и выстрелами из окон домов. Так что несколько деревень даже пришлось спалить. Не самое приятное дело, скажу я вам, тут уж волей-неволей вспомнишь слова Пашки Озоровского насчёт воевать со своими. Не за тем пришёл я в армию, чтобы деревни жечь и крестьян с запудренными головами на воротах вешать. Так думали многие в нашем полку и приданных частях, а потому настроения царили самые мрачные. Участились ссоры между солдатами и офицерами, дошло даже до пары дуэлей и банальных драк. Ситуацию окончательно испортило дезертирство пяти солдат казанских кирасир, что были родом из этих мест.

- Если мы не встретим армию пугачёвцев в ближайшие недели, - мрачно сказал поручик Самохин, - то наша бригада попросту разбежится.

- Отставить разговоры, - осадил его Коренин. - Особенно такие.

- Это, какие? - дерзко спросил у него Самохин.

- Сами знаете, какие, поручик, - ответил ротмистр, - подобные вашим. Боевой дух корпуса и без того низок из-за того, что нам приходится делать, а вы ещё подливаете масла в огонь своим показным цинизмом. Так что будьте любезны держать язык за зубами.

- Я - офицер и дворянин! - вспыхнул Самохин. - И никто не смеет мне затыкать рот!

- А я не приму вашего вызова до окончания кампании против Пугачёва, - ответил Коренин. - Думаю, я ясно выразился. Так что извольте замолчать. Считайте это приказом.

- Вас понял, господин ротмистр! - рявкнул Самохин, словно рьяный унтер на плацу, после чего, действительно, рта практически не раскрывал.

Март близился к концу. Погода улучшалась, а вместе с нею улучшалось и настроение. Мы двигались к Уфе всё быстрее, ибо весть о нас уже разнеслась по всему Прикамью, и деревенские старосты встречали нас более-менее приветливо, а тех, кто поддерживал Пугачёва тайно или явно, либо повыгоняли, либо попрятали. И вот, когда наш корпус уже практически подошёл к Уфе, мы встретили первых разведчиков пугачёвской армии. Башкирских всадников.

Эта новость существенно подняла настроение в корпусе. Особенно после двух лёгких побед солдат Луганского пикинерного полка, эскадрон которых был прикомандирован к нам в Казани, над башкирами-пикетчиками. Нескольких повстанцев удалось, хоть и не без труда, захватить в плен, их притащили в наш лагерь, связанных их собственными арканами.

- Противостоять нам будут войска фальшивого полковника Зарубина-Чики, - сообщил нам Коренин. - Он ещё с прошлого года осаждает Уфу, однако город держится до сих пор. Значит, настроения в армии его ещё хуже нашего.

Это верно. Ничто так не снижает боевой дух армии, как длительная и безрезультатная осада. Тяжело всё же топтаться под стенами, в общем-то, без особого дела, обстреливая город да сидя в траншеях. Особенно зимой, когда траншеи заполнены ледяной водой, а с добычей провианта становится совсем уж туго.

- Но и расслабляться не следует, - напомнил Коренин. - Именно Зарубин разгромил авангард генерала Кара. И я думаю, во многом именно из-за шапкозакидательского настроения самого генерала и офицеров. Надеюсь, на этот раз с нами этого ничего подобного не случится. Особенно с нами. Мы должны разгромить Зарубина и снять осаду с Уфы. Так сказал наш командир. Мы не должны его подвести.

Утром следующего дня две армии выстроились друг против друга. Дело было в считанных десятках вёрст от Уфы, близ села Чесноковки.

- Боже праведный, - протянул кто-то из карабинеров моего эскадрона. - Сколько ж их тут?

- На первый штурм Уфы, - ответил ему я, сам не знаю зачем, остались ещё привычки унтерские, - как говорят, пошло десять тысяч пугачёвцев. Даже если их число и уменьшилось хотя бы вдвое, то всё равно их остаётся ещё очень много.

- На наш век хватит, - усмехнулся, как всегда повеселевший перед боем, поручик Самохин. - Будет где разгуляться! - Он проверил палаш и пистолеты. - Напьемся кровушки!

- Господа офицеры, - подъехал к нам вернувшийся от Михельсона Коренин, - идёт в атаку второй линией. Сначала прикрываем огнём казанских кирасир, задача которых нанести таранный удар по центру Зарубинской армии. А потом ударим в палаши. Наша задача разрубить войско пугачёвцев на две части, а по возможности и на более мелкие куски, после чего уничтожать спокойно и планомерно.

- Хороший план, - к Самохину вернулась и его знаменитая язвительность. - Удался бы ещё.

- Это зависит только от нас, - ответил ему Коренин, ставя коня на своё место в эскадронном строю.

Я перепроверил пистолеты, наполовину вынул и сунул обратно в ножны палаш. После чего стал присматриваться к нашему противнику. Одолжив зрительную трубу у Самохина, я навёл её на строй наших врагов. Казаки и рабочие с крестьянами были, действительно разделены на полки, выстроенные в ровные шеренги. Одеты они были в те самые крашенные кафтаны, о которых говорили офицеры-мушкетёры в Казани, и напоминали более всего солдат времён царя Алексея Михайловича. Первые ряды с пиками, копьями и просто дрекольем, за ними - мушкетёры, вооружённые кто чем - и древними пищалями времён того же Алексея Михайловича, и вполне современными ружьями, захваченными, видимо, у генерала Кара, с примкнутыми штыками. На флангах стояла лёгкая кавалерия - казаки и башкиры. Последние выглядели совсем уж нелепо со своими луками и стрелами, даже копыя, не то, что сабли, были далеко не у всех. Однако недооценивать их не стоило - получить стрелу в горло неприятно во все времена, хоть в пятнадцатом веке, хоть в нынешнем восемнадцатом. А вот комиссаров я что-то не заметил, как не странно.

Запели трубы. Я быстро вернул Самохину окуляр, и намотал поводья на запястье левой руки. В первый момент, пока мы будем прикрывать огнём атакующих кирасир, для офицеров дел особых не будет. Залп всего один, как только солдаты разрядят карабины во врага, мы ударим в палаши, вот тогда и придёт наше время.

Мне со своим полуэскадром предписывалось, как только мы разрушим армию Зарубина напололам, ударим по ней с тылу, чтобы отсечь от неё небольшой кусок и уничтожить его вместе с драгунами Сибирского полка.

Мы пустили коней шагом, при ином аллюре попасть в кого-либо с седла просто невозможно. Так что уже спустя несколько минут кирасиры оторвались от нас, разгоняя своих тяжёлых коней для сокрушительного таранного удара.

- К залпу готовься! - скомандовал я, взводя курок пистолета, хотя стрелять пока не собирался.

- Повзводно! - пришла по цепочке команда секунд-майора Брюсова, принявшего командование полком, пока Михельсон руководил всем сражением. - С первого взвода первого эскадрона! Огонь!

И почти тут же на левом фланге затрещали карабины.

- Пли! - выкрикнул я, когда дошла очередь до моего взвода, и едва не оглох от залпа двух с половиной десятков карабинов, но тут же, даже почти не слыша себя, скомандовал: - Карабины убрать! Палаши вон!

Солдаты вынули из ножен палаши, положив их поперёк седла.

Запела труба, и полк двинулся вперёд, переходя на рысь, догоняя уже врубившихся в строй казаков кирасир. А перед самым носом бунтовщиков пришпорили коней, разгоняясь до стремительного галопа. Кирасиры уже достаточно углубились в строй

врага, проломившись через копейщиков, и теперь рубили не успевших дать нормального залпа мушкетёров. Однако теперь им грозило окружение, ибо пришедшие в себя казаки с флангов стремились зайти к ним в тыл. И тут, как раз вовремя появились мы.

Пули сразили многих казаков, поспешивших напасть на кирасир, а затем мы ударили в палаши. Я разрядил свой пистолет в голову ближайшего казака, тут же отвернувшись от неприглядного зрелища, сунул его ольстру и выхватил палаш. На меня было сунулся казак с рогатиной, но я рубанул его сверху вниз по синей шапке. Конь толкнул его грудью - и казак рухнул ничком. Ещё один попытался ткнуть меня обломком пики. Коротким ударом я срубил кусок дерева, что он держал в руках, так что у него остался совсем уж жалкий огрызок - полвершка от кулака. Однако казак не растерялся и, перехватив огрызок, как дубинку, попытался врезать мне в бок. Я ударил его палашом по голове, но предусмотрительный казак надел под шапку железную каску, какие носили стрельцы и копейщики в допетровские времена. Тяжёлый клинок палаша разбил её, по лицу казака заструилась кровь, однако добить его я не успел - и без того рисковал потерять своё место в строю. Ну да ничего, будет кому и этим заняться.

Наш полк с казанскими кирасирами в авангарде, оставляя за собой кровавую просеку, рассёк армию Зарубина на две части и вышел им в тыл. Однако воплотить вторую часть плана, замысленного Михельсоном, нам не удалось. Потому что в тылу нас встретили отлично обмундированные и вооружённые солдаты с современными мушкетами, выстроенные в три шеренги. Командовали ими офицеры в зелёных мундирах незнакомой окраски, синих шароварах и, отчего-то, картузах с незнакомыми эмблемами на околыше. Унтера, по всей видимости, были из казаков.

Офицеры вскинули сабли, загрели барабаны. Как во сне я услышал команды. "Первая шеренга, на колено!". "Повзводно...". И тут запели трубы. Мы рванули коней в разные стороны, ибо атаковать изготовившихся к стрельбе мушкетёров плотным строем, форменное самоубийство. Но, не смотря на это, потери наши были чудовищны. Пули выбивали кирасир и карабинеров из седел, убивали под ними коней, многие пребывали в позорном смятении.

- Прекратить панику! - прогремела команда оказавшегося каким-то образом рядом со мной секунд-майора Брюсова. - Собраты для атаки! Трубачи, уснули, что ли?!

Словно, и вправду, проснувшиеся трубачи выдули длинные трели из своих инструментов. Услышавшие привычные звуки люди позабыли о панике, сработали выработанные годами тренировок рефлексy, мы развернули коней и направили их на примкнувших штыки и ждавших нашей атаки солдат. Назвать их казаками или там рабочими с крестьянами язык не поворачивался. Это были солдаты - хорошо экипированные и подготовленные солдаты. Куда лучше, чем пресловутые казаки сотоварищи в крашенных кафтанах и железных шлемах под шапками.

Я с наскока рубанул по выставленному штыку, сломал его у самого основания, но мне тут же пришлось увёртываться от удара солдата второй линии. Получить пол-аршина стали под рёбра не хотелось, так что пришлось проявлять чудеса вольтижировки, хотя штык и пропорол мне мундир на боку. Я наотмашь рубанул по мушкетам солдат второй линии, даже сломал пару, однако был вынужден отступить - первая линия тоже не спала. Грудь моего коня уже окрасилась красным, на ней красовались несколько порезов.

- Ирашин! - подскочил ко мне секунд-майор Брюсов. - Бери свой взвод и возвращайся. Кто-то должен ударить казакам в тыл. Сибирцев там прижали сильно!

- Есть! - коротко козырнул я левой рукой, натянув поводья, и крикнул: - Взвод, галопом, за мной!

Заряжать карабины времени не было, поэтому мы сразу ударили в палаши. Казаки, видимо, не ожидали, что мы, связанные боем с регулярной пехотой - а как ещё назвать этих солдат? - не сможем эффективно действовать в их тылу. И они были во многом правы, приказ Брюсова был изрядной авантюрой, но ведь и драгун Сибирского полка надо спасать.

Мы обрушились на тылы казаков, рубя направо и налево, вновь прокладывая кровавую просеку. Однако и кони наши уже подустали, да и сами мы вымотались от длительной рубки. Поэтому продвижение наше, через ряды казаков замедлилось, а вскоре мы и вовсе завязли в сбившихся в плотную людскую массу телах. Живых и мёртвых. Я лихорадочно работал палашом, рубил направо и налево, позабыв об усталости. И медленно, шаг за шагом, продвигались мы к правому флангу, где насмерть дрались в окружении драгуны Сибирского полка. Их зажали пешие бунтовщики и башкиры, осыпавшие их тучами стрел.

- Вперёд, орлы! - кричал я, обрушивая тяжелеющий с каждым взмахом клинок палаша на головы казаков. - Поднажми! Надо драгун спасать!

И мы продирались вперёд, словно через некие заросли Южной Америки, о которых я читал в книгах в детстве. Казаки стали представляться мне чем-то вроде густейшего терновника, после каждого удара ветви его сыплются наземь, а сам он рвёт мой мундир и моё тело острыми колючками.

Но всё же нам удалось прорваться к драгунам, хотя руки уже я лично не чувствовал - и как сражаться дальше представлял с трудом.

- Прорвались, всё же, - сказал мне залитый кровью драгунский офицер. - Молодцы! Придержите казаков, а я возьму пару взводов и попробую башкир отогнать. А там обратно рванём.

- Вас понял, - кивнул я. - Карабинеры, к отражению атаки!

Взвод выстроился в две шеренги, и мы вместе с двумя взводами драгун принялись рубить казаков, лезущих на нас. Однако приходилось постоянно пятиться, так как казаки, ввиду своего численного превосходства постоянно норовили обойти нас с флангов, а допустить окружения мы не могли. Правда, долго драться в обороне, что было не свойственно нам, как кавалерии, не пришлось. Драгуны, уехавшие бить башкир, вернулись очень быстро.

- Пикинеров на башкир пустили, - объяснил мне всё тот же офицер. - Теперь пусть лёгкие всадники их гоняют. А нам обратно надо. - Он вскинул окровавленный и порубленный палаш. - Вперёд, драгуны! Бей, руби!

- Карабинеры! - поддержал его я. - Не отставать от драгун!

- Рискнём, карабинер? - спросил у меня драгунский офицер.

- То есть? - не понял я.

- Ударим широким фронтом, - пояснил он.

- Опасно, - покачал головой я.

- Война, вообще, опасная штука.

- Людей можем положить.

- На войне, вообще, часто убивают. Главное, за что сложим головы.

- Хорошо, - сдался я. - Бьём широким фронтом.

- Повзводно! - скомандовал драгунский офицер. - В две шеренги!

- Карабинеры! - не отстал я. - На левый фланг!

И мы ринулись обратно в толпу казаков.

Из-за пресловутого широкого фронта продвижение наше замедлилось ещё сильнее, чем когда мы прорывались на этот фланг. Однако и казаков с рабоче-крестьянами убивать стали куда больше. Мы прокладывали уже не просеку, а широкую кровавую колею, заваленную трупами и ранеными, истекающими кровью. Но и мы несли потери - чем дальше, тем больше. Падали драгуны, несколько раз тот или иной унтер, а то и рядовой подхватывал эскадронный штандарт. Да и мой взвод таял, как кусок сахара во рту. Мои раны отчаянно болели, кровь лилась на ноги и конский круп, держался я, как и все мы на чистом упрямстве и осознании того, что драться надо. За себя, и за своих товарищей, сражающихся рядом с тобой. Опустись палаш ты, не только сам погибнешь, но других за собой на тот свет потянешь, тех, кто бьётся вместе с тобой, кто рассчитывает на тебя и твоё оружие. Вот и вскидывал я тяжеленный палаш раз за разом. И ведь вроде бы всего

ничего весом - фунта два с половиной - а как помашешь им столько времени, так он уже с полтонны весом покажется. Неподъёмный совершенно.

Мы и на этот раз прорвались через плотную толпу казаков и рабоче-крестьян, потеряв почти половину состава, но и врагов на поле боя оставив без счёту.

- Молодец, Ирашин! - приветствовал меня Коренин. - Драгуны нам сейчас очень пригодятся! С кем имею честь? - обратился он к драгунскому офицеру.

- Капитан Холод, - козырнул тот и, усмехнувшись, добавил: - Как раз для сибирского полка фамилия.

- Ротмистр Коренин, к вашим услугам, - кивнул мой командир. - Вот и познакомились, а теперь пора этих солдатиков вместе добивать. Отдыхать нам некогда.

И мы с новыми силами накинудись на солдат, обороняющихся уже в каре. Мы осадили их живую крепость со всех сторон, рубили палашами штыки и мушкеты, ну и самих солдат, конечно. Однако оборонялись они крепко, стойко держали удар. И хотя казаки в крашенных кафтанах, вместе с рабочими и крестьянами, что находились сейчас в нашем тылу, уже начали сдавать, кое-кто на флангах уже подавался бежать, эти солдаты стояли насмерть. Стояли даже когда бегство казаков стало массовым, а к нам стали присоединяться всё новые и новые части из приданных нам в Казани, именно они рубились с казаками, когда мы зашли врагу в тыл. Мы перебили солдат всех до последнего, на что ушла большая часть дня и несколько десятков жизней. Последним упал на пропитанную кровью землю офицер в синих шароварах, где-то потерявший свой картуз.

- Вот и боевое крещение в пугачёвщине, - сказал, опуская палаш, поручик Самохин.

Глава 2.

Комиссар Омелин.

Полковой комиссар Андрей Омелин сидел в кресле и смотрел в мутное окно, затянутое бычьим пузырьём. За ним шагали сероватые пятна, лишь отдалённо напоминающие людей, коней и домашнюю скотину. Не будь на дворе начала апреля - или конец марта, комиссар уже давно сбился со счёта дней и недель, - он бы настежь распахнул окна в жарко натопленной, душной избе, впуская холодный воздух, однако кроме него тут жила вдова какого-то казака с детьми мал, мала меньше, а поморозить детишек Омелину совершенно не хотелось. И так, глядя на расплывчатые фигуры, полковой комиссар начал вспоминать.

Поначалу, все, как и должно быть, шло хорошо. Восстание ширилось, корпус генерала Кара - разгромлен, даже без помощи войск "нового строя", которые готовили в Сеитовой слободе и Сакмарском городке офицеры Кутасова. Сам комбриг с большей частью своих людей, которых всего насчитывалось до двух взводов - взводы из одних офицеров, прямо как в Гражданскую, - отбыл в войска Пугачёва, налаживать среди казаков, крестьян и рабочих с захваченных заводов основы воинской дисциплины прямо на линии фронта. Надо сказать, это дало немалые результаты. Устроивших вылазку из осаждённого Оренбурга солдат майора Наумова истребили за два часа жестокого боя, не дав никому вернуться в город. В корпусе генерал-майора Кара ловкие политруки из солдат, прошедших Гражданскую, сумевшие проникнуть в обоз под видом отставников, так хорошо наладили пропаганду, что едва не половина его перешла на сторону пугачёвцев, едва только Зарубин-Чика с Овчинниковым атаковали авангард. Перебежчиков приняли с почётом и отправили в Сеитову слободу и Сакмарский городок, где они влились в полки "нового строя". Политруки получили медали, отлитые на Твердышевском медеплавильном заводе, с подписью "За доблестный труд в тылу врага". После разгрома корпуса Кара города, крепости и заводы, буквально, падали в руки пугачёвцев. К восстанию присоединялись новые народы, настроения в войске росли с каждым днём. И

только "офицеры нового строя" и комиссары понимали - до начала тяжких дней остаётся всё меньше времени.

- Времени не хватает, - качал головой комбриг Кутасов. - Катастрофически. У нас всего один полк "нового строя" да и тот неполного состава. Мало унтеров и толковых офицеров.

- Как это не хватает? - удивился тогда полковой комиссар Омелин. - Вы же с собой привели десять человек офицеров, да и мои политруки тоже вполне могут сгодиться на роль унтеров, в крайнем случае.

- Андрей, - потёр ладонью лоб комбриг, - вот ты вроде и военный человек, а ничего не понимаешь. Надо готовить офицеров из местных кадров. Мои люди не смогут заменить весь комсостав армии Пугачёва, ни старший, ни, тем более, младший. Мы можем только готовить их. Я и так пошёл на огромный риск, разделив своих людей. Малейший конфликт с казаками в Сеитовой слободе или Сакмарском городке - и пять офицеров ничего не смогли бы поделаться.

Комиссар подумал, что десять офицеров даже во главе с лихим комбригом смогли бы поделаться немногим больше пятерых офицеров. Но говорить этого не стал.

- Я давно рекомендовал тебе, Владислав, - вместо этого напомнил он, - передать мне офицера посмышлёней, чтобы тот отбирал потенциальных офицеров с унтерами из казаков и рабочих с крестьянами. Вроде военспеца, как в Гражданскую.

- Да нет у меня людей для этого! - вскричал Кутасов, хлопая кулаком по столу. - Самому не хватает, а ты себе человека просишь!

- Сам же видишь, не справляются мои политруки с этой задачей, - пожал плечами Омелин. - Не для того их готовили.

И, действительно, почти половину отобранных в потенциальные офицеры казаков и рабоче-крестьян приходилось отправлять обратно по тем или иным причинам. Первой из них числилось хроническое неумение толково командовать и особенно подчиняться и нежелание учиться военной науке.

- А с политруками из местных как? - спросил Кутасов, чтобы сменить неприятную тему.

- Легче, - ответил Омелин, - но тоже скверно, если уж честно говорить. Приходится воспитанников из монастырей и бурс забирать, они хоть мало-мальски грамотны и способны воспринимать ту информацию, что мы им преподаём. Но их не так много соглашается с нами идти, у многих мозг уже основательно заштампован поповскими бреднями и они ещё плохо воспринимают идеи марксизма-ленинизма. Но работу мы ведём по деревням и особенно на заводах. Опираемся на рабочий класс, как завещал нам великий Ленин.

И вот теперь пришли чёрные времена для пугачёвского восстания. Бездарного генерала Кара, трусливо бежавшего в Москву, сменил энергичный и талантливый полководец Бибиков. И в подчинении у него был не жалкий корпус, а десять полков пехоты и кавалерии, гарнизоны городов и крепостей, лежавших на пути следования армии и остатки корпуса Кара. Разделив армию на две бригады и подчинив их Голицыну и Мансурову, Бибиков, можно сказать, взял армию Пугачёва в клещи. Города и крепости, занятые пугачёвцами, падали один за другим. Снята долгая осада Оренбурга. Пугачёв терпит поражение в Татищевой крепости и лишь ценой гибели полка атаман Овчинников отходит обратно в Берды. Правда, сам атаман сумел-таки вырваться с тремя сотнями казаков и закрепился в Нижнеозёрской крепости.

Чесноковки - второе по тяжести поражение, где не помогли впервые использованные войска "нового строя". В этом страшном бою сгинул победитель Кара - Зарубин-Чика, немногим позже попал в плен лихой атаман Хлопуша. Но гибнут не только пугачёвцы. В Татищевой крепости убит батальонный комиссар Каменков. Умер от ран старший политрук Васильченко. Бахмутские гусары зарубили под Самарой политрука Черкасова, вроде бы дальнего родственника популярного киноактёра, и пять младших политруков из

пугачёвцев. Лихой казак капитан Малахаев, ветеран Первой конной, лично знавший товарищей Ворошилова и Будённого, сгинул в бою под Алексеевском. Старший лейтенант Юнусов, взявший негласное шефство над башкирами Юлаева, погиб под Чесноковками, нанизанный на пики луганских улан, точнее зовутся они ещё пикинерами. Там же был убит вместе с батальоном солдат "нового строя" майор Рыжков. Подполковник Сваржинский захвачен вместе со многими офицерами Зарубина-Чики двумя днями позже. Сам комбриг Кутасов едва спасся из Сеитовой слободы, после длительного боя его неполный полк "нового строя" вышел из осаждённой крепости, а самого комбрига, раненного, буквально, вынесли на руках.

И вот теперь Пугачёв исходил яростью в своих "царских палатах" в Бердах и требовал к себе "полковника нового строя", а Кутасов лежал в той же избе, где сидел сейчас у окна полковой комиссар Омелин. Раны комбрига были слишком серьёзны, и как бы тот не порывался встать и идти с докладом к Пугачёву, сделать этого не мог. А, как любил говаривать покойный ныне старший лейтенант Юнусов, если гора не идёт к Магомеду, то Магомед идёт к горе. Поэтому визиту Его императорского величества казацкого царя Петра Третьего Романова, он же Емельян Иванович Пугачёв, полковой комиссар Омелин ничуть не удивился.

Пугачёв не вошёл и даже не ввалился, а, буквально, ворвался в дом, впуслав поток свежего холодного воздуха. При нём был его небольшой двор из "думного" дьяка Почиталина и секретаря военной коллегии Горшкова. Впрочем, последние держались за спиной "казацкого царя", чтобы ненароком не попасть в его поле зрения, ибо Пугачёв был в ярости. Он с размаху хлопнулся на лавку у длинного стола, за которым собиралась большая семья вдовой казачки. Мокрой шубы не снял, так что на пол вокруг него потекли струйки грязной воды - на улице шёл сильный дождь.

- Ну и где мой "полковник нового строя"?! - тут же вскричал Пугачёв. - Отчего не вышел к своему государю?!

Манера речи "казацкого царя" была довольно забавной. В ней мягкое южнороссийское "гэ" смешивалось с нарочитым волжским "оканьем", делая речь Пугачёва смешной. Однако сейчас вскочившего на ноги Омелина смеяться совершенно не тянуло.

- Кутасов болен, - ответил он, опуская обращение "ваше императорское величество", не пристало такое комиссару РККА, - и с постели подняться пока не в силах.

- Ну, что же, я хоть и царь, да не горд, - усмехнулся Пугачёв, сбрасывая мокрую шубу прямо на пол. - Веди меня к нему в светёлку.

- Идемте, - кивнул Омелин, которому так и хотелось добавить сакраментальное "гражданин Романов".

Комбриг Кутасов лежал в отделённом от общей комнаты занавеской углу, вроде бокса в больничной палате. Ран на его теле бригаврач Чернышёв около десятка, и человек не с таким железным здоровьем давно умер бы, однако Кутасов жил и даже пребывал в сознании, не давая бригаврачу колоть ему морфий для облегчения страданий. А то, насколько они велики, видно было невооружённым глазом.

Вид Кутасова произвёл впечатление даже на разъярённого Пугачёва. А уж когда комбриг попытался подняться с постели, при этом лицо его исказило такое страдание, что Омелин невольно скривился, "казацкий царь" аккуратно положил ему руку на здоровое плечо и мягким движением вернул обратно в постель.

- Не надо, не надо, - смягчившись, сказал он. - Довольно тебя жёнкины холуи отделали, не буду усугублять. - Он при случае старался вставлять "умные" слова, что слышал от офицеров и комиссаров РККА. - Но ответ тебе, всё одно, держать передо мной придётся! Довольно ждал я, покуда ты в себя придёшь. Пора тебе ответ держать, - повторил Пугачёв.

- Готов за всё ответ держать, - прохрипел Кутасов, и Омелин в который раз подивился его актёрскому таланту. Как ловко он, сын военспеца, царского офицера не малых чинов и потомственного дворянина, перевоплощался в некоего "народного элемента", как

называл про себя эту комбриговскую маску - одну из многих - полковой комиссар. - За каждое слово и каждое дело.

- За слова не сужу, - покачал головой Пугачёв, - а вот за дела... Ты, полковник, обещал мне победу над карабинерами этого жида Михельсона. И где она, твоя победа? Солдат твоих перебили под Чесноковками, Сеитову слободу сожгли. Это твоя победа?

Омелину отчего-то вспомнился роман польского автора Генрика Сенкевича, который он читал в Академии, назывался он "Огнём и мечом" и представлял собой, в общем-то, гнусную реакционную клевету на восстание запорожских казаков и украинского крестьянства под руководством Богдана Хмельницкого. Однако был там момент, когда в битве у Жёлтых вод татарский мурза Тугай-бей кричит на предводителя народного восстания: "Где твоя победа? Где добыча? Ты обещал мне победу, а не поражение!", или как-то так. Нынешний допрос, учинённый Пугачёвым Кутасову, очень напоминал эту сцену из романа.

- Лёгкой победы, я тебе и не обещал, - покачал головой комбриг. - Мне докладывали о поражении при Чесноковках. Не разбегись твои казаки под напором царицыной конницы, батальон Сваржинского не потерпел бы поражения. Ведь батальон "нового строя" - это всего три с лишним сотни солдат, их недостаточно для победы над кавалерийским полком, да ещё и усиленным кирасирами, драгунами и пикинерами. Более того, - перешёл в наступление Кутасов, всегда считавший, что лучшая защита - нападение, - башкир разогнали двумя эскадронами пикинеров. Это ли не позор?

- С Юлаевым и Арслановым у меня будет отдельный разговор, - мрачно произнёс Пугачёв. - А пока с тебя спрос.

- За что спрос, Пётр Фёдорович? - Кутасов давно уже пользовался неписанной привилегией называть "казацкого царя" по имени отчеству. - Мои люди под Чесноковками стояли до последнего. Два офицера сгнули там. Ни один солдат "нового строя" не побежал. И в Сеитовой слободе полёг полк почти полного состава, чтобы вывезти рекрутов, которых мы готовили там, и пушки, и раненых солдат с казаками.

- Но ты обещал мне победу, - настаивал Пугачёв. - Победу! Не поражение!

- Будет тебе, Пётр Фёдорович, победа, - сказал ему Кутасов. - Дай только мне в себя прийти. Соберёмся с силами, перегруппируемся, подготовим хотя бы два-три полка "нового строя" из казаков и рабочих... - Он закашлялся и быстрым движением, чтобы никто не заметил, стёр с подбородка слюну, смешанную с кровью. В бою под Сеитовой слободой, комбриг лишился нескольких зубов и дёсны его нет-нет, да и начинали кровоточить. - Дай только сроку немного, Пётр Фёдорович.

- Дал бы я тебе сколь угодно сроку, - вздохнул Пугачёв. - Вот только даст ли его тебе жёнка моя, - он пожал плечами, - не ведаю.

Пугачёв, сказавши это, хлопнул себя по коленям ладонями и вышел из-за выгородки. Омелин хотел было последовать за ним, однако Кутасов удержал его, поймав за полу кожаной куртки.

- Не провожай меня, комиссар, - заметив это, сказал Пугачёв, не доверявший и даже опасавшийся комиссаров, как чего-то неизвестного и непонятного. - Сам дойду до дверей.

- Ты присядь, Андрей, - обратился к Омелину Кутасов, выходя из образа "народного элемента". - Разговор к тебе будет серьёзный и долгий, так что садись, а то подошвы простоишь.

Тот присел на край постели и приготовился слушать.

- Мы терпим поражение по всем статьям, Андрей, - сказал Кутасов. - Надо что-то сделать и срочно. Времени у нас почти не осталось. Мы не сумели подготовить полки "нового строя" до начала поражений, теперь нас может спасти только знание событий наперёд. Принимай командование на себя, полковой комиссар. Принеси сюда карту второго этапа восстания, будем думать и стратегию разрабатывать. Нам нужна победа, иначе "казацкий царь" наши головы на кольях перед своим хоромами выставит.

- А ты помнишь, что говорил нам этот профессор, как бишь его, - напомнил Омелин. - Как только мы изменим историю, она пойдёт по-новому. Он ещё с рекой сравнивал. Про русла там, пороги, лукоморья. Карта устареет, как только мы одержим хоть одну победу.

- И что же? - с трудом пожал плечами Кутасов. - Выбора у нас нет, как бы заезжено это не звучало. Неси карту, Андрей. Нам нужна победа.

Когда Омелин принёс карту, Кутасов попытался сесть ровно, чтобы нормально видеть её, так что комиссару пришлось подоткнуть ему под спину скатанную шинель. Комбриг разложил карту перед собой и принялся вчитываться в "легенду". Казаки сильно удивились бы, доведись им увидеть эту карту. Она была отпечатана на хорошей бумаге, какой не будет ещё несколько сотен лет.

- Значит так, Андрей, - оторвавшись от "легенды" сказал Кутасов. - Ближайшее место, где мы сможем изменить историю - это разгром под Сакмарским городком. Кстати, ты проследил, чтобы оттуда вывели всех офицеров РККА и рекрутские полки?

- Да, - кивнул Омелин. - После взятия Сеитовой слободы, я настоял на их переводе на Южный Урал, там очень сильно рабочее движение, так что недостатка в рекрутах не будет.

- Отлично, - покивал Кутасов. - Скоро и я отправлюсь туда, как только бригадир Чернышёв, решит, что я смогу пережить это путешествие. - Он усмехнулся. - Теперь о деле. Собирай всех солдат "нового строя", формируй из них полки, мои офицеры тут тебе помогут, и двигай с армией Пугачёва. Не сегодня-завтра он выдвинется к Яицкому городку, встретившись с войсками Голицына у Переволоцкой крепости, отступит к Сакмарскому городку. Первого апреля будет битва. Выиграть её навряд ли удастся, так что тебе придётся свести её, так сказать, к боевой ничьей.

- В смысле? - не понял последнего выражения Омелин.

- Надо не допустить полного разгрома и нанести армии Голицына такие потери, чтобы он не смог продолжать карательную операцию.

- Но ведь и с нашей стороны потери будут чудовищны, - покачал головой комиссар.

- Тут война идёт, Андрей, - резко ответил ему комбриг. - Кровавая и жестокая, как Гражданская или Первая Империалистическая. И убивают тут очень многих.

- Но ведь мы рискуем потерять почти всех солдат "нового строя", - зашёл с другой стороны Омелин.

- Преображенский и Семёновский полки после Нарвы тоже едва насчитывали половину списочного состава, - отрезал Кутасов, - однако теперь они - символ русской гвардии. А даже если они погибнут полностью, как батальон Рыжкова, мы сделаем из них превосходных мучеников. Ты, надеюсь, уже работаешь над этим, Андрей?

- Работаю, - ответил тот раздражённо, хотя как раз в этом направлении работа шла как нельзя лучше. - Всё это поповским мракобесием пахнет. Мучеников каких-то придумал, ещё святых своих заведи.

- Надо будет, и заведём, Андрей, - махнул рукой Кутасов, тут же скривившись от боли. - Ты пойми, сейчас не двадцатый век, народ без бога и попов - никуда. Вот ты отказался работать вместе с духовенством, а зря. На одном учении Маркса и Энгельса далеко не уедешь. Опирайтесь на крестьянство надо - рабочих даже здесь слишком мало, и все они - те же крестьяне.

- Сначала поповство, - нахмурился Омелин, - а теперь ещё и эсерские идеи.

- Здесь тебе не Москва тридцатого года! - вскричал Кутасов. - Надо быть гибче, искать союзников не только там, где предписывает Партия и марксизм-ленинизм, а всюду, где это возможно. Как первые коммунисты, в пятом и в семнадцатом году. Мы сейчас, фактически, в том же положении, понимаешь! Да что там, нам куда тяжелее. Мы не можем опереться на интеллигенцию, на разночинцев, тех, кто делал бомбы с конца девятнадцатого века до Октябрьской революции, и подрывал ими царских холоуёв и самих самодержцев.

Столь длинная речь оставила комбрига совершенно без сил. Он откинулся на подушки и скатку, прислонившись затылком к тёплой стенке печи.

- В общем, я понял тебя, Владислав, - кивнул впечатлённый Омелин. - Я возглавляю полки "нового строя" в Сакмарском городке. Победы обещать не могу, но твою боевую ничью - точно.

Он поднялся с кровати раненого.

- До встречи на Южном Урале, Андрей, - протянул ему руку Кутасов. - Оставь мне хоть одного комиссара из нашего времени для пропаганды.

- Оставляю, - кивнул Омелин, пожимая руку. - Батальонного комиссара Серафимова оставляю. До встречи, Владислав.

Глава 3.

Поручик Ирашин.

Когда нам навстречу выскочил косматый мужик в добротном малахае, один из моих карабинеров едва не всадил в него пулю, приняв его за упыря или оборотня. Я и сам, надо сказать, немного струхнул - уж очень дикой наружности был этот селянин. Но вместо того, чтобы кинуться на нас, оскалив клыки, он сорвал с головы шапку и, отчаянно сминая её в ладони, обратился к нам:

- Вы, это, господа кавалеры, уж не сердчайте. Мы, это, не по своей воле. Не хотели мы. Сами оне к нам заявились. И сидять посеичас!

- Кто заявился? - спросил я у него. - Говори толком.

Вытягивать из мужика причину его появления приходилось едва не клещами. Я постоянно перебивал его, переспрашивал, уточнял, в чём дело. Оказалось, что полдня назад в их селе объявился Зарубин-Чика со своими людьми. Пугачёвскому полковнику удалось бежать с поля боя, резервов, чтобы преследовать его, уже не было. Люди и лошади были заморены до последнего истощения. Как выяснилось, далеко Зарубин не ушёл.

- Так сколько с ним людей? - спросил я.

- Да с десятка, не боле, - ответил мужик.

Он был зятем сельского старосты, тот под благовидным предлогом отправил его за околицу, наказав найти военных и сообщить им о Зарубине. Что тот и сделал.

- Господин поручик, - азартно обратился ко мне вахмистр Обейко, - с вами ж, почитай, полный взвод. Два десятка карабинеров. Мы ж пугачёвцев вмиг скрутим.

- Так дела не делаются, вахмистр, - покачал головой я. - Мы в армии, если вы забыли. Подобные сведения надо передавать старшим по званию. Пусть начальство решает.

- Пока оно судить да рядить будет, - вздохнул вахмистр, - Зарубин уже за Уралом будет. А ведь могли бы героями стать. Ведь ещё древние мужи говорили, что победителей не судят.

- Ещё как судят, - осадил его я. - Это в античные времена может так и было, а сейчас могут легко под трибунал отдать. Прокопыч, - обратился я к мужику, - берись за стремя. Побежишь с нами, чинам повыше всё расскажешь.

- А, это, без меня никак нельзя? - заметно испугался мужик.

- Было бы можно, - ответил я, - я б тебя не гонял.

- А ну, берись за стремя, кому говорят! - прикрикнул на него обидевшийся вахмистр и даже плетью замахнулся.

- Отставить, вахмистр, - снова осадил его я.

Вахмистр Обейко окончательно надулся и молчал всю дорогу до самого расположения армии.

Сообщение Прокопыча возымело эффект разорвавшейся бомбы. Тут же был сформирован отряд для поимки Зарубина-Чики из двух эскадронов нашего полка и

эскадрона сибирских драгун под предводительством моего приятеля со времён Чесноковской битвы капитана Холода.

- Тут главное, скорость, - говорил он. - Быстро обходим это село с трёх сторон - и берём казачков тёпленькими. - Ротмистр для наглядности свёл ладони и сжал их в кулак.

- Это понятно, - кивал Коренин, командовавший нашим сводным дивизионом. - Но кроме скорости важна и незаметность. Я уже распорядился запастись тряпками, завяжем лошадям копыта перед самым селом.

- Хорошо-хорошо, - нетерпеливо махнул Холод. - Главное, побыстрее! Вперёд! Вперёд!

- Да уж не назад, - усмехнулся Коренин. - По коням, господа! Вперёд!

Мы помчались словно вихрь. Коней пустили быстрой рысью, так что к середине дороги ноги заболели немилосердно. Всех сильно тормозил посаженный на коня Прокопыч, он болтался в седле, словно мешок, несколько раз падал, так что в итоге его пришлось просто привязать к седлу, не смотря на вялые возражения самого мужика. Когда же до села оставалось полверсты, мы спешили и скоро перевязали лошадям ноги запасённым тряпьем. После этого дивизион разделился на три эскадрона, направившиеся по указанным Прокопычем дорогам в обход деревни, и той же скорой рысью направились к селу.

Однако эффекта неожиданности добиться удалось не в полной мере. Зарубин оказался не так прост. На всех подходах к селу были выставлены правильные секреты. Остановить нас они не смогли, зато успели поднять тревогу, прежде чем их порубили.

- Отставить тишину! - тут же скомандовал Коренин. - Врываемся с гиком! Как можно больше шума и гама! Не вышло взять врасплох, надо ошеломить! Вперёд!

Вахмистр Обейко тут же залихватски свистнул сквозь зубы, да так громко, что лошади шарахнулись. Мы ворвались в село, паля по выскакивающим из домов казакам. А впрочем, по всем, кто попадался на пути, если у него было - или нам казалось, что у него было - оружие. Дом старосты, где обосновался Зарубин, опознали легко по описанию Прокопыча. Это была приземистая, добротная изба, из которой засевшие казаки вели просто ураганный огонь. К счастью, весьма неточный.

- Надо прорываться! - крикнул Коренин. - Сейчас мы отличная мишень! Плотнее к дому!

И мы помчались через ураган пуль и клубы порового дыма, хоть немного скрывавшие нас. Я подскочил к самой бревенчатой стене, заметил высунувшийся из чердачного окна ствол мушкета и тут же ткнул туда палашем, благо, сидя в седле, вполне мог это сделать. Клинок вошёл во что-то тугое и с чавканьем вышел из тела. Мушкет вывалился из окна. Левой рукой я вытащил второй пистолет - первый я разрядил в самом начале боя - и наугад выстрелил в окно первого этажа. Перезаряжать его времени не было, поэтому я просто рубил торчащие из окон стволы, также поступали и остальные карабинеры нашего эскадрона, осадившего дом.

Мы продолжали рубить мушкеты и тыкать в окна, пока не раздался клич: "Зарубин бежит!".

- Ирашин! - кричит мне Коренин. - Бери взвод - и за ним! Без Зарубина в эскадрон не возвращайся!

- Есть! - отвечаю я, и командую: - Взвод, за мной!

И мы срываемся с места в карьер. Уставшие топтаться на месте кони легко несут нас в обход дома. У заднего входа в дом лежат трупы драгун и казаков, пошедших на прорыв, а кавалькада из десятка казаков - ох, Прокопыч, ох счетовод! - мчится куда-то к окраине деревни. Мы мчимся вслед за ними. Вахмистр Обейко, снова лихо засвистев сквозь зубы, с оттягом рубит казака. Тот валится с седла ничком.

- Отставить, вахмистр! - кричу я. - Живьём брать!

Мы догнали казаков, схватились с ними. Зазвенела сталь. Тяжёлые палаши наши легко выбивали из вражьих рук шашки и лёгкие сабли, иногда даже ломали их. Несколько казаков всё же зарубили, потому что дрались они отчаянно и упорно. Однако вскоре к

нам подошли разъярённые драгуны Холода - и казаки, что ещё оборонялись, побросали шашки. При оружии остались только двое. Бородатый казак с перевязанной головой и офицер в странном мундире на удивление коротко остриженный.

Эти двое замерли в окружении, мрачными взглядами провожая казаков, скрывающихся в наших рядах. Там их быстро разоружали окончательно и вязали прямо в сёдлах.

- Зарубин, бросайте оружие, - обратился к казаку, мигом поняв, кто это, Коренин.

- А не пойти бы тебе... - далее "казацкий полковник" подробно объяснил, куда нам идти всем и каждому в отдельности. - Я и так покойник. Мне бояться нечего! В плен я не пойду!

- Не пойдёшь, - покачал головой Коренин, впечатлённый богатством выражений, которыми сыпал Зарубин, - силком потащим!

- Это как?! - удивился казак.

- Бондарь, Болтнев, - обратился Коренин к лучшим стрелкам второй и третьего эскадронов нашего полка, - обезвредьте этих двоих.

Зарубин и стриженный офицер тут же кинулись на нас без оглядки, размахивая саблями. Но они быстро завязли, даже не успев никого задеть. Десятки рук ухватили их со всех сторон, вырвали из рук сабли, обезоружили, как и остальных казаков и также скоро повязали.

- Молодец, Ирашин, - хлопнул меня по плечу Коренин. - Теперь я могу с чистой совестью оставить на вас с Самохиным эскадрон.

Ещё с самых Чесноковок в полку зрели серьёзные изменения. Мы понесли потери, погибли несколько офицеров, и кто-то должен был занять их место. Кого-то подняли из унтеров, а иных назначали из других эскадронов. И давно ходили упорные слухи, что Коренина переведут в четвёртый эскадрон, командир которого умер от ран вечером прошлого дня.

- Где Прокопыч?! - крикнул Самохин, размахивая окровавленным палахом. - Где этот сукин сын?!

- Убили его, - тихо ответил я. - В самые первые минуты боя какой-то казак застрелил.

- Да вон он, болтается! - махнул рукой куда-то в сторону середины села вахмистр Обейко.

Мы повернули головы туда, куда он указал, и увидели жутковатого мёртвого всадника, привязанного к седлу.

- Снимите этого счетовода несчастного, - мрачно произнёс я, - и похороните по-человечески. Вахмистр, займитесь этим.

- Есть! - козырнул тот и, взяв нескольких карабинеров, отправился искать сельского попа и хоронить крестьянина.

Не смотря ни на что, возвращались в Уфу весело. Всё же нам удалось захватить в плен одного из знаменитых пугачёвских полковников, Зарубина-Чику, теперь награды получают все. Как говорят на одном из заводов уже льют медали в память Чесноковского сражения. И что бы там не говорили разные циники, а получать знаки отличия всегда приятно, даже когда воюешь против своих.

- Медали нам теперь за пугачёвщину навесят, - говорил на обратном пути помрачневший Самохин.

- А что в этом такого скверного? - удивился я, чистя куском сукна, оторванным от казацкого кафтана клинок палаша.

- Они тебе грудь не прожгут? - не слишком вежливо вопросом на вопрос ответил поручик.

- Не прожгут, - ответил я. - Казаки сейчас наши враги. Злейшие враги! Они нас щадить не стали бы, побросай мы палаши. Растерзали бы, разорвали на куски.

- Откуда такая уверенность? - поинтересовался Самохин. - Воюют же против нас перебежчики от Кара и офицеры гарнизонов...

- Вы что такое говорите?! - вскричал я. - Да вы понимаете, что за такие слова бывает! В военное время!

- Да плевать мне на это! - так же громко крикнул Самохин. - Я - офицер и дворянин, имею право говорить, что захочу!

- Вот потому нас казаки и били поначалу, - заметил подъехавший к нам Коренин, - что каждый офицер, что хочет, то и воротит. А воевать некому.

- Я, по-вашему, господин ротмистр, не воюю? - опасным голосом поинтересовался Самохин.

- Ваш вызов я уже давно принял, - ледяным тоном ответил Коренин, - с условием, что драться будем после войны.

- Я это помню, господин ротмистр. Очень хорошо помню.

- Похоже, поторопился я, говоря, что могу оставить на вас с Самохиным эскадрон, - как бы самому себе произнёс Коренин. - Тут надо подумать, хорошо подумать.

Этот разговор испортил мне настроение, поднявшееся после столь удачной боевой операции.

По возвращении в Уфу отдохнуть нам дали недолго. Нашему полку, а также сибирским драгунам было приказано окончательно подавить восстание в Уфимской и Исетской губернии. Наш эскадрон носился по уфимским степям, громя отряды башкирских полковников Юлаева. Это оказалось куда проще, чем представлялось вначале. Не смотря на крайнюю многочисленность повстанцев и немалый район, охваченный восстанием, сражаться со слабо вооружёнными отрядами башкир было очень легко. Нередко эти лихие на вид степные конники обращались в бегство, едва завидев наши мундиры, не смотря на численное преимущество вдвое, а то и втрое против нашего. Но самое неприятное ждало нас, когда башкиры перешли к партизанской тактике.

Наш эскадрон въехал в небольшую деревеньку, основное население её составляли ссыльные и беглые. Они боялись глаза поднять на нас, то и дело отводили взгляды, ломали шапки. В общем, вели себя самым непристойно-раболопным образом.

- Такие в глаза не глядят, - говорил мрачный, как туча, Самохин, - а только отвернись, тут же нож в спину всадят.

- Не всадят, - отмахивался поручик Озоровский. - Они же отлично знают, что мы сотрём всю их деревеньку в порошок за одного нашего.

И тут, словно в поддержку слов Самохина из-за крыш низеньких домов деревеньки полетели стрелы. Они "клевали" людей и лошадей, карабинеры падали в грязь, которую месили ногами перепуганные запахом крови лошади. Каторжане же, как будто сговорившись с циничным поручиком, прыгали на крупы позади солдат, действительно, тыча ножами в спины. Один такой вцепился мне в плечо и попытался ударить куда-то под лопатку. Я врезал ему локтем в лицо, скривившись от боли, лезвие ножа прошлось мне по рёбрам. Я продолжал бить врага по лицу, пока он не свалился, успев прежде ещё дважды ткнуть меня ножом. Развернув коня, я выхватил палаш и обрушил его на голову поднимающемуся на ноги каторжанину. Тот рухнул, схватившись за окровавленный лоб.

- Руби их в песи! - закричал ротмистр Коренин. - Ирашин, на правый фланг! Озоровский, на левый! Разгоните башкир!

- Есть! - ответили мы.

- Взвод, за мной! - скомандовал я, и мы помчались к кривым домишкам, раздавая удары палашей направо и налево. - Карабины к бою!

Башкиры, видимо, прятались в сараях, амбарах и ригах, а когда мы втянулись в деревеньку, выехали - и открыли по нам огонь из луков. Они так и стояли на окраине, пуская навесом стрелу за стрелой, не особенно беспокоясь в кого они угодят - в карабинера или каторжанина. Когда мы атаковали их, они хотели по своему обыкновению отъехать на полсотни саженей и обстрелять нас, именно поэтому я и приказал готовить карабины.

- Взвод, залпом! - приказал я, как только все карабинеры мои выехали из-за домов и башкиры, как я и предполагал, обратились в бегство. - Огонь!

Полтора десятка карабинов - именно столько солдат осталось у меня в строю к этому моменту - выплюнули свинцовую смерть в спины башкирам. Некоторые из них попадали с сёдел, а сам треск залпа подстегнул остальных.

- Заряжай! - команду я, засыпая порох в ствол пистолета. Далековато, конечно, для моего короткоствола, но тут важнее звук лишнего выстрела, чем попадание пули. - Огонь!

Нас снова окутало облако пороховой гари. Башкиры рванули ещё быстрее, только подковы засверкали.

- Возвращаемся, - спрятал я пистолет в ольстру. - Палаши вон!

Но когда мы вернулись в деревеньку, там всё было уже кончено. Лишившись поддержки башкир, обстреливающих нас, каторжане долго не смогли противостоять двум взводам карабинеров, быстро опомнившихся от первого шока. Взвод Озоровского также легко разогнал башкир, и он вернулся практически одновременно с нами.

На единственной улочке деревни каторжан валялись несколько десятков трупов людей и лошадей, корчились в грязи раненые. Среди них ходили унтера, понимающие в лекарском деле, поднимая на ноги и сажая в сёдла тех, кого могли. Другие выносили убитых карабинеров и следили за группой каторжан, что таскали убитых товарищей и копали могилы.

В пылу битвы я успел позабыть о ранах, нанесённых мне каторжанином в самом начале, и потому был весьма удивлён проявленному ко мне повышенному вниманию фельдшеров.

- Дык, вашбродь, у вас же весь мундир на спине и боках в крови, - развёл руками унтер Сергеев.

Я провёл ладонью по начавшему побаливать боку, пальцы были в крови.

- Перевязывай поверх мундира, - приказал я, спрыгивая с седла. - В расположении лечением займутся.

- Дык, мы всех так, - кивнул он, разматывая кусок полотна, - поверх мундира.

Когда всех раненых перевязали, а мёртвых похоронили, Коренин скомандовал:

- Эскадрон, возвращаемся.

Подобные случаи стали чем-то вроде закономерности. Башкиры Юлаева перешли к сугубо партизанской тактике. Уже день спустя, мой взвод попал в засаду в пяти верстах от Уфы. Чтобы срезать дорогу, я направил взвод через небольшую рощицу. Сколько там ждали нас - или кого угодно другого - башкиры, не знаю. Они прыгали на нас с деревьев, натягивали между стволов верёвки, накидывали нам на шеи арканы.

- Карабинеры, огонь! - кричу я, выхватываю пистолет и стреляю в ближайшего башкира - тот падает с дырой против сердца.

Прячу пистолет и выхватываю палаш, рублю некоего башкира, высунувшегося из-за дерева с древним мушкетом в руках. Трещат выстрелы карабинов, свистят пули, враги падают, но в бегство обращаться не спешат. Они кидаются на нас с короткими копьями, саблями и ножами. Их бьют палашами, прикладами карабинов, швыряют под копыта. И вот, всё кончено, о разведке можно забыть, слишком много раненых, да и коней на всех не хватает. Пришлось возвращаться в Уфу.

- Разбить Юлаева нам не удастся, - качал головой Самохин. - Потому нас и перебрасывают из Уфы.

Мы сидели в офицерском собрании Казанского кирасирского полка. Со времени засады в роще не прошло и двух дней. С тех пор наш полк перестали использовать для борьбы с иррегулярной кавалерией Юлаева, для этого в Уфу был переброшен практически в полном составе Луганский пикинерный, а мы должны были скорым маршем идти на соединение с князем Голицыным в Оренбург, куда он недавно с триумфом вступил.

- Что-то там серьёзное затевается, - продолжил тему секунд-майор. - Где это видано, четырёста с лишним вёрст приказано одолеть за два дня? Да мы лошадей загоним.

- Этих загоним - новых выдадут, - пожал плечами поручик Ерышев, вернувшийся к своим обязанностям командира первого эскадрона, в связи с тем, что маршевый эскадрон был исчерпан полностью.

- Зря ты так, Ерышев, - покачал головой Брюсов. - Кони ведь, в отличие от нас, твари безмолвные, ни в чём не повинны. За что их губить?

Брюсов, по возвращении Ерышева к прямым обязанностям, стал кем-то вроде заместителя или адъютанта при Михельсоне.

- Война идёт, господин секунд-майор, - мрачно усмехнулся Самохин, - тут ни людей, ни коней не жалеют.

- Довольно болтать, господа офицеры, - оборвал дискуссию Брюсов. - Завтра чуть свет, подъём - и в путь. Эти двое суток с коней слезать не будем. Так что цените последнюю возможность выспаться.

Последняя фраза его мне совершенно не понравилась, как-то зловеще она прозвучала. И не зря.

Глава 4.

Поручик Ирашин и комиссар Омелин.

Эта гонка оказалась ещё почище предыдущей. Мы мчались быстрой рысью, меняя коней на заводных, но и те уже быстро выдыхались и были покрыты мылом. Спать было некогда, о еде даже не думали. Только скачка, скачка, скачка. Утро, днём, вечером, ночью. С короткими перерывами "на оправиться". От этого безумия солдаты и офицеры озлобились, короткие реплики, которыми мы перебрасывались, становились всё резче и резче. Пару раз, когда мы спешили, возникали перебранки по самым пустяковым поводам, частенько перераставшие в драки. Одна разрослась настолько, что охватила пол-эскадрона. Взвод пошёл на взвод, в прямом смысле, стенка на стенку. Офицеры их потеряли контроль над ситуацией и лишь орали, да бестолково палили из пистолетов в воздух.

- Рассечь конями! - крикнул Михельсон. - Остановите это свинство!

Первыми сориентировались мы с поручиком первого эскадрона Шневецем. Вскочив на коней, мы направили их прямо на толпу дерущихся карабинеров, рассекая её. Солдаты и унтера были вынуждены податься в стороны, чтобы не попасть под копыта. Кони раздвигали их грудью, да ещё и мы со Шневецем охаживали дерущихся плетью по плечам и спинам. Нам удалось быстро успокоить разбушевавшихся карабинеров, и теперь они стояли разделённые на несколько групп, избитые, покрытые кровью и синяками, в изорванных мундирах. И какие-то жалкие - смотреть на них не хотелось. Солдаты так выглядеть не должны.

- Поглядите на себя, - обратился к ним Михельсон, проезжаясь мимо сбившихся в тесные группки карабинеров. - И это солдаты славного Санкт-Петербургского карабинерного полка? Да вы просто кучка оборванцев! Вот что про вас скажут! Над нами, всем нашим полком, будет смеяться последний писаришка в корпусе князя Голицына. Вы опозорили нас! И позор этот сможете смыть только кровью! - Он перевёл дух и рывкнул так, что захотелось вжать голову в плечи. - Унтера, два шага вперёд!

Пять унтеров вышли вперёд. Все они осознавали свою вину и боялись глаза поднять на премьер-майора.

- Расстрелять, - приказал он. - Солдат оправдывает хотя бы то, что они дрались кулаками, никто не взялся за оружие. Вам же, господа унтера, оправдания нет. Брюсов, займитесь.

- Есть, - ответил тот.

Взяв десяток карабинеров, секунд-майор отвёл унтеров на сотню сажений от дороги. Никто не стал смотреть в ту сторону, а потому многие, включая меня, сознаюсь, вздрогнули от звука выстрелов. Когда с неприятной процедурой было покончено, хоронить унтеров времени не было, полк сел в сёдла и продолжил путь.

По прибытии на место, под стены осаждённого войсками князя Голицына Сакмарского городка, нам выделили два часа отдыха. Ровно столько оставалось до рассвета. И все - солдаты и офицеры - повалились спать в выделенных нам палатках. Пары часов после двух дней непрерывной скачки оказалось чудовищно мало. Казалось, не успел я рухнуть на походную кровать, как за стенкой палатки запела труба, а наглый солнечный луч зашарил по глазам, окончательно отгоняя столь сладкий сон. Пришлось подниматься и вылезать из палатки, благо спал я одетым, приводить в порядок мундир, наскоро умываться и бегом бежать на построение. В общем, успел, как и многие солдаты и офицеры нашего полка, в самый последний момент.

Надо сказать, на фоне других кавалерийских полков выглядели мы не слишком презентабельно. Не смотря на пообтрепавшееся обмундирование, смотрелись они куда выигрышнее, ведь у них было время, чтобы к смотру перед князем привести себя в порядок, а мы в это время неслись во весь опор.

- Господа офицеры, - обратился к нам князь-генерал-майор, - нам предстоит сегодня взять этот городок. - Он, не глядя, махнул рукой за спину, где наши бомбардиры начинали артиллерийскую дуэль с пугачёвцами. - Он неплохо укреплён, но главное не это. Все вы, за исключением карабинеров Санкт-петербургского полка, знаете о том, что кроме казаков за его стенами засели солдаты, которых пленные пугачёвцы зовут солдатами "нового строя". Они отлично обмундированы и вооружены, а вот каковы они в бою знают опять же только санкт-петербургские карабинеры. Премьер-майор Михельсон, поведайте нам о них.

Наш командир выехал вперёд и обратился ко всем под нарастающий гром канонады.

- Те солдаты, как высказали, "нового строя", - сказал он, - были весьма упорны и даже когда казаки побежали, никто из них шагу назад не сделал. Они дрались до последнего и погибли все.

- Теперь вы понимаете, с кем нам придётся схватиться сегодня, - продолжил князь Голицын. - Этих людей должно истребить полностью. Под корень выжечь не только саму заразу пугачёвщины, но и память о ней. Пугачёв там, за стенами Сакмарского городка, мы должны захватить его и доставить пред светлы очи Её Императорского величества. И это наиглавнейшая наша задача на сегодня. А потому вся кавалерия останется в резерве до момента бегства самозванца и бунтовщика из крепости, в том, что оно впоследствии, я не сомневаюсь.

Он прервался на несколько секунд, когда особенно громко гремели орудия с обеих сторон.

- А теперь, прошу полки занять места согласно разработанной диспозиции. Вперёд!

Наше место было рядом с драгунами Астраханского полка, на самой верхушке холма, откуда Сакмарский городок виден был как на ладони. В двух сотнях сажений от нас строились мушкетёрские и гренадерские полки. Как я успел заметить, на правом фланге Голицын сформировал гренадерскую бригаду, перед ними лежали длинные лестницы, а значит, они пойдут на штурм стен, которые не удалось пробить ядрами. Что не удивительно, ведь хоть они и были сложены из мощных брёвен и укреплены земляным бруствером, от которого чугунные ядра просто отскакивали. Правда, он послужит неплохим подспорьем для гренадер, что пойдут на штурм. А вот с левой стеной пушкарям справиться удалось, несколько ядер крайне удачно попали в верхнюю часть стены, разбив брёвна и повалив их прямо на бруствер. В общем, первоклассный получился пролом, как раз для эскалады.

- Сколько ж солдатиков нынче побьют, - покачал головой вахмистр Обейко. - И не перечсть будет в вечеру.

- Отставить разговоры, вахмистр, - осадил его я, несколько резче, чем стоило. - Нам, возможно, тоже предстоит оказаться там, если солдат не хватит.

- А чего бы их не хватило? - удивился Обейко. - Вона их сколько понагнали. На правом фланге от митр гренадерских земли не видать.

И вот ударили барабаны и сотни и тысячи человек двинулись вперёд. Над их головами свистели ядра. Наши артиллеристы давали последние залпы, а вот пугачевские уж расстарались вовсю. Ядра чаще ударяли в землю перед наступающими солдатами - меткости вражеским бомбардирам стоило бы ещё поучиться, на наше счастье. Однако бывало, что чугунные шары врезались в плотные шеренги солдат в зелёных мундирах, оставляя в них кровавые просеки и десятки корчащихся тел. Однако ряды быстро смыкались, лишь фронт становился уже на одного двух человек. Когда солдаты подошли к стенам поближе, казаки открыли ураганный огонь из мушкетов. Пули, верно, сыпались градом, выбивая солдат, особенно гренадер, ведь они наступали на почти целую стену.

К нам подлетел вестовой с приказом нашему полку и астраханским с московскими драгунам выступить на поле боя и прикрыть наступающих солдат огнём с сёдел.

- Вот и нам дело нашлось, - усмехнулся поручик Самохин. - Хоть сами не постреляем, так покомандуем.

Он подмигнул мне, поправил треуголку и тронул бока коня шпорами. Медленно, на ходу перестраиваясь из колонны в две шеренги, три полка двинулись вперёд.

- Карабины готовы, - скомандовал я, нервно поглаживая рукоять пистолета. Эх, жаль, не положен мне по уставу такой же карабин, как у солдат, хотелось сделать и свой, не столь пассивный, вклад в общую победу.

Лошадей пустили небыстрой рысью, чтобы ненароком не разогнать их слишком сильно и не врезаться в спины наступающих солдат. Ядра теперь свистели над нашими головами, однако попаданий пока в наши ряды - слава Богу! - не было. Приблизившись на максимальную дистанцию стрельбы наших карабинов и драгунских фузей, мы остановили коней и открыли огонь.

- Бить по группам казаков, - размеренно командовал я, чтобы хоть как-то занять себя во время стрельбы. - Попасть, всё равно, ни в кого не попадёте, но если стрелять по группе, шанс мизерный, но есть. Главное, скорость стрельбы, не целиться. Навели на группу казаков - и огонь!

Трещали мушкеты и фузеи, солдаты и унтера били залпами, вскоре нас заволокло облачком вонючего дыма. Изредка мимо свистели ядра, те, что с перелётом, и пули, пущенные особенно отважными казаками. Не смотря на слабую точность стрельбы, трём нашим полкам удалось прижать их, заставив укрыться за верхом стены. Трудновато вести ответный огонь, когда над головой свистят несколько тысяч пуль. Да и большая часть тех, кто стрелял, выбирали себе цели среди наступающих солдат.

Потом снова был вестовой, на сей раз с приказом двум полкам поддерживать огнём исключительно правый фланг. Там эскалада гренадер готова была захлебнуться, встретив яростное сопротивление хорошо укрепившихся казаков, ведущих ураганный огонь. Мы с астраханскими драгунами сместились на правый фланг, где, и вправду, творилось нечто невообразимое. Я не мог отвлечься от страшных картин, открывшихся моему взору, ведя огонь по казакам, а потому отлично видел...

Видел лежащих на земле скошенных пулями и перемолотых ядрами гренадер. Видел бегущих к брустверу с деревянными лестницами. Видел не затихающую ни на минуту рукопашную схватку на одном из участков стены. Видел штыки, скрещающиеся с саблями. Офицеров, стреляющих в упор. Казаков, рубящих наотмашь. Гренадера, рухнувшего навзничь на бруствер. Я думал, что он погиб, но нет - солдат вскочил на ноги и, как был, безоружный, бросился обратно по опасно раскачивающейся лестнице. Казака в долгом кафтане, поднятого на штыки. Но только кого я не видел, это пресловутых солдат "нового строя". Не было их на стене.

- А скажи мне, комиссар, - обратился к Омелину Пугачёв, поглядев на него каким-то тяжёлым взглядом, - отчего мои казаки гибнут, а твои солдаты - стоят посреди города и ждут. Чего ждут? С моря погоды?!

- И я, и полковник Кутасов не раз объясняли вам план сражения, - усталым голосом ответит тот. - И казаки, что сражаются на стенах, и солдаты, что ждут своего часа, - все они ваши. Не мои, не кутасовские, а - ваши. Сейчас войскам Голицына удалось добиться определённых успехов только на левом фланге, где стена сильно разбита. На правом же казаки истребляют элиту армии Голицына - гренадер.

- А по ним карабинеры с драгунами палят! - рявкнул Пугачёв.

- Надо продержаться до тех пор, - набравшись терпения в который раз принялся объяснять Омелин, - пока не падёт наш правый фланг, тогда можно отводить и казаков со стены, осаждаемой гренадерами. И когда голицынские солдаты войдут в городок, придёт время солдат "нового строя".

- А как же те кунштуки, - решил вернуть немецкое словцо в свою речь лже-император, - что ты показывал мне? Над которыми работали инженеры с заводов?

- С вашего позволения, Пётр Фёдорович, - согнул спину комиссар, - я отправлюсь проинспектировать закладку мин и подготовку шрапнельных снарядов.

Удивился бы молодой лейтенант Генри Шрапнель, узнав, что снаряды, названные в его честь, уже истребляли сотни людей где-то в далёкой России. Может быть, что-нибудь другое изобретёт, столь же смертоносное. Небольшие ядра с длинными фитилями лежали сейчас перед Омелиным и инженером Егоровым, работавшим над этим жутким оружием под руководством отбывшего на Южный Урал военинженера первого ранга Кондрашова.

- Надолго ли их хватит? - спросил Омелин у старшего бомбардира Сакмарского городка, которым был тот же Егоров.

- Это как сказать, - невольно процитировал фразу из кинофильма "Чапаев" бомбардир, - хорошего боя - минут на пять. - Он покачал головой. - Не больше.

- А больше и не надо, - кивнул Омелин. - Скоро солдаты разобьют казаков на стенах, значит, пора. Разносите снаряды, сколько есть, на позиции.

Несколько десятков шестифунтовых пушек были расставлены на крышах домов и укрыты до поры за слуховыми окнами. На чердаках, рядом с ними притаились бомбардиры, которым малочисленная обслуга потащила шрапнельные снаряды.

Вместе с Егоровым Омелин подошёл к лихорадочно роющимся в земле рабочим во главе с единственным не уехавшим на Южный Урал военспецом - воентехником первого ранга Муравьёвым.

- Сколько ещё вам нужно времени? - спросил у него Омелин.

- Минут двадцать, товарищ комиссар, - козырнул Муравьёв, вытерев со лба пот грязной рукой. - Но это только первый этап минирования.

- А когда вы полностью закончите минировать улицы и дома? - поинтересовался комиссар.

- С домами закончили ещё вчера, - ответил воентехник. - А вот плотное минирование улиц потребует не менее часа.

- Нет у нас этого часа, - покачал головой Омелин. - Может статься, что и двадцати минут не будет. Ускорьте работы, воентехник.

- Есть, ускорить работы, - снова козырнул Муравьёв. - Разрешите продолжить работы?

- Продолжайте, - кивнул комиссар. - Вас, бомбардир, я тоже не задерживаю.

Возвращаться в "царские хоромы" Пугачёва не хотелось совершенно, снова выслушивать упрёки и раз за разом давать объяснения, которые никак не устраивают последнего. Вместо этого комиссар решил проинспектировать ещё и солдат "нового строя", проверить, так сказать, их моральное состояние. Ведь, на самом-то деле, совсем не просто стоять в боевых порядках, когда в полуверсте от тебя твои товарищи сражаются и гибнут. Омелин прошёлся мимо выстроенных в шеренги на узких улочках

Сакмарского городка солдат. Перед ними стояли младшие комиссары, произнося вдохновенные речи. К ним прислушивались, внимали догматам марксизма-ленинизма. Комиссары объясняли им в который раз про классовую борьбу и то, что хоть сражаться им предстоит против таких же крестьян, но одурманенных вражеской пропагандой и заштампованных железной муштрой, царящей в екатерининской армии.

- Они не понимают против кого сражаются, - вещал как по писанному политрук Кондаков, бывший яицкий казак, одним из первых отобранный в политсостав новой армии. - И тем отличаются от нас. Солдаты Голицына, ведомые в бой офицерами из дворян, считают нас врагами России. Но не мы - и даже не они - враги нашего государства. Истинные враги его - те самые дворяне, что как вши присосались к нему и тянут все соки. Все эти князья Голицыны и графы Орловы с Потёмкиными, генералы Мансуровы и Бибиковы! Да и сама лживая самодержица! Они поспешили объявить Петра Фёдоровича мёртвым, но Господь спас его и теперь он спасёт всех нас!

Отлично вещает. Омелин покачал головой. Молодец! Комиссар даже сам заслушался проникновенной речью политрука. Омелин достал из-за пазухи блокнот и сделал в нём пометку: "Если переживёт бой, представить политрука Кондакова к очередному званию". Как только Омелин спрятал блокнот, последний из тех, что он взял с собой из тридцать шестого года, по всему городку загремели барабаны. А это значит, что вражеские солдаты взяли стены.

- Поспешили бы вы к Петр Фёдоровичу, - обратился к комиссару Кондаков. - Скоро на улицах бои начнутся.

Омелин задумчиво кивнул ему и направился к "хоромам". Дойдя до них, он не стал заходить в "царский" штаб, а поднялся на второй этаж, где, вооружившись биноклем, стал рассматривать поле боя. Вот подравнивают ряды перед вражеской атакой солдаты "нового строя", все, как один, в зелёных гимнастёрках и пилотках. Такой формы никогда не видели здесь, до введения гимнастёрок в русской армии ещё годы и годы. И хотя она была вполне привычна военспецам и комиссарам, то для казаков, не раз сражавшихся вместе с регулярными войсками, эти мундиры были в новинку. Равно как и пилотки солдат, фуражки офицеров и знаки различия на петлицах. Столь же непривычными они покажутся и врагу, хотя какое это имеет значение?

Первыми в город вошли солдаты с левого фланга противника. Они не спешили. Оставив часть очищать близлежащие дома и улицы от казаков, офицеры повели их на помощь гренадерам правого фланга. Переведя бинокль туда, Омелин не увидел почти ничего, кроме порохового дыма, в котором, как на картине какого-нибудь импрессиониста, вроде Моне или Дега, мелькали кафтаны и мундиры, сабли и штыки. Комиссар усмехнулся своей отвлечённой ассоциации, юношеское увлечение открытками с картинами самых разных художников давало о себе знать. Солдаты с левого фланга противника скрылись в этом облаке дыма, добавив к нему несколько клубов от мушкетных залпов, и вскоре казаки, защищавшие стену, побежали, чтобы избежать окружения. Прорвавшись через подступающих солдат, казаки рассеялись по узким улочкам и бросились бежать к позициям войск "нового строя". Правительственные солдаты не могли видеть, как казаки вместо того, чтобы укрыться за шеренгами своих товарищей, забрались в ближайšie к ним дома, занимая позиции на чердаках и крышах.

Правительственные войска не стали преследовать их. Они перестроились в колонну поротно и направились вперёд по улочкам Сакмарского городка. Сейчас придёт время для самого кошмарного смертоубийства, какого ещё не знал восемнадцатый век. Даже из "царских хором" Омелин слышал хлопки шестифунтовых пушек, выплёвывающих шрапнельные снаряды. А вот их взрывов Омелин уже не слышал, лишь видел, как они разлетаются облачками свинцового дыма. И тут же по рядам правительственных солдат, словно град ударил. Мушкетные пули, которыми были начинены снаряды, разлетались в разные стороны, кося солдат. На узких улочках Сакмарского городка они были особенно смертоносны. Не смотря на то, что пугачёвские бомбардиры стреляли слишком часто, а

потому нередко бывало так, что несколько снарядов взрывались слишком близко друг к другу, начиная правительственных солдат сотнями пуль. Из-за этой же торопливости заряды у них закончились слишком быстро. Но и этого вполне хватило. На не мощёных улочках городка остались лежать несколько сотен солдат и офицеров, однако остальные продолжили шагать, переступая через тела. Держать строй при этом было невозможно, а потому шеренги разваливались и стали похожи на некие зигзаги, ошестинившиеся штыками. Теперь пугачёвцам пощады ждать не стоит.

Но это был не последний и далеко не самый смертоносный сюрприз, заготовленный для правительственных войск. Омелин оторвался от бинокля и посмотрел на свои командирские часы. Согласно плану сапёры воентехника Муравьёва должны были поджечь фитили пороховых мин, как только прекратится обстрел шрапнелью. А значит, рванут они...

Мысли комиссара прервали взрывы. Казалось, сама земля под ногами правительственных солдат вздыбилась, как будто, некий огненный зверь выгибает спину. В воздух взлетели трупы, лежавшие в кровавой грязи, и сами солдаты и офицеры, шагавшие по ним. Одновременно рванули и несколько домов, обрушившись на головы арьергарда правительственных войск. Уцелеть удалось лишь паре взводов авангарда, состоявших в основном из гренадер. Они с ожесточением бросились на сомкнутые шеренги пугачёвских солдат "нового строя".

- Первая шеренга, на колено! - словно наяву услышал Омелин, разглядев через окуляры бинокля офицера из казаков, командующего, громко разевая рот.

Его слова повторяют унтера. Солдаты "нового строя" стоят с не примкнутыми штыками, их командиры уверены, что до рукопашной дело не дойдёт. И вполне справедливо уверены. Первые шеренги опускаются на колено, чтобы остальные смогли стрелять поверх их голов. Гремят залпы. Улочки заволакивает облачко порохового дыма. А когда он рассеивается, почти все гренадеры остаются лежать на улочках Сакмарского городка, представляющие собой жуткую мешанину из земли, остатков взорванных домов и тел правительственных солдат. И вся эта каша была густо замешана на крови.

Когда князь Голицын опустил подзорную трубу, лицо его было бледно, словно мел.

Наш полк вернулся на позиции, как только гренадеры прорвали оборону на стенах. Тогда же младших обер-офицеров отозвали к Голицыну для более оперативного управления войсками, как объяснили нам, а, скорее всего, из-за недостатка вестовых. Ибо многие из них погибли под пулями, передавая приказы генерал-майора, казаки старались отстреливать их. Поэтому я отлично видел реакцию князя на уничтожение доброй половины его корпуса, уже успевшего войти в Сакмарский городок.

- Что за дьявол этот Пугачёв? - прошептал Голицын, но голос подвёл его, и слова слышали многие офицеры, находившиеся при нём, и даже мы, стоявшие несколько поодаль. - Что за дьявол? Быть может, Сатана - будь проклято его имя на веки вечные, - князь суеверно сплюнул через левое плечо, - исторг из преисподней чёртова голштинца, чтобы тот отомстил своим убийцам.

- Остановитесь, князь, - остановил его один из адъютантов, - прекратите богохульствовать, куда Господь Бог окончательно не отвернулся от нас.

- Правильно, - кивнул сам себе и словам адъютанта Голицын. - Ввести в бой резервы. И прикажите пехоте поторопиться, казаки не должны успеть вернуться на стены.

Забили барабаны, ударив скорый марш, и полки резерва бегом бросились к стенам Сакмарского городка. Разделившись на три колонны, они влились в крепость тремя потоками зелёной реки. И снова правый фланг, сформированный в гренадерскую бригаду, несколько задержался, преодолевая стену и бруствер, правда, на сей раз никакого сопротивления им не оказывали. Разделившись ещё на несколько колонн, солдаты пошли в атаку на замерших пугачёвцев. Я взял у одного из адъютантов зрительную трубу, чтобы получше рассмотреть, что происходит. Даже сумел разглядеть

казаков, поднимающихся с крыш и стволы мушкетов, высывающиеся из слуховых окон. Солдаты пресловутого "нового строя", выстроенные в три шеренги поперёк улочки, и казаки с крыш и чердаков дали залп одновременно. Наши солдаты падали под этим градом пуль, строй ломался, потому что идти по телам и обломкам домов было очень тяжело, однако, стиснув зубы, шли и шли вперёд. Останавливаться для того, чтобы дать ответный залп по врагу времени не было, а потому шагали на врага с примкнутыми штыками. Как только отгремели выстрелы врага, барабаны забили "колонной в атаку" и солдаты перешли на бег. Закипела жестокая рукопашная.

Тут меня тронул за плечо младший адъютант, прося вернуть трубу. Я не без сожаления вернул её хозяину. Да уж, на жалование кавалерии поручика такой не разживёшься. Теперь можно было узнавать о ходе сражения только по звукам, доносящимся из-за стен городка.

- Вот и обещанная победа, Пётр Фёдорович, - усмехнулся комиссар Омелин. - Наши солдаты "нового строя" громят армию Голицына.

Громят это не то слово. Голицынские полки резерва попросту истребляли на узких улочках Сакмарского городка. Перекрыв ключевые направления атаки выстроенными в три шеренги батальонами "нового строя", пугачёвцы вынудили противника сражаться на их территории. Шла жестокая рукопашная схватка, а в это время с крыш окрестных домов по голицынским солдатам стреляли казаки. Для них враг был как на ладони. Выбить их оттуда никак не получалось, не хватало для этого солдат.

Не смотря на численное преимущество противника, у пугачёвцев появились шансы на победу. Однако сам "казацкий император" был мрачен. Он сидел, положив голову на сцепленные руки, и молчал в ответ на восторженные восклицания свиты. Даже на не слишком почтительную реплику Омелина никак не отреагировал. Но многоопытный комиссар давно заметил, что печаль эта наиграна и что ждёт Пугачёв одного вопроса, который вскоре озвучил верный "статс-секретарь" его Иван Почиталин.

- Что печалит тебя, надежда государь? - спросил он. - Ведь бьём же врага!

- И верно, государь наш Пётр Фёдорович, - тут же подхватил "двор". - Поведай нам в о чём печалишься? Что сердце твоё тревожит? О чём думы, столь черны?

- Кого бьём, господа свита? - с всё той же наигранной мрачностью произнёс Пугачёв. - Ведь русских же людей бьём, моих верных солдат бьём! И беда ли их в том, что они не ведают за кого воюют. Сейчас они гибнут за Катку - жёнку мою дрянную! И от этого только пуще злость моя на неё!

Вот же человек! Омелин даже головой покачал. На всём зарабатывает себе народную любовь. Даже на гибели врагов. И ведь теперь его будут не иначе как "добрым государем" называть или ещё как-нибудь в этом роде. Умён ты, Емельян Иванович, или Пётр Фёдорович, ведь давно уже все так тебя зовут. Вот только сумеем ли мы, коммунары двадцатого века, направить тебя на верный путь после победы? Ведь, если разобраться, среди нас только военные, политиков нет, эта роль ляжет на плечи комиссаров. Будет крайне обидно, если комбриг со своими военспецами выиграют войну, посадят Пугачёва на трон, а комиссары не сумеют справиться со своей задачей. И не будет никакого государства рабочих и крестьян в восемнадцатом веке, а вместо него - этакая казацкая монархия, о которой мечтают яицкие старшины.

"Ладно, - сказал себе Омелин, - рано думать об этом. Пока сосредоточимся на текущих задачах".

Тут дверь "царских хором" отворилась, и в них ввалился окровавленный человек в рваной гимнастёрке, но с мушкетом в руках. Он прислонился спиной к стене и сполз по ней, оставляя за собой тёмный след на золотой фольге, которой были оклеены стены дома.

- Беда, государь... - прохрипел он.

- Господа офицеры кавалерии, - обратился к нам князь Голицын, - вы видите, что творится сейчас за стенами Сакмарского городка. У меня не осталось резервов, кроме вас, господа. А значит, пришёл ваш час, господа!

- Но как, ваше превосходительство?! - удивился наш командир. - Это же невероятно, пускать кавалерию на узкие улочки этого городка. Нас же просто уничтожат!

- Верхом вы отличная мишень, - согласился князь, - однако в этот раз вам придётся идти в бой пешим строем.

По рядам офицеров пронёсся шёпоток: "Немыслимо"; однако, возражать генерал-майору никто больше не стал. Армия, в конце концов, а не институт благородных девиц.

- Я оставляю при себе только эскадрон казанских кирасир, - продолжил князь Голицын, - остальных офицеров более не задерживаю.

Все офицеры кавалерии, что находились во временной ставке командира бригады, включая, естественно, и меня, козырнули и направили коней к своим полкам. В полку приказ Голицына восприняли с тем же удивлением, однако обсуждать его никто не стал. Солдаты и офицеры спешились и принялись неуверенно строиться в шеренги - слабовато умели мы действовать в пешем строю, так что тяжко нам придётся в этот раз.

- Коней сдать обозным, - приказал Брюсов, которому предстояло вести нас в бой. Михельсон оставался в расположении полка - рисковать жизнью в столь безнадёжном предприятии командирам полков запретил отдельным приказом Голицын. Теперь премьер-майор полностью передал командование Брюсову и провожал нас тяжёлым взглядом. Тяжко, наверное, смотреть, как твои люди уходят в бой без тебя, особенно когда бой этот столь серьёзный.

Обозные приняли у нас коней, при этом каждый солдат и офицер счёл своим долгом дать им рекомендации по обращению с конём. И даже пригрозить им, мол, будете скверно ухаживать за моим коньком, узнаете у меня, небо в овчинку покажется. Я похлопал на прощание своего коня по шее и только кивнул обозному, тот взял его под уздцы и увёл. Я по привычке встал на своё место в строю. Перед нами выехал премьер-майор Михельсон, по рядам пронёслась команда: "Смирно!" и он обратился к нам:

- Солдаты и офицеры моего полка, - сказал он, - мы привыкли сражаться в седле, но сегодня придётся бить врага пешими. И вы будете бить! Я в вас верю! - Он коротко отдал нам честь, и мы тут же повторили его жест. Рядом с нами строились драгуны, их командиры также не пренебрегли напутственным словом. - Я теперь отдельно для офицеров провинившихся взводов. Я обещал передать вас трибуналу после этого сражения. Отличитесь, покажите себя настоящими российскими офицерами, и постыдный инцидент, что имел место по дороге сюда, будет забыт.

- Так точно! - ответили упомянутые офицеры.

- А теперь я вижу нас заждались остальные, - чтобы разрядить обстановку и сменить неприятную для всех тему, усмехнулся Михельсон. - Вперёд!

Он отъехал с нашей дороги, и наш полк занял место в общем построении.

Пройти расстояние от наших позиций до стен Сакмарского городка оказалось сложнее, чем могло показаться. У нас не было барабанщиков, которые отбивали бы шаг, не было привычки держать строй, да к тому же идти через поле, перешагивая или обходя изуродованные ядрами тела, и при этом не сбиться с шага... Наш полк занимал позиции по центру общего построения, так что входить нам выпало через распахнутые ворота. Одно это радует, ведь придись нам перебираться через стену на правом фланге, заваленную, в буквальном смысле, трупами гренадер и казаков, я бы не знал, как отреагируют на это молодые солдаты и офицеры, что не прошли с нашим полком войны с Барской конфедерацией.

- Карабинеры, - обратился к нам Брюсов, - наша основная задача - выбить казаков из домов и открыть огонь по флангам и тылам солдат Пугачёва. В рукопашную пойдём только в самом крайнем случае.

И полк, разбившись на эскадроны, ворвался, вместе с драгунами в Сакмарский городок. Мы бежали со всех ног по улицам, напоминавшим некие кошмары, стараясь не смотреть по сторонам. До места боя успели пробежать за какие-то минуты, ориентируясь на звон клинков и крики, хотя идти по той жуткой каше, что хлюпала под ногами, было куда сложнее, чем по полю перед стенами городка. Дома были довольно велики, так что выбивать из них казаков приходилось целым взводом, да и на чердаках и крышах их вполне можно было разместить два с лишним десятка солдат.

- Ирашин, - приказал мне Коренин, - бери своих людей и занимай вон тот дом с орлами на коньках.

- Есть, - отвечаю я. - Взвод, за мной.

У входа в дом стояли двое казаков, которые выстрелили по нам и тут же рванули внутрь, захлопнув за собой дверь. На неё тут же обрушились приклады моих карабинеров, но она была крепка, так что поработать пришлось основательно. Дверь били прикладами и рубили тяжёлыми палашами, и, наконец, вышибли. Изнутри дома по нам тут же открыли огонь - пули сбили наземь нескольких солдат. Мы ответили тем же. Я одним из первых вскинул пистолет и выстрелил куда-то в полутьму дома.

Мы ворвались в дом, обрушив палаши на засевших там казаков. Я ударил первого попавшегося концом клинка в живот. Он словно на бревно налетел - переломился пополам и рухнул ничком, соскользнув с палаша. Я же добавил ему по спине и рубанул по рёбрам противника вахмистра Обейко.

- Вахмистр, - крикнул я ему, - бери полвзвода - и заканчивай здесь! Я с остальными наверх!

- Есть! - успел даже козырнуть вахмистр.

Я с полувзводом рванул по лестнице на чердак, откуда несколько казаков вели по нам огонь. Гефрейт-капрал Болтнев показал, что умеет обращаться и палашом. Он быстро, с какой-то обезьяньей ловкостью, забрался по приставной лестнице с обратной стороны, так что попасть в него не могли, и несколько раз вслепую ткнул палашом вверх. Из люка, ведущего на чердак выпал раненный казак. Его тут же добили и по лестнице рванули карабинеры во главе со мной. Я снова выстрелил внутрь, не глядя, выбрался на тесный чердак и понял, что с палашом тут не развернёшься. На меня накинута какой-то казак с ножом в руке. Мы рухнули на доски чердака. Мне пришлось выпустить палаш, перехватив правой рукой руку казака с ножом, левой я несколько раз неуклюже ударил его пистолетом в висок. На голову и грудь потекла кровь, однако казак продолжал давить меня, кривой татарский нож всё приближался к моей груди. Я снова врезал казаку по голове, но он перехватил мою руку, вцепившись в неё мёртвой хваткой. Мы катались по чердаку, лягая друг друга коленями, стараясь попасть в пах, пытались вырвать руки из хватки противника и самому не дать врагу освободить руку с оружием. От этого заплетаясь в некий клубок. Освободили меня мои солдаты. Казаку врезали по спине прикладом карабина, вырвали у него нож и оттащили от меня, несколько раз ткнув палашами в живот и грудь.

Когда я, не без помощи солдат, поднялся на ноги и оглядел чердак, его занимали мои карабинеры. Все казаки были мертвы.

- Огонь по крыше! - скомандовал я и сам, подавая пример солдатам, принялся заряжать пистолеты. Надо же было перебить тех казаков, что сидели на крыше, чтобы позже занять её самим.

И мы открыли ураганную стрельбу вверх, дырявя пулями крышу дома, так что скоро и без того задымлённый порохом газами чердак, окончательно заполнился вонючими клубами. Дышать стало почти невозможно.

- Довольно, довольно! - прокричал я минуты через три. - Прекратить огонь! Зарядить все имеющиеся в наличии мушкеты. - А таковых было довольно много. У каждого казака, что сидел на этом чердаке, было по два-три, в том числе несколько вполне

современных австрийских штуцеров, видимо, трофеи Семилетней войны, а также парочка весьма удивительных экземпляра.

- Они что же, фитильные? - удивился гефрейт-капрал Болтнев, рассматривая пару старинных мушкетов. Он протянул один из них мне, я столь же внимательно оглядел их. Да, это были фитильные мушкеты, они же самопалы, времён Иоанна Грозного, если не старше. - Больших, верно, денег стоят.

- Сейчас это неважно, Болтнев, - покачал я головой. - Бери ещё пару метких из взвода и со штуцерами, наверх. Не думаю, что там уцелел хоть кто-то после нашего обстрела.

- Есть, - ответил гефрейт-капрал. - Сашка, Василь, Пётр, берите штуцера - за мной на крышу.

Они быстро выбрались из чердака через слуховые окна. Я высунулся следом и крикнул им:

- Выбивайте офицеров! На остальных патроны не тратить!

Я залез обратно. На чердак уже поднимались по лестнице остальные карабинеры, во главе с вахмистром Обейко.

- Ваше благородие, разрешите доложить, - козырнул он. - Казаки истреблены до последнего. Внизу оставил пятерых карабинеров с гефрейт-капралом Жуком для охранения.

- Молодец, - похвалил я лихого вахмистра. - Занимайте позиции у окон. Раненые, заряжать мушкеты.

Я и сам подобрал один из заряженных мушкетов, приник к слуховому окошку, навёл ствол на вражеские шеренги и нажал на спусковой крючок. Как будто конь в плечо лягнул! Нет у меня привычки стрелять из пехотного мушкета - у карабина, из которого я учился стрелять не столь зверская отдача. Однако отбросил оружие за спину и протянул руку, в которую кто-то тут же вложил заряженный. Снова навёл на врага. Выстрел! Окованный бронзой приклад бьёт в плечо, кажется, кости трещат. И снова мушкет летит за спину, а в руку мне вкладывают новый. Длинный турецкий карамультук, украшенный серебром и самоцветными камнями, я едва сумел управиться с этакой дылдой. Заряд в нём был двойной или, по крайней мере, полуторный, так что и удар в плечо я получил просто чудовищный.

Глаза слезятся от пороховой гари, в горле першит, плечо, с непривычки превратившееся в сплошной синяк, болит всё сильнее и сильнее. Но надо стрелять. Раз за разом наводить мушкет на врага и жать на спусковой крючок. А внизу идёт рукопашная схватка и наши солдаты медленно, но верно одерживают верх. И мы вносим в их викторию немалую лепту, по крайней мере, хочется на это надеяться.

- Беда, государь... - прохрипел казак в окровавленной гимнастёрке. - Выбили казаков из домов, откуда они по врагу палили. Теперь по нашим рядам стреляют. Полковник Шигаев докладывает, что никакой мочи держать врага уж нет. Отступить вам надо, надежда государь.

Все взгляды обратились на "царя", тот медленно поднялся со своего импровизированного трона.

- Отступаем, - веско сказал он. - Юлаев, твои башкиры готовы? - спросил он у башкирского полковника. Тот кивнул.

"Царский двор" собрался в несколько минут. Большого количества вещей не было ни у кого, так что много времени не минуло, как все уже забирались на коней на заднем дворе "царских хором". Воспользовавшись общей суматохой, Омелин незаметно подошёл к военинженеру Кондрашову.

- Что с минированием путей отхода? - спросил он.

- Муравьёв наготове, - ответил тот. - Как только проедем окраину города, он подожжёт фитили.

Пути отхода были заминированы заранее, именно поэтому минировать улицы приходилось едва не в последний момент.

Два с лишним десятка казаков "двора" вскочили на коней и помчались к южной окраине города. К ним присоединились башкиры Юлаева и "охранная сотня" атамана-полковника Подурова. Омелин, не имевший такой привычки к седлу, как они, отставал, как бы не погонял своего спокойного мерина. Они, буквально, пролетели мимо заставы минёров. Воентехник первого ранга Муравьёв коротко отдал честь и тут же вместе со своими людьми склонился над незаметными с седла бикфордовыми шнурами мин.

И побежал огонёк по проложенным в земле "трубопроводам", сложенным из захваченных гренадерских запальных трубок и кожаных чехольчиков, пошитых специально для этого. Рвануть мины должны минут через пять - десять, может и рановато, однако лучшего добиться не удалось, как ни старался воентехник Муравьёв со своими минёрами из казаков.

Как только фитили загорелись, минёры также вскочили на заранее приготовленных коней и вскоре присоединились к кавалькаде удирающих казаков.

Они промчались ещё с полкилометра, мимо уже мелькали жалкие лачуги нищих, что селились на самой окраине, неподалёку от городской стены, когда в авангарде их кавалькады раздался истошный крик: "Кирасиры!". И тут же зазвенела сталь.

Князь Голицын был весьма умным полководцем, он отправил эскадрон кирасир, что был у него в резерве, согласно докладам разведки, в обход городка, куда, скорее всего, побежит Пугачёв. И теперь сотня отличных солдат в белых мундирах рубила палашами опешивших казаков. Первые не успели и сабли обнажить, как их срубили выскочившие из лабиринта улочек кирасиры. А затем закипел бой. И враг в нём одерживал верх. Вот упал сражённый пулей "статс-секретарь" Пугачёва Иван Почиталин. Отбивается окружённый кирасирами Тимофей Подуров. Получив палашом по голове, падает с коня Андрей Витошнов.

Кому суждено попасть в плен в этом бою, оказывался в плену.

Омелин орудовал саблей, отбивая удары палашей и нанося ответные. Кирасиры наседали на казаков и башкир, однако те, не смотря на это, всё равно прорывались к южной окраине, оставляя на земле трупы людей и коней. Они рубились с ожесточённостью настоящих классовых врагов, кроша друг друга, как говорится, в винегрет.

Вернее было бы назвать это мясорубкой, как самые страшные сражения Империалистической войны. Всё это сражение со шрапнелью, минами и рукопашными схватками. Горами трупов на улочках крохотного городка и кровавой кашей под ногами. И что они смогли изменить? Пугачёв потерпел поражение, полки "нового строя" уничтожены. Голицыну, конечно, нанесены тяжкие потери, однако, кроме него есть Бибииков - хотя этот скоро умрёт, кажется, от холеры, Омелин точно не помнил - Мансуров, Щербатов, который станет командующим после Бибиикова, тот же Михельсон. А уж сама мысль о том, что придётся воевать с легендарным генералиссимусом Александром Васильевичем Суворовым, в ту пору ещё генерал-поручиком, вроде бы, была страшной. Ведь этот великий полководец успел уже прославить своё имя в Русско-турецкой войне, а теперь начинался период его военной жизни, старательно замалчиваемый советскими историками.

Омелин усмехнулся этой мысли, отбивая саблей удар вражеского палаша. Ловко переведя клинок, движением, которому научил его лихой рубака капитан Малахаев, и ударил кирасира в лоб, разрубив на нём треуголку.

Всё же им удалось вырваться, оставив на нищей окраине Сакмарского городка, больше половины состава. И помчались по степи на северо-восток, к Авзяно-Петровскому заводу, к комбригу Кутасову, к новой армии.

Комбриг Кутасов.

Победа куётся в тылу.

Этот лозунг стал главным для всех пугачёвцев Южного Урала. Благодаря политинформации, что регулярно проводилась на заводах и мануфактурах, в войсковых частях и на деревенских ярмарках, все знали о том, что творится в районе восстания, как дерутся отважные казаки и рабоче-крестьянские полки "нового строя", как гибнут на полях сражений с "озверевшими екатерининскими холуями". Не забывали в ходе пропагандистской работы упоминать и о том, что солдаты екатерининских полков не являются врагами повстанцев, что как только будут разгромлены их полки и убиты офицеры, они всё поймут и вольются в ряды восставших. Ведь именно так сделали многие солдаты и офицеры корпуса генерал-майора Кара, да и иных разгромленных частей правительственных войск.

Ну а пока, победа куётся в тылу.

Комбриг - а ныне полковник, большего звания в казацкой армии Пугачёва просто не было - Кутасов возвращался с очередной большой инспекции. И то, что он увидел, ему очень нравилось. На заводах, где рабочий класс полностью поддержал восстание, лились пушки и ядра, мушкеты и пули. На мельницах мололи порох для этих мушкетов и пушек. На мануфактурах шили гимнастёрки, фуражки и пилотки для солдат и офицеров "нового строя". Отливались треугольники, "кубари", "шпалы" и ромбы, пряжки со звёздами и кокарды. В кожаных мастерских тачали сбрую для коней и ремни и портупеи для пехоты, а также многочисленные кожаные нашивки на рукава. Ковались сотни сабель, штыков, тесаков и наконечников для копий.

- В первую очередь сабли поставлять башкирам, - наставлял каждый раз интендантов, и из РККА и пугачёвских, комбриг. - Это самые слабовооружённые части нашей армии, а значит ваша, товарищи интенданты, основная задача исправить эту проблему!

После заводов и мануфактур он отправлялся на плацы, где муштровали солдат. Надо сказать, что проблема с кадрами всё так же довлела над армией Пугачёва. Если унтеров ещё удавалось набрать, то старший командный состав был удручающе мал. Пока эта проблема не стояла столь остро, ведь в процессе подготовки армии более важен именно младший командный состав, по старорежимному - унтера. Комбриг усмехнулся своей мысли. Старорежимному, надо же. Он сам сейчас живёт при "старом режиме" и прилагает все усилия, чтобы свергнуть его, как делал это его отец, убеждённый социалист, хоть и блестящий гвардейский офицер-преображенец.

- Раз-два! - неслоь над плацем. - Сено! Солома! Сено! Солома!

Рекруты в зелёных косоворотках, заменяющих пока гимнастёрки, шагали, шурша сеном и соломой, привязанными к их ногам. Приём старый и использующийся, насколько знал и до сих пор - в смысле, для тридцатых годов двадцатого века, откуда прибыли военспецы.

Весь мир насилия мы разрушим,

До основанья, а затем.

Мы наш, мы - новый,

Мир построим.

Кто был ничем, тот станет всем.

- Товсь! Целься! Пли! - Щелкают курки новеньких мушкетов. - Мушкет к ноге! - Приклады стучат в вытопанную до каменной твёрдости землю. - Заряжай! - Звонят

шомпола, крепкие зубы рвут бумажные кулёчки патронов, сыплют несуществующий порох на полки, затем в стволы, забивают пыж, пока ещё без пули. - Мушкет к плечу! - И снова. - Товсь! Целься! Пли!

Рядом тренируются вести огонь с колена. Чуть дальше отрабатывают приёмы штыкового боя, раз за разом вонзая трёхгранные клинки в мешки с песком, подвешенные на верёвках. На левой стороне их были нарисованы красные круги и кресты. Унтера при этом громовыми голосами объясняли, как сохранить стволы и замки мушкетов в целости при рукопашной схватке.

Эти занятия напомнили Кутасову о солдатах "нового строя", что дрались в Сакмарской мясорубке, как с лёгкой руки комиссара Омелина стали называть битву за городок. Мало кто понимал мрачный юмор этого сравнения с кровавыми полями Империалистической войны, однако название это как нельзя лучше подходило сражению, в котором погибли несколько тысяч человек с обеих сторон. А пленных было намного меньше, чем в, так сказать, оригинальном сражении за Сакмарский городок. Никаких без малого трёх тысяч человек - почти все, кто сражался на его улицах, сложили головы на поле боя, а не сгнили в екатерининских тюрьмах и каторгах.

Однако закрадывалась в голову Кутасову одна подленькая мыслишка. А ведь так мало изменила эта мясорубка. Мансуров, всё равно, взял Нижнеозерную и Рассыпную крепости, разбил казаков Овчинникова, Перфильева и Дехтярёва у реки Быковки. Не так давно они под предводительством Овчинникова прибыли, пробравшись глухими степями, на соединение с остальной армией Пугачёва. И теперь солдаты Мансурова и перешедшие на сторону правительства казаки гоняют по тем же степям отряды Дербетева, Речкина и Фофанова. Последовали и другие, не столь значительные поражения. И Пугачёв скрипел зубами, упрекал Кутасова в бездеятельности и требовал ускорение подготовки полков "нового строя". Комбриг кивал и отвечал, что следует выжидать. Ведь он-то знал, что скоро умрёт командующий генерал-аншеф Бибилов, и в армии начнутся интриги и брожения, которые дадут им столь необходимую передышку.

Пугачёв со своей "свитой", в которой состоял Омелин со своими комиссарами, прибыл на Южный Урал в первой неделе апреля. За несколько дней до смерти Бибилова. Первым делом, он вызвал к себе комбрига Кутасова.

- Что же это делается, Кутасов? - спросил он у комбрига, вместо приветствия.

- О чём вы, Пётр Фёдорович, говорите? - переспросил у него Кутасов. - Если вы о поражениях ваших полковников, то к нам это не относится.

- Я про Сакмарскую мясорубку! - вскричал Пугачёв, хлопая кулаком по резной ручке своего кресла, временно назначенного "царским тронem". - Ты обещал мне викторию, а вышло как? Солдат да казаков положили немеряно, а толку - ничуть!

- Отчего же? - удивился, несколько притворно, Кутасов. - Бригада князя Голицына уничтожена почти полностью. Наши же потери, хоть и велики, но не столь убийственны, как потери Голицына для армии вашей жены.

- Ты обещал викторию, - продолжал настаивать Пугачёв. - Викторию! А получилось - поражение! Твои солдаты "нового строя" сражались отчаянно, не спорю, но толку с того нет.

- Военная удача переменчива, - пожал плечами Кутасов. - Тем более, что Голицын - талантливый и смелый полководец. Поглядите, Пётр Фёдорович, на какой неслыханный стратегический ход он решился. Пехоту на коней сажали, так драгуны появились, в конце концов. Но спешивать кавалерию! До такого ещё никто додуматься не мог! Да и ваши полковники не справились с изменившейся ситуацией.

- О чём это ты? - удивился Пугачёв. - Что значит, не справились?

- Пока всё шло по плану, - объяснил Кутасов, - они командовали солдатами и казаками, как надо, но только что-то пошло не так, и они попросту не знали, что им делать. Вот от этого поражение и приключилось. Солдат "нового строя" выучить получается, а офицеров "нового склада" - нет.

- Так к чему же вообще всем этим заниматься? - развёл руками Пугачёв. - Эти твои солдатики ничего без офицеров не могут!

- Ещё как могут, - покачал головой Кутасов. - Сейчас, когда князь Голицын будет заново формировать свой корпус, у нас появилось время для того, чтобы подготовить нашу армию. И в начале лета выступить на север и нанести поражение Бибикову.

- Ну, гляди, Кутасов, - грозным тоном, какой получался у него очень хорошо, - не подведи меня со своими солдатами снова. Не подведи.

Понимая, что дальше беседовать с "казацким царём" становится небезопасно, комбриг поспешно покинул "тронный зал" новых "царских хором" и направился в большой дом, который, как в былые времена, делил с комиссаром Омелиным. Теперь уже комиссар был ранен, хоть и не очень тяжело. Он по привычке сидел за столом, придвинутым к окну. Перед ним лежал проект новой речи и перо с чернильницей.

- О чём теперь вещать будешь? - весело поинтересовался комбриг.

- Это не моя, - оживился комиссар. - Правлю речь одного дарования из местных комиссаров. Он отправится с нею по деревням, будет вести агитрабoту среди крестьян, митинги на ярмарках устраивать. Это у него очень хорошо получается.

- Кто такой? - спросил комбриг, чтобы немного рассеять нагнанную разговором с Пугачёвым тоску.

- Старший политрук Кондаков, - ответил Омелин. - Ты мне вот что скажи, Владислав. Зачем мы трепыхаемся, если всё идёт так, как шло. Пугачёва громят, и будут громить, что с Голицыным, что без него. Вот ты говоришь, мы вывели из войны князя, а ведь это не так. Князь сам засядет в Оренбурге на три месяца из-за того, что командующим назначат не его, а генерал-поручика Щербатова. Мы просто дали ему реальный повод для этого.

- Но при этом у него не будет войск, Андрей, - напомнил Кутасов. - Он не сможет адекватно участвовать в войне после трёх месяцев в Оренбурге. Мы, считай, вывели его из войны окончательно.

- Россия велика, Владислав, - покачал головой комиссар, - рекрутов много найдётся. Восстановит Голицын свой корпус.

- Но не за три месяца! - вскричал комбриг. - Да и дорого ли стоят полки из рекрутов и молодых парней, вместо толковых офицеров?!

- Примерно столько же, - мрачновато усмехнулся Омелин, - сколько и твои новые полки. Я вот думаю, что зря мы положили всех солдат "нового строя" в Сакмарском городке.

- Может, это была ошибка, - ответил на это Кутасов, - но на ошибках учатся. Ты хоть ведёшь работу на их примере?

- Веду, - кивнул Омелин. - Как ты и советовал мне, Владислав, активно работаю в контакте с церковью. С молодыми, ещё не закосневшими, попами. И ты знаешь, - несколько повеселел он, - это даже как-то интересно. Мы с ними теологические споры ведём, часами беседуем. Я им, конечно, постулаты научного атеизма не проповедую, сам понимаешь, но кое-какие идеи всё же проталкиваю.

- Это какие же? - заинтересовался Кутасов.

- Основные постулаты христианства вполне разумны и мало отличаются от того, к чему мы стремимся. Я внимательно прочёл Библию, выбрал нужные места и теперь уже апеллирую теми же понятиями. Так сказать, играю на их поле, как говорят футболисты, и, без ложной скромности скажу, вполне профессионально.

- Отлично, - усмехнулся комбриг. - Церковь нам надо перетягивать на свою сторону, особенно сейчас. Ты же, наверное, слышал, как нас называют верные Екатерине попы.

Омелин, конечно же, знал, какие слухи ходят о них. Слишком странно выглядели солдаты и офицеры "нового строя", о комиссарах, хоть и без "пыльных шлемов", но всё же смотревшихся весьма экзотично на взгляд обывателей восемнадцатого века, и говорить нечего. Так что нечего удивляться, что одетых в кожаные куртки и регланы

комиссаров, за глаза называют чертями или чёртовыми детьми. А самого Пугачёва считали дьяволом, в которого переродился после смерти Пётр Третий, вышедшим из адских бездн, для того, чтобы мстить неверной жене. Однако, именно на этой, весьма спорной теории, Омелин строил некоторые свои беседы с молодыми священнослужителями. Этим соображением он поделился с Кутасовым.

- Вопрос, конечно, интересный, - протянул тот, - но такие разговоры могут далековато завести.

- Сам же говоришь, что надо перетягивать церковь на свою сторону, - ответил Омелин, - а это достаточно сильный аргумент. Это добавит Пугачёву популярности в народе, но есть и существенный минус. И он, возможно, перевешивает все плюсы, которые сулит моя теория.

- Как нам после победы восстания выходить на первые роли и строить государство рабочих и крестьян, вместо обещанного Пугачёвым яицким старшинам казацкого царства, - быстро догадался Кутасов. - Да уж, ходим по тонкому льду. И ведь создать части, верные нам, а не Пугачёву никак не удаётся. Мы ведь вроде серых кардиналов - всегда в тени, а вся слава - чудом воскресшему царю.

- У меня с этим немного лучше, - порадовался своим успехам Омелин. - Военно-политический состав новой армии безоговорочно предан идеям социализма. Мои комиссары уже медленно, но верно ведут с ними работу на тему того, что царизм, как явление, суть зло и со временем оно приведёт Россию на край гибели, показав свою несостоятельность. Благо, примеров вполне хватает. Всё это Междуцарствие, временщики и прочее. На эту же тему я осторожно начинаю беседовать со священниками, естественно, подкрепляя свои слова соответствующими цитатами из Библии.

- А, вообще, знаешь, что я скажу тебе, Владислав, - решительно заявил комиссар.

- Что именно? - заинтересовался комбриг.

- Я, конечно, не лезу в твою епархию, - Кутасов мысленно усмехнулся словам Омелина, лексика которого изменилась после, так сказать, "работы со священнослужителями", - однако, по-моему, гибель полков "нового строя" в Сакмарском городке была ошибкой ещё и потому, что эти солдаты были преданы тебе лично, Владислав. Ты водил их в бой, они выносили тебя, израненного, едва живого, из Сеитовой слободы. А вышло так, что ты, именно ты, Владислав, бросил их на верную гибель в городке. Даже те, кто вырвался из этой мясорубки, и теперь служат младшими командирами в новых полках, считают тебя предателем. Вот ты говоришь, что полки "нового строя" не удаётся перетянуть на свою сторону, а тут допускаешь такую промашку.

- Хватит об этом, Андрей, хватит, - вздохнул Кутасов. - Я признал, что гибель полков "нового строя" в Сакмарской мясорубке, была ошибкой.

- Как бы эта ошибка не оказалась для нас решающей, - мрачно заявил Омелин.

- Будем решать эту проблему, - пожал плечами комбриг. - Придётся восстанавливать своё доброе имя.

И Кутасов с присущей ему активностью решать вставшую перед ним проблему. Она была весьма велика. Если сначала комбригу лишь казалось, что на него бросают косые взгляды, списывая на странную форму, непривычную казакам и даже свежее испечённым солдатам и офицерам "нового строя", то теперь, после слов Омелина, он начал более серьёзно относиться к этим взглядам. Для начала он вызвал к себе всех младших командиров, прошедших Сакмарскую мясорубку, на совещание и тут же ошарашил их предложением.

- Говорите обо мне всё, товарищи офицеры, всё, что думаете.

- Это как? - выдохнул первым пришедший в себя младший комвзвод Еремей Курыло.

- А вот так, - ответил Кутасов. - Думаете, я не вижу ваши косые взгляды, что на меня бросает каждый второй командир в армии "нового строя". Что вы, те, кто вынес меня из

Сеитовой слободы на руках, считаете меня предателем, бросившим вас на верную смерть в Сакмарской мясорубке. Продолжать?

Никто не ответил ему. Младшие командиры молчали, кто-то ковырял ножом столешницу, другой рассматривал непривычные ещё квадратные носки новеньких хромовых сапог, третий весьма заинтересовался ручкой своей шашки, в которой не было ровным счётом ничего интересного.

- Молчите, товарищи младшие командиры, - вздохнул комбриг и вдруг крикнул во весь голос, так что те были вынуждены пригнуться. - Выполнять приказ!

- И так есть, - вспыхнул, наконец, старшина Балабуха. - Так! Как тут не думай, не крути, а бросил ты нас, товарищ полковник. На расправу оставил, на погибель.

- Верно, - загудели остальные младшие командиры. - Так и было. Бросил ты нас, товарищ полковник. Оставил.

- Бросил, значит, - снова тихо произнёс Кутасов. - Оставил на расправу. А вы, что же, товарищи младший комсостав, дети малые? Без меня ничего не умеете? - Снова все замолчали, глядя в пол. - Выходит, по-вашему, я должен был остаться с вами, израненный, едва живой, и сгинуть не за грош в Сакмарской мясорубке. Так, товарищи младшие командиры?

- Ты, это, товарищ полковник, - мрачно произнёс младший комвзвод Байдак, - уж не взыщи с нас, неразумных. Не подумавши, мы всё это... Прощенья просим...

- Совсем распустились, товарищи младший комсостав! - вскричал Кутасов, на душе у которого потеплело. - По уставу отвечать!

- Виноваты, товарищ полковник! - вскочив на ноги, гаркнули младшие офицеры. - Исправимся!

- Получите взыскания, - оттаяв душой окончательно, произнёс комбриг. - Свободны!

Младшие офицеры торопливо вышли из "штабной избы", где на громадном обеденном столе были расстелены карты, а пол, как бы часто и чисто его не мели, был вечно затоптан сапогами. Комбриг опустился на жёсткий стул и вытянул ноги. Формированию преданного лично ему офицерского корпуса положено начало.

Однако дни шли за днями. Где-то в Бугульме умер от холеры генерал-аншеф Бибикив, засел с остатками своего корпуса в Оренбурге князь Голицын, и Пугачёв, узнав эти новости, становился всё более нетерпеливым.

- Хватит муштровать солдат! - всё чаще говорил он Кутасову. - Солдат в бою военной науке учится! В бою, а не на плацу! Воевать твоим солдатикам пора! Да и казаки мои без дела скучают.

Придумывать некие "благовидные" предлоги для задержки наступления было сложно. Тем более что комбриг не очень-то хорошо умел выкручиваться. Помогал ему в этом Омелин, но и его "казацкий царь" слушал всё хуже. Значит, пора выводить армию из района Авзяно-Петровского завода, и вести туда, куда хотел Пугачёв. К Магнитной крепости.

Глава 6.

Поручик Ирашин.

Что-то назревало. Это витало в воздухе и настойчиво стучало в уши сотнями разных слухов. В офицерском собрании только и разговоров было, что о болезни генерал-аншефа, все обсуждали, кто станет главнокомандующим вместо него. На самом деле, никто не думал, что Бибикив столь скоропостижно скончается, однако все понимали, что заболевший холерой - а по иным слухам, отравленный не то пугачёвскими, не то вовсе, польскими шпионами - немолодой генерал, командовать армией не сможет.

- Голицына поставят, - безапелляционно заявлял Самохин. - Как бы то ни было, он князь, из столбовых, древнего рода. Какое тут имеет значение его звание. Ларионов вон

тоже был и генерал-майор, и родственник самого Бибикова, а поставили вместо него нашего командира. А он-то премьер-майор, всего лишь.

- Никогда не слышал о столбовых дворянах Михельсонах, - усмехнулся секунд-майор Брюсов. - По мне, пример не слишком корректный.

- Я, вообще-то, о том, что звание тут не главное, - ответил на это Самохин. - Вон премьер-майор сменил генерал-майора и командует теперь корпусом. И опять же Гагрин, в том же чине и также корпусом командует.

Известие о разгроме казацкого полковника Туманова премьер-майором Гагриным уже достигло Оренбурга, куда мы вернулись после Сакмарской баталии. Называть её викторией ни у кого язык не поворачивался.

- Но ведь Щербатов генерал-поручик, - возразил Самохину я. - Звание уж очень велико. Он сейчас старший генерал в армии.

- Но и Голицын не премьер-майор, - покачал головой Коренин, вставший, в кои-то веки на сторону своего непримиримого противника. - Княжеский титул очень много значит.

- И обидчив наш генерал-майор, прямо как девица, - усмехнувшись, выдал опасную реплику Самохин, словно бы в пику ротмистру.

- Прекратите, поручик, - вздохнул Коренин. - Вы, к слову, повели себя ничуть не лучше.

История была, надо сказать, шумная и неприятная. Дело было в том, что Коренин написал рапорт командованию со скверной рекомендацией поручику Самохину. И после этого Самохина не поставили командовать четвёртым эскадром, место ротмистра которого было свободно ещё с самых Чесноковок. Назначить его должны были по итогам битвы за Сакмарский городок, однако они оказались столь неутешительны, что об этом как-то позабыли. Тем более, рекомендации самому перспективному кандидату на эту должность, каковым был Самохин, оказались крайне нелестными. В общем, командовать четвёртым эскадром остался поручик Парамонов, а Самохин поднял жуткий скандал. Он примчался к Михельсону, причём намерено, когда тот вёл совещание с командирами остальных подразделений, входивших в его корпус, и принялся выяснять, отчего его не назначили командовать четвёртым эскадром и не повысили в звании. Премьер-майор в самых неласковых выражениях высказал ему причины этого и приказал покинуть палатку.

Напоминание об этой истории, породившей также море слухов о делах в нашем полку, заставило Самохина замолчать. Он провёл пальцами по стакану с вином и, выпив его одним глотком, вышел из офицерского собрания.

Однако его быстро сменил Пашка Озоровский. Он ворвался в собрание и закричал, как оглашенный:

- Генерал-аншеф умер!

- Что? Как? - вскочили все мы. - Рассказывай толком.

- Генерал-аншеф скончался по дороге сюда. В Бугульме. Скоропостижно.

- Ну вот и приплыли, - вздохнул Коренин, а Брюсов, как старший, пусть не по званию, но по должности, офицер в собрании, провозгласил тост:

- Вечная память генерал-аншефу Александру Ильичу Бибикову.

- Вечная память, - подхватили мы, поднимая стаканы. - Земля пухом.

Спустя несколько дней из Петербурга прибыл курьер Фельдъегерской службы со срочным пакетом. Уже спустя несколько минут весь Оренбург знал, что новым командующим назначен генерал-поручик Щербатов. А уже на следующий день князь Голицын объявил о том, что никуда из Оренбурга не уйдёт, "покуда должным порядком ряды вверенных Императрицею войск не пополнит".

- Только этого Пугачёву и надо, - цедил сквозь зубы Михельсон. - Пока мы будем в Оренбурге сидеть, он соберёт рассеянные отряды в новую армию.

- Но ведь в пехоте у нас, действительно, очень большие потери, - напомнил ему Брюсов. - Фактически, у корпуса нет пехоты.

- Зато кавалерия есть, - оборвал его Михельсон. - А пехоты у того же Мансурова хватает. Вполне можно было бы отправиться с корпусной кавалерией к нему, а пехоту оставить в Оренбурге, для пополнения.

- Приказ князя Голицына ясен, - пожал плечами Брюсов, - оставаться в Оренбурге до прибытия пополнения. Ничего не попишешь.

- Очень даже попишешь, - обратился к премьер-майору Самохин, присаживаясь за штаб-офицерский стол, что было нарушением традиции. Да ещё и без приглашения!

- А, это вы, скандальный поручик, - покачал головой Михельсон. - И что толкового вы можете предложить?

Сам тон, каким он произнёс слово "толкового" можно было считать оскорбительным, однако Самохина это ничуть не смутило.

- Вы ведь, до того как наш полк, а после и весь корпус прикомандировали князю, были самостоятельным командиром, - начал объяснять он.

- И? - спросил заинтересовавшийся Михельсон.

- Обратитесь к генерал-поручику Щербатову напрямую, - ответил Самохин. - Формально, это не будет нарушением, ведь князь Голицын, вроде бы, наш временный командир.

- И я, опять же, вроде бы, и не обращаюсь через голову князя, - произнёс Михельсон. - Das ist ein vernünftiger Vorschlag, - задумавшись, он перешёл на язык предков. - Адъютант, кто-нибудь, бумагу, перо, чернила.

- И скатерть смените на чистую, - обратился рассудительный Брюсов к буфетчику офицерского собрания.

Когда эти требования были выполнены, премьер-майор принялся писать рапорт генерал-поручику Щербатову. Составив его "начерно" и, отдав бумагу адъютанту для оформления "чистового" варианта, Михельсон обратился к Самохину:

- Junger Herr, - сказал он, - вы, кажется, обращались ко мне с некоторой просьбой. Я посчитал вас, поручик, взбалмошным и неумным человеком. Однако сейчас вы оправдали себя в моих глазах. Вы претендовали на вакансию командира четвёртого эскадрона. Вы, как я вижу, офицер толковый и с фантазией, посмотрим, как покажете себя командиром эскадрона. Сергей, - снова обратился он к адъютанту, молодому прапорщику, племяннику Семёна Брюсова, - подайте мне ещё лист бумаги.

- Как бы нам всем не пожалеть об этом, - тихо, так тихо, что услышали его только за нашим столом, произнёс Коренин. - Теперь, - сказал он уже громче, - надо подумать, кого поставить на второй взвод, вместо Самохина. У вас, господа офицеры, есть кандидатуры из унтеров.

- Надо у самого Самохина спросить, - пожал плечами я. - Как-никак, а взвод-то его.

- С Самохиным мы поговорим, - холодно кивнул Коренин, - обязательно поговорим. Но остальных командиров взводов прошу представить список унтеров, которых можно было поставить командовать взводом.

В итоге командиром взвода поставили подпоручика Ипполитова, исполнявшего во взводе Самохина обязанности старшего унтера. Это был застенчивый юноша, которого я знал не слишком хорошо. В собрании он держался скромно и не любил лишнего внимания к своей персоне. К тому же, Ипполитов не воевал вместе с нами против Барской конфедерации, его прислали уже после победы, так что многие держались ним несколько снисходительно, и это ему, наверняка, не нравилось.

Не прошло и трёх дней, как весь наш корпус к вящему неудовольствию князя Голицына, выступил на соединение с бригадой генерал-майора Мансурова. Мансуров незадолго до того взял несколько крепостей и разбил пугачёвцев у Иртецкого форпоста, однако потери его были достаточно велики, и ему срочно требовались подкрепления. Этим подкреплением и стал на корпус. Мы выдвинулись скорым маршем к Илецкому городку, стояли на временном отдыхе полки Мансурова. После соединения мы должны были выступить к одному из оплотов пугачёвщины - Яицкому городку.

Марш был, конечно, скорый, но не та безумная гонка, как к Сакмарскому городку, и после неё показался лёгкой прогулкой. Лошадей не гнали, даже на заводных редко пересаживались, ночевали по-людски, в придорожных трактирах, да и ночёвок было всего две. Перед первой нас вызвал к себе Коренин, недавно вернувшийся от Михельсона, и объявил:

- Доведите до солдат и унтеров, что с женщинами следует вести себя крайне осторожно. А если быть точным, не подпускать их к солдатам на пушечный выстрел. За опоздание на утреннее построение наказание понесут не только солдаты, но и командиры взводов с унтерами. Всё ясно?

- Так точно, - ответили мы, то есть, командиры взводов.

Я вернулся к своим солдатам и, подозвав к себе унтеров, просто и доходчиво объяснил им:

- Господа унтера, - сказал я им, - нам приказано женщин не трогать.

- Как? - удивился вахмистр Обейко, большой любитель женского пола.

- Вот так, - ответил я. - Даже если они сами предложат, за деньги или по любви. - И уже более тихим голосом добавил: - А если что и будет, заканчивайте все дела до утреннего построения. Чтобы хоть пару часов поспать смогли.

- Есть! - гаркнули унтера.

В Илецком городке, объединившись с корпусом Мансурова, мы выступили к Яицкому городку. Теперь уже шла целая армия, а её передвижение это разговор особый. Несколько тысяч человек, табуны лошадей и пушки медленно тащились по степи, оставляя за собой уродливый след. Быть может, птица, вроде орла или какого-нибудь стервятника, что постоянно кружили над нашими головами, видела эту войну, как пересекающиеся тёмные полосы, оставленные армиями, и громадные пятна - места сражений. Такие мысли бродили у меня в голове, пока армия наша двигалась навстречу врагу. До Яицкого городка не добрались около пятидесяти вёрст. У реки Быковки встретили, наконец, врага.

Казаки, которыми, как выяснилось позже, командовали атаманы Овчинников, Перфильев и Дехтярёв, попытались атаковать нас с ходу. Но разведка, изюмские гусары, вовремя донесла о появлении казачьего войска. Никогда не забыть мне летящие в облаке пыли фигурки гусар. Я не мог различить с такого расстояния цвета их мундиров, однако точно знал, что ментики и на них синие, а доломаны - красные; они мчатся, придерживая шапки, чтобы не слетели во время безумной скачки, ташки и сабельные ножны быют по ногам и бокам лошадей.

- Быстро летят, - протянул вахмистр Обейко. - Видать, случилось что.

- Что, что, - усмехнулся гефрейт-капрал Болтнев, самый глазастый в моём взводе. - Драка будет. Зачем бы ещё разведке так лететь? Лошадей вот-вот загонят.

- Эскадрон, - тут же скомандовал, будто услышавший его слова Коренин, - к бою готовься.

- Проверить оружие, - подхватил я и сам занялся этим. Быстро зарядил пистолеты, без нужды, а скорей по привычке щёлкнул гардой палаша по верхнему окову ножен. Всё было в порядке. - Унтера, - продолжил я отдавать приказы, - проверить у солдат состояние оружия и обмундирования. - Ведь, следуя непреложному армейскому закону, солдат расслабляться не должен, особенно перед битвой, а то нападёт дурной мандраж, который зачастую куда хуже врага.

Вот как на меня сейчас. Чтобы отвлечься, я прислушался к голосам унтеров, хвалящих образцовых солдат и отчитывающих нерадивых. В последние, как обычно, залетел гефрейт-капрал Болтнев, который всегда отлично следил за своим нарезным карабином "За призовую стрельбу" и конской сбруей, а вот чисткой мундира часто пренебрегавший. Усмехнувшись, я стал глядеть на совещающихся офицеров, потом проследил вестовых, мчащихся в полки. Ну а после завертелась обычная предбоевая карусель.

Наш полк перебросили на левый фланг и поставили задачу прикрывать огнём пехоту, когда та пойдёт в атаку, и не давать казацкой коннице обойти наши позиции. Последняя была основной. Ведь если правый фланг нам прикрывала река Быковка с топкими, поросшими камышом берегами, провести по которым людей, не говоря уж о лошадях, было невозможно. На левом же до самого горизонта простиралась бескрайняя степь - обходи, не хочу.

- Самохин и Коренин, - распорядился Михельсон, - ваши эскадроны стоят на самом фланге, так что вам, как говорится, и карты в руки. Если казаки или башкиры попытаются нас обойти, остановить их должны вы. Вопросы?

- Один, господин полковник, - обратился к премьер-майору Самохин.

- Задавайте, - кивнул тот, относившийся к поручику после истории с рапортом к генерал-поручику Щербатову несколько покровительственно и позволявший некоторые вольности в обращении.

- Кто из нас двоих будет главным?

- Ротмистр Коренин, - ответил тот и в ответ на взгляд расширившихся глаз Самохина ледяным тоном произнёс: - Он из вас старший по званию. Всё ясно, поручик?

- Так точно, - сразу поскучнел тот и коротко отдал честь.

- А, вообще, господа офицеры, - добавил Михельсон, уходя от неприятной темы, - генерал-майор Мансуров, большой поклонник пехоты, считает, что именно она решит всё дело, как в большинстве его предыдущих баталлий. Нам же он отводит второстепенную роль.

Авангард казаков появился спустя три четверти часа, после того, как наша армия выстроилась, заняв позиции. Это были конные сотни, отличавшиеся друг от друга цветом кафтанов. Они явно не ожидали такого подвоха с нашей стороны, однако решили не останавливаться и ринулись на нашу пехоту, выстроенную в ровные квадраты батальонных каре, что называется сходу. И тут эта живая крепость дала по ним залп. Казаки в разноцветных кафтанах полетели с сёдел, повалились на землю лошади, ответ их был жалкой каплей в море огня и дыма, обрушившегося на них. И всё же казаки налетели на батальонные каре, до наших позиций донёсся звон стали. Пушки пока не стреляли, ждали подхода основных сил противника.

Бой шёл, в основном, в центре позиций и до флангов не докатывался, так что гренадеры и лёгкая пехота, в основном, вели огонь по казакам, осыпая их градом пуль. Драка была жестокая, но места нам, кавалерии, в ней не было. Обстреливать фланги смысла не имело - наши карабины, конечно, добивают на такую дистанцию, однако убить кого-либо пульей на излёте было невозможно. Так зачем же зазря тратить патроны? Так что нам приходилось довольствоваться ролью наблюдателей.

Казацкий авангард был уже готов обратиться в бегство, когда подошли основные силы. Видимо, атаманы, узнав, что пришлось вступить в бой, решили пожертвовать передовыми сотнями, чтобы сформировать из остальных полноценное войско с пешими казаками и конной артиллерией в центре и конниками на флангах. По сигналу труб и барабанов авангард отступил к основным силам под огнём наших батальонов.

- Ну ты погляди, - покачал головой Озоровский, пока бой не начался мы стояли рядом, - научились правильной войне.

- Научились на нашу голову, - усмехнулся я. - Теперь нам куда сложнее будет их побеждать.

- Били раньше, - усмехнулся подпоручик Ипполитов, - разобьём и теперь.

- Но раньше не было таких боёв, как в Сакмарском городке, - мрачно заметил я.

- Тут не "нового строя" солдаты, а обычные казаки, - отмахнулся Ипполитов, ещё не научившийся уважать врагов, будь они казаками или, как до того, шляхтичами Барской конфедерации. - Разобьём их.

- Твои слова... - Я, как обычно бывало перед боем, стал мрачен.

Загремели пушки с обеих сторон. Наши ударили раньше. Ведь в армии Мансурова было два "единорога" и пять тяжёлых орудий, при поддержке батареи лёгких. Казачьей же артиллерии приходилось под огнём наших пушек тащить свои орудия на дистанцию поражения. Несколько удалось за это время подорвать, разбить лафеты или повредить стволы, и, конечно же, изрядно проредить ряды противника. И всё же, упорные казаки подошли на нужное расстояние и открыли ответный огонь. Завязалась обыкновенная артиллерийская дуэль. Сыпались ядра, поле медленно заволакивало туманом порохового дыма, с той и другой стороны падали солдаты, но остальные смыкали строй и ждали, когда закончится это истребление.

И тут в нашей армии ударили барабаны, пехотные полки двинулись в атаку под градом ядер с обеих сторон.

- Эскадрон, - командовал Коренин, на секунду опередив полковых трубачей, - шагом.

Кавалерия медленно двинулась вслед за пехотой. Ядра до флангов долетали редко, всю свою куцую артиллерию Овчинников собрал в центре. Наши лошади изредка брезгливо задирали ноги, переступая через валяющиеся на дороге чугунные шары.

Спустя несколько минут после начала нашего наступления, вперёд двинулись и казаки. На флангах оживилась их конница - казаки и башкиры - двинувшись вперёд.

- Коренин, Самохин, - коротко бросил Михельсон, большего командирам эскадронов не было нужно.

Теперь уже все взгляды наши были обращены на фланг, где разворачивались вражеские конные сотни. Башкиры заходили всё дальше, похоже, они хотели, как обычно, обстреливать нас из луков, покуда мы будем рубиться с казаками.

- О башкирах можете не беспокоиться, - сказал, как бы самому себе, даже не оборачиваясь, Михельсон. - Ими изюмцы займутся.

- Эскадроны, - командовал Коренин, - развернуться на фланг.

Мы выстроились, приготовившись сорваться с места навстречу устремившемуся во фланговый обход врагу. Увидев это, казаки, похоже, отбросили мысль об этом, они помчались прямо на нас, размахивая саблями и наставив на нас стволы пистолетов.

- К залпу товсь! - снова опережает полковые трубы Коренин.

- Карабинеры, - в общем-то, без особой надобности, кричу я, - к бою!

Солдаты и унтера вскинули карабины, наставив их на врага. Казаки мчались на нас, некоторые уже беспорядочно палили, однако толку с этого не было ни малейшего. Михельсон же медлил командовать огнём. Он замер таким конным памятником самому себе с поднятой над головою рукой. Вот он сжимает пальцы в кулак.

- Целься! - командуем мы, и нам вторят унтера.

Михельсон снова замер, казалось, он даже дышать перестал. И вот кулак устремляется вниз - и знающие его карабинеры, сами, без команды, дают слитный залп по казакам.

- Полк! - командует он, хотя я этого и не слышу, но точно знаю, что он сейчас говорит.

- С места галопом! - Былая команда о том, что только два эскадрона будут останавливать казачью конницу, забыта. Слишком много врагов. - Вперёд! - Поют трубы, и сотни кавалеристов дают коням шенкеля и отпускают повод, кони срываются в галоп.

- Карабинеры! - кричу я. - Палаши к бою!

Левой рукой я вытащил пистолет - авось, в кого и попаду. Мы врубались в казаков, зазвенела сталь. Первые ряды обрушили палаши на разноцветные шапки. Я быстро оказался лицом к лицу с неким казаком в синей шапке и с бородой на две стороны. Вскинул пистолет, нацелив его прямоком в крючковатый орлиный нос, казак попытался достать меня саблей, однако я опередил его. Пистолет глухо хлопнул - казацкое лицо буквально лопнуло, обдав меня красными брызгами крови. Я быстро сунул пистолет в ольстру, перехватил повод поухватистой и рванул вперёд. Как ни крути, а командир обязан скакать впереди взвода, особенно в бою. Походя, я ударил палашом какого-то казака, кажется, в красной шапке. Потом сцепился с другим, более всего напоминающим алжирского пирата с картинки из какого-то романа. Мы обменялись несколькими

ударами, на третьем мой палаш перерубил лёгкую шашку. Я ловко крутанул его и рассёк широким клинком горло. За ним был третий казак. И четвёртый. И пятый. Не помню, какой по счёту достал меня в бок. Ещё один полоснул по рёбрам. С головы сбили шляпу. Кого-то я ткнул палашом в живот, но казак пригнулся и клинок застрял между его рёбер. И что самое неприятное он был ещё жив. Он как-то весь подался вперёд, стремясь достать меня концом сломанной сабли. Я крепче сжал пальцами рукоять и дал коню шенкеля. Казак достал-таки меня, распоров рукав мундира и кожу на правой руке. Боль рванула её, так что я задохнулся, но пальцев не разжал. Раздался отвратительный треск и палаш освободился. Смотреть, что осталось от казака, не хотелось совершенно.

Мы опрокинули казаков. Их отступление, медленно, но верно переходящее в бегство, началось с флангов. Как выяснилось после, первыми не выдержали башкиры, зажатые между изюмскими гусарами и рубящимися с казаками астраханскими драгунами. Те мгновенно отправили на помощь товарищам эскадрон, который сильно ускорил бегство башкир. Вслед за ними потянулись назад и конные казаки, до того вполне достойно сражавшиеся с нами.

- Ротмистр Коренин! - подлетел к командиру нашего эскадрона прапорщик Брюсов. - Приказ премьер-майора. Совместно с четвёртым эскадроном атаковать пеших казаков.

- Трубащи! - тут же вскричал Коренин. - Играть атаку пехоты! Эскадрон! За мной!

Он взмахивает окровавленным палашом, красные брызги летят за ним таким шлейфом. Мы разворачиваем коней вслед за ним. Трубащи надувают щёки, подавая сигналы. Эскадрон выходит из боя, чтобы уже через несколько жалких секунд обрушиться на весьма неосмотрительно подставивших нам свой фланг пеших казаков. Мы врубаемся в их нестройные ряды, обрушивая палаши на разноцветные шапки. Кони сбивают их наземь грудью, топчут копытами. Но враг быстро опомнился и дал нам отпор. В нас тыкали штыками, били прикладами, а то и попросту хватали за ноги и стаскивали с коней.

- Где Самохин?! - кричит наш ротмистр, ведь поддержки-то нет. - Ирашин, отправьте кого-нибудь к нему!

- Есть, - отвечаю я, отмахиваясь палашом от казаков, чьи штыки оставляют на моих ногах и конских боках длинные кровавые следы. - Обейко, - команду я следом, - найдите Самохина и выясните в чём дело!

- Есть! - теперь уже козыряет вахмистр. Он разворачивает коня и прорубается сквозь казаков обратно, туда, где идёт конный бой. Откуда к нам не пришла помощь.

Мы продолжали давить на казаков, однако одним эскадроном опрокинуть их фланг было просто невозможно. Враг быстро перестроился, встав к нам фронтом, и теперь уже нам пришлось весьма и весьма тяжко. Ведь пешие казаки в пылу жаркой рукопашной схватки не видели бегства башкир и дрались они отважно и жестоко, хотя мы медленно, но верно одерживали над ними верх, тесня всё сильнее.

- Упорные, черти! - скрипел зубами гефрейт-капрал Болтнев, орудуя палашом.

Обейко всё не возвращался. Мы дрались, теряя людей и лошадей. Иные уже сражались пешими, стараясь пробиться к рядам нашей пехоты. В общем, атака нашего эскадрона без поддержки Самохина захлебнулась, успехов удалось достичь только в первый момент.

- Идут! Идут! - закричал кто-то. - Наши идут!

Мне было некогда оборачиваться, чтобы поглядеть, кто эти "наши" и к кому на помощь они идут. Я рубился с казаками, ломая палашом штыки и щепя приклады. И тут рядом со мной, как чёртик из немецкой коробочки, возник драгунский офицер. Он выстрелил в ближайшего казака из пистолета и обрушил на них свой палаш. Следом за ним на казаков обрушились и другие драгуны. Мы охватили казаков с фланга, драгунам даже удалось зайти им в тыл. Бой перешёл в истребление.

Казацкие атаманы, видя это, решили отступить. Однако организованно отойти им не удалось. Заслышав барабанный бой, казаки побежали. Не соблюдая более никаких

боевых порядков. Некоторые, окружённые нашей пехотой или кавалерией, сбивались в тесные группки, оцетинившиеся штыками, такие вот "орешки" и приходилось раскалывать нам с драгунами, пока гусары Изюмского полка гоняли бегущих казаков и башкир. Мы рассекали их конями, ведь они не умели держать каре, и добивали поодиночке. Вот такая кровавая работа.

Истребление казаков закончилось уже к вечеру. Мы вернулись в ставку Мансурова на шатающихся от усталости конях, залитые кровью, не понять чьей - своей или чужой. Многие вели своих усталых скакунов в поводу, ласково поглаживая их шеи, стирая грязными перчатками кровь.

По дороге мы стали свидетелями крайне неприятной сцены. Видимо, премьер-майор решил высказать всё Самохину до возвращения в ставку Мансурова.

- Как понимать ваше поведение, поручик? - спрашивал он у потупившегося Самохина. - Я спрашиваю вас, поручик, что вы себе позволяете? Вы позабыли мой приказ, действовать совместно с эскадроном Коренина? И старший офицер именно ротмистр Коренин, а не вы. Так почему вы позволили себе бросить товарища, не выполнив приказ?! Видимо, Коренин был прав, не смотря на вашу сообразительность, вы, как командир, сегодня показали свою несостоятельность. Вы понимаете, что я вам говорю?

- Так точно, - уныло протянул Самохин.

Как рассказал нам вахмистр Обейко, поручик послал его куда подальше, не особенно стесняясь в выражениях. И вместо того, чтобы вместе с нами атаковать пехоту, продолжил преследовать отступающих казаков. Ловкий Обейко быстро нашёлся в этой ситуации. Он отыскал в пылу сражения Михельсона, рубившегося вместе с астраханскими драгунами, и передал ему всё. Премьер-майор послал несколько проклятий по адресу Самохина и обратился к командиру эскадрона астраханцев, случившегося тут же. Тот откликнулся на просьбу нашего командира и направил драгун нам на помощь.

- Вы знаете, как это называется? - продолжал тем временем Михельсон. - Я надеюсь, что мне не придётся отправлять вас под трибунал. Запомните на будущее, что в моём полку приказы выполняются беспрекословно, и никак иначе. И GЭnstling у меня нет.

Вернувшись в расположение, мы вычистили коней и задали им корма и воды и только тогда отправились отдыхать сами. Ведь настоящий кавалерист сначала думает о своём скакуне, а уж потом о себе. Я, как офицер, ещё и проверил коней моего взвода, карабинеры не расходились к кострам, пока я прошёлся мимо ряда их лошадей, отлично вычищенных и лениво жующих овёс.

- Карабинеры, - осмотрев всех, скомандовал я, - за мной.

Оставив солдат у костра, где готовили кулеш на весь эскадрон, я отправился к офицерской палатке. В ней было непривычно тихо, как будто, и не победили мы только что казаков. Самохин сидел за отдельным столом, сесть рядом с ним не захотели даже офицеры его эскадрона, он молча пил вино, не утруждая себя закуской. И все, нет-нет, да бросали на него взгляд. В общем, поздний обед в полковой палатке прошёл крайне мрачно.

На следующее утро бригада выступила к Яицкому городку. Не прошли мы и двух десятков вёрст, как снова на горизонте возникли несущиеся в пыли гусары разведки. Мы снова приготовились к бою, однако вскоре по армии пополз слух. Казацкие старшины из Яицкого городка сами вышли нам навстречу, чтобы изъявить покорность и самые верноподданнические настроения. Ради такого, даже временно остановили продвижение армии, и все офицеры, оставив за себя унтеров, отправились поглядеть на атаманов-перебежчиков.

Яицкие старшины спешили и стояли перед генерал-майором, сняв шапки. Эти грозные не так давно повстанцы, громители Кара и Рейнсдорпа, мяли шапки и смотрели на нас снизу вверх.

- Овчинников, - говорил старший - или старшой, как выражались они сами - на Рубежный форпост казаков увёл. В городке остались только верные Её Императорскому величеству.

- Всех неблагонадёжных в острог заточили, - добавил второй, - а кого и сразу - того. В петлю, то есть.

- И тех, кто в городской крепости сидит ослобонили, - сообщил третий. - Они с самого декабря того года оборону держали, супротив пугачёвцев.

- А вы, стало быть, не пугачёвцы? - спросил у них Мансуров. - Вы, стало быть, верны оставались?

- Точно так, - едва не хором отвечали казаки.

- Схватить их, - приказал генерал-майор, - и связать. В городке разберёмся.

- Господин генерал, разрешите обратиться, - козырнул Михельсон. Мансуров кивнул и тот сказал: - Я бы не советовал вам, господин генерал, вязать казаков. Это уважаемые в Яицком городке люди, они пришли к нам сами, добровольно, понимали риск. Мы должны показать себя не жестокими карателями, но...

- С ними, - махнул рукой в сторону казацких старшин Мансуров, - иначе нельзя. Они истребляли дворян в занятых городах. Или вы Оренбург позабыли? Нет, премьер-майор, - генерал-майор выделил тоном звание Михельсона, подчёркивая их разницу, - только жестокость, запомните, только жестокость, и никак иначе. Почему эти казаки ещё не связаны? - обратился он ледяным тоном к своему адъютанту. - Или вы плохо слышали мой приказ?

Казацких старшин повязали и бросили в обоз, словно ещё один трофей, и армия продолжила движение.

Ворота Яицкого городка были открыты настежь. Нас встречали как родных. Ещё одна делегация казаков, несколько недоумевающих из-за того, что их старшин нет среди въезжающих в городок. Этих вязать не стали, Мансуров просто велел депутации расходиться по домам.

- Нечего тут торчать, - заявил он. - Хлебосолы выискались.

Первым делом мы направились в ретраншемент Михайло-Архангельского собора, где с конца прошлого года держали оборону гарнизонные войска подполковника Симонова и казаки, на самом деле оставшиеся верными. Никогда не забыть мне измождённые лица солдат и офицеров, выходящих из ретраншемента, в грязных зелёных мундирах, с чёрными следами пороха на коже, многие были перевязаны, некоторых, буквально, выносили на руках.

- Ваше превосходительство, - вытянулся во фрунт перед Мансуровым подполковник Симонов, из-под не раз простреленной треуголки виднелась белая повязка, - разрешите доложить. Гарнизон вёл оборонительные бои в ретраншементе Михайло-Архангельского собора. Потери...

- Довольно, подполковник, - остановил его Мансуров. - Ваш доклад излишен. Ваши дела говорят о вас лучше всяких слов. А теперь можете быть свободны.

- Есть, - козырнул Симонов и, чётко, как на параде, развернувшись, ушёл к своим солдатам.

- Быть может, стоит проследить за ними, ваше превосходительство, - сказал Мансурову Михельсон. - Ведь не исключены зверства.

- Если и так, премьер-майор, - отмахнулся Мансуров, - пусть отведут душу. Они почти полгода проторчали, осаждаемые этими инсургентами, и заслужили право на некоторые, как вы выразились, зверства.

- Ваше превосходительство, das ist unvorstellbar! - вскричал Михельсон.

- Вполне мыслимо, премьер-майор, - усмехнулся Мансуров. - В наших условиях очень даже мыслимо. Я ведь уже говорил вам насчёт жестокости, вы, наверное, забыли мои слова. А, вообще-то, странно. Мне о вас отзывались, как о человеке жёстком и, в некотором смысле, бескомпромиссном. Я удивлён.

Отвечать ему наш командир не стал.

Глава 7.

Комбриг Кутасов.

Армия выступила из Авзяно-Петровского завода первого мая. Комбриг никогда не видел проводов солдат на войну, лишь читал о них в книгах. Колонна солдат рабочих батальонов выходила из заводского посёлка - по сути, большой деревни - их окружали толпы женщин: жёны, матери, сёстры и просто подруги. И все они высматривали среди уходящих солдат своих родных и близких, шагали рядом с колоннами, протягивая завернутую в платки еду, кричали им что-то и просто махали руками.

- Батальон, - вскричал старший политрук Кондаков, - равнение налево! - И тут же весь батальон поворачивает головы, и солдаты уже без команды отдают честь женщинам, провожающим их.

За оградой рабочего посёлка казачья кавалерия готовилась к выступлению. Перед рядами казаков, также, по приказу Пугачёва, не смотря на все протесты, переодетых в новую униформу, гарцевал есаул Забелин. Этот молодой ещё человек рано продвинулся в иерархии казачьего войска, благодаря храбрости, переходящей в бесшабашную отвагу, и уму. Он целиком и полностью перешёл на сторону новой власти и быстро проникся идеями марксизма-ленинизма. По настоянию Омелина он, кроме командирских курсов, посещал ещё и лекции для комиссаров, правда, только самые основные. И сейчас можно было видеть результаты этой работы.

- Казаки! - надсаживал глотку Забелин, так что слышали казаки соседних сотен. - Орлы Революции! - Довольно давно восстание было "переименовано" комиссарами в Революцию, просто Революцию без каких-либо добавлений. - Враг наш силён! У него есть пушки! Ружья! Тысячи солдат! Но всё это есть и нас! Так чего же не хватает им, нашим врагам! Нашей, революционной, решимости! Решимости идти до конца! Умереть, погибнуть, но не сдаться! Драться до последней капли нашей, красной, революционной, крови! Наши враги бегут с поля боя! Переходят на нашу сторону! Их генералы трясутся от одного слова о солдатах "нового строя"! И мы заставим их бежать до самого Петербурга!

Он замолчал, перевести дух, Кутасов заметил как красно его лицо и как катятся по нему крупные капли пота. Комиссар Омелин махнул рукой и полковой оркестр, перешедший на сторону восставших в полном составе после разгрома генерала Кара, грянул "Прощание славянки". И под этот марш кавалерия присоединилась к пехоте.

Длинная колонна, во главе которой ехал сам "царь Пётр Фёдорович" со своими лейб-казаками полковника Мясникова. Войско двигалось к Магнитной крепости. Кутасов ехал перед рабочими батальонами. Тут же находился и Омелин, о чём-то беседующий с есаулом Забелиным. Комбриг не прислушивался. Он думал о своих новых батальонах пятиротного состава.

Объединять их в полки он не стал. Не было среди казаков офицеров, что смогли бы принять под командование такое подразделение. О рабочих с крестьянами и говорить ничего. Поэтому начальствовал над всеми солдатами "нового строя" сам Кутасов, а всех, более-менее толковых офицеров, он поставил командирами батальонов и рот. Свежеиспечёнными комбатами стали бывшие унтера, что прошли оборону Сеитовой слободы и Сакмарскую мясорубку. Шесть бывших унтеров на шесть рабочих батальонов. Ещё один батальон остался на заводе - нести гарнизонную службу и готовить резерв. Пугачёв настаивал на том, чтобы взяли его, оставив в тылу только рабочее ополчение, однако тут Кутасову удалось настоять на своём.

- Мы готовим армию не на один день, - сказал он "царю", - и не на одну войну. Ведь мы перебьём многих и многих солдат из предавших вас полков. Надо готовить армию и для мирного времени. И закладывать её основу надо именно сейчас. Потом будет поздно.

Подумал "царь-император", подумал и признал его правоту. Так что батальон без номера под командованием бывшего младшего комвзвода, а теперь капитана Гвоздя, остался на заводе. Капитану Гвоздю было приказано вести широкую пропагандистскую работу и вербовать и готовить как можно больше новых рекрутов. Война обещала быть долгой и жестокой, и неизбежные потери надо было восполнять. А набирать в батальоны "нового строя" необученных казаков или рабочих с крестьянами было нельзя. Для того чтобы эффективно воевать в их составе необходима выучка и дисциплина, которых им как раз и не хватает катастрофически. Конечно, по приказу Кутасова и в действующей армии были организованы рекрутские станции и по всей округе рассылали вербовочные команды. В них набирали самых лихих и отчаянных людей, зачастую из бывших ссыльных и беглых каторжан. Они, благодаря своей своеобразной привлекательности, легко набирали нужное количество рекрутов, им даже удавалось забраться на территории, контролируемые царскими войсками, и приводить оттуда людей, рассказывающих о зверствах, что творят каратели. Надо сказать, эти рассказы не надо было преувеличивать. Война между пугачёвцами и царскими войсками шла, что называется, на уничтожение. В деревнях и заводских слободах вешали всякого, кто вызывал хоть малейшее подозрение в сочувствии делу "царя-императора", а тех, кого видели или про кого слышали, что он участвовал в восстании, сажали на кол.

- Средневековье какое-то, - качал головой комиссар Омелин. - Я знаю, что в Гражданскую белые с нами творили чёрт-те что, но до такого не доходило.

Он указал на насаженных на колья людей, которых снимали сейчас казаки. Эти колья обозначали своеобразную границу контролируемой царскими войсками территории.

- Время такое, - пожал плечами Кутасов, - более жестокое, чем наше. Восемнадцатый век, как-никак.

- Надо будет придумать какой-нибудь праздник на первое мая, - сменил тему комиссар. - Я привык к Первомаю с самого детства.

- А до Чикагской стачки ещё сто десять с лишним лет, - усмехнулся Кутасов. - Как знать, может быть именно к маю они её привяжут из-за нашего восстания. Ведь мы просто обязано прогреметь на весь мир.

- А может и не будет никакой стачки, - заметил Омелин.

- О чём это ты, Андрей? - насторожился комбриг.

- О Мировой революции, конечно, - ответил тот. - Ведь не так и долго до Великой французской. Мы должны это использовать.

- Ну, наконец-то, ты, Андрей, стал мыслить не только нынешним днём, - рассмеялся Кутасов.

Утром пятого мая армия Пугачёва подошла к Магнитной крепости. Это был отлично укреплённый замок, с пушками на стенах и большим гарнизоном. Она встретила их артиллерийским огнём. Он явно носил предупредительный характер - ядра падали неточно и с большим недолётом.

- Дают понять, чтоб убирались, - усмехнулся Пугачёв. Он был одет в форму офицера "нового строя" с полковничьими шпалами в петлицах. - Ну, сейчас мы им покажем.

- Прикажете готовить эскаладу? - спросил Кутасов. - Лестницы готовы.

- Начинай, - махнул рукой Пугачёв.

- Первый батальон, - тут же скомандовал комбриг, - на эскаладу! Второй батальон, готовься!

Забили барабаны и два первых батальона выстроились в "колонну к атаке", подхватив лестницы для эскалады.

- Первый батальон, на правую стену! - отдал приказ Кутасов. Ориентиром служили ворота крепости. - Второй, на левую!

- Вперёд! - командовал последним Пугачёв, подтвердив тем самым свой авторитет "царя-полководца".

- Третий, четвёртый, пятый и шестой, - приказал комбриг, - в шеренгу по три, стройся!

- Кавалерия, на фланги! - тут же подхватил Пугачёв, опередив Кутасова.

Барабаны били громче и громче, запели трубы. Пехота и кавалерия двинулись с места, началась с виду хаотичная котловасия, однако в итоге войска замерли на своих позициях. А первые батальоны уже бежали под артиллерийским и ружейным огнём на штурм.

- Отрядить стрелков на прикрытие, Пётр Фёдорович? - поинтересовался комбриг.

- Егеря, - тут же командовал "император", - в стрелковые цепи! Прикрыть атакующих!

От ставки в рабочие батальоны бегут вестовые. И уже без барабанного боя егеря выстроились в стрелковые цепи. Стены Магнитной крепости были не столь высоки, и обстрел засевших меж зубцом солдат был весьма эффективен. По крайней мере, ружейный огонь со стен значительно уменьшился, из-за чего батальоны, идущие на эскаладу, быстрее смогли подтащить лестницы и начать, собственно, штурм.

И вот лестницы приставлены, солдаты ринулись по ним вверх. По ним вели огонь сверху, они отвечали, но вяло - бежать по лестнице и палить при этом из тяжёлого и неудобного мушкета очень сложно.

- Егеря, - взмахнул рукой Пугачёв, - усилить пальбу! - Вестовые передали команду и стрелки принялись стрелять чаще, стремясь прижать вражеских к стенам. - Жаль, пушки наши слабоваты. Этаких стен да ворот быстро ими не пробить.

- Можно отправить к воротам крепости команду воентехника Муравьёва, - предложил Кутасов, - и попробовать подорвать их.

Пугачёв потёр бороду, как делал всегда, когда задумывался, а после махнул рукой, что показывало, решился и сказал:

- Посылай, полковник. Пущай подорвут эти ворота ко всем чертям!

- Воентехника Муравьёва к царю, - тут же распорядился Кутасов, а когда тот подбежал к ним сам обратился к нему: - Бери свою команду и подорви ворота. Тебя прикроют две роты егерей.

Две роты егерей, находившиеся в центре цепи, перенесли огонь со стен на надвратную галерею, где сидели гарнизонные стрелки. Их задачей было, естественно, прикрытие ворот от таких вот сапёрных команд. Палили пугачёвские егеря не столько метко, сколько быстро, буквально засыпая надвратную галерею пулями. Под их прикрытием команда воентехника Муравьёва бросилась бежать к воротам. В состав её входили двое дюжих парней, тащивших на спинах мешки с порохом, сам воентехник и его помощник в звании младшего воентехника. Задачей последнего было заложить и подорвать мину, если самого Муравьёва убьют раньше. Пули свистели над головами сапёров, Муравьёв бежал, придерживая левой рукой фуражку, короткий тесак бил его по ногам и всячески мешался. Пуля угодила в грудь мешков с порохом, что тащил один из дюжих парней, он покачнулся, но равновесие удержал и понёсся быстрее. За ним на земле оставалась чёрная пороховая дорожка. Ещё одна сшибла с головы младшего воентехника фуражку, разорвав подбородный ремень, но тот, похоже, и не заметил этого. И вот команда уже под воротами, торопливо складывают мешки с порохом так, чтобы получить хоть сколь-нибудь направленный взрыв, связывают фитили. Жаль, военинженеру Кондрашову не удалось наладить производство динамита или хотя бы нитроглицерина, слишком опасное производство, слишком много людей угробилось при этих попытках. Мина готова, фитили горят, и команда бросается прочь от ворот. Не назад - уж очень велик шанс, что их подстрелят, а направо, под самой стеной, где над головами их идёт жестокая рукопашная схватка. Но как ни странно, именно там сейчас безопаснее всего.

- Лейб-казаки, - неожиданно для всех вскричал Пугачёв, выхватив шашку из ножен, - за мною стройся!

- Пётр Фёдорович, - от удивления Кутасов едва с коня не упал, - вы не можете так рисковать своей жизнью!

- Дед мой, Пётр Алексеевич, - сказал на это Пугачёв, - сам солдат в бой водил в Полтавской баталии! Довольно мне в тылу сидеть! Готовы, лейб-казаки мои?!

- Готовы, надежда царь, - ответил полковник Мясников, предводитель Лейб-гвардии Его императорского величества Яицкого казачьего полка.

Мина взорвалась, всё пространство перед воротами заволгло густым дымом, вонь которого доносилась даже сюда. Пугачёв вскинул шашку над головой и ударил коня каблуками сапог.

- За мной, казаки! - вскричал он. - Вперёд! На врага!

Несколько сотен лейб-казаков помчались вслед за ним, размахивая шашками. Пик ни у кого не было - какой от них прок внутри крепости.

- Ещё две роты, - обратился к ближайшему вестовому Кутасов, - егерей из центра цепи. Перенести огонь со стен на надвратную галерею. Чтоб ни одна пуля не попала в государя. Так и передай!

- Есть! - ответил молодой казачок, лихо козырнув, и умчался вперёд - к затянутой пороховым дымом стрелковой цепи.

Тем временем завеса перед воротами постепенно рассеялась, стал виден проход. Створки их, окованные бурой бронзой, валялись на земле, казаки пугачёвской лейб-гвардии вливались внутрь крепости. А перед ними спешно строились во дворе солдаты гарнизона. Но последние были сильно потрясены силой взрыва, они никак не ожидали, что мина разнесёт ворота, своротив их с петель с такой лёгкостью. Военинженеру Кондрашову не удалось внедрить новую взрывчатку, однако существенно улучшить порох, пользуясь знаниями двадцатого века, в недавнем прошлом выпускник химфака МГУ сумел. И весьма неплохо.

- Как бы то ни было, - произнёс наблюдавший за атакой казаков Омелин, опуская бинокль, - а он, безусловно, смелый человек.

- Чем менее всего походит на настоящего Петра Третьего, - усмехнулся Кутасов. - Тот, кажется, ни в чём подобном замечен не был.

Тем временем, казаки ударили в шашки на не успевших выстроиться солдат. Они быстро опрокинули их и скрылись внутри крепости, добивая солдат, где-то ещё оборонявшихся, где уже бегущих. Хотя куда бежать в крепости.

- Третий батальон, - тут же приказал Кутасов, - четвёртый батальон, вперёд! Занять крепость! Ударить по обороняющимся стены с тыла!

И снова бегут вестовые, бьют барабаны. Батальоны строятся в колонны и бегут к разбитым воротам. Остатки стрелков с надвратной галереи ведут по ним огонь, но их продолжает засыпать свинцом едва не половина егерей цепи. И вот батальоны уже входят в крепость, спустя несколько минут рукопашная схватка на стене закипает сильнее, становится ещё ожесточённой, и быстро стихает. С надвратной галереи выкидывают стрелков. В крепости начинаются первые пожары.

Когда рабочие батальоны резерва и казаки входили в Магнитную крепость, по армии пронёсся, как ветер, слух: "Государь ранен!". Кутасов ударил коня каблуками, Омелин не отстал от него. За последнее время он весьма ловко научился держаться в седле, не то, что раньше. Они мчались по крепости, минуя солдат рабочих батальонов и казаков, пеших и конных. Наконец, впереди замаячили мундиры лейб-казаков, комбриг с комиссаром подъехали к ним. В тесном кругу казаков, через который едва удалось протиснуться, Кутасов увидел Пугачёва. Ему перевязывали руку куском чистого полотна.

- Как и положено, - кивнул Омелин, вздохнув с облегчением, - легко ранен в правую руку.

- Вот только крепость мы заняли за один день, - усмехнулся Кутасов.

- Обо мне не тревожься, полковник, - увидев Кутасова, весело улыбнулся Пугачёв. Сам он и его конь были залиты кровью, как и шашка, что сейчас болталась на темляке золотого шнура. - Я царь всероссийский, меня убить промысел божий не даст.

В Магнитной планировали не задерживаться надолго. Однако именно к ней направились разрозненные отряды казаков, разбитых царскими войсками. Они собирались несколько дней. Теперь армия Пугачёва выросла почти вдвое. Оставив в Магнитной крепости гарнизон из одних только казаков, она, наконец, направилась дальше.

- Крепости падают одна за другой! - хлопнул кулаком по столу Пугачёв. - Все ломают шапки передо мной!

- Это были мелкие крепостцы, - качал головой в ответ Кутасов. - Они ничто в сравнении с Троицкой.

И действительно, Карагайской, Петропавловской и Степной крепостями было не так сложно овладеть. Гарнизоны в них были не столь сильны и велики, пушки были все старые, едва не петровских времён ещё, запасы пороха, ядер, ружей и пуль маленькие. Эти крепости, стоящие на границе со Средним жузом казаков, были предназначены для отражения мелких набегов, что учиняли те. А вот Троицкая была главной крепостью этого участка границы. Тем более, что именно туда собирались солдаты из разбитых царских гарнизонов, кому посчастливилось выбраться из осаждённых крепостей.

- Может и так, - согласился Пугачёв, - но моя армия сильна. Десять тыщ солдат!

- А сколько из них "нового строя"? - поинтересовался Кутасов.

- А казаки, по-твоему, никуда не годны, - взгляд "императора" потемнел, - так что ли?

- Вполне годны, - отрицательно покачал головой комбриг, ему стоило больших усилий сохранять невозмутимость, зная неукротимый нрав Пугачёва. - Но ведь они сильно уступают солдатам рабочих батальонов.

- Так чего ж ты от меня-то хочешь, полковник?! - вскричал Пугачёв. - Понять я тебя не могу. В рекруты всех казаков забрить, или как?

- Не в рекруты, - ответил Кутасов. - Драть их учить никто не будет, они это и так умеют. А вот строевой подготовкой с ними заниматься и заниматься, да и дисциплина хромает. И не всех казаков, а только безлошадных. Будем полноценные полки "нового строя" из них готовить. Пора уже.

- Солдат из казаков делать? - развёл руками Пугачёв. - Небывалое это дело. Ладно бы из рабочих да крестьян, их от веку в солдаты забривали, но никак не казаков. Тут дело такое, непростое. Ведь могут же и возмутиться, старшины-то.

- Мы несём потери, - настаивал комбриг, - пускай и небольшие, но всё же. Сильно потрепаны первый и второй рабочие батальоны, они насчитывают только две трети списочного состава, в остальных потери меньше, но, повторю, они есть. За прошедшие с начала войны годы, вы, Пётр Фёдорович, думаю, поняли, что сейчас главной силой является именно пехота. И чем лучше она обучена, тем сильнее армия. Ведь вы отлично должны помнить армию Фридриха Великого, который также приходится вашим родственником. Его пехота до Семилетней войны считалась лучшей в мире. В общем, нам, как кровь, как воздух, как пули и порох, нужна пехота. И набирать её лучше всего именно из казаков.

- А как же резерв твой, - вспомнил Пугачёв, хитро глянув на Кутасова, - что на заводах остался?

- Мы от него оторвались довольно далеко, - ответил тот, - и пока туда уйдёт фельдъегерь с предписанием, пока оттуда вышлют солдат. Пройдёт не один месяц, покуда у нас будут подкрепления оттуда. А пехота нам нужна как можно скорей, лучше всего прямо сейчас. К слову, на заводы я фельдъегеря уж выслал сразу после взятия Магнитной крепости. Так что когда подойдём к Троицкой, если даст Бог, будут рабочие батальоны полного состава.

- Эт ты хорошо удумал, полковник, - махнул рукой Пугачёв. - Хорошо, завтра выпущу манифест. Казачьим пешим батальонам быть.

Кутасов усмехнулся риторике "царя-императора". Очень уж похожа на его венценосного деда, Петра Первого, и чем дальше, тем больше.

- Сим объявляется, - вещал новый "статс-секретарь", сменивший попавшего в плен в Сакмарском городке Ивана Почиталина, - казачьим пешим полкам быть! Изю всех казаков, что коней не имеют, формируются пешие батальоны "нового строя". С положенным обмундированием и полною дисциплиной. Подписано, император всероссийский Пётр Третий Алексеевич Романов.

И тут же среди казаков, собравшихся на главной площади Степной крепости, пошёл шепоток. Вполне ожидаемый, надо сказать.

- В солдаты забривают.

- Нас, казаков, в солдаты.

- По какому такому праву.

- Небывало такого при нашем-то царе.

И как-то само собой все пришли к выводу, что царя, наверно, подменили и надо идти к нему, выяснять. Была собрана внушительная депутация из яицких старшин, направившаяся в ставку Пугачёва.

Возглавлял её атаман-полковник Овчинников, самый авторитетный казак во всём войске. Он склонился перед Пугачёвым, мазнув рукавом по полу, и сказал:

- Не вели казнить, государь-надёжа, - речь его будто вышла из бабушкиных сказок, - но никак не можем мы в толк взять. Это как получается, казаков в солдаты забривают, что ли? - И добавил. - Безлошадных.

- Ох, и сколько же мне бороться с тёмнотой народа моего, - как бы обращаясь к Кутасову, произнёс Пугачёв. - Долго. Ох, долго. Никого в солдаты забривать не будет. Будут из казаков батальоны "нового строя". Дратся вы, казаки мои, умеете славно. Но кроме этого надо ещё и воевать уметь. Мы теперь не с турком, и не с казахом воевать будем, но жёнки моей блудящей армией. И тут, окромя отваги вашей да удали казацкой, нужна, как воздух, как пули и порох, - Кутасов усмехнулся, но так чтобы никто не заметил, этой цитаты, - нужна дисциплина. Без неё, в наш осьмнадцатый век уже никуда. Так что казачьим пешего строя полкам быть. Всё вам понятно, господа депутаты?

- Понятно, надёжа-государь, - за всех ответил Овчинников, и депутаты покинули "царские хоромы".

И вот уже по войску пополз новый шепоток: "Как воздух, как порох и пули нужны солдаты из казаков". И хоть это и не понравилось казакам, но они добровольно шли записываться в новые батальоны, и несли все тяготы солдатчины и строевой подготовки.

- Ну что, полковник, - усмехнулся Пугачёв, указывая здоровенной булавой на стены Троицкой крепости, - сегодня будет проверка нашим новым батальонам.

- Будет, - кивнул Кутасов, прикладывая к глазам окуляры бинокля. - И они её выдержат.

Со стен крепости вели интенсивный огонь. Пушек в Троицкой крепости было куда больше, чем в Магнитной, а уж пороха и ядер - сколько угодно. И сейчас они вели огонь по армии Пугачёва, взявшей её в кольцо осады. Те же укрылись за габиянами от сыплющихся, словно горох, чугунных ядер, а пять взятых в Магнитной крепости "единорогов" били по стене.

- Таковую крепость эскалодой не одолеть, - качал головой Пугачёв, - слишком много народу положишь. А долго ещё стену колупать будем?

- Стена хорошая, - ответил ему начальник всей артиллерии майор Чумаков, - на века сложена. Но, мыслю, "единорожцами" нашими за полсуток - сутки управимся.

До того, как стать майором, Чумаков, хоть и был из казаков, служил в артиллерии фейерверкером второго класса, и дело своё он знал туго, как говорится, на "отлично".

- Как пробьём стену, - решил Пугачёв, - первыми в пролом пойдут казачьи батальоны. Проверим, как хорошо их выучили за это время.

- Опасно это, Пётр Фёдорович, - покачал головой Кутасов. - Они меньше двух недель тренировались "новому строю". Многих потерять можем.

- Лучшая учёба, полковник, - сказал на это Пугачёв, - в бою происходит.

Казаки, всё ещё в ставших притчей во языцех крашенных в полковые цвета кафтанах, лишь офицеры получили новое обмундирование, шагали неровными шеренгами к стенам Троицкой крепости. Мимо них свистели в обе стороны ядра - одни врезались в стену, выбивая из неё каменное крошево, другие били в землю или же в казацкие шеренги, оставляя за собой кровавые просеки. Однако привычных к смерти казаков это смущало куда меньше, нежели солдат, набранных из бывших крестьян и рабочих. Казаки шагали через дым и смерть, и пускай шеренги их были не так ровны, как у солдат "нового строя", но зато бесшабашной отваги им было не занимать.

Вот и теперь казачьи батальоны замерли в сотне шагов от стен, мимо свистели ядра, нормально взять прицел бомбардиры со стен крепости не могли - слишком близко подошли казаки. Зато по рядам их свинцовым градом ударили пули. Казаки открыли ответный огонь, но он был не особенно результативен - сложновато стрелять снизу-вверх. Теперь они падали один за другим, кто-то поднимался и стоял, опираясь на мушкет, как на костыль, другие оставались лежать. Однако никто не дрогнул и не побежал под обстрелом, как это иногда случалось с недавно рекрутированными солдатами "нового строя".

- Вот мои молодцы! - гордо махал булавой Пугачёв. - Как там бишь говаривал есаул Забелин, орлы революции! Вот они! Во всей красе своей казацкой!

Спорить с этими словами было глупо.

Наконец, стена рухнула, в ней образовалась брешь. Камни и кирпичи посыпались наземь. И тут же по образовавшейся насыпи под гром барабанов казаки, ломая шеренги, с примкнутыми штыками, ринулись в атаку. Кутасов навёл на брешь бинокль и навёл резкость, чтобы получше рассмотреть, что там творится. Солдаты гарнизона успели выстроиться напротив намечающейся брешки и достойно приняли удар. Они не успели дать залп по бегущим казакам. Завязалась рукопашная схватка.

- Перевести "единорогов" на левую стену, - скомандовал Пугачёв.

Тяжёлая артиллерия замолчала, и лафеты стали цеплять к передкам. Могучие широкогрудые битюги потащили их, широкие копыта их взрывали недавно подсохшую после весенних дождей землю, за колёсами пушек оставались чёрные следы, в которых тут же скапливалась мутная вода. Рядом с першеронами шагали казаки-бомбардиры, они тянули коней за удила или толкали то и дело застревающие в развезённой грязи орудия. Наконец, "единороги" были расставлены на позиции, к ним подтащили дополнительные габионы, потому что враг, видя передвижения пушек, сосредоточил огонь на этом участке осады. Ядра бились в большие плетёные корзины, наполненные землёй, но вреда "единорогам" нанести не могли. Вскоре "заговорили" и сами орудия.

- В эту брешь я снова поведу своих лейб-казаков, - сказал Пугачёв, поигрывая булавой.

- Это будет неверным шагом, Пётр Фёдорович, - покачал головой Кутасов, опуская бинокль.

- Почему это? - насторожился Пугачёв. - Не веришь в нашу силу казацкую?!

- Верю, - покачал головой комбриг. - Всегда верил. Но, во-первых: ваша рука ещё не до конца зажила, и вы не сможете сражаться с должной силой. А во-вторых: посмотрите на тот пролом, где дерутся сейчас казаки. Это не ворота Магнитной крепости, тут кони потеряют разгон, будут спотыкаться, могут ноги попортить на обломках камня. Здесь лучше всего справится пехота. А ведь императору всероссийскому негоже пешим сражаться, не так ли, Пётр Фёдорович?

- Верно, - вынужден был согласиться Пугачёв. Он положил булаву поперёк седла и стал смотреть на бой. - А кого тогда во второй пролом послать? - поинтересовался "император" у комбрига.

- Два рабочих батальона, - ответил тот. - Пусть посоревнуются с казаками.

- Умно, умно, - покивал Пугачёв и жестом подозвал к себе вестового. - Передай майору Байдаку и капитану Курылу, чтобы готовили батальоны к бою.

- Я поеду к ним, - сказал комиссар Омелин. - Проведу агитацию.

И он умчался вместе с вестовым.

- Чего это он? - удивился Пугачёв.

- Надоело без толку торчать тут, - пожал плечами Кутасов.

Он вновь взял бинокль и навёл его на левую стену Троицкой крепости. После нескольких пристрелочных залпов бомбардиры стали бить вполне уверенно. Чугунные ядра бились о стену, рассыпая облака каменной крошки, по ней пошла густая сеть трещин. Несколько врезались в угловую башню крепости, откуда било тяжёлое орудие. Башня выдержала, однако несколько камней вывалились из кладки, верхний помост, на котором стояла пушка, покосился, и орудие ткнулось стволом вниз. Расчёт его замахал руками, несколько человек, кажущихся мелкими карликами, как у Свифта, полетели на землю.

- Удачно они попали, - усмехнулся Пугачёв. - Очень удачно.

К Пугачёву подбежал запыхавшийся казак в рваном кафтане, залитом кровью. В руках он держал основательно посечённую саблю, за спиной его висел мушкет с расщеплённым прикладом.

- Надёжа-царь, - упал он на колено перед Пугачёвым, - полковник Белобородов подмоги просит. Внутри войти не могут казаки - крепко враг стоит.

- Довольно с него солдат, - отмахнулся Пугачёв. - Хватит ему. Пусть дерётся теми, кто есть. У меня для него резервов нет. И передай полковнику, что в левой стене скоро вторая брешь будет, туда рабочие батальоны пойдут.

Казак в рваном кафтане поклонился Пугачёву и бросился бежать обратно к пролому в стене.

- Жестоко вы с ними обходитесь, - покачал головой Кутасов. - Теперь Белобородов будет гнать людей на убой, лишь бы опередить рабочих.

- Я ему полк пеших казаков дал, - мрачно заметил "император", - пусть ими воюет. Не сумеет взять крепости без рабочих - грош ему цена.

Спустя ещё четверть часа "единороги" пробили брешь и во второй стене, в бой пошли рабочие батальоны. На сей раз третий и пятый. Кутасов навёл бинокль на их позиции. Перед шеренгами солдат в зелёных гимнастёрках гарцевал на своём вороном комиссар Омелин.

- Интересно, - сказал Пугачёв, - что он им там вещает.

- Солдаты, - говорил комиссар Омелин, твёрдой рукой сдерживая рвущегося от грохота и пороховой вони коня, - вон там, за стенами крепости засели царские войска. Они считают себя неуязвимыми для нашего гнева, нашей классовой ненависти. Ведь казаки уже больше часа пытаются прорваться внутрь. Им не занимать отваги и смелости, но нет в их крови революционной ярости. - В нескольких шагах от него в землю врезалось пороховое ядро, завертелось, зашипело рассерженной змеей. Омелин даже не обратил на это внимания. Равно как и на то, что ядро, сколько не вертелось и как бы угрожающе не шипело фитилём, так и не взорвалось. - Вы сейчас пойдёте в крепость и покажете всем, чего стоят рабочие батальоны нашей Рабоче-крестьянской казацкой армии.

- Ура! Ура! Ура! - гаркнули рабочие, и пошли в атаку.

- Красиво пошли, - усмехнулся Пугачёв.

Действительно, наступали рабочие батальоны ровными шеренгами. Прямо, как в кинофильме "Чапаев", что Кутасов смотрел незадолго до отбытия в прошлое. Пугачёв даже процитировал его, засмотревшись на шагающих солдат. И всё же комбриг решил, что сравнение неуместно, ибо в кино в бой шли каппелевцы, в свою знаменитую "психическую атаку", а тут шагают рабочие и крестьяне, прадеды тех, кто сражался против них. Но ведь всё-таки красиво идут.

Шеренги сломались только перед самой насыпью каменного крошева, ведь в брешь могли пройти от силы три человека плечом к плечу. И так, плотными рядами, в колонну по три, солдаты рабочих батальонов вошли в Троицкую крепость.

Третий батальон вместе с двумя ротами пятого, преодолев несерьёзное сопротивление солдат гарнизона, подавляющая часть которых дралась сейчас насмерть с пешими казаками, направился на правый фланг, на помощь Белобородову. Остальные две роты капитана Балабухи двинулись внутрь крепости. Быстро, почти без боя захватили они пороховой склад, охрана которого - два молодых солдата, бледных, как полотно, от липкого страха - сдалась без сопротивления. Вслед за тем солдаты Балабухи направились к комендантскому дому. Перед ним был выставлен сильный пикет едва не в роту солдат, и уже не молодых парней, но седоусых ветеранов, получивших приказ держаться до последнего. Строй их был глубиной в пять шеренг, лишь первые две успели дать залп перед рукопашной. Солдаты Балабухи вступили в бой сходу, также дав залп первыми двумя шеренгами. И закипела схватка.

Звенела сталь, насаживали друг друга на штыки рослые люди в мундирах зелёного сукна, когда ломались они, били прикладами, раскраивая черепа и кроша рёбра, а то и просто валились под ноги, вцепившись в горло друг другу в исступлении ярости.

- Охотники, - командовал капитан Балабуха, uncomfortably чувствующий себя не в самой гуще кровавой рубки, - на дома, на крыши! Огонь вести по вражьи тылам!

Ловкие егеря - или охотники, как звали их в пугачёвской армии - вскарабкивались на невысокие бараки и склады, забросив фузеи за спину. Заняв позиции там, они открыли огонь по отходящим отдохнуть от рукопашной царским солдатам, по офицерам в треугольных шляпах, по бешено орущим унтерам, а то и вовсе по окнам комендантского дома.

Численное преимущество, в конце концов, взяло своё. Остатки царских солдат, все раненные, кто сильнее, кто легче, побросали оружие, поредевшие роты Балабухи ворвались в комендантский дом. Первого же сразила пуля - комендант Троицкой, даже вдрабадан пьяный стрелял без промаха. Солдаты ринулись внутрь с тесачами наперевес, стремясь разорвать ненавистного коменданта едва не голыми руками. Комендант стоял перед ними в большой светлой комнате, слегка покачиваясь от количества выпитого, однако позицию *en garde* держал твёрдо, угрожая замершим в дверях солдатам шпагой.

- Ну, хамы, быдло! - крикнул он срывающимся голосом. - Кто хочет отведать моей стали?!

- Чего встали, орлы, - протиснулся в передние ряды опешивших солдат Балабуха, - этого, что ли, испугались? Да он пьян в дым, в двух шагов ни в кого не попадёт.

- В Петра вона попал, - буркнул кто-то, указывая на лежащего на пороге убитого пулей солдата.

- А ну, орлы, - крикнул Балабуха, - выволоките-ка этого, - дальше он вставил непечатное слово, - из дому! Да поскорей!

Словно разбуженные этой командой солдаты ринулись на коменданта. Он успел ткнуть кого-то шпагой, но её быстро вырвали из рук, самого коменданта скрутили, врезав несколько раз для острастки, и швырнули под ноги капитану.

- Тащите его к царю, ребята, - усмехнулся он. - Взода на это хватит. Остальные - за мной. Поглядим, что там, у стен творится. За мной!

Комендант стоял перед Пугачёвым на коленях, на плечи ему давили тяжёлыми руками два дюжих лейб-казака.

- Ну что, немчик, - густым голосом произнёс "император", - отказываешься признать меня, хоть мы с двоим батькой из одних земель родом будем?

- Ты самозванец, Емелька Пугачёв, - выплюнул ему под ноги комендант крепости, действительно, из обрусевших голштинцев, чей отец был выслан сюда комендантом ещё после гвардейского мятежа, приведшего на трон Елизавету Петровну, - ни слова по-немецки не разумеющий, *nicht wahr*?

- Бесовскими речами тебе меня не смутить, сатана немецкий, - столь же густо и веско сказал на это Пугачёв. - Кто я таков не тебе болтать. И за речи твои я приговариваю тебя повесить. Вона на том столбу.

Тут же казаки, прижимавшие коменданта крепости к земле своими тяжёлыми ладонями, подхватили его и потащили к указанному столбу. Комендант с неожиданной силой вырывался, даже отбросил одного, и всё время кричал: "Хамы! Скоты! Быдло! Flegel! Mi?geburt! Luder!"; часто перемежая немецкую речь с русской, густо заправленной матом. Казаки, да и сам Пугачёв усмехались в усы-бороды, иногда кто-то из собравшейся толпы кричал: "Эк заворачивает. И где токмо выучился-то, немецкая его душа". А между тем дюжие казаки навалились на коменданта, откуда-то вынырнул ловкий человечек с верёвкой в руках, на одном конце которой уже была увязана петля. Её накинули приговорённому на шею, перекинули через столб и дюжие казаки без церемоний навалились на другой конец, ухватившись за пеньку своими мощными руками.

Дальше смотреть "царёв суд и расправу" у Кутасова не было ни малейшего желания. Он развернулся и, никем не замеченный, покинул набитую казаками и солдатами рабочих батальонов площадь.

Глава 8.

Поручик Ирашин.

Очередной пикет в башкирской степи был похож на все предыдущие и большую часть последующих. Два с половиной десятка карабинеров - иногда патрулировать приходилось целыми эскадронами, когда башкиры Юлаева набирались лихой наглости - тряслись по степи, когда мокрой от дождя, когда прожжённой солнцем, глотая пыль или мяса лошадиными копытами грязь. И когда уже казалось, что ничего приключиться не может, что вон уже пора поворачивать домой, к Уфе или временной ставке корпуса, расположенной в какой-нибудь деревушке, степь оглашалась свистом и словно из-под земли, из невысокого по весеннему времени ковыля, вырастали башкиры. С саблями, пиками и неизменными луками.

И вот уже звучит команда: "Карабинеры, к бою!". Я кричу её, сам же не понимая, что делаю, выхватываю палаш. А мои люди вскидывают карабины - у всех они лежат поперёк седла. И будто бы кто-то суровое сукно рвёт над нашими головами - трещат выстрелы. Пули косят башкир, но в нас летят стрелы, и всадники в бешметах и меховых шапках пускают их одну за одной. Кого-то ранит двухаршинная стрела, однако убитых ими мало. Мы же отвечаем ружейной стрельбой. Всё это время я вынужден торчать в седле с палашом и пистолетов в руках безо всякого толку. Расстояния для пистолета мал, остаётся лишь ждать рукопашной. И вот башкиры приближаются на достаточное расстояние, я вскидываю палаш - взвод без команды прекращает стрельбу, пускает коней рысью, затем галопом. Сшибка! Звенит сталь, льётся кровь, падают наземь люди и кони. Результат всегда одинаков. Башкиры повержены и отступают разрозненными группками, а мы возвращаемся домой.

Мне везло. Мой взвод неизменно громил врага, где бы то ни было. А вот Озоровскому военная фортуна изменила. Он попал в засаду двух с лишним сотен башкир, и тут бы ему и пришёл конец, не приди на помощь сибирские драгуны капитана Холода, на соединение с которыми и шёл Озоровский. Башкиры, как показали пленные, хотели разбить их порознь, первым делом взявшись за карабинерный взвод, с которым, по их разумению, было легче справиться. С пленными, вообще, поступали крайне негуманно. После тщательного допроса, проведённого непосредственно на поле боя, их, как правило, бросали в степи. Иные офицеры, оправдываясь соображения гуманности, вовсе убивали пленников после допроса. Ведь тащить их в Уфу, дробя силы на конвойные команды, не было никакой возможности, как и таскать за собой этакий табор. Вот и приходилось поступать крайне жестоко.

Отличился, вновь вернув себе расположение Михельсона, Самохин. Силами своего эскадрона он атаковал расположившихся на отдых башкир числом до полутысячи. Многих порубал и пострелял, ещё больших взял в плен, а после развесил на деревьях, в тени которых они отдыхали, да на наскоро сколоченных из стоек юрт виселицах.

Но, не смотря на все эти успехи, серьёзного ущерба, за исключением, пожалуй, удачного рейда Самохина, нанести башкирам не удалось.

- Такая война долго продолжаться не может, - сказал как-то в офицерском собрании, в Уфе, поручик Лычков. Его эскадрон вернули "на отдых" из-под Астрахани, где он воевал под началом подполковника Кандаурова. - Вы гоняете Юлаева по степи, а толку? Башкиры практически не теряют людей, равно как и вы, вы вроде и воюете, а вроде и нет. Но время-то идёт. Пугачёв собирает войска, готовит новую армию. Нужно бить его в самое сердце, а чем вы тут занимаетесь? Башкирам хвосты крутите!

Он был уже изрядно пьян и позволял себе весьма рискованно высказываться.

- Полегче, сударь, - тут же осадил его Коренин. - Мы всё же воюем, и кровь льём, а не хвосты крутим. Задача нашего корпуса подавить восстание башкир Юлаева. Поставят нам другую - будем выполнять её.

- Не так давно, - ехидно заметил Лычков, - ваш командир не посчитался ни с чьими приказами и сбежал к Мансурову.

- Тогда мы обошли приказ Голицына, - согласился Коренин, - однако сейчас нам дано задание самим генерал-поручиком Щербатовым. Выше писать некуда, - усмехнулся он, - разве что государыне-императрице.

- Тут как с скифами и царём Дарием, - заметил новый офицер кирасирского полка прапорщик Ожаров. Это был совсем молодой ещё человек, любивший щегольнуть своими знаниями в области истории и в особенности, конечно, военной. - Вы не можете навязать башкирам сражения, а они применяют исключительно партизанскую тактику.

- И прорваться через них нет возможности, - сказал я. - Стоит растянуть коммуникации, оторваться хоть немного от обозов, как они мгновенно нарушают их. Юлаев отрезает нас от Пугачёва, надёжнее любой стены.

- С ними надо покончить один решительным ударом, - хлопнул кулаком по столу поручик Лычков. - Рраз! И всё! Чтобы только мокрое место осталось от этого Юлаева!

- Легко сказать, - невесело усмехнулся я, - раз - и мокрое место! Поди, найди место, куда удар наносить. Силы Юлаева раздроблены и собираются лишь для того, чтобы атаковать наши крупные соединения. В случае же малейшей опасности, они мгновенно скрываются в степи. Такая вот у нас война. Без наступлений и ретирад, без фронта и флангов.

- Отлично сказано! - вскричал молодой и лихой репортёр "Петербургского листка" Павел Астахов. - С вашего позволения, поручик, я занесу эту вашу сентенцию в мою следующую рапортацию в Столицу. В газете будут весьма довольны столь метким выражением.

- Вы только на меня не ссылайтесь, - сказал я.

- Не буду, не буду, - покивал репортёр, записывая в свой неизменный в кожаной обложке блокнотик. - Не первый, как говорится, день замужем-то. - Он лихо подмигнул мне.

На следующее утро нас разбудили звуки полковых труб. Мы спешно повыскакивали из квартир и бросились к конюшням, из которых заранее поднятые конюхи выводили лошадей. Забросив на плечо седло и узду, я подошёл к своему скакуну и принялся быстро взнуздывать его. Норовистый и злой жеребчик, прозванный мною в нарушение всех коннозаводских традиций Забиякой, тут же надулся, как только я закинул ему на спину седло. Я привычно двинул ему коленом под брюхо, чтобы он сдвинулся обратно, и сразу же затянул подпругу на последнюю дырочку. Жеребец дёрнулся, однако вахмистр Обейко, которого я попросил подержать узду, пока сам седлаю коня, удержал его железной рукой. Кивком поблагодарив его, я вскочил в седло и в свою очередь

перехватил уздечку вахмистрова коня. Оседлав своего злющего мерина, Обейко принял у меня повод, и мы направились к строящимся карабинерам взвода.

- Карабинеры, - обратился к полку Михельсон, - пришло время дать Юлаеву решительный бой. Он стремится отомстить нам за гибель нескольких сотен своих людей, убитых поручиком Самохиным. Он двинулся к Уфе. Мы выйдем ему на встречу, раз он так хочет посчитаться с нами.

Он перевёл дыхание и воскликнул:

- Корпус! За мной!

Наш конный корпус на рысях вышел из Уфы и направился на северо-восток, навстречу Юлаеву.

Встретились мы с ним в первых числах мая. Со стороны, наверное, армии более всего напоминали два облака серой пыли, сначала медленно, но всё быстрее и быстрее движущиеся друг другу навстречу. Одно облако затрещало, изменило свой цвет на беловатый, плюнуло свинцом, сотни свинцовых мух устремились ко второму. В ответ это облако ошетинилось стрелами, осыпало ими противное ему. Этот обмен продолжался какое-то время, покуда облака не встретились.

Драться в середине этого пыльного облака было сложно. Выстрелил я совершенно вслепую, в какой-то силуэт. Потом на меня налетел башкир с обломком пики наперевес. Он махнул им наотмашь, я навстречу ударил палашом - тяжёлый клинок легко перерубил дерево. Башкир ткнул меня оставшимся у него огрызком, длинные щепы порвали мундир, я рубанул его по голове. Башкир схватился за голову, меж пальцев его потекла кровь. Я уже мчался дальше, отмахиваясь от врагов. Ещё несколько раз сшибался с башкирами, кого убивал, кого только ранил, с кем, можно сказать, расходились вничью, обменявшись несколькими ударами. Но что самое неприятное, я совершенно не представлял, как идёт сражение. Побеждаем ли мы - или наоборот, терпим поражение. Я даже солдат своего взвода видел не всех.

Мы рубились, не смотря ни на что. Без команд и приказов, глотая пыль и убивая врагов.

А потом пыль осела, потому что оба войска замерли, топчась на месте и обмениваясь ударами. Мы дрались с башкирами, рубились насмерть, валялись под ноги коням мёртвые и раненые, последние, чтобы тут же быть затоптанными в тесноте. Я видел, как под поручиком Ипполитовым убили лошадь, но труп её какое-то время содрогавшийся в диких конвульсиях остался стоять, подпираемый с обоих боков конями своих и врагов. Ипполитов продолжал рубиться, даже не обратив на это внимание. Его окружала сеть стальных взблесков и свист клинка.

И снова бой закончился, фактически, ничем. Мы порубали башкир, сколько смогли, а когда они побежали, сил на преследование ни у кого не было.

Я положил палаш поперёк седла, свесившись, оторвал кусок башкирского бешмета и принялся чистить клинок. Пришлось ещё несколько раз дербанить вражьи халаты, даже плотная ткань их рвалась о зазубрины на моём палаше. Им придётся заняться серьёзно, как только вернёмся в Уфу или ещё куда. Уж очень сильно посекали мне в этот раз клинок, после чистки между зазубрин остались мелкие обрывки ткани.

Такого плана сражений было ещё несколько за тот месяц, что корпус провёл в степи, активно гоня Юлаева. И ни одно не принесло полной победы. Казалось, хитрый предводитель башкир просто выматывает нас, истощает наши силы. Вопрос только, для чего? Есть ли у него или главаря восставших, Емельки Пугачева, какой-либо план или же нет его, а Юлаев маневрирует, избегая решительного сражения по понятным причинам. Ведь его войско, как бы то ни было, не может эффективно противостоять нашей регулярной кавалерии. Вопросом этим задавались все в нашем корпусе.

Где-то в конце месяца мы получили известия о взятии Пугачёвым Троицкой крепости и разгроме корпуса Деколлонга, направлявшегося на выручку осаждённому гарнизону. Спустя несколько дней, после очередной стычки с башкирами, мы встретили группу

офицеров в рваных мундирах. Они брели, похоже, сами не зная куда, по степи, поддерживая друг друга. Все были покрыты ранами, но, похоже, не смертельными, лица - так и вовсе сплошной синяк.

Мы подобрали их, усадили на коней, позади карабинеров полегче, и отправились во временную ставку корпуса. Вечером того же дня офицеры - два прапорщика пехоты и капитан-поручик артиллерии - поведали нам историю гибели корпуса Деколонга.

- Мы подошли к Троицкой утром двадцать первого, - говорил старший по званию капитан-поручик Пегов. - Думали, казаки перепьются на радостях, мы и возьмём их тёпленькими. Ан нет! Тут же напоролись на конные разъезды, враг поднял тревогу. В проломах в стене торчали сильные охранения, с пушками. Как дали по нам пару залпов картечью, как веником вымели передовые взводы. Я-то сам конной артиллерии. Мы подогнали наши орудия, тоже картечью забили и врезали по проломам, покуда наши перегруппировывались. Раз - дали, два - дали, на третий залп орудия готовили, тут-то по нам и врезали в ответ. Из гаубиц или, может быть, из мортир. Остались от нас только рожки да ножки. Меня тогда контузило. Открываю глаза, вижу, от лафета одни обломки, орудия изломаны, будто слон индийский по ним протоптался, и всюду трупы - людские и конские.

- Так и пошли мы, - продолжал за ним молодой, но уже поседевший, как лунь, прапорщик Лосов, - без артиллерийского прикрытия. Хорошо, что хотя бы первую линию вражеских пушек, что по нам картечью лупили, разнесли. Верней, бомбардиров их в кашу кровавую размесили. Через них и пошли, сапоги кровью вымазали под самые голенища. Дали залп по пугачёвским солдатам - и в штыковую.

- Бой закипел жестокий, какого ещё не было, - второй прапорщик Мухнин, постарше первого, явно выходец из нижних чинов. - Я шпагу сломал, подхватил чью-то, её тоже сломал, обломком дрался. Бои на улицах шли, командования никакого, целые роты терялись, не знали, где кто дерётся. Бывает, свернём на улицу, а там - казаки. И как будто нас только и ждут. Залп - в упор, половина солдат на земле валяется. Ору: "В штыки!", схлёстываемся - и берут верх мои орлы. А после, оказывается, осталось нас всего - ничего. Я из роты единственный офицер. И всё одно, дальше идти надо. Дважды вот так на засады напарывались, только и выручало, что к нам собирались солдаты из разбитых рот. А на третий раз, встретили нас из пушек - трёхфунтовок - картечью, в упор. Меня порвало, но на своё горе, жив остался.

- Всем нам, пленным, - усмехнулся, мрачней на глазах, капитан-поручик Пегов, - Пугачёв велел выдать полторы сотни шомполов. Тех, кто переживёт экзекуцию, приказал вывезти в степь и отправить в сторону ближайшего вражьего отряда. Для, как он выразился, устрашения. Экзекуцию пережили пятеро, но двое умерли, покуда брели по степи. Вот такая наша история, господа офицеры.

- Будет ему устрашение, - жестоко улыбнулся Михельсон, естественное, присутствовавший тогда в собрании. - Быть может, прав был генерал Мансуров. А я его ещё отговаривал, спорил с ним. Они же наших офицеров шомполами запарывают, будто быдло какое-то. В общем, с этого дня, господа офицеры, мы должны позабыть все наши дворянские фанаберии. Alles! Только жестокостью сможем мы остановить пугачёвские орды черни! Они офицеров запарывают шомполами, мы их будем попросту уничтожать! Более, приказываю пленных не брать! Ни единого пугачёвца, чтобы не было в нашем расположении, господа офицеры. Ни одного!

Это было очередным витком жестокости этой войны. И чем жёстче обходились с пугачёвцами мы, тем страшнее были творимые ими над офицерами жестокости. К слову, казнил Пугачёв только обер- и штаб-офицеров, а унтеров, которые переходили на сторону восставших, щадил и даже, поговаривали, ставил офицерами в рабочие батальоны.

- Я сам, своими глазами, видел бывшего сержанта Борова, - говорил прапорщик Лосов. - Он в плен ещё в том году попал. Из моего взвода был. Мы его заочно отпели, и, я знаю,

унтера меж собой, честь по чести, проводили его и на девять и на сорок дней. А потом я увидел его, во время экзекуции. Ох, как активно он шомполом работал, только ключья в стороны летели. Обработывал офицеров нашего полка. Хорошо, меня отдельно бросили, иначе бы, тоже насмерть заporол. Так старался, сукин сын. Ну да ничего, попадётся он мне. Велика Россия, но и Господь всё видит, поможет нам свидится.

Спустя несколько дней после этой встречи, к нам примчался гусарский разъезд с вестью - Пугачёв и Юлаев объединили силы. И идут нам навстречу.

- Вот и пришло время, господа офицеры, - осклабился Михельсон. - Помните, что я говорил вам. Никакой пощады пугачёвцам!

Корпус встретился с врагом в тот же день, на реке Ай.

- Господа офицеры, - гарцевал перед нами премьер-майор, повторяя слова, сказанные в собрании, наверное, чтобы напомнить их всем нам, - никакой пощады! Пленных не брать и в плен не даваться. Это будет *Эbler Krieg*! Плохая война, - пояснил он для тех, кто немецкого не разумел. - Без жалости, без пощады, без пленных! За факты проявленной жалости буду расстреливать. Без суда! Самохин, - он как раз подъехал к позициям четвёртого эскадрона, - твоя задача, самая сложная из всех, что поставлены мною. Ты должен отрезать башкирам все пути отступления по берегу реки. Смотри мне, поручик, справишься, лично напишу на тебя представление, упустишь башкир - отдам под трибунал!

- Оправдаю доверие, ваше высокоблагородие! - гаркнул Самохин, совершенно поунтерски, выпучив глаза и едва слюной не брызжа в лицо Михельсону.

- И ещё раз напомню, - продолжал наставления перед атакой Михельсон, - забудьте про карабины и пистолеты! Сразу в рукопашную! Рубить сволочей в песи!

Он развернул коня, направившись на своё место в строю. В этот раз, для поднятия боевого духа, премьер-майор решил сам повести нас в атаку на врага. Михельсон вскинул руку с палахом - солнце сверкнуло на его клинке - и запели трубы, забили барабаны пехоты, что стояла в центре наших позиций. Медленно, шагом, сдерживая коней, чтобы не вырываться вперёд пехоты, двинулись мы навстречу Пугачёву. Армия восставших впечатляла не столько числом - не столь уж она была велика, на самом-то деле - но порядком. Даже казаки шагали стройными шеренгами с мушкетами на плече, словно регулярная пехота. И только башкирские орды, лихие всадники в бешметах с луками и пиками, вносили хаос в идеальные построения повстанцев. Именно башкиры и были, как водится, нашими главными врагами в этом бою.

Я по привычке проверил пистолет, что бы ни говорил наш командир, но и в рукопашной иногда он может очень пригодиться, да что там - жизнь спасти. Башкиры, опережая команду, поданную барабанами и трубами, как положено в настоящей, регулярной, армии, устремились к нам, на скаку натягивая луки. Эх, дать бы по ним сейчас из карабинов, но приказ есть приказ.

Мы сшиблись с ними. Следовать своей обычной практике - ударить и отступить - сейчас не могли, в тылу у них была река с топкими, заросшими осокой и камышом берегами. И вот теперь башкиры были принуждены принять бой. Я орудовал палахом, отбивая удары лёгких шашек, часто ломая их, крушил древка копий, срубал всадников в бешметах и меховых шапках. Башкиры бились отчаянно, но что кроме отчаянной, дикой отваги могли противопоставить они нам - без ложной скромности скажу, опытным бойцам, военной машине.

Мы рубили башкир палахами - и вскоре кони наши стали спотыкаться о трупы, по которым топтались. Поручик Самохин на сей раз сработал чётко - его эскадрон отрезал башкирам пути отступления, прижал к реке, загнал в осоку, чьи листья резали людей и коней.

Полковые трубы запели приказы трём эскадронам, кроме самохинского, переключиться на фланг пехоты. Отрезанные от кавалерии фланговые батальоны быстро перестроились в каре, ошетилившись штыками. Это были не казаки - на правом фланге

стояли так называемые рабочие батальоны, сформированные из бывших демидовских крепостных. Эти всегда дрались до последнего человека, ни один из них в плен не сдавался. Рассчитывать на то, что кто-нибудь из них дрогнет, нечего. Бой будет жестоким, долгим и кровавым.

Мы налетели на них - штыки рвали нам сапоги, оставляли длинные царапины на лошадиных боках. Я рубил палашом по мушкетам, ломал тяжёлым клинком штыки, бил по картузам, по коротко остриженным головам. В первые же минуты углубился вместе с взводом на две шеренги, но нас быстро выбили обратно, сомкнув ряды. Снова человеческая крепость оцетинилась штыками. И всё же, три эскадрона продолжали атаковать, кони перемалывали копытами трупы, месили кровавую грязь.

Так, в людском и конском поту, пороховом дыму, среди крови и боли, мы убивали друг друга. И всё без толку. Воспользовавшись тем, что мы откатились после очередной атаки, каре рабочих батальонов отступили на топкие берега реки, где коннице было с ними не сладить. Закрепившись там, они открыли по нам ураганный огонь, заставили отступить. И даже подошедший эскадрон Самохина, расправившийся с башкирами - лишь редкие всадники рискнули броситься в реку, вцепившись руками в гриву - не исправил ситуацию. Михельсон размахивал палашом, кричал что-то в гневе, но поделать ничего не мог.

Пехоты у нас было мало и командиры её не рискнули вступить в бой на берегах Ая без поддержки кавалерии. Они ограничились обстрелом отступающих за реку пугачёвцев. И хотя Михельсон лично отругал командующего пехотой корпуса капитана Мартынова, громко и матерно, чествуя его на двух языках - русском и немецком - так что у бывалых матершинников уши в трубочку сворачивались, но тот вести солдат в атаку по топким берегам отказался, выдав в ответ тираду, мало уступавшую той, что обрушил на него Михельсон. В общем, нам оставалось только смотреть на отступающих пугачёвцев.

- Завтра же пойдём на них! - крикнул Михельсон, обращаясь ко всему корпусу. - Завтра же! С самого утра!

Но назавтра, как не кипел раскалённой яростью наш командир, перейти Ай нам не удалось. Слишком много было раненых, царила обыкновенная для таких дел неразбериха, пока решали, кто за кем переправляется, пока выбирали позиции артиллерии для наиболее эффективной стрельбы по тому берегу, - так день и прошёл. Правда за ночь израсходовали почти весь порох и ядра, проводя артиллерийскую подготовку. Так что поспать почти не удалось, по крайней мере, мне. Не смотря на некоторый военный опыт, я так и не научился засыпать под канонаду. Перехватив лишь пару часов перед самым рассветом, я выбрался из палатки, которую делил с Озоровским и нашими денщиками, под звуки трубы, поющей "Подъём". Поглядел на реку, на поверхности её покачивались зацепившиеся за какие-то коряги трупы людей и коней, да какой-то рваный бешмет. Противоположный берег напоминал более всего свежую пашню, настолько сильно была перерыта земля.

Оправив мундир, я направился к лужку, где ночью бродили наши стреноженные кони. Оседлав и взнуздав своего скакуна, я толкнул его пятками, направив к позициям своего взвода. Мы выстроились перед премьер-майором, гарцующим на злом караковом жеребце, то и дело снимая двуглую шляпу, обмахивал ею лицо. День пятого июня выдался довольно жарким.

- Первой переправляется пехота, - в последний раз доводил он до нас план будущей баталии. - Карабинеры моего полка прикрывают её огнём, зайдя до середины в реку в установленных местах. - Глубину ещё вчера промерили саперы, и теперь их командир капитан Самыгин клялся, что конный вполне сможет форсировать Ай в любом месте, ибо река сильно обмелела. - Как только пехота выходит на тот берег и связывает противника рукопашной, кавалерия слёту форсирует реку и атакует врага на флангах. Карабинеры, вам прямой приказ: пропустить вперёд гусар и верных казаков. Первыми бьют они, а уж после вы, - повторил он и скомандовал: - Мартынов, вперёд!

Под барабанный бой пехота двинулась вперёд, вошла в реку, следуя вбитым сапёрами в дно реки колышкам, отмечающим брод. С противоположного берега по ним открыли огонь казаки и солдаты рабочих батальонов. Запели трубы и мы двинулись вслед за пехотой.

- Карабины к бою, - командовал я. Зашуршали ремни, защёлкали курки, мне не надо было оглядываться, чтобы увидеть, как всадники моего взвода снимают с плеч карабины, спокойными, уверенными движениями взводят курки. При этом кони их продолжали быстрым шагом форсировать реку, будто бы и вовсе без участия всадников. Поют трубы, и я командую: - Товьсь! Целься! Взвод, по моей команде, - а сам одним глазом кошусь на Коренина, готового отдать приказ открыть огонь. И знаю, что ротмистр при этом косит глазом на Михельсона. Наконец, тот взмахивает кулаком, надсадно взвыли трубы - и мы, едва не хором, я, ротмистр и унтера орём: - Огонь!

И снова, будто кто кусок плотной ткани, вроде драпа рвёт. Рядом сухо щёлкают гусарские мушкетоны и казацкие ружья. Над рекой стелется пороховой дым.

Трубы играют "Огонь без залпов".

- Бей по готовности, - командую я. - Остальных не ждать!

Карабинеры, гусары, казаки принялись палить вразнобой. Только офицеры сидели спокойно, среди этого грохота и свиста пуль, сложа руки на передние луки, да те, у кого были подзорные трубы, глядели в них, хотя, что можно было увидеть в таком дыму, не понимаю. Исключение составляли только казачьи командиры, большая часть которых была вооружена укороченными мушкетами, им-то уставы были не указ. Вот они и палили по тому берегу без продыха.

- Ишь как стараются казачки! - прокричал мне вахмистр Обейко, указывая прикладом своего карабина на казаков. - Это что их в предатели, если что не записали! - Он усмехнулся, вскинул оружие и всадил пулю куда-то в пороховой дым.

Через грохот выстрелов отчётливо стал слышен звон стали и тот ни с чем не сравнимый звук рукопашного боя, более всего напоминающий некий дикий, первобытный вой. Михельсон вскинул палаш, трубы запели "В рукопашную".

- Прячь карабины! - закричали унтера, опережая нас, обер-офицеров.

- Палаши к бою! - командуем уже мы. - К рукопашной товьсь!

И тут диссонансом среди этого железного порядка войны прозвучал голос Михельсона:

- Стой, дура! Куда прёшь! Да остановите его кто-нибудь!

Я разглядел, через пороховой дым, эскадрон Самохина, мчащийся через реку. Его кони уже, спотыкаясь, забирались на противоположный берег.

- Ирашин! - крикнул мне ротмистр Коренин. - Останови его! Скорей!

- Обейко, принимай взвод! - командовал я, давая коню шпоры. Тот, как-то очень по-человечески, вскрикнул и рванул вперёд, только держись. Я промчался мимо двух взводов нашего эскадрона, готовящихся к рукопашной, в туче брызг нагнал карабинеров Самохина. За несколько секунд обогнал их, ухватил поручика за плечо.

- Стойте, Самохин! - крикнул. - Прекратите! Вернитесь на позиции!

Вокруг нас свистели пули - нас обстреливали казаки, ведь взобравшийся на берег и замерший эскадрон, представлял собой идеальную мишень. Но мне на это было наплевать.

- Вы что творите?! - кричал я, сжимая в кулаке погон Самохина. - Вернитесь на место!

- Пусти меня, идиот! - орал в ответ поручик. - Пусти, тебе говорят!

- Приказ Михельсона, остановить вас, вернуть на место!

- Моё место здесь!

И тогда я решил прибегнуть к последнему средству, понимая, что иначе нельзя, пошёл на прямое нарушение устава.

- Вы отстранены от командования! - заорал я. - Я принимаю у вас эскадрон!

- Ах, вот оно как?! - Он рванул из ольстры пистолет, но его ухватил за руки поручик Парамонов, недолюбливающий Самохина по вполне понятным причинам. Вдвоём мы скрутили его, вырвали оружие, а Парамонов приказал куда-то за спину:

- Поручика в тыл! - и добавил: - Мы в вашем распоряжении, поручик!

- Возвращаемся на позиции, - приказал я, разворачивая коня.

Когда эскадрон занял своё место, спустя несколько столь драгоценных в бою минут, я козырнул Парамонову и сказал:

- Принимайте эскадрон!

И стоило мне вернуться на позиции моего эскадрона, как Михельсон скомандовал "В атаку!". Громко и звонко запели трубы. Кавалерия рванула вперёд, лишь мы, карабинеры, как не рвались в бой, а, следуя приказу, пропустили казаков и гусар. Они налетели на фланги восставших, лихо размахивая саблями и шашками. Бородачи-казаки при этом ещё издавали жуткий свист и вой, наподобие волчьего, скачущие первыми опустили к бою длинные пики, украшенные флажками, наподобие пикинерских или же бунчуками, как у диких татар. За ними уже вскарабкались на берег и мы. Когда кони нашего полка только взбирались на хоть и небольшую, но кручу, лёгкая конница уже врзалась во фланги пугачёвцев, не успевших выстроиться в каре. Казалось, победа уже у нас в руках, фланги противникам смяты, центр дерётся с пехотой, резервов нет, а нам прямая дорога ему в тыл. Что же ещё надо?

По широкой дуге полк устремился в открытые тылы пугачёвцев, но не тут-то было. На пути нашем вновь встали башкиры, которых считали разбитыми полностью в баталии позапрошлого дня. Дикие всадники, мечтающие, видимо, о реванше за поражение ринулись на нас, чего не бывало ранее. Первым среди них был башкир, одетый не в бешмет, как прочие, но в зелёного цвета мундир и картуз, что как-то не сочеталось с луком в руках и колчаном стрел на поясе. Он посылал в нас их одну за другой, правда, без особого толку.

Эта сшибка с башкирами не была похожа на предыдущие. Враг был жесток и упорен, он решил костью лечь, но нас в тыл не допустить. Мы завязли в плотной, словно патока массе башкирских всадников, как не рубили их палашами, как не пытались смять более тяжёлыми конями, как не вклинивались в наиболее уязвимые места, где кто-то из башкир давал-таки слабину, но развить успех не удавалось. Всюду, где только намечалась хотя бы тень успеха, объявлялся странный всадник в незнакомом мундире, потерявший уже где-то картуз. С дикой какой-то яростью кидался он на нас, нанося удары кривой саблей с такой скоростью, что иные и заметить было тяжело, буквально, сметал ими с сёдел простых карабинеров и выдавших виды, прошедших не одну войну офицеров и унтеров. Я лишь схлестнулся с ним - и едва живым ушёл. Он налетел на меня, словно вихрь, трижды ударил, но я сумел, жилы на разрыв, отбить их, а вот нанести ответные, уже нет. Тогда всадник - это был сам Салават Юлаев, башкирский полковник Пугачёва - крутанув над головой саблю, попытался достать меня в голову, среагировать я уже не успевал - спасла меня шляпа, принявшая на себя удар, хотя и макушке моей досталось. Тёплая струйка крови потекла из-под волос по виску и на шею. Юлаев взмахнул саблей, но сорванная с головы шапка моя крепко висела на ней, мешая рубиться. Это дало мне шанс. Я ударил Юлаева, но он каким-то чудом отбил его, шапка моя при этом слетела с клинка, куда-то под ноги коням. Отскочив на полшага назад, конь Юлаева присел на задние ноги и тот бросил его куда-то, где был нужней.

Так дрались мы с башкирами не менее часа, одно из самых затяжных кавалерийских боёв на моей памяти. И что мы не делали, как не рвались, но они не пустили в тыл пехотинцам ни единого взвода, ни одного солдата. А после пришло мрачное известие о поражении пехоты.

- Крепко дрались враги, - сказал Михельсону вестовой от гусар (я тогда случился поблизости и слышал всё до последнего слова), - и пехота Мартынова отступает ввиду

тяжёлых потерь и невозможности продолжать баталию. У нас и казаков потери также весьма изрядны, командиры наши испрашивают разрешения отступить.

Премьер-майор поглядел на него злым взглядом, дышал зло и тяжело, раздувая ноздри, однако здравомыслие всё же взяло верх, и он скомандовал:

- Ретирада! Отходим на тот берег!

И трубы запели "Ретирада, ретирада". Наше войско покатилося обратно, скатилось с крутого берега Ая, отступило в камыш и осоку. Пехота спешила отойти, мы снова прикрывали её огнём, да и, собственно, враг не особенно старался преследовать нас. Все были измотаны второй битвой за эти три жарких дня в самом начале лета.

Глава 9.

Комиссар Омелин.

После боёв на реке Ай настроение в войске Пугачёва было приподнятое. Всех мало волновало, что потери были велики, очень много раненых и многие из них останутся инвалидами и не смогут продолжать воевать, а убитых хоронили на правом берегу едва не весь следующий день. В общем-то, оба берега Ая теперь украшали сотни крестов, иные с фуражками или просто шапками - казацкие и рабоче-крестьянские - другие со дву- и треугольными шляпами - офицеров и солдат екатерининских войск.

Сражение на реке, к тому же, не принесло ощутимых успехов ни одной стороне. Михельсон, ввиду больших потерь и растраты большей части боеприпасов был вынужден отступить обратно в Уфу, а Пугачёв двинул свои войска к Казани.

- Пора взять Казань, - любил говаривать "император". - Она станет хорошей основой для нападения на Москву. Предок наш, великий царь Иван, прозванный Грозным, из Москвы Казань взял, я же возьму Москву из Казани.

Эта шутка, насчёт взять Москву из Казани, была весьма популярна в войске. Её то и дело употребляли комиссары с политруками Омелина. Особенно усердствовали на сей счёт в ежедневных политпросветительских беседах с солдатами и казаками.

- Мне не нравятся настроения в армии, Владислав, - высказал как-то Омелин свои настроения, когда уже совсем, что называется, накалилось. - Их иначе, как шапкозакидательскими не назовёшь. С таким настроением в бой идти нельзя.

- Влияй на своих комиссаров, - пожимал плечами Кутасов. - Что ещё я могу тебе посоветовать. Настроения в армии это по твоей части.

- А ты, Владислав, повлияй на Пугачёва, - сказал Омелин. - Одно его слово стоит десятка сказанных моими людьми.

- Постараюсь, - кивнул комбриг, - хотя на него не очень-то и повлияешь. Не такой уж он человек, наш надёжа-царь.

В тот же вечер Омелин собрал всех политруков и комиссаров в дом, который занимал один. Деревня, где стояло пугачёвское войско, была довольно большая, так что все офицеры и атаманы казаков смогли разместиться в избах, на содержании у крестьянских семей.

- Товарищи политработники, - обратился к ним Омелин, прохаживаясь по большой комнате избы, заложив руки за спину, - мне совершенно, категорически, не нравятся настроения в армии. С ними надо бороться. Нешадно искоренять!

- Какие настроения? - решил спросить политрук Кондаков. - Мы понять не можем, о чём вы, товарищ полковой комиссар?

- Какие настроения, - в упор глянул на него Омелин, - какие настроения, спрашиваешь? Скверные, товарищ политрук, весьма скверные! Шапками закидать хотите врагов? Считаете, пары побед довольно, чтобы над врагом надсмехаться? Нет, товарищи! - Он хлопнул кулаком по стене. - Нет! Чтобы стало с нами, если бы мы пренебрегли дисциплиной, к примеру, после взятия Троицкой? Не офицеров Деколонга шомполами

запарывали бы, а они нас. Подобные настроения, что начинаются сейчас в нашей армии, разлагают её изнутри. Как гангрена! Чума! Холера! Проказа! Она разложит тело и душу нашей армии, и враг легко уничтожит нас. Что может быть проще, чем прикончить человека поражённого любой из этих тяжких болезней?

Он остановился и поглядел на своих политработников. Взгляды их существенно изменились. Из растерянных, непонимающих, они стали горячими, живыми, настоящими. Омелин позволил себе усмехнуться, но про себя, ни тени улыбки не появилось на его лице.

- Вопросы есть? - тем же строгим "учительским" голосом спросил он у политработников.

- Никак нет, - ответил за всех старший по званию батальонный комиссар Серафимов, последний из прибывших из будущего политработник, не считая самого Омелина.

- Разойтись, - махнул рукой полковой комиссар.

Они вышли из избы, а уже на следующий вечер, на политпросветбеседе началась весьма активная работа. И уже вместо шуток про Москву из Казани зазвучали слова о болезнях лени и праздности, что разлагают армию, ослабляют её. Особенно приятно было послушать, конечно же, Кондакова.

- Что же вы, товарищи братья, - говорил он, обращаясь сразу к нескольким батальонам, - взяли пару крепостей, Деколонга шомполами заporоли, а с Михельсоном не сладили! Дважды схлестывались, как глухари на токовище, то мы через реку, то они, а толку - нет. Согнали пехоту в Ай, а кавалерию не побии. Слава Богу, да Салавату Юлаеву, что нас вовсе не побии. Вот он с башкирами своими два часа дрался с конницей, с михельсоновскими карабинерами, но в тыл к нам их не допустили. А мы что же? Стояли! С пехотой дрались, от гусар да казаков-предателей отбивались, но ни единого шагу вперёд, чтобы скинуть вражеского солдата в реку, отогнать легкоконных. Но нет! Стояли, в землю упершись! От обороны битвы не выиграть! - Он перевёл дух и снова обрушился на солдат. - Обленились вы, товарищи братья, лёгкую победу почуяли! И это первейший признак пагубного разложения армии. В общем, товарищи братья, решим с вами так! Никаких шуточек по поводу врага, к службе относиться со всей серьёзностью! Изгнать всякие признаки болезни из тела нашей армии, покуда их не пришлось калёным железом выжигать!

Особенно запали в душу солдатам - да и офицерам тоже - слова политрука Кондакова о "калёным железом выжигать", все отлично понимали, что это значит без иносказаний.

Вот теперь всё нравилось Омелину в армии. Начала подниматься в людях - не важно, рабочих ли, крестьянах, казаках, пеших или конных, даже до диких умов башкир сумели достучаться его политработники - глухая злоба. На самих себя. За праздность, которой они предавались, позабыв дело революции. И злобу эту копившуюся в них некой чёрной желчью, они готовы были сорвать на врагах. А впереди лежала Красноуфимская крепость.

Она прикрывала переправу через реку Уфу, закрывая армии Пугачёва дорогу на Осу, что на Каме, и оттуда уже, на Казань. Крепость стояла на крутом, правом берегу, Уфы, к воротам вёл мощный каменный мост, простреливаемый пушками со стен. Вести по нему людей, означало верную гибель для сотен и сотен людей, но брать Красноуфимск надо было быстро. Времени для долгой осады не было. В любой момент могли подойти каратели, Михельсон или Мансуров или князь Голицын, а противостоять сейчас, после изнурительных боёв на реке Ай, пугачёвская армия не могла. Мало было боеприпасов, патронные ящики рот и батальонов катились полупустыми, а ко многим орудиям, особенно больших калибров не было уже ядер, да и пороху тоже.

- Возьмём Красноуфимск, - обращался к своим полковникам Пугачёв, - будут у нас огнеприпасы к мушкетам и пушкам.

- Но, - возражал ему Кутасов, - сейчас у нас есть только люди. Если пойдём на эскаладу по мосту через Уфу, положим многих. Слишком многих. Мы можем взять Красноуфимск

сходу, получим огнеприпасы и ядра, порох и мушкетеры из арсенала, но кто воевать будет? Рассчитываете, Пётр Фёдорович, на приток новых сил - казаков с Дона, рабочих и крестьян, - но если первых можно сразу брать в строй, то, что делать со вчерашними крепостными. Они же не знают, с какого конца за мушкет братья. Чтобы сделать из них солдат нужны недели, месяцы, а их-то у нас нет. Нет времени готовить новых солдат, взамен погибших, война вошла в ту фазу, когда останавливаться нельзя. Сейчас у нас есть армия закалённых в боях солдат и казаков, их беречь надо, как зеницу ока, особенно после сражений на Ае.

- Как это, в толк взять не могу, - покачал большой головой Пугачёв, - солдата на войне беречь? Не для того войны затевают, чтобы беречь солдат.

- Войны, может быть, - не стал спорить Кутасов, - однако битвы надо стараться выигрывать по возможности малой кровью.

- Опять не пойму, что толкуешь, полковник. - Крови мало пролить, что ли? Для чего же тогда биться?

- Малой кровью, - объяснил комбриг, - это значит, чтоб мало крови пролить самим, но много - вражьей.

- Вот так мне больше по нраву, - голос Пугачёва от удовольствия как-то загустел, будто дёготь. - Но как же ты предлагаешь взять тогда Красноуфимск? Крепость хороша, не хуже Троицкой, тут без большой крови не обойдёшься, как ни крути.

- Можно обойтись и малой, - вступил в разговор Омелин. - Если применить военную хитрость.

- Какую такую хитрость? - заинтересовался Пугачёв.

- После разгрома корпуса Деколонга к нам попали множество мундиров, - начал комиссар. Всем было известно, что после знаменитой "порки Деколонга" многие казаки щеголяли в офицерских мундирах его корпуса, да и солдатских было припрятано "про чёрный день" не так и мало. - Надо изъять их, переодеть в них несколько взводов солдат, придать им унтеров-перебежчиков из корпуса Деколонга, для правдоподобия, и переправить на тот берег, где-нибудь выше по течению. Они обойдут Красноуфимск и подойдут к западным воротам крепости под видом разбитых частей корпуса. Им откроют ворота, потому что просто не ждут такой уловки от нас, недооценивают, считают слишком прямолинейными. Тем более, что в это же время с другой стороны подойдёт наша армия и начнёт устраиваться для осады.

- Значит, они, как войдут, расположатся внутри, а после откроют или взорвут ворота, верно? - глаза "императора" так и загорелись.

- Их и близко не подпустят к воротам, - покачал головой лейб-казачий полковник Мясников. - Разоружат и запрут на гауптвахте, до выяснения, или, по крайней мере, до конца осады. В Красноуфимске не дураки в гарнизоне сидят.

- Именно, - кивнул Омелин, - поэтому мне нужны самые отчаянные рубахи. Бессемейные, молодые, те, кто всегда впереди в самом жарком бою и никогда пулям не кланяются.

- Таких много в моём войске, - усмехнулся Пугачёв, - не на один взвод наберётся. Так ты, комиссар, я понял, сам с ними хочешь пойти.

- Верно, - согласился Омелин. - Мы, конные, как только войдём в крепость, тут же перебьём охранение и с шумом и пальбой рванём к воротам. Напротив нас выставят заслоны. А в это время вторая группа, в мундирах солдат и офицеров гарнизона, пешими, обойдёт район уличных боёв и подойдёт к нужным воротам. Так как все взгляды будут устремлены на армию за её стенами, на них не обратят особого внимания. Я на это, по крайней мере, надеюсь. Вот они-то и должны будут открыть ворота, и продержаться до подхода передовых отрядов.

- А конные как же? - спросил Мясников. - Сгинут все, выходит?

- Могут и сгинуть, - сказал Омелин, - а могут и прорваться навстречу нашим. Всё будет зависеть от их удачи и отваги. К тому же, весь гарнизон будет сосредоточен на стенах, и

заслоны выставить на пути прорывающихся через город всадников могут и не успеть. А если два отряда соединятся, то шансов выстоять до подхода авангарда будет куда больше.

- Хорошее дело, товарищи, - по привычке как бы несколько застенчиво сказал Степан Кведанович Стельмах, сын обрусевшего немца, бывший студент, как говорится, вольтерьянец и вольнодумец, за свои взгляды и высказывания загремевший сначала на каторгу, а после "на вечное поселение" в эти края. Согласно манифесту о всеобщем молчании. Едва узнав о восстании, он собрал небольшую шайку из таких же ссыльных вольтерьянцев, зарезал пристава, разоружил стражников и бежал к Пугачёву. Омелин сразу заметил эту "жертву режима", в поведении которой его смущали только уголовные замашки, которых Стельмах нахватался на каторге и поселении. - Как говорится, фартовое, а куда нам без фарта, верняк? - Из таких же ссыльных и бывших мазуриков Стельмах собрал взвод, ядро которого составила та самая шайка вольтерьянцев, с которыми он бежал с поселения. Всё это были люди сплошь лихие, именно что фартовые, Кутасов включил их в пятый рабочий батальон. - Я весь взвод свой на это подписываю.

- На дело пойдут только охотники, - густо произнёс Пугачёв, напоминая Стельмаху, которого хоть и привечал, как "земляка-немчина", потому, собственно, тот и присутствовал на этом заседании штаба, однако недолюбливал, не слишком доверяя этому чересчур независимо ведущему себя грамотею.

- А пусть только кто шагу вперёд не сделает из моих орлов, когда я их кликну, - жестоко усмехнулся Стельмах. - Этой самой рукой его на месте шлёпну. - Он погладил пальцами рукоять богато украшенного пистолета.

И в этот момент он показался Омелину очень похожим на комиссара времён Гражданской войны, в кожаной куртке и с маузером в деревянном футляре на бедре, готового расстрелять всякого, кто возразит командиру или ему по любому вопросу. Вроде Дыбенко или Фурманова. Вот оно, прошлое поколение политработников, из которых вышли такие прославленные товарищи, как Климент Ворошилов и сам товарищ Сталин.

- Хорошо, - кивнул Пугачёв. - Вот тебе, Омелин, и пешая команда. Ну, и конников мы тебе соберём, с Божьей помощью.

- Вот только, быть может, не стоит товарищу комиссару Омелину самому конных в бой вести, - предложил Стельмах, куда только делись его мазурские словечки, откуда вернулась странная, студенческая, застенчивость. Интересный, всё-таки, человек. - Таким человеком рисковать нельзя.

- Я - человек, товарищ лейтенант, - ответил ему на это Омелин, - и сам хозяин своей жизни. Если я буду сидеть в штабе, то какой же я военный комиссар. Получается, я - крыса тыловая, а не военный комиссар. Ведь многие мне это за глаза говорят, не так ли, товарищ лейтенант? - Стельмах часто изгалялся по этому поводу, особенно хлебнув первача. - Вот теперь вы все увидите, что я не стану прятаться за спины других, когда дело доходит до выполнения моих планов.

- Славно сказал, - уронил Пугачёв, как бы завершая этими словами заседание штаба, - правильно.

Той же ночью в двадцати верстах выше по течению Уфы, куда уже не решались заходить патрули екатерининских войск, пожилой башкир Туймазы - житель здешних мест, вёл людей и коней к берегу реки.

- Переправа совсем плохой, - приговаривал он. - Войско не переведёшь. Никак не переведёшь. Вода поднялась. Высоко-высоко. Вот тут надо к этому дереву крепкий верёвок привязать, чтобы переправа хороший была. Есть такой верёвка? - Кто-то из роты Стельмаха протянул Туймазы несколько увязанных в бухты канатов. - Добрый верёвка. Будем вязать. - Он быстро наладил несколько узлов, проверил на прочность, заставив навалиться сразу несколькими дюжим парням. - Теперь на тот берег надо. - Обвязавшись

теми же верёвками, Туймазы прыгнул в воду, не раздеваясь, и диковинной рыбой поплыл на тот берег Уфы. Там он выбрал дерево покрепче, навязал узлов, наладив верёвочную переправу. Перебравшись по ней обратно, он принялся объяснять, каким образом переправлять по ней лошадей.

- Вяжи его крепко, - старик усмехался, - как будто воруюшь, и ставь на доска. А солдаты с тот береги - тяни, тяни крепко, в землю упрись. Надо быстро чтоб конь на тот берег был, пока он не испугаться, и копытом не бей. А то разобьёт доска - и всё. Нет конь. Нет переправа.

Таким образом, люди и лошади переправились на правый берег Уфы. Туймазы махнул им на прощание рукой, собрал верёвки, забрав их с собой, и ушёл к себе в степь. Небольшой же отряд Омелина, как можно тише направился к Красноуфимску. Для ускорения полковой комиссар посадил стельмаховских мазуриков на коней к своим всадникам. Когда с рассветом вдалеке появились стены крепости, все подобрались, начали проверять оружие, понимая, что очень скоро их ждёт кровавая заварушка, шансов выйти живым из которой было очень мало. И конным, и пешим.

Неподалёку от Красноуфимска, пеших солдат в гарнизонных мундирах ссадили и теперь они шагали позади кавалеристов, стараясь скрыться в облаке пыли, что поднимали последние.

Омелин в последний раз проверил шашку и пистолеты, погладил коня по шее. Усмехнулся про себя, вспомнив их последний диалог с Кутасовым. Комбриг был решительно против участия комиссара в этой аванюре, однако у Омелина нашлись доводы и для него.

- Нельзя мне и дальше при штабе только сидеть, - сказал он Кутасову, - никак нельзя. Я авторитет теряю, и главное, среди своих людей. Политсостав в армии я составил, теперь политруки и комиссары без меня управятся. Пора бы и о себе немного подумать. Ведь вспомни Гражданскую, тогда комиссары при командирах всегда были, людей из окопов поднимали, где командир не справлялся - комиссар солдат в атаку ведёт. Я говорю это молодым политрукам, а они мне едва не в лицо спрашивают: а что же ты, товарищ Омелин? Они-то в атаки ходят вместе с шеренгами, а я - нет. Скоро, таким ходом, я вовсе авторитета лишусь, а через меня - и весь политсостав. Этого допустить нельзя. Никак нельзя. Ты-то себе славу заработал в Сеитовой слободе, откуда тебя на руках израненного вынесли. А погибну я, так политсостав сделает из меня святого, помнишь, мы и об этом говорили.

Помолчал тогда комбриг Кутасов, но не нашёл чего ответить, и только рукой махнул.

- Кто такие?! - оторвал Омелина от воспоминаний голос часового со стены Красноуфимска.

- Открывайте ворота! - крикнул ему комиссар. - Мы из корпуса Деколонга!

- Сейчас разберемся, из какого вы корпуса! - ответили ему, и спустя несколько минут в воротах отворилась небольшая калитка, ровно одному человеку пройти, и из неё вышел небольшой отряд солдат во главе с офицером в чине капитана.

- Кто такие? - задал он тот же вопрос. - Откуда будете?

- Мы из корпуса Деколонга, - снова ответил Омелин. - Честь имею представиться, поручик Омелин. - Он коротко козырнул.

- Поручик Стельмах, - выступил вперёд бывший студент. - Командовал ротой в троицком гарнизоне, сейчас принял командование гарнизонными войсками, что прорвались из крепостей, после их падения под ударами пугачёвских орд.

- Красиво говорите, господин поручик, - усмехнулся капитан-поручик, и, чтобы не выглядеть невежливым также представился: - Капитан-поручик Марев. Казаков среди вас нет, бород бритых тоже не вижу, - начал вслух рассуждать он, - для пугачёвцев вы слишком уж гладкие все, нет таких у Емельки. Значит, можете проходить. Подождите пару минут. Сейчас мы вам ворота откроем.

И действительно, стоило ему, вместе с отрядом вернуться в крепость, как тяжёлые ворота её поползли в разные стороны. Омелин позволил себе усмехнуться - всё шло по его плану, враг сам впускал их к себе.

Омелин покачивался в седле. Цок, цок, цок, - бьют подковы по земле. Омелину стоило больших душевных усилий не поглаживать рукоятку пистолета. Отряд втягивался в Красноуфимск. Медленно, очень медленно, будто мухи, ползущие по патоке. Они ползут по ней, увязая лапками, каждый раз им всё сложнее выдёргивать ноги, увязающие в вязкой жидкости. И тут вдруг воздух разрывает грохот взрыва, за ним следует ещё один и ещё - начала работать пугачёвская артиллерия. Все головы обернулись в стороны южной стены, к которой сейчас развёрнутым строем шагали, как в психической атаке, рабочие и казацкие пешие полки. В тот же миг время потекло своим чередом. А именно, полетело вскачь безумным табуном лошадей.

Омелин выхватил пистолет - и всадил пулю в грудь капитан-поручику, единственному обер-офицеру у ворот. Без него, как и предполагалось, солдаты растерялись, кто-то хватался за оружие, иные же просто вертели головами, безумно и бездумно надрывались унтера, зачастую отдавая противоречивые приказы. Но все голоса перекрывал дикий свист конных пугачёвцев. Они были набраны из молодых казаков, что ещё не успели отрастить бород, им выбрили лица и приказали молчать до самого начала сражения. И теперь они отводили душу за все часы молчания.

- За мной! - кричал Омелин, размахивая выхваченной саблей. - Вперёд! К воротам!

И увлечённый им казаки понеслись по улицам Красноуфимска, рубая направо и налево всех, кто оказывался у них на пути. Наперерез им, было, устремились несколько солдат во главе с обер-офицером. Они попадали на колени, вскинули мушкеты с примкнутыми штыками. Омелин налетел на обер-офицера конём, сбил его наземь, ударил саблей по голове. Солдаты, потерявшие командира, растерялись - унтеров среди них не было - и не успели выстрелить. Казаки порубили их в несколько секунд.

Пролетев ещё несколько улочек, они наткнулись на почти полноценную засаду. Солдаты катили телегу на середину и без того узкого переулка. По команде офицера они тут же бросили это занятие, укрылись за телегой и открыли беспорядочную стрельбу по подлетающим казакам. Омелин ловко послал коня на препятствие, тот взвился над телегой, цапнув копытами по старому дереву, и приземлился по ту сторону, сбив грудью нескольких солдат наземь. Комиссар завертелся в седле, как сумасшедший, раздавая удары направо и налево. К нему быстро присоединились передовые казаки, расчистившие улочку. Перевернув телегу и оттащив её к домам, всё это не слезая с сёдел, казаки помчались дальше.

Но эта заминка стола им очень дорого.

- Вашбродь! - козырнул седоусый унтер - ветеран нескольких войн. - Приказ выполнен! Баррикады сложены! Солдаты готовы принять удар!

Комендант Красноуфимска капитан Конев кивнул и отпустил его. Он вполне доверял поручику Веняминову, которого отправил с ротой солдат - больше дать не мог, ввиду подступающего к стенам противника - остановить неизвестно как прорвавшихся в крепость с тылу казаков. Вышедший из унтеров пожилой поручик, такой же ветеран, как и резво убежавший обратно сержант, он крепко знал военное дело. Он воевал с турками за Дунаем и отлично умел противостоять налётам дикой и лихой кавалерии.

- Кто такие? - обернулся на голос вахмистра и увидел шагающих колонной по два солдат в гарнизонных мундирах, возглавлял их незнакомый офицер. - Куда прёте?! - заорал вахмистр, однако солдаты и не подумали остановиться.

- Поручик, - наугад обратился комендант к странному офицеру, - я вас не знаю. Кто вы такой?

- Ба, капитан! - вскричал тот. - Это же я, Стельмах! Не признали?!

- Какой ещё Стельмах?! - опешил Конев. - При чём тут Стельмах?! Вахмистр, остановите...

Договорить он не успел. Станный офицер, назвавшийся Стельмахом, подошёл к нему слишком близко. Да и солдаты его успели рассредоточиться по дворику у ворот. Стельмах шагнул к Коневу и без размаха всадил ему в живот короткий нож с широким лезвием, несколько раз провернув его в ране.

- Вот и кончился начальник, - растянул тонкие губы в жестокой улыбке Стельмах.

Люди его открыли огонь по часовым у ворот и вестовым коменданта. Выстрелы эти и суматоха прошли совершенно незамеченными на фоне ожесточённой перестрелки, идущей на стенах и артиллерийской канонады. Никто и не заметил, что комендант крепости был убит.

- Бойков, бери двух человек, - приказал Стельмах, - чтоб ни одна сволочь из города сюда не подошла. Под любым предлогом останавливай!

- Понял, - ответил одетый в мундир младшего сержанта, аккуратно заштопанный на спине, ссыльный Бойков.

- Открывай ворота, мазурики! - крикнул Стельмах своим людям. - Быстрее, быстрее, парни! Покуда на стенах не прочухались!

Откинув тяжёлый засов с ворот, солдаты Стельмаха потянули на себя мощные, обитые бронзой створки ворот. Это не осталось незамеченным. С обеих сторон.

- Молодец, Стельмах! - крикнул Пугачёв, от избытка чувств взмахнув булавой. - Юлаев, вперёд! - величественным жестом он указал на открывающиеся ворота Красноуфимска.

И устремились к ним конные сотни башкир и казаков под общим командованием Салавата Юлаева. Дикие всадники приволжских степей неслись, издавая свист и вой, опуская к бою длинные пики, натягивая луки, на тетивы которых были наложены стрелы, обмотанные паклей. Десятники держали в руках тлеющие фитили, которыми должны были поджечь их. В крепости собирались учинить нешуточную панику, подпалив столько домов, сколько успеют.

Ворвавшись в крепость под ураганным огнём со стен, промчавшись мимо машущих руками солдат Стельмаха, срывающих с себя мундиры, чтобы свои не зарубили ненароком, легкоконные рассыпались по улочкам. Будто большая и полноводная река разбилась, разлетелась на сотни ручьёв. Всадники мчались по улочкам и переулкам, неся смерть и сея разрушение. Башкиры осыпали крыши деревянных домов горящими стрелами - в городе уже начинались пожары. Казаки с тылу налетели на баррикаду поручика Веняминова, отбивавшего бешеные атаки комиссара Омелина. Миг - и всё кончено, под ногами коней валяются трупы, а казаки обнимают свою молодёжь, безусых юнцов, показавших себя сегодня настоящими мужчинами и воинами. И тут возникает вопрос: "А где комиссар? Что с Омелиным?".

Полковой комиссар сидел в седле удивительно ровно, опершись рукой о стену. Стремительно бледнеющее лицо его улыбалось. К нему подскочили, подхватили на руки, разорвали мундир и рубаху, обнаружили пять ран - от сабель, пуль, штыков. Насмерть дрался комиссар, ни себя, ни врагов не щадил. Казачья молодёжь, что билась с ним бок о бок, поддерживая его под обе руки, чтобы с седла не свалился, повезли в тыл через остатки баррикады поручика Веняминова. Лишь наскоро перевязали раны, и теперь сквозь грубую ткань кривовато наложенных повязок сочилась кровь.

- Омелин! - вскричал, увидев это, комбриг. - Андрей! Ты живой?! - Так и хотелось ему ухватить друга-комиссара за плечи, встряхнуть, добиться ответа. Но нельзя - сейчас лишнее усилие его убьёт. - В госпиталь его! И если умрёт, всех к чертям в расход пушу! Вот этой рукой!

Глава 10.

Комбриг Кутасов.

- Ну вот, Андрей, - невесело усмехнулся Кутасов, - теперь ты лежишь, а я - сижу. Славно ты порубился в Красноуфимске, поднял свой авторитет, можно сказать, до небес. Даже если бы погиб, большего добиться не смог бы.

- Меня, что же, живым святым сделать успели за эти дни? - Комиссар улыбался вполне искренне.

- Ну, почти, - покачал головой комбриг. - Ты теперь стал в глазах солдат, да и казаков тоже, кем-то вроде былинного богатыря. Политработники на занятиях рассказывают о том, как ты рубал врагов в Красноуфимске двухпудовой шашкой.

- Двухпудовой. - Омелин хотел рассмеяться, но смех его быстро перешёл в какое-то куриное кудахтанье. Тут же к нему подбежал сам бригаврач Чернышёв, никому не доверявший лечение комиссара. Он грозно поглядел на комбрига и тот поспешил распрощаться с не могущим и слова вымолвить от кашля Омелиным.

Он вышел из госпитальной палатки, стараясь дышать как можно реже, поторопился покинуть эту часть лагеря. Запахи над ней витали не самые приятные.

Отдыхать армии Пугачёва было некогда. В Красноуфимске остановились не более чем на несколько часов. И уже на следующий день встретились с идущим на помощь крепости гарнизоном Кунгура. С ними встретились конные казаки и башкиры Юлаева. Бой шёл несколько часов, пока не подошли к авангарду на основные силы армии. Кунгурские солдаты поспешили отступить обратно за столь надёжные стены крепости. Кунгур ошетилился пушками, изготовившись к штурму, однако Пугачёв вполне разумно не стал бросать на приступ своих людей. Слишком незначительной была эта крепость, особенно лишившись изрядной части гарнизона. Армия же продолжала движение на северо-запад. К Каме и закрывавшей переправу через неё крепости Оса.

- Вам нельзя ещё подниматься, товарищ полковой комиссар, - настаивал бригаврач Чернышёв. - Раны, полученные вами в Красноуфимске, слишком серьёзны. Вы что же, совершенно не думаете о своём здоровье?

- Не время сейчас думать о здоровье, - ответил Омелин и обратился к находившемуся также в госпитальной палатке Кутасову: - Владислав, помоги одеть кожанку.

- Андрей, ты бы врача послушал, - качал головой комбриг. - Я ведь когда тебя увидел, подумал, ты уже не жилец. А бригаврач тебя, можно сказать, с того света вытащил.

- И не для того, чтобы вы, товарищ комиссар, себя обратно загнали! - вскричал Чернышёв. - Я категорически запрещаю вам покидать палатку. Иначе снимаю всякую ответственность за вашу жизнь и здоровье.

- Уж за них ответственность я могу нести и сам, - отмахнулся, сморщившись от боли Омелин. - Спасибо вам, товарищ бригаврач, - он протянул руку Чернышёву, и тот, как бы то ни было, пожал её, - что с того света меня вынули. Теперь мне для здоровья полезней будут солнце, воздух и вода.

- Ты тут только воздухом сильно не дыши, Андрей, - усмехнулся Кутасов. - Здесь это небезопасно. И всё-таки, рано ты из госпиталя вышел, рано.

- Ты, Владислав, сам про воздух распространялся, - сказал на это комиссар, - а я им вынужден был каждый день дышать. Только когда попы приходили умерших отпевать со своими кадилами, хоть немного полегче становилось. А так, хоть плачь, хоть волком вой, какие-то болота всё время снились. Как дела идут в моё отсутствие?

- Своим чередом, - сказал Кутасов. - Вчера Юлаев с Белобородовым подошли к Осе. Назавтра планируется штурм городской крепости.

- Это, значит, стены Осы, - кивнул Омелин, задышавший полной грудью только когда они отошли подальше от полевого госпиталя.

Лагерь пугачёвской армии располагался в двух десятках вёрст от Осы. Они подошли к краю лагеря и стали осматривать в бинокли окраины города. В нескольких местах над

крышами поднимались столбы пожаров. Со стен крепости вели огонь орудия - над ними то и дело вырастали беловатые дымки.

- Расточительно, - покачал головой Кутасов. - Слишком расточительно. В городе всего несколько сотен казаков и башкир, а они из крепости палят с самого утра. Пожары-то, собственно, из-за этого обстрела.

- Как будем брать их? - поинтересовался Омелин.

- Измором, - ответил Кутасов. - Исключительно измором. Раз они так порох расходуют, грех этим не воспользоваться, верно?

На следующее утро пугачёвская армия двинулась к Осе. Их встретили ураганным огнём пушек со стен. Вот только огонь этот был очень уж неточен - ядра рвались вокруг шагающих колоннами по улицам города солдат и пеших казаков, врезались в стены домов, разнося их, и лишь изредка попадали в цель, убивая и калеча несколько человек. Но это были столь жалкие потери, что никто не брал их в расчёт. Потом уже, военинженер Кондрашов, что заведовал сбором ядер для переплавки, подсчитал - лишь каждое десятое из них убивало одного человека. Четырьмя колоннами подошли пугачёвцы к стенам городской крепости, подтащили осадные орудия и открыли огонь по стенам.

- Вряд ли пробьём, - качал головой майор Чумаков, глядя на стены. - Долбить придётся не меньше трёх дней.

- Ты и долби, майор, - кивнул ему комбриг. - Но не особенно увлекайся, береги порох.

- Когда на штурм пойдём, товарищ полковник? - спросил у него майор Курыло, страстно любивший кровавую рукопашную схватку, и особенно эскалады.

- Не пойдём, майор, - ответил ему Кутасов. - Незачем людей зазря гробить, будем брать врага измором.

Курыло вздохнул тяжёло, понимая, что ему негде будет в ближайшее время разгуляться, и вернулся к своему батальону.

Однако сражаться всё же пришлось. Осаждённые то и дело предпринимали вылазки, стремясь уничтожить или повредить орудия. Однако каждый раз, не смотря на ожесточённость боёв и прикрытие артиллерии со стен крепости, их загоняли обратно за стены с большими потерями для екатерининских солдат.

- Сами себя гробят, - сказал Пугачёв, обходивший место такой ночной вылазки. - И ведь как дерутся, что твои черти, верно, полковник?

- Жестоко дерутся, - согласился Кутасов, сам участвовавший в рукопашной схватке этой ночью. - Но и мы тоже не лыком шиты, как говорить. Думаю, скоро крепость выкинет белый флаг.

- Толку-то с этого, - махнул рукой Пугачёв. - Солдат они много положили, порох почти весь пожгли, как только он у них весь выйдет, так они и сдадутся.

- Войску нужна была передышка, - сказал на это Кутасов. - Мы ведь идём без передышек с самого Ая. А тут стоим на месте, хоть и дерёмся, но малой кровью, вот и отдыхаем, можно сказать. Ещё и из гарнизона наберём, быть может, солдат. Пополним ряды.

- Ну, и то хлеб, - кивнул Пугачёв. - Что там с твоим особым отделом?

После того, как армию стали пополнять из числа солдат-перебежчиков, Кутасов предложил организовать особые отделы для проверки вновь прибывших. Вот тут и пригодился, наконец, старый чекист, числившийся военюристом первого ранга, Семён Семёнович Сластин. Личностью он был не самой приятной, его недолюбливали все отправившиеся в прошлое офицеры, считая навязанным энкаведешником, однако дело своё он знал туго. Как только был организован особый отдел, он был назначен его начальником. Первым делом Сластин велел тащить к нему всех полицейских, стражников и надзирателей из городов и посёлков, занимаемых армией, с ними он заводил один короткий разговор.

- Жить хочешь? - спрашивал он у избитого человека, сидящего напротив него на неудобном стуле, а то и вовсе на земле. Ответ напрашивался сам собой. - Работать на меня будешь? - Ответ снова был очевиден. Так и собрал он себе команду отборных негодяев, преданных лично ему какой-то примитивной звериной преданностью, а также отлично понимающих, что без Сластина они ничто, даже не люди. Случись что с ним, остальных офицеров особого отдела попросту перережут те же мазурики Стельмаха, по той же причине они боялись лишиться его расположения.

- Они там не особенно зверствуют? - спросил Пугачёв у Кутасова. - А то мне казаки начинают на них жаловаться, не только среди перебежчиков, но и среди своих. Вот уже двоих славных казаков сгноили, будто при Рейнсдорпе. Такого я в своём войске не допущу. Разберись с этим, полковник, покуда я этих твоих особистов, или как вы их там зовёте, к чёртовой матери не поразогнал.

- Разберусь, Пётр Фёдорович, - кивнул комбриг, и тем же вечером заявился "в гости" к начальнику особого отдела армии Сластину.

Он открыл дверь личного кабинета военюриста и как будто перенёсся во времени обратно в тридцатые годы далёкого двадцатого века. Тут тебе и стол с зелёным сукном, и шторы, пошитые из бархата, реквизированного с чудом уцелевшего купеческого склада в Красноуфимске, и даже вовсе неизвестно откуда взявшаяся пальма в кадке, видимо, из какой-нибудь дворянской усадьбы. Всё это барахло Сластин таскал за собой в обозе, обставляя им квартиры особых отделов, где бы они ни были - в городе, селе или же вовсе в поле. На столе перед ним всегда горела свеча в залитом воском подсвечнике.

Увидев, кто вошёл к нему в кабинет, Сластин не изволил даже оторвать тощего зада от стула, лишь изобразил, что отдаёт честь, как-то невнятно махнув рукой. Он никогда не снимал фуражки, скрывая под ней основательную лысину.

- Товарищ военюрист, - обратился к нему комбриг, присаживаясь на неудобный стул перед ним, - у меня к вам серьёзный разговор.

- О чём же? - перебил его Сластин.

Комбриг поднялся со стула, поправил свою фуражку и во всю силу лёгких гаркнул, да так, что огонёк свечи заплясал безумную тарантеллу:

- Встать! Смирно!

Сластин только дёрнулся, сказала военная выучка - офицер, какой-никакой - однако, остался всё же сидеть, нарочито пододвинув к себе какую-то бумагу и погрузившись в чтение.

- Что это значит, товарищ военюрист первого ранга? - ледяным голосом поинтересовался Кутасов.

- А что это вы на меня орёте, товарищ комбриг? - весьма невежливо, вопросом на вопрос ответил Сластин. - Офицеры особых отделов выведены из подчинения военного командования и подчиняются только своему начальству в наркомате внутренних дел.

- Вот как ты заговорил, Сластин, - усмехнулся Кутасов, медленными шагами обходя стол. Чекист, уткнувшийся для виду в бумагу, не заметил этого. - Выведены, значит. - Комбриг сделал ещё один шаг. - Тут такое дело, Сластин, на тебя казаки Пугачёву жалуются, говорят, сейчас не старые времена, чтобы хватали казаков да гноили в застенках. Рейнсдорпа вспомнили. - Ещё осторожный шаг. - Пугачёв на меня давит. Ты приумень свою прыть немного. Среди солдат, что к нам перебегают, крамолу ищи и выявляй, сколько хочешь. До них мне дела нет, кто там виновен, а кто только на подозрении. Но казаков не трожь.

- Особый отдел вам, товарищ комбриг, не подчиняется, - не поднимая глаз, повторил Сластин. - Я буду ловить шпионов и предателей среди кого бы то ни было. И мне всё равно кто они будут, казаки или перебежчики.

- Я вижу ты, Сластин, меня не понял, - притворно вздохнул Кутасов. - Ты не в тридцать пятом году, Ваня, и Генриха Ягоды за твоей спиной нет. И Энкаведе тоже нет. И особые

отделы подчиняются мне, как старшему группы военных специалистов. Понятно, товарищ военный юрист первого ранга?

- Товарищ комбриг, - дернулся, было, Сластин, но стоявший уже у него за спиной Кутасов резко припечатал его лицом в стол, прямо в зелёное сукно, носом в бумагу, которую он читал.

- Значит так, Ваня, - Кутасов навалился Сластину на шею всем весом, вдавливая его в сукно, - слушай меня, повторять не буду. Лови шпионов и предателей среди перебежчиков, казаков не трогай. Я ведь тебе даже не угрожаю, Ваня. Я предупредить тебя пришёл. Казаки ропщут на тебя и твоих особистов. И ведь я просто не стану за тебя вступаться, когда казаки вас перевешают, а уж что они с тобой сотворят... - Комбриг многозначительно замолчал. - Вот так-то, Ваня. Вот так.

Кутасов отпустил начальника особого отдела и, не прощаясь, вышел из его кабинета.

- Сластин зверствует, - сказал Омелин. - Мытарит каждого перебежчика так, что смотреть страшно. Всё шпионов ищет.

- Ничего, - отмахнулся Кутасов. - От них всё равно толку мало. Всех отправляем на Южный Урал унтерами в Резервный батальон, крестьян с рабочими муштровать. Среди них идейных и политически грамотных нет, как и таких, что останутся с нами до конца. Чуть дело пойдёт не так, они обратно перебегут. Ведь беглым рабочим с крестьянами терять уже нечего, их кроме плетей и виселицы ничего не ждёт, если мы проиграем, вот они и будут драться до последней капли красной рабоче-крестьянской крови.

- Вот теперь и ты меня цитировать начал, - усмехнулся комиссар. Фразочки его, вроде этой про рабоче-крестьянскую кровь, давно уже, что называется, пошли в народ. - Но ты, Владислав, себе врага нажил. Сластин враг очень опасный.

- Здесь Ягоды нет, - покачал головой Кутасов, - и Энкаведе тоже. Чего же мне его бояться?

- Зато осталась его банда из особого отдела, - ответил Омелин. - Да и к тому же Пугачёву он может попробовать втереться, состряпать какой-нибудь липовый заговор.

- Поздно, - хищно растянул губы в улыбке комбриг, - Пугачёв его терпеть не может. Особенно после истории с казаками, которых запытали в особом отделе. Нет. Теперь стоит только Сластину показаться на глаза Пугачёву, как тот отправит нашего особиста на тот свет. В этом плане он нам не опасен. Разве что споётся с Долгополовым.

Через несколько дней после того, как городская крепость Осы выкинула белый флаг, в лагере пугачёвцев объявился некто Иван Иванов. Этот купец выдавал себя за эmissара от цесаревича Павла Петровича. Он прибыл с дарами от Павла и его "жены" Натальи Алексеевны - заграничным платьем, сапогами и перчатками, а также двумя драгоценными камнями; и сообщением, что Павел двинул свои Гатчинские полки к Казани, на помощь отцу. Пугачёв, само собой, ничуть не поверил ему, однако оставил при себе с условием, чтобы Иванов публично и громко признавал его царём Петром Третьим. И этот самый Иван Иванов - на самом деле звали его Астафием Долгополовым - начал водить дружбу с главным особистом. Именно это и настораживало Омелина с Кутасовым. Два подобных негодяя могли таких дел наворотить, хотя бы свалить обоих военспецов. Ведь в отличие от Сластина, Долгополова Пугачёв привечал, хотя и не спешил выплатить ему вымышленный долг Петра в полторы тысячи рублей золотом.

- Для этого надо будет приставить к Сластину нашего человека, - сказал Кутасов.

- Государево око? - уточнил Омелин. - Но ведь ему Сластин ничего не доверит, если будет знать, что он - наш человек.

- Значит, Андрей, надо чтобы он этого не узнал, - загадочно растянул губы ещё шире комбриг.

Несколько дней спустя комбриг появился в палатку лейтенанта Стельмаха. Бывший ссыльный студент сидел за раскладным столиком верхом на седле и в одиночку приговаривал бутыл с мутной жидкостью.

- Этак и спиться недолго, - приветствовал его комбриг, жестом показав, без чинов. - Нaley и мне.

- Пить с командованием schlechte Manieren, - покачал головой Стельмах и второго стакана не достал. - С чем пожаловали, товарищ комбриг?

- Проворовавшийся сержант ещё у тебя в роте? - спросил у него Кутасов, кладя ладонь на стакан Стельмаха и усилием не давая ему поднять его.

- Тот, что ещё и насильник? - уточнил Стельмах. - Да, ещё жив, хотя мазурики мои, из правильных, на него уже ножички точат, хотят ему кровь пустить.

- Ты их придержи, лейтенант, - покачал головой комбриг. - А лучше всего вызови немедленно сюда.

- Зачем он тебе? - удивился Стельмах. - Дерьмо ведь, а не человек.

- Такой мне и нужен для одного дела. Пошли за ним человека, лейтенант, прямо сейчас и отправь.

Стельмах пожал плечами и, вырвав у Кутасова из пальцев полный стакан, единым махом выпил его. Выйдя на улицу, он толкнул ногой первого попавшегося солдата, спящего неподалёку от его палатки, и отправил за сержантом Головым.

- Так всё же, для чего он тебе нужен? - вернувшись к столу Стельмах сильно удивился отсутствию стакана и всей бутылки с самогоном.

- Сейчас поймёшь, - кивнул комбриг. - Подыграй мне.

- Да как подыгрывать-то, я ж ничего не понимаю...

Но объяснять было поздно, в палатку уже входил чешущийся со сна сержант Голов.

- Ты, что ли, сержант Голов, насильник и вор? - спросил у него мрачным голосом Кутасов.

- Всё поклёп, - тут же вскричал тот. - Да разве ж я где влопался?! Нет, вы скажите, облопался на чём Голов, али нет?! Кто видел, кто за руку поймал?

- Ты подойди сюда, - сказал ему Стельмах, мгновенно уловивший свою роль в развившемся спектакле. - Ближе, ближе.

Голов сделал пару шагов и остановился около раскладного стола. Кутасов и Стельмах поднялись на ноги. Голов тут же поднял руки, закрывая голову.

- Руки опусти, - тихим, как шипение гадюки в траве, голосом сказал Стельмах.

- Опустить, - в тон ему лязгнул Кутасов.

Сержант опустил руки, и тут же Стельмах ударил его справа по уху. Голов схватился за голову, но тут же получил от Кутасова слева. И снова от Стельмаха - ногой в живот. Переломился пополам, но Кутасов схватил его за длинные, не по уставу, волосы (мельком подумав, что пора бы озаботиться и стрижкой солдат, а то какая-то партизанщина получается) и пару раз врезал кулаком в лицо. Как только комбриг отпустил его, он тут же рухнул на землю, закрывая голову, живот и пах. Комбриг с лейтенантом несколько раз врезали ему сапогами по рёбрам, а после Стельмах сходил к бочке за водой и вылил на Голова несколько ковшей.

- Поднимайся, Голов, поднимайся, - сказал Кутасов, садясь обратно на стул. - Теперь у нас с тобой разговор будет.

- Это какой же разговор? - настороженно спросил тот.

- На тебя в особом отделе у Сластина заведено дело, - начал издали Кутасов, - сам знаешь из-за чего. - Голов снова вскинулся, но Стельмах показал ему кулак и он тут же замолчал. - Завтра-послезавтра, к тебе придут особисты, и ты поймёшь, что мы тебя только гладили, а они будут бить.

- И дрови попробуешь, и миног, - заверил его Стельмах, - и чего похуже. Сластин тебе не клюй казанский, он шутить с тобой не станет.

- Пущай, как хочет, мытарит меня, - рванул на груди кавалерийский унтерский мундир, - ничего не скажу!

- А вот как раз наоборот, - покачал головой Кутасов. - Ты расколешься, Голов, до самой сердцевины. И молчать! - рявкнул он, видя, как тот вскидывается снова. - Это приказ!

Изворачивайся, как хочешь, Голов, крутись, как уж на сковороде, но вотрись в доверие к Сластину. Надо чтоб он всюду тебя за собой таскал, доверенным лицом его станешь. Понял меня?

- Да как же так, господа командиры, - потух Голов, - что это получается? Меня, честного мазурика, не просто в доносители, а в каплюжники чистые записать хотите. Это же против всех понятий, господа командиры, меня ж свои, братья мазурики, на нож поставят.

- За это не беспокойся, Голов, - заверил его Стельмах. - Я с людьми из роты поговорю, объясню политику.

- Да всё едино, - взмолился сержант, - господа командиры, не могу я в каплюжники идти, не могу, вся порода моя мазовская противиться этому. - Он упал на колени и заломил руки.

- Пойдешь, Голов, пойдешь, как миленький, - железным голосом сказал Кутасов, - иначе тебе одна дорога - на виселицу. Думаешь, про тебя забудут, раз Пугачёв запретил казаков вешать и гноить, - слух о недовольстве "царя-императора" арестами казаков быстро распространился по всей армии, - но к тебе это отношения не имеет. За тебя, мазурика, никто вступаться не станет. В общем, хочешь жить, Голов, вертись, как хочешь, но стань мне тенью Сластина. Всё понял?

- Покупаете задёшево честного мазурика, - протянул сержант, но Кутасов уже видел, что он согласен на всё. Жизнь, как говорить, всегда дороже.

На следующее же утро Голова схватили особисты, однако после разбирательства он отделался только десятком розог за воровство. А вот подельники его, которых он выдал с потрохами, вместо миног или дробы попробовали шомполов. Во взводе Стельмаха росло глухое недовольство, однако лейтенант каким-то образом пресёк его, а Голова, от греха подальше, забрал к себе Сластин. Что и требовалось комбригу.

Теперь победы следовали одна за одной. В тылу врага вспыхивали крестьянские восстания, генерал-поручик Щербатов лишился провианта, и был вынужден разворачивать полки на их подавление. К тому же в тылах действовали легкоконные отряды казаков и башкир, нарушавшие коммуникации. В конце июня были взяты Воткинский и Ижевский железоделательные заводы, пали Елабуга, Сарапул, Мензелинск, Агрыз, Заинск, Мамадыш. Омелин находился постоянно в приподнятом настроении, его даже перестали волновать возродившиеся шапкозакидательские настроения в армии.

- Наконец-то, наконец, - говорил он Кутасову, как правило, меряя шагами комнату в очередном доме, где размещался штаб и политотдел армии. - Рабочие пришли к нам. Настоящий крепкий пролетариат, рабочая кость, не то, что крестьяне-мешочники. Таких нам не хватало всё это время!

- Да брось ты, Андрей, - осаживал его комбриг, видя, что настроение комиссара слишком опасное, - это же вчерашние крепостные, такие же, как эти твои крестьяне.

- А кем были рабочие в девятьсот пятом, - возражал Омелин, - и в семнадцатом. Кто стал стеновым хребтом революции и Гражданской войны? Чёрные кепки и серые шинели! Рабочие, солдаты и моряки. И все они, все, такие же вчерашние крестьяне, как те, кто приходят к нам что ни день.

- Вот только ты забыл, Андрей, - напомнил ему Кутасов, - что сейчас совсем не та война, что была в семнадцатом. Тогда рабочему винтовку в руки дал, а уж в цепи ходить и окапываться он сам учился. Сейчас же у нас всё сложнее. На подготовку более-менее сносного солдата-новобранца нужно не меньше двух месяцев, чтобы он научился из мушкета стрелять да в строю ходить. Противостоят же нам умелые и опытные ветераны Семилетней войны, Русско-турецкой, даватели Барской конфедерации. С казаками, конечно, проще, но им полного доверия нет, сам понимаешь, не тот класс.

- Ты слишком пессимистичен, Владислав, - перебил его Омелин.

- А ты, Андрей, похоже, ослеплён победами и притоком рабочих, - брякнул кулаком по столу Кутасов. - Раскрой глаза, Андрей! Сейчас переломный момент, нам предстоит историю менять. И наша главная задача сейчас уговорить Пугачёва идти на Москву, а не поворачивать к Дону. Да и Михельсона не стоит сбрасывать со счетов. Как бы то ни было, а его корпус вполне может нанести нам поражение.

- Михельсона разобьём, - твёрдо заявил Омелин, - со свежими батальонами с Южного Урала, разобьём. А вот с Пугачёвым будет сложнее. Тут всё будет зависеть от потерь, особенно среди казаков, понесённых в сражении с ним.

- Вот теперь тебя люблю я, - процитировал Кутасов с улыбкой. - Правда, тогда у Пугачёва казаки были единственной силой, кроме них были кто - рабочие с заводов да крестьяне с дрекольем. У нас же есть рабоче-крестьянские батальоны, они - основная сила нашей армии, как ты там сказал, становой хребет революции. Значит, на них нацелит атаку Михельсон, а они могут и не выдержать удара кавалерии. Как бы то ни было, половина из них воевала только с гарнизонными войсками, пускай и с границы с казахами, но до настоящей линейной пехоты им далеко. Вторая же, вовсе необстрелянные новобранцы. Потери могут быть, а, к чёрту, какие политесы между нами, и будут большими! И вообще, про штурм Казани не забывай. Потери ведь и там будут. Воевать нам будет очень тяжело.

- Для того нас сюда и прислали, - напомнил ему комиссар. - Со своей стороны я с политработниками обеспечу должные настроения в армии. С шапкозакидательством будем бороться всеми силами, думаешь, я этих настроений не замечаю?! Вполне, вполне. Проведём работу.

Десятого июля пугачёвская армия встретила отряд полковника Толстого, вышедшего ему навстречу из Казани.

- Нынче нам предстоит встретиться с жестоким врагом, - говорил Пугачёв. - У него меньше солдат, но это не гарнизонные вояки, позабывшие как в руках оружие держать. Нет. Это матёрые каратели, на них кровь сотен и сотен казаков и крестьян. Толстой крестьян и казаков целыми деревнями вешал. И надо сделать так, чтобы завтра сам он болтался на крепкой верёвке.

- Не подведём, ваше величество! - браво рявкнул казачий полковник Белобородов, браво топорща бороду.

- Вот об этом я докладывал вам, Пётр Фёдорович, - тут же напомнил Омелин. - Лёгкие победы вскружили головы многим вашим верным людям. А вы ведь сами только что говорили, воевать нам придётся не с гарнизонными вояками, а с матёрыми карателями полковника Толстого.

- Верно говоришь, комиссар, - согласился "император". - Никуда не годится с таким настроением в бой идти. Помните, с кем нам драться придётся. А ты, комиссар, прикажи своим людям эту вашу политработу провести в полках и батальонах как следует. Крепкую работу провести. Таков тебе мой царский наказ.

- Слушаюсь, Пётр Фёдорович, - вытянувшись, козырнул Омелин. Именно это ему и было нужно, чтобы весь высший комсостав армии услышал недовольство Пугачёва.

После этого заседания штаба, Пугачёв распустил полковников и бригадиров, а сам взял в руки подзорную трубу и стал осматривать поле грядущего боя. Армия его строилась напротив небольшого, в общем-то, отряда полковника Толстого. Основной ударной силой последнего служил эскадрон казанских кирасир. Гордые всадники очень хорошо помнили победы над пугачёвцами, одержанные в составе корпуса премьер-майора Михельсона над превосходящими силами противника. Вот и сейчас они стояли в центре отряда Толстого, с флангов поддержанные пикинерами и драгунами. Пехоту же полковник поставил за кирасирами и между их позициями и лёгкой кавалерии. План его был прост и незатейлив, как сабля.

- Одним эскадроном нас сокрушить хочет, - разгадал его замысел Пугачёв, - а если не выйдет, уйти за пехоту. Дурного же о нас мнения полковник Толстой, зная, ещё не воевал против меня.

- Он не такой дурак, как может показаться, - заметил Кутасов. - Просто недооценивает нашу армию. Выжидает, ждёт, пока мы двинемся вперёд, чтобы атаковать кирасирами нашу пехоту на ходу.

- Твои рабоче-крестьянские батальоны не раз доказывали свою силу, - сказал Пугачёв, складывая трубу и вынимая из-за пояса булаву. - Пусть покажут её и теперь. Им принимать удар кирасир. - Он вскинул булаву и указал вперёд.

Рабочие батальоны, стоявшие в центре построений пугачёвской армии, двинулись вперёд под барабанный бой. Чуть поотстав от них, зашагали пешие казаки. Лейб-казаки полковника Мясникова, как всегда остались в тылу, а лёгкая конница, состоящая из казаков поплоче, башкир, татар и казахов Младшего Жуза, начали обыкновенный свой фланговый манёвр. Они помчались далеко в стороны, пользуясь бескрайностью степи, чтобы обойти противника с флангов, зайти в тыл, осыпать стрелами, ударить в пики, в сабли, как делали это ещё их деды-прадеды во времена Чингиз-хана и Батыя, когда они сокрушали рати со всех краёв мира - от китайцев и персов до русичей и тевтонцев

- Солдаты! - рядом с передовыми батальонами гарцевал на вороном коне Омелин. - Вам предстоит выдержать удар элиты тяжёлой кавалерии, кирасир. В бою у Чесноковки они разбили Чику-Зарубина! У него был один батальон рабочих, все они погибли в этом бою! Это те самые кирасиры из Казани! - Он указал на медленно тронувшихся навстречу рабочим батальонам всадников. - Так отомстите же за своих братьев, рабочих и крестьян Поволжья и Урала, погибших у Чесноковки! Остановите кирасир, уничтожьте их всех, до последнего!

Он не стал разворачивать коня и отходить в тыл. Нет, в Омелина будто бес вселился, он ехал вместе с офицерами и комиссарами Первого рабочего, не слишком хорошо держащихся в седле.

- Ну, ты посмотри на него, - хлопнул себя по бедру Пугачёв, - лихой казак из твоего комиссара выйдет, а, бригадир?

Растущей армии Пугачёва были нужны новые звания. И если в рабочих батальонах были введены звания РККА, то казаки наотрез отказались принимать их, оставив себе исконных есаулов и хорунжих, но ведь и звания выше полковника были нужны. Вот и появились бригадиры и комбриги, а также командармы и атаманы. Такая двойная система званий привела к тому, что Военная коллегия Пугачёва издала собственную Табель о рангах, правда, без гражданских и, тем более, придворных чинов. Но Кутасов был уверен, что когда они возьмут Москву и придёт время не только воевать, но строить новое, небывалое, рабоче-крестьянско-казацкое государство, выпустят и дополнение к этой Табели.

Кирасиры набрали скорость и летели к рабочим батальонам, как на крыльях, держа поперёк седла тяжёлые палаши. Кутасов не слышал уже далёкого барабанного боя, однако он отлично знал, что сейчас дробь их приказывает батальонам перестроиться в каре. Омелин вместе с командирами Первого нырнул внутрь этой живой крепости, вставшей к врагу углом, чтобы два фронта её могли дать залп по врагу. Кирасиры не обратили на это внимания, они продолжали набирать скорость, тяжёлые кони их взрывали копытами землю. Никто из них не захотел выстрелить из пистолета - все шли врукопашную. А вот солдаты этим не пренебрегли. Каре, стоящие углом к налетающему врагу окутались дымом, лишь секунду спустя до Кутасова докатился сильно приглушённый рокот выстрелов сотен мушкетов. Пули плющились о кирасы тяжёлых всадников, некоторых выбивали из седел, под другими убивали коней, с третьих только треуголки сшибали. А после кирасиры влетели в пороховое облако, врезались в квадраты, стоящие углом к ним. Они обрушили палаши на мушкеты, на плечи и головы солдат. Те ответили дружным удар и ударили в штыки.

- Слишком самонадеян полковник Толстой, - повторил Пугачёв, вовсе не так уверенный в успехе, как хотел показать. - Одним эскадроном кирасир в сотню палашей пяти батальонов не разбить.

Этот бой длился минут двадцать, после чего разбитые кирасиры куда медленнее отступили к подходящей уже пехоте. Проехав через расступившиеся шеренги, кирасиры скрылись в тылу. Несмываемым позором покрыл себя этот эскадрон из-за самонадеянности полковника Толстого. Кутасов в бинокль видел сгорбленные фигуры в рваных мундирах, почти все без шляп, никто не смел поднять головы, когда они проезжали мимо других кавалеристов. Ведь элита кавалерии не может отступить перед вчерашними рабочими и крестьянами, но отступает сейчас, уступая место менее прославленным всадникам. Таким, как "рабочие лошадки войны", драгуны, как за глаза называли представителей старейшей в России регулярной кавалерии.

Пехота Толстого выстроилась перед каре. Перестроиться в шеренги рабоче-крестьянские батальоны уже не успевали, а делать это под огнём противника очень сложно. Вот она, новая проверка для батальонов "нового строя". Кутасов вжал в глаза окуляры бинокля - Пугачёв их не признавал, отдавая предпочтение более традиционным трубам - рассматривая солдат, шагающих под огнём противника. Сыплют дробь барабанщики - палочек не видно. Солдаты на ходу отмыкают штыки, вешая их на пояс. И падают, падают, падают. Но вот перестроение закончено, ряды выровнены. Унтера, как всегда, надрывая голоса, орут, передавая команды офицеров. "Заряжай! Первая шеренга, на колено! Целься!". Рабочие батальоны отстают от солдат регулярной армии. Пока они готовятся к залпу, враг успевает дать свой и почти полностью подготовиться к следующему. "Огонь!" Шеренги снова окутываются дымом уже с обеих сторон, падают солдаты в гимнастёрках и мундирах, летят наземь фуражки и шляпы-треуголки. Солдаты обеих армий заряжают мушкеты. Опережают рабочих екатерининские бойцы, давая залп и заряжая мушкеты повторно, прежде чем рабочие успевают подготовиться к первому. Однако после нового слитного выстрела шеренги Толстого таяли, как сахар в чае, сказывалось численное преимущество рабочих.

И вот уже пешие казаки, не уступающие регулярной пехоте почти ни в чём, заходят с флангов, ведя просто ураганный огонь из разнообразных мушкетов, фузей и штуцеров. Толстой медлил пускать в бой кавалерию, ведь над ним хищными коршунами нависали легкоконные башкиры, казахи и татары. Они маневрировали, осыпая врага тучами стрел, ждали своего часа, когда Толстой оголит фланги, пустив в бой кавалерию. Вот тогда можно будет ринуться на врага с фланга, зайти в тыл, порубить, насадить на копы, потоптать конями пехоту.

Только тогда Толстой осознал роковую ошибку. Он слишком недооценил противника. Основная ударная сила, на которую он полагался, казанские кирасиры, разбита, пехота тает в огневом бою с пугачёвцами, на который он также рассчитывал, а над флангами страшной угрозой нависла лёгкая конница из башкир и татар, одними пикинерами с ними уже не справиться. И потому забили барабаны отступление. Потянулась назад под огнём пехота, уходя от окружения пешими казаками. Рванули на фланги драгуны и пикинеры, сшиблись с лёгкой конницей, отогнали её, разбили, развеяли по степи. Но и это было ошибкой.

- Мясников, - подозвал к себе полковника лейб-казаков Пугачёв, - атакуй Толстого.

- Слушаюсь, ваше величество! - гаркнул тот.

Две сотни лейб-казаков, изголодавшихся по бою, сорвались вперёд, как один человек. Они налетели на отступающую потрёпанную пехоту, принялись рубить и колоть, и солдаты дрогнули и побежали. Они бросали мушкеты, срывали мундиры и в одних нательных рубахах бежали в степь. Драгуны с пикинерами не успели вернуться, чтобы защитить пехоту, а когда развернулись всё же, в тыл им ударили рассеянные, казалось бы, по степи башкиры, татары и казахи с казаками поплотнее. Вновь взвились в небо тучи, хоть и сильно поредевшие, стрел, в спины драгун и пикинеров, не успевших во второй

раз развернуть коней, врезались пики, скрестились с саблями и тяжёлыми палашами лёгкие шашки, часто ломающиеся после первых ударов. А лейб-казаки преследовали бегущего со своими офицерами полковника Толстого.

- Вот так их надо бить, - повторял Пугачёв. - Только так!

Глава 11.

Поручик Ирашин.

После двух дней бесплодных сражений на реке Ай, корпус отступил к Уфе. Пополнив ряды, закупив коней и фуража, мы выступили на север, к Сарапулу, тогда ещё не взятому Пугачёвым. По армии только и ходили слухи, что о новых батальонах в его войске, составленных вроде бы из заводских рабочих и беглых крепостных.

- Это тебе не просто "новый строй", - говорил наш ротмистр. - Нет, это злой враг. Его гонит на нас ненависть. Вечная ненависть русского мужика, попробовавшего господской крови.

- Такое и раньше бывало, - заметил я. - Все эти Разины и Болотниковы, но тогда восставали казаки и крепостные, но никогда не было у них хорошей линейной пехоты, настоящих солдат. Теперь есть. И они громят гарнизоны городов, колют их как гнилые орешки.

- Скверно это всё, господа офицеры, - заявил поручик Шневец, - тут явно без помощи не обошлось. Вот только кто так споспешествовал маркизу Пугачёву? Кто из наших заклятых друзей? Британия, Франция, Пруссия?

- Ты мундиры их видел, - напомнил ему Коренин. - Нет, Шневец, тут что-то вовсе невиданное. В картузах, в рубашках, но дело военное знают крепко. А кто эти комиссары в кожаных куртках?

- Да уж, дело небывалое, - согласился с ним Шневец. - Откуда они взялись? С неба попадали, что ли?

- Комиссары эти уже объявлялись, - напомнил я. - Помните, господа, в Польше, в семидесятом, когда ещё с крылатыми гусарами дрались и Беньковского в плен взяли. Их тогда всех перевешали.

- Да, были, были такие, - покивал Коренин. - Злые люди и говорили они странные вещи. О какой-то ненависти, о классах. Я, лично, мало запомнил из этого бреда.

- Это нам такие слова нипочём, - заметил секунд-майор Ерышев, - а мужику они как раз по сердцу приходятся. Вот потому они такие злые, и в рукопашной с этими солдатами "нового строя" справиться так сложно. Комиссары раздувают в душах их огонь ненависти к нам, господам-дворянам, да и к тем, кто им служит - чиновникам и даже простым солдатам. Одного только не хватало врагу - военной выучки, а теперь она у них, извольте видеть, есть.

- Да бросьте вы, Ерышев, - отмахнулся от его слов Самохин, так и не поднявшийся до ротмистра, хотя и продолжал командовать четвёртым эскадроном. - Какая, к чёрту, военная выучка! У кого? Рабочих? Крестьян? Мужиков-лапотников? Откуда ей у них взяться?

Ответом на его реплику послужили известия о падении Красноуфимска.

- И как вам это понравилось, господа? - спросил у нас сияющий, как новенький гривенник, Ерышев, поведавший нам о разгроме красноуфимского гарнизона. - Экая уловка? Не ждали такого от казачков маркиза Пугачёва, а?

- Вы что это такой довольный, Ерышев, - спросил у него Коренин, - будто не нашу крепость взяли, вы лично Пугачёва на аркане притащили к нам.

- Да нет, господа, - тут же смутился секунд-майор, - я просто как опровержение слов Самохина насчёт военной выучки.

- А дела, между тем, господа, весьма прескверные, - заметил Коренин. - У Пугачёва теперь не толпа мужиков-лапотников, а сильная, закалённая в боях армия. И он, скорее всего, рвётся к Казани. А на полковника Толстого я бы не особенно полагался.

- Отчего у вас такое недоверие к господину полковнику? - поинтересовался наш командир, входя в палатку офицерского собрания. - Он, вообще-то, на хорошем счету.

- Толстой из графов, белейшая из белой кости, - усмехнулся Коренин. - Он собирается пугачёвцев батогами разогнать. С таким настроением против нынешней армии Пугачёва выступать не стоит. Войск в Казани слишком мало, хватит только для того, чтобы город оборонять, а я уверен, что Толстой их за стенами держать не станет. Ему славы военной подавай, он захочет громкой победы в поле.

- Откуда вы так хорошо знаете полковника Толстого? - поинтересовался у Коренина Михельсон.

- Вы же знаете, что мы вместе учились в Корпусе, - ответил ротмистр, - и Толстой так быстро дослужился до полковника, благодаря исключительно своей фамилии и титулу.

- Ну, вы как скажете, господин ротмистр, - покачал головой Михельсон. - Толстой у вас получается этаким бездарем, что звания получает только за родовитость.

- Нет-нет, я, верно, не смог точно выразить свою мысль, - сказал Коренин. - Толстой не бездарен, а, скорее, высокомерен. Не ставит противника ни в грош. Это его и погубит.

- Что же, - задумался Михельсон, на которого произвели впечатление слова ротмистра, - будем надеяться, что вы недооцениваете полковника.

Однако Коренин оказался прав во всём. Отряд Толстого, вышедший из Казани был разбит, а сам он только чудом избежал плена. Два дня спустя были взяты предместья города и начался штурм кремля. А ещё день спустя к городу подошёл наш корпус.

Последний день на горизонте появились дымы - в Казани начались пожары. Это стало стимулом для нас, мы толкали коней каблуками сапог, солдаты старались шагать быстрее и даже пушки, как будто, скорее покатались. И остановились в десятке вёрст от города. Спать в ту ночь никто не ложился, до самого позднего часа в палатке командиров горела лампа - Михельсон, Мартынов, Самыгин и начальник корпусной артиллерии, обрусевший голштинiec Фухтель, обсуждали план грядущего сражения.

Примерно о том же были и все разговоры в лагере. Все сомнения наши развеял сам Михельсон, ближе к полуночи вышедший из палатки. Оглядев горящие по всему лагерю костры и сидящих вокруг них солдат и офицеров, он укоризненно покачал головой и подозвал к себе трубача.

- Играй общий сбор, - сказал наш командир.

Тот поднёс к губам серебряную трубу и проиграл несколько чистых и звонких нот, знакомых каждому кавалеристу. И тут же премьер-майора окружили офицеры, стоящие в первом ряду, и солдаты на несколько шагов дальше.

- Завтрашний день нам на отдых, - громким голосом произнёс Михельсон, - атаковать будем после захода солнца. Наша главная задача - прорваться в кремль, на помощь гарнизону города. Пойдём двумя колоннами. В первой: карабинеры и драгуны, а также конная артиллерия. Я сам возглавлю её. Мы будем прорываться через позиции пугачёвцев с боем, оттягивая на себя как можно больше сил противника, и, главное, рабочие батальоны, а также, по возможности, казаков. Вторая колонна под командованием капитана Мартынова под прикрытием лёгкой кавалерии и с оставшейся артиллерией пойдёт кружным путём, к восточным воротам кремля. Там, согласно плану его укреплений, сосредоточено наибольшее число пушек, если что они прикроют вас, я, по крайней мере, на это надеюсь. А теперь, господа, - Михельсон намеренно не добавил слово "офицеры", - расходитесь и отдыхайте. Завтра подъём трубить не будут, часовых и кашеваров будить как можно тише. Приказ понятен?

- Так точно, - ответили все мы и разошлись по палаткам.

Я присел на седло, достал из-под него припрятанную перед уходом плоскую фляжку с коньяком местного разлива, мало имеющего общего с напитком из провинции Арманьяк,

но, всё равно, весьма приятного. Сделав небольшой глоток, передал Озоровскому, пустив по кругу собравшихся у нашего костра офицеров и старших унтеров.

- Ловкий манёвр задумал наш командир, - заявил вахмистр Обейко после глотка коньяку. - Рисковый, конечно, но очень ловкий.

- Он может закончиться для нас гибелью, - ответил я. - Оттянем на себя слишком много пугачевцев, и они нас не допустят к крепости. В крови захлебнуться можем.

- Что за пессимизм, Пётр? - удивился Озоровский. - Мы били Пугачёва раньше, побьём и в этот раз.

- Быстро ты, Павел, забыл Сакмарский городок, - сказал я.

- Э, нет, Пётр, - помахал у меня перед лицом длинным пальцем Озоровский. - Не сравнивай. Там мы были пешие, а тут - на конях.

- Толку-то, - отмахнулся я. - Только что мишень лучшая, с конём.

- Полегче, поручик, - подсел к нам ротмистр Коренин. - Не боевые настроения отставить. - Он принял у вахмистра Обейко фляжку, потряс, допил, отдал мне и достал свою, также пустив по кругу. - Не слышу ответа, поручик.

- Есть, отставить, - буркнул я, в свою очередь, прикладываясь к фляжке - коньяк в ней был куда лучше моего.

- Вам вреден коньяк, молодой человек, - заявил Коренин. - Вы от него сильно мрачнеете, и впадаете в совершенно непотребную меланхолию. Это никуда не годится, поручик.

- Виноват, ваше благородие, - совершенно по-уставному ответил я.

- Нам завтра вечером предстоит дело лихое и кровавое, - наставительным от выпитого тоном заявил Коренин, - а у меня есть большое желание вас в обоз списать. До окончания операции. - Я вскинулся, но ротмистр остановил меня жестом. - Погодите, поручик, погодите. Вот взгляните на Обейко, как всегда, весел и лих до бесшабашности. - Мой подчинённый даже выпрямился от таких слов, глянул на остальных унтеров гоголем. - Вот таким надо быть в пред-д-двери, - он всё же справился с трудным словом, - столь рискованного дела. У него рука в решающий момент, когда, кажется всё проиграно, не опустится. Он будет драться, пока весь кровью не изойдёт.

- А у меня, значит, опустится?! - начал подниматься я с со своего седла.

- Может и опустится, - невозмутимо ответил Коренин, - раз вы в таком настроении сейчас, в ночь перед боем. Подумайте об этом, поручик. - Он с осязательным трудом поднялся и, махнув нам, мол, оставьте коньяк себе, только бросил: - Фляжку завтра вернёте. А вы, поручик, подумайте над моими словами.

Утром, как и положено после хорошей попойки, я чувствовал себя весьма и весьма не ахти, и мрачное настроение моё только усилилось. Не исправило его и то, что поднялись мы с Озоровским ближе к полудню, чего не было уже давненько. Выбравшись из палатки, я скинул с себя не самую чистую рубаху и велел нашему общему с Пашкой денщику, которого мы делили так же, как и палатку, (дело в том, что мой денщик умер от инфлюенции весной этого года, ещё в самом начале кампании) окатить меня несколько раз холодной водой из бочонка, стоявшего тут же неподалёку. После приказал подать чистое исподнее и мундир. А когда облачился в него, уступил место у бочонка Озоровскому. Как гласит военная мудрость: "Привёл в порядок себя, позаботься об оружии". Я вынул из ножен палаш, клинок его после боя был сильно зазубрен, а потому я отдал его освободившемуся уже денщику, имени которого я так и не удосужился запомнить, своё оружие. На плече бывшего солдата, что хорошо видно по выправке, уже лежал палаш Озоровского, он взял и мой и направился к кузнецу, чтобы заточить и поправить клинки.

- Ну что, поручик, - поинтересовался у меня ротмистр Коренин. - вы снова невеселы, не смотря на мои вчерашние слова?

- Видимо, перебрал вчера вашего коньяку, - ответил я, возвращая ему фляжку.

- Надеюсь, к вечеру, поручик, вы повеселеете, - Коренин повесил фляжку на пояс.

День тянулся удивительно долго и мучительно. Особенно раздражало то, что я был предоставлен самому себе. Я побродил по лагерю, понаблюдав за стрелковыми упражнениями взвода, которыми руководил вахмистр Обейко, вмешиваться не стал. Неподалёку офицеры также упражнялись в стрельбе, заодно хвалясь своими пистолетами. Я ненадолго присоединился к ним, однако слушать бесконечную похвальбу богатых обер-офицеров своим оружием не смог.

- Вот поглядите, господа, - говорил поручик сибирских драгун Максим Панаев. - Это французские пистолеты Бугэ. Как видите, изготовлены по специальному заказу самим мастером. - Он демонстрировал всем пистолет, украшенный золотыми накладками с монограммой МП. - Ручаюсь, на двадцать шагов бьют без промаха.

- Вы не ручайтесь, господин ротмистр, - отвечал ему мой знакомец Александр Холод, которого тоже раздражало, что все больше хвалятся, чем стреляют, - а покажите.

Панаев встал на рубеж, обозначенный дырявым пехотным барабаном, и прицелился в бутылки, расставленные в ряд на расстоянии как раз в два десятка шагов. Бах! Пуля взбивает фонтан в аршине от ящика с бутылками.

- Да он у вас даже не пристрелян, поручик, - прорычал Холод, - как прикажете это понимать? - Панаев служил в его эскадроне и числился его заместителем. - Вы похваляетесь оружием, из которого толком никогда не стреляли! Будь моя воля, я бы вас в унтера разжаловал! Это научило бы вас следить за оружием. - Он перевёл дух. - В общем, так, господин поручик, к вечеру, чтоб ваш замечательный пистолет был пристрелян должным образом! За час до заката проверю. Вы меня поняли?

- Так точно, - ответил Панаев, склонивший голову к земле. Следующие несколько часов он только и занимался тем, что стрелял из своего пистолета, пристреливая его.

Я пострелял вместе с ним, посоревновался в меткости с Холодом на бутылку шампанского, правда, оба мы не знали, где его по нынешнему времени достать. Но и это мне скоро надоело.

От стрелкового рубежа я направился к гусарам. Офицеры Изюмского полка, эскадрон которого был придан нашему корпусу, упражнялись в конном бою. По старинной традиции они рубили на скаку лозу и соломенные головы.

- Эгей, - окликнул меня один из них, прапорщик Лаврик - совсем ещё юноша с едва отросшими усиками, - да это же карабинер, поручик Ирашин. Не желаете поупражняться вместе с нами, или вы только стреляете лихо?

- Славная провокация, прапорщик, - усмехнулся я, но решил принять предложение, ведь делать, всё равно, было нечего. Я поймал за рукав какого-то унтера из пешей команды нашего полка, глазевшего на лихих красавцев-гусар. - Найди моего денщика, пусть приведёт мне коня и подаст палаш, если тот уже наточен. - Последняя реплика была излишней, в расторопности денщика я не сомневался.

И действительно, он явился спустя несколько минут, ведя в поводу моего коня с притороченным к седлу палашом. На самом деле, я был не силен в конной рубке, однако уступать гусарам не желал. Надо расстараться и утереть нос гусарам или, по крайней мере, не ударить в грязь лицом. Я вскочил в седло, отцепил ножны с палашом, чтоб не мешались, отдал их денщику, положил палаш поперёк седла и направился к началу протоптанной дорожки, с разных сторон которой были воткнуты в землю жерди с укрепленной на них лозой. Сейчас, как раз, солдаты пешей команды полка привязывали к жердям свежую лозу. Пустив коня быстрой рысью, я проехал через жерди, нанося удары направо и налево, срубая столько лозин, сколько успевал. С последней и вовсе курьёз вышел. Я ударил несколько ниже - а может, жердь была длинней - и попал не по лозе, а по самой жерди. Тяжёлый клинок палаша разрубил её также легко, как и тонкую лозу.

- Браво, браво, - похлопал мне незнакомый офицер-гусар. - Напор достойный кирасира.

Оказалось, что последняя жердь намерено была сделана длинней, чтобы скачущий гусар учился наносить удары на разной высоте, рубя по головам солдат разного роста.

Лёгкие сабли их не могли перерубить жердины из свежего вяза, а вот мой недавно наточенный палаш - вполне.

Я покинул гусар, провожавших меня дружеским смехом и аплодисментами, вернул коня в стойло и принялся чистить, как говорится, до белой тряпки. После же, вернулся в свою палатку и растянулся на импровизированной кровати, глядя на грязноватый пол. Мысли в голову лезли всё больше мрачные с каким-то даже пораженческим оттенком. И кто только придумал нас, тяжёлую кавалерию, в город загонять. Я отлично помнил Сакмарский городок и дерущихся с батальоном "нового строя" солдат, которых с крыш засыпали пулями казаки. Представлять наших карабинеров и драгун на их месте как-то совершенно не хотелось. С такими вот мыслями наедине я и провалялся до самого захода солнца, а на вечерней заре запели трубы.

Я поправил мундир, поспешил выйти из палатки, увидел торопливо собирающего наши вещи денщика. Вскочив на коня и проверив палаш и пистолеты, поспешил к эскадрону, натягивая на лицо маску насквозь фальшивой бодрости.

Корпус строился в две колонны. Обоз присоединился ко второй. Я даже разглядел нашего денщика, тащившего на себе вещи. Встав впереди взвода, я приготовился слушать Михельсона, как обычно гарцевавшего перед нами, ожидая пока все построится.

- Я не буду долго разглагольствовать сегодня, - сказал он. - Желать чего-либо и призывать не щадить врага. Вы всё это отлично знаете и без меня. Потому скажу лишь, не подведите меня на сей раз, господа. Мартынов, веди солдат. Карабинеры и драгуны, за мной!

Он забыл упомянуть о конной артиллерии, однако, командир её, поручик Перов поправил шляпу и махнул рукой своим людям. И наша колонна двинулась вперёд, набирая скорость.

Наш эскадрон шёл третьим в колонне, так что вступить в бой нам предстояло лишь в самом крайнем случае. В общем, наш, названный позже героическим, прорыв в казанский кремль я запомнил как безумную скачку по улицам, освящённым полной луной и пламенем пожаров. Горели богатые дома и усадьбы. То и дело впереди слышался звон стали и выстрелы, начинались короткие схватки. Все они заканчивались чрезвычайно скоро. Остановить несущихся галопом карабинеров и драгун очень сложно. А перегородить улицы телегами и баррикадами пугачёвцы отчего-то не додумались. Странно. Не похоже на них. Они ведь знали о нашем приближении и успели подготовиться к бою. Как-то не вязалось это с рассказами офицеров Деколонга о схватке в Троицкой крепости.

Мы прорвались к кремлю достаточно быстро, нас прикрыла артиллерия со стен. Пушки дали несколько залпов, разнеся крыши и стены ближайших домов, в общем-то, без особого толку. Нам открыли ворота, и наша часть корпуса во главе с Михельсоном влетела в кремль. Я быстро спешился, дав коню отдохнуть после столь скорой скачки, погладил его по шее. Изнутри кремль выглядел почти так, как и в прошлое наше посещение. Только какой-то потусторонней жути добавляли багровые отсветы пожаров, бушующих в городе. Взяв коня под уздцы, я уже готовился отвести его на конюшню или просто куда укажут, ведь особого толка от кавалерии внутри крепости нет. Однако не прошло и пяти минут с тех пор, как мы въехали в кремль, как от восточных ворот примчался молодой солдат с вестью о том, что пехота нашего корпуса угодила в засаду.

- Баррикад настроили, - задыхаясь, говорил он, - улицы перегородили. И бьют из-за них. Жестоко бьют. Из фузей да малых пушек. Картечью. Ваши солдаты уж три раза как на приступ ходили, да всё никак. Место узкое. А по ним ещё и с крыш стреляют.

- Коренин, Холод, - не дослушав сбивчивый рассказ солдата, крикнул Михельсон, - ваши лошади посвежее будут. Берите свои эскадроны и атакуйте пугачёвцев с тылу.

- Есть! - ответили ротмистры.

Когда я уже вскочил в седло, то увидел, как к Михельсону подбежал Самохин. Он размахивал руками и кричал на него:

- А я?! Как же мой эскадрон?! Драгун посылаете, вместо меня!

Михельсон ничего не ответил на это, демонстративно повернувшись спиной к поручику. Самохин не мог видеть его лица, а вот я, даже на скаку, разглядел, как скривилось лицо нашего командира, а тонкие губы его шепчут ругательства. Похоже, поручик окончательно лишился расположения потомка обрусевших немцев.

Пока снимали тяжёлый засов и открывали ворота, к нам подъехал наш старый знакомец кирасирский поручик Лычков. Мундир на нём был порван во многих местах и не слишком аккуратно заштопан, а кираса помята и прострелена.

- Господа, - отдал честь Лычков, - долго объяснять, в чём дело, но нас осталось всего двадцать пять человек. От всего эскадрона. Возьмите нас. Мы должны оправдаться за поражение.

- Но вы же, кажется, в подчинении полковника Толстого, - заметил Коренин.

- Плевать нам на него! - отрезал поручик.

- Это пахнет трибуналом, господа, - покачал головой Холод.

- Плевать нам на трибунал! - в голосе Лычкова появились неведомые раньше нотки какой-то истерии.

- Хорошо, - кивнул Коренин. - Спорить времени нет.

Кирасиры Лычкова проехали мимо нас, став в авангарде нашего отряда. Спорить с этими мрачными всадниками, которых осталось два с половиной десятка от целого эскадрона, не было ни времени, ни особого желания. Хотят идти на риск и под трибунал, их дело.

Наконец, открылись ворота, и мы рванули, как говориться, с места в карьер. Кирасиры задавали скорость, их тяжёлые кони звонко били копытами по мостовой, высекая искры. Мы мчались вслед за ними, стараясь не отставать от загоняющих коней кирасир. И вот зазвенела сталь, точнее, сначала мы слышали крики боли, когда кирасиры Лычкова врубались в тылы пугачёвцев. К чести последних, они быстро среагировали и перестроились. Три задних шеренги их построения, куда отходили солдаты на отдых, быстро развернулись фронтом к нам и вступили в рукопашную.

Я влетел в тесные ряды пугачёвцев, обрушив на них палаш. Стрелять и прятать потом пистолет времени не было. Конь мой грудью раздвинул солдат в рубашках, я рубил наотмашь, многие нашли смерть от моей руки, но всё же упорство их поражало. Они стояли стеной, казалось, на место павших встают всё новые и новые, как в сказках. Я был вынужден отступить. Бока коня и ноги мои были покрыты длинными ранами от вражьих штыков. Но боли пока не было, слишком сильно кипела кровь, как остынет, придёт боль.

Переведя дух, я вынул всё же пистолет и разрядил его в шеренги солдат в рубахах. Спрятав его в ольстру, я ринулся обратно, вклинившись между двух карабинеров моего взвода. В три палаша мы пытались пробиться к маячившим так близко спинам солдат, но снова нам это не удалось. Летели в стороны штыки и куски мушкетов, падали раненные и убитые пугачёвцы, но мы не становились ни на шаг ближе к вражьиим спинам.

Один попытался достать меня в бок, я врезал ему сапогом в голову, шпора разорвала лицо солдату. Он упал ничком, выронив мушкет. С другой стороны меня приложили прикладом по рёбрам. Очень славно приложили. Я едва в седле удержался, воздух вылетел из груди, как из пробитого меха. Я наугад ткнул в ту сторону палашом - клинок попал во что-то твёрдое и застрял. Пришлось приложить изрядное усилие, чтобы освободить оружие из вражьего черепа.

Нас снова отбросили. Отъехав, я надсадно кашлянул, провёл рукой по губам - на них была кровь. Проклятье, да меня приложили куда сильнее, чем казалось. Дышать сразу стало тяжело, грудь, будто стальным обручем сдавило, как на гравюре об испанской инквизиции, что я видел когда-то в детстве.

Не смотря на это, я снова ринулся на врага, орудуя палашом с удвоенной яростью, стараясь хоть таким образом заглушить боль в груди. И снова - без результата. Меж тем,

не смотря на ярость, боль только нарастала. Я едва сумел не скривиться от неё, когда меня хватил за плечо капитан Холод.

- Отходите назад, - крикнул он мне. - Наша очередь в рукопашную идти. Коренин приказал стрелять по казакам на крышах.

Драгуны сменили нас, а наш поредевший эскадрон отъехал на несколько аршин в тыл, сменив палаши на карабины и пистолеты.

- Стрелять как можно скорее, - командовал, надрывая голос, ротмистр. - Прижмите казаков к крышам, чтоб они и головы поднять не могли.

Я вытащил из ольстры второй пистолет, выстрелил куда-то наугад. Начал разряжать, действуя, как хитрая тульская заводная игрушка. Вертятся где-то внутри шестерёнки, жужжат, скрипят, а заводной поручик в карабинерном мундире достаёт из лядунки бумажный патрон, надрывает его зубами, засыпает в ствол пистолета порох, зажимает пальцами патрон, достаёт пулю, забивает её, закрывает замок, забивает пыж из бумажного патрона. Шестерёнки вертятся быстрее - поручик-карабинер вскидывает пистолет и стреляет куда-то в сторону маячащих в огне пожаров крыш домов. Там, даже иногда виднеются смутные силуэты казаков. И снова шестерёнки замедляют вращение - заводной поручик снова заряжает пистолет. Надолго ли хватит его завода?

Со стен казанского кремля вели огонь пушки, стараясь тоже сбить с крыш казаков. Но дома ближе к центру города стоят крепкие - ядра пробивали крыши, но обрушить их они не могли. Одно такое ядро врезалось в кирпичную трубу дома, рядом с которым стоял я. Оно разбило трубу, и осколки кирпича полетели во все стороны. Взрыв оглушил меня, я покачулся в седле, в глазах поплыло, звуки отдалились и доносились теперь словно через длинную-предлинную трубу, наливаясь металлом. Потом мир медленно закрутился у меня перед глазами, я почувствовал, что лечу куда-то, в воздухе мелькнули мои ноги в сапогах. Последней мыслью моей в ту ночь была, что их стоило бы почистить, надо сказать об этом денщику...

Глава 12.

Поручик Ирашин и комбриг Кутасов.

Звуки возвращались будто бы по той же трубе, через которую я слышал их. Медленно-премедленно ползли они по бронзовым извивам геликона, по ним безбожно пляшет эхо и звуков толком не разобрать. Лишь когда оно унимается, можно расслышать голоса, но прислушиваться к ним, после первых же слов, желания не было ни малейшего.

- Сломаны пять или шесть рёбер, трещины ещё, как минимум трёх, - говорил сухой голос, будто приказчик перечислял купцу сумму убытков от лавки за неделю. - Отбиты лёгкие, есть подозрения на разрыв. Что ни час у поручика начинается кровохарканье. Контузия средней тяжести. И это уж не считая множества колотых и резаных ранений мягких тканей ног.

- У меня каждый солдат на счету, доктор, - отвечал ему знакомый голос, вместо купца в воображении моём возник ротмистр Коренин. - В эскадроне большие потери, а вы держите на койке одного из лучших моих офицеров. - Если б мог, я бы покраснел, наверное. - Приведите его в порядок в кратчайшее время, иначе...

- Не надо грозить мне, ротмистр, - отмахивается доктор с голосом приказчика.

- Что мои угрозы, - вздыхает Коренин, - вот Пугачёв, тот всем нам погрозит. Так погрозит, что мало не покажется. Ни мне, ни вам, доктор.

- Да поймите вы, ротмистр, - вскрикивает доктор, - ведь не железная же у вас голова. Как я могу поднять вашего поручика на ноги? Я не Христос, а он, Господи прости, не Лазарь. Я могу хоть до Страшного суда повторять: "Встань и иди"...

- Эй-эй, потише, доктор, - я так и вижу, как Коренин, человек набожный, крестится. - Ещё батюшка услышит, будет нам проповедь на полчаса с обещаниями и Страшного

суда, и Бог ещё знает чего. Но поймите и вы меня, доктор. Да, вы не Спаситель, и Ирашин - не Лазарь. Но вас рекомендовали как наилучшего военного врача.

- Ротмистр, я хирург, пули извлекаю, раны зашиваю, - соглашается доктор, - но тут всё зависит только от поручика. От его здоровья, а оно, смею вас заверить, у него богатырское. Не за два дня, но, думаю, скоро.

Этот диалог словно придавал мне сил. Звуки всё быстрее скользили по бронзовым извивам геликона. Медленно разжимался стальной обруч со средневековой гравюры. Ватные ещё вечером ноги к утру уже сами просились бежать. Втайне от батальонного лекаря Минахина, того самого доктора с голосом скучного приказчика, утром второго дня после боя я попытался подняться, опираясь на деревянную спинку кровати. И, как ни странно, мне это удалось. Я сделал несколько шагов на плохо гнущихся ногах, но тут примчался батальонный лекарь - высокий и худой, к такому более всего подходит слово "каланча", он размахивал руками, словно мельница крыльями, и кричал на меня так, будто я находился от него в полуверсте, не меньше.

- Вы что думаете?! Мне вас на ноги ставить надо, а вы уже ходить! Да вы что же, ума совсем лишились! Обо всём! Обо всём ротмистру Коренину сообщу!

Пришлось тут же возвращаться в постель, но эта выходка придавала мне сил. И Коренин, что пришёл справиться о моём здоровье в тот день, хоть отругал меня для виду, но глаза его выражали полное согласие с моими действиями. А когда батальонный лекарь Минахин отошёл от моей койки, ротмистр как-то даже воровато оглянулся вокруг и сказал, как бы ни к чему:

- Командир мой первый, премьер-майор Галич, ещё от кавалерии гренадерского фон-дер-Роппа полка, любил говаривать. Ежели у человека сил хватило, чтоб из госпиталя сбежать, то и воевать сил вполне хватит.

И подмигнув мне, ротмистр ушёл. Понять столь явный намёк мог и самый глупый дурак, как сказал бы мой достойный отец.

Их императорское величество изволили гневаться по поводу ретирады из Казани. Кутасов поймал себя на мысли, что начинает думать оборотами, принятыми в этом веке, а не в его времени. Особенно, когда дело доходило до самого Пугачёва. А сейчас вождь рабоче-крестьянского восстания был не просто во гневе, он был в ярости.

- Надо было продолжать осаду! - кричал он, размахивая булавой так, что навершье её грозило раскроить череп Кутасову. - Почему ты приказал уходить, бригадир?! Мы же прижали михельсонову пехоту. Разнесли в пух и прах! Оставалось только кремль казанский взять!

- У нас нет осадной артиллерии, - повторял Кутасов, - по крайней мере, такого калибра, чтобы пробить стены казанского кремля. Долгой осады не выдержать нам, именно нам, а не гарнизону крепости. Подойдут Мансуров, Голицын, Муфель, да Бог знает, кого ещё пошлёт против нас ваша неверная супруга...

- А что же нам теперь делать, - разводил руками Пугачёв, - на этом берегу Казанки?

- Ждать, Пётр Федорович, - говорил Кутасов, - когда Михельсон выйдет дать нам бой. Он не преминет сделать это, ведь у него в подчинении, в основном, конница, а пехоту мы и без того хорошо проредили. В крепости от драгун с карабинерами толку нет, разве что раздать мушкетеры, да на стены поставить. Нет, Пётр Фёдорович, Михельсон выведет свой корпус из Казани. Вот в поле-то мы его и разобьём.

- Разобьёшь ты, бригадир, - успокоился несколько Пугачёв, но ту же впав в новую крайность, смертный грех уныния, - как же. Два эскадрона из Михельсонова корпуса разнесли два твоих батальона в пух и прах.

- Разнесли, - спорить было бессмысленно, - но не в пух и прах. Из пяти рот батальона из боя вышли две, практически полного состава.

- Из пяти сотен - меньше двух, - ехидно заметил Мясников, втайне радовавшийся поражению Кутасова.

- Пусть так, - упрямо наклонил голову комбриг, - но это были два свежих батальона, только что с Урала, в бою ни разу не бывавших, а против них - пехота корпуса Михельсона и два эскадрона закалённых в боях кавалеристов. И я считаю, что шестой и восьмой рабоче-крестьянские батальоны вышли из этой битвы с честью. Да, именно с честью!

- Ну, тут уж поспорить нельзя, - кивнул несколько опешивший от напора Пугачёв. - Тогда твоим рабочим и крестьянам стоять в будущей баталии в центре построения, принимать главный удар на себя.

- Примем, - твёрдо сказал Кутасов, - и выдержим, а если не выдержим, костями ляжем. И ещё я предлагаю сформировать из шестого и восьмого батальонов Ударный лейб-гвардии гренадерский батальон четырёхротного состава. И поставить его на правом фланге нашего строя, как и положено гренадерам.

- Будь по-твоему, бригадир, - кивнул Пугачёв. - Статс-секретарь неси бумагу, пиши рескрипт. А кого командиром этого батальона поставим?

- Я сам и буду его командиром, - заявил комбриг. - И встану с ними в строй в будущей баталии.

- Повтори-ка для моего секретаря, - Пугачёву всё же нравились "немецкие" словечки и он старался вставлять их к месту и не к месту, - как назовётся этот твой батальон.

Кутасов терпеливо несколько раз повторил длинную фразу, чтобы грамотный, но не особенно умный дьячок, вознесшийся до статс-секретарей при "императоре", старательно, даже язык высунул от усердия, записывал её. Вот так и стал комбриг комбатом.

Я покачивался в седле, радуясь, что эскадрон наш, да, впрочем, и весь полк движется исключительно шагом со скоростью марширующей параллельной колонной пехоты и катящей орудия артиллерии. Из госпиталя я сбежал на следующий день после удачного эксперимента со вставанием с койки, сил на это хватило, хоть и едва-едва. Я, качаясь, будто пьяный матрос, добрёл до квартир нашего полка, на лестнице меня увидел наш с Озоровским денщик. Всплеснув руками, старый солдат едва не выронил сапоги, которые нёс чистить, и, подперев мне плечо, помог добраться до комнаты.

- Чёрт тебя побери, Ирашин, - приветствовал меня Озоровский. - Ты о чём думаешь, а? Приполз помирать на квартиру, чтоб в госпитале не кончаться?

- Я тоже рад тебя видеть, - вымучено усмехнулся я, - а со своими предположениями можешь идти... - Я не договорил, задохнувшись от кашля, а когда сплевывал подступивший к горлу ком, по губам снова потекла кровь. Чёрт! Я думал, что кровохарканье у меня прекратилось. Видимо, перенапрягся.

- Ты мне вот что скажи, Ирашин, - спросил Озоровский. - Ты, что же, завтра в бой собираешься идти?

- Не собираюсь, - ответил я, - а пойду. В госпитале помирать легко, а выздоравливать лучше всего в чистом поле.

- Да ты понимаешь, что дуба дать можешь, даже раны не получив! - вскричал Озоровский. - Уважать себя заставить хочешь так, да?

- Нас слишком мало, Паша, - вздохнул я, откидываясь на кровати, стирая поданным мне платком кровь с губ. - Если будем по госпиталям валяться, кому воевать?

- Ну да, - буркнул неожиданно наш денщик, не отличавшийся словоохотливостью, а на моей памяти так и вообще заговоривший в первый раз, - а коли вы, вашбродь, помирёте, будет лучше.

Мы воззрились на денщика круглыми глазами, а тот поставил сапоги Озоровского в угол и ушёл в свою каморку.

- Слушай, Паша, - сказал я Озоровского, - а как зовут-то твоего денщика?

- Васильич, - ответил тот, - а что?

- Да так, просто интересно.

Я вернулся к реальности, когда полковые трубы пропели построение. Мы стояли на левом фланге и, согласно плану батальи, разработанному нашим командиром и полковником Толстым, должны были форсировать реку Казанку и немедленно, не дожидаясь пехоты, атаковать пугачёвцев. На башкир и татар не отвлекаться, ими займётся наша лёгкая кавалерия, а бить правофланговых рабоче-крестьян. Я пригляделся к нашим будущим противникам и был сильно удивлён их внешнему виду.

- Слушай, Ирашин, - обратил моё внимание на них Озоровский, - они, что это, гренадерами заделались?

Действительно, головы солдат правого фланга пугачёвской армии вместо картузов украшали высокие колпаки с медными налобниками, шапки-гренадерки, или же митры. Они как-то не сочетались с зелёными рубахами солдат.

- Вроде того, - кивнул я, тут же пожалев об этом, под черепом словно шарики свинцовые перекатывались, стучаясь друг о друга, они взрывались болью. - Раз на правом фланге поставлены.

- Послушай, Ирашин, - подъехал к нам ротмистр Коренин, - ты зря меня послушался. Ещё не поздно в госпиталь вернуться, сделаем вид, что ты оттуда и не сбежал.

- Я в порядке, - стиснул зубы я.

- Ирашин, ты себя-то видел? - вздохнул ротмистр. Похоже, он жалел, что подал мне идею сбежать из госпиталя.

Видел я себя, видел. И зря, надо сказать. Зрелище я представлял собой воистину душераздирающее. Лицо обтянуто - ну чистый череп с пиратского флага - глаза запали, на губах следы крови, как у чахоточного, рядом с ушами тёмный дорожки, из-за контузии у меня иногда шла кровь из ушей. Мундир болтается, как на вешалке, хоть и собрат складками на поясе за спиной. Вот такой вид имел я перед боем. Оставалось усмехаться про себя шутке Озоровского.

- Ну, ты, Ирашин, - сказал он, когда понял, что меня не отговорить от идеи идти в бой, - перепугаешь всех пугачёвцев одним только видом своим.

- И то хорошо, - пожал тогда я плечами.

Снова запели трубы - и кавалерия двинулась к пологому берегу Казанки под грохот артиллерии и свист ядер. И вот что странно, этот грохот, что может, кажется, и мёртвого из могилы поднять, меня ничуть не беспокоил. Я как будто спал наяву, не смотря на этот концерт для "единорога" с оркестром из орудий меньшего калибра. Но стоило прозвучать трубам, как сонливость мою будто ветром сдуло. Я тронул коня шпорами, чтобы тот перешёл с быстрого шага на рысь - из-за сильно пораненных ног облегчаться было сложновато, а потому я был рад тому, что мы быстро перешли на галоп. Я встал на стремянах, чтобы не мешать коню, сильно ссутулившись, как обычно, а то ведь так и шальную пулю словить недолго. По нам уже вовсю палили казаки из стрелковых цепей, выставленных на самом краю крутого берега Казанки. Но берег этот был не столь крут, как у Ая, штурмовать его не придётся.

Мы пролетели речку, обмелевшую по случаю довольно жаркого лета, кони наши легко взлетели на берег и мы, сметая бегущих казаков из стрелковых цепей, врезались в стройное каре пугачёвских гренадер. Те не успели дать по нам залпа, да, похоже, и не собирались этого делать. И закипела жестокая рукопашная схватка.

- Холод! - кричал Михельсон. - Холод! Отрезай их от остальных! Окружай их! - Под "ними" премьер-майор понимал тех самых гренадер.

На сей раз я не чувствовал себя заводной игрушкой. Нет! Я был человеком, как нельзя острее я сейчас ощущал это. Ноги обратились в сплошную боль, я уже не чувствовал, как в них врезаются штыки, изрывая мои лосины с сапогами, да и сами ноги в клочья. Не обращая на это внимания, я раз за разом вставал на стремянах, чтобы обрушить палаш на голову или плечи гренадера. Я сбивал их на землю конём, пытался затоптать, одуревший от запаха крови и злобы, разлитой в душном воздухе, конь мой бил копытами и отчаянно кусался, чем нередко спасал мне жизнь. Под крепкими лошадиными зубами трескали

кости, и часто гренадер, скривившись от боли, давал маху, штык его мушкета проходил мимо моих многострадальных ног, а я успевал ударить его палашом. Гренадер падал ничком или навзничь, а я колол коня шпорами, вместо благодарности, и мы глубже врезались в живую крепость пугачёвцев. В центре её стоял весьма интересный человек. Несколько раз он вступал в рукопашную, орудуя шашкой, надо сказать, весьма умело орудуя. Он был в мундире, какие носили пугачёвские офицеры не из казаков, картуз потерялся в схватке. И если судить по знакам различия Пугачёвской армии - их мы успели выучить за время кампании - этот офицер явно не был заурядным командиром батальона. Ибо на петлицах его красовался ромб, означавший звание бригадира.

Комбриг Кутасов привычным движением очистил клинок своей шашки о голенища сапога. Он только что вышел из очередной рукопашной схватки. Гренадерский батальон правого фланга отчаянно отбивался, осаждаемый двумя эскадронами михельсоновых карабинеров и эскадроном драгун. Он был отрезан от остальной баталии, однако Кутасов не особенно сомневался за её ход. Михельсону не удастся разбить их сразу, его солдаты откатятся на тот берег, вот тогда-то и придёт время подзабытого со времени Сакмарской мясорубки сюрприза. Однако, с гренадерами он, похоже, ошибся. Их сочли вызовом и решили уничтожить, вырезать под корень.

- Ничего, товарищ комбриг, - сказал майор Косухин, фактический командир гренадерского батальона, ведь именно он сформировал его и командовать дальше ему. Проверенный офицер из рабочих, но отец и дед его были солдатами, возвращавшимися после службы в родную деревню, приписанную с петровских времён к одному из демидовских заводов. Отец даже до унтеров дослужился, и вышел в отставку по ранению. - Мы сдюжим. Гренадеры, не хрен собачий!

Он только что вышел из рукопашной, через пару минут после Кутасова. Шашку успел сломать и теперь дрался мушкетом, штык которого тоже был надломлен, а приклад расщеплён.

- Сразу за мной в схватку не суйся, майор, - приказал ему Кутасов. - Нельзя, чтоб нас обоих убили. А если со мной что случится, и вовсе об этом забудь, понял? Тебе людьми командовать надо.

- Так точно, - ответил тот, хотя было видно, что приказ этот ему совсем не понравился.

Хлопнув его по плечу, Кутасов кинулся в бой. Втиснувшись между рослых гренадер, он принялся орудовать шашкой, отбивая удары палашей и нанося ответные по конским грудям и людским животам.

Не смотря на все усилия, я всё равно, раз за разом откатывался назад, равно как и остальные всадники нашего и драгунского полков. Гренадерская крепость стояла прочно, не смотря на потери. Я отъехал от неё в очередной раз, кляня, на чём свет стоит Пугачёва, всех его чертей, что армию ему придумали, свои больные ноги - я уже перестал их чувствовать, их будто ватой набили - и весь мир в придачу. Вот тогда-то я и услышал перебранку между нашим командиром и вестовым от полковника Толстого.

- Что значит, отступить?! - кричал Михельсон. - Как это отступить?! Это предательство! Толстой мне за всё заплатит!

Но, как бы то ни было, пехота, которой командовал Толстой, а не капитан Мартынов, отступила. Как позже оправдывался Толстой, для того, чтобы перегруппироваться и нанести врагу решающий удар. Михельсон открыто назвал это предательством. И, хотя сам по себе шаг этот, не был столь уж ошибочен с точки зрения военной науки, но для нас стал губителен.

- Здесь не спуститься, - качал головой секунд-майор Брюсов, - надо с четверть версты вниз по течению проехать, там берег поположей.

- Это потеря времени! - кричал Михельсон, но делать было нечего, если подниматься по этому берегу было можно, то спускаться - нет. - Полк, за мной! - вынужден был командовать он.

- Драгуны, следом за карабинерами! - крикнул Холод. Его эскадрон обошёл каре гренадер с тылу, обстреляв их из своих фузей, и быстро пристроился к нам.

Это и спасло нам жизнь.

Комбриг Кутасов, едва вырвавшись из рукопашной, тут же едва не бегом кинулся к позициям артиллерии. Майор Чумаков также инспектировал своё хозяйство, оглядывая едва не каждый из шрапнельных снарядов.

- Сколько их у нас? - спросил у него Кутасов, хотя сам отлично знал ответ.

- Как положено, - пожал плечами тот, кладя в ящик очередной снаряд, - по двенадцать снарядов на орудие. Все калибры есть. Не маловато ли будет?

- Этих хватит, - кивнул Кутасов, провожая взглядом откатывающуюся пехоту. - Заряжай!

- Шрапнелью, - сложное слово далось Чумакову нелегко, - заряжай!

Самым страшным было то, что рвались эти снаряды почти беззвучно. Все успели основательно подзабыть о Сакмарской мясорубке, где пугачёвцы впервые применили это кошмарное оружие. В общей канонаде никто не расслышал глухих хлопков, с которыми взрывались в воздухе начинённые пулями снаряды. При взрыве они больше всего напоминали облачка свинцового цвета - и дождик из них шёл именно свинцовый. Шарики весом в семь с половиной золотников разлетались в разные стороны, щедро осыпая нашу пехоту. Солдаты падали под этим градом.

Казалось, в единый миг Казанку запрудили трупы в зелёных мундирах, а воды её потекли кровью. Мы даже придержали коней, глядя на это избиение.

- Твою мать, - выразил общее настроение вахмистр Обейко.

А к нам уже неслись башкиры и конные казаки, стремясь покончить и с кавалерией корпуса, раз пехота уже, можно сказать, перестала существовать.

- Карабинеры! - вскричал наш командир. - На врага! Сокрушим этих чёртовых бестий!

- Остановитесь, премьер-майор! - заорал на него капитан Холод. - Это же чистой воды самоубийство!

- Полк, за мной! - игнорировал его Михельсон - и мы, как один, дали коням шпоры, терзая их и без того раскровявленные бока. И сибирские драгуны поспешили за нами.

Мы столкнулись с казаками с башкирами. Я, как сумасшедший, орудовал палашиом, круша направо и налево. Под тяжёлым клинком его падали враги. Мелькали узкоглазые лица башкир и бородатые - казаков. Мне было всё равно, кого рубить. И я рубил. Как безумец, берсерк из скандинавских легенд, не думая о себе, лишь бы убить ещё одного врага. А за ним ещё одного, и ещё, и ещё. Враги падали, тяжёлый клинок палаша ломал их лёгкие шашки и копыя, но почти каждый цеплял меня. Мундир давно превратился в окровавленные лохмотья, шляпу я потерял ещё в схватке с гренадерами, палаш изрублен, больше похож на пилу, но это и хорошо - тем более страшные раны будет он наносить врагам.

И казаки дрогнули. Не ожидали они такой ярости, такого безумного напора от кавалерии разбитого корпуса. Они развернули коней и помчались прочь. Мы не стали их преследовать. Сил не было. Да и подступала уже к нам пугачёвская пехота - заводские с крестьянами и пешие казаки. От поступи их, казалось, дрожала земля.

- Довольно, господа, - вскинул палаш Михельсон. - Полк, отступаем!

И, развернувшись по широкой дуге, мы помчались прочь от поля боя. Поля нашего величайшего поражения за всё время войны с Пугачёвым.

Комбриг Кутасов.

- Как же так, бригадир?! - бушевал Пугачёв. - Что ж это выходит?! Твои солдаты целы, а казаков - с гулькин хрен! Разбили их ко всем чертям!

- А кто виноват? - пожал плечами Кутасов. - Я виноват, что Михельсон сумел разделить ваших, Пётр Фёдорович, казаков и башкир Арсланова. - Салават Юлаев вернулся под Уфу, организовывать террор в окрестностях города, а командование башкирами в армии Пугачёва принял старшина Кинзя Арсланов. - Вы так считаете?

- Белобородов погиб, - прогудел Пугачёв, - Арсланов тяжело ранен. Яицких казаков в армии хрен да ни хрена. - От душевного потрясения "император" потерял всю свою немецкость, в нём теперь был отлично виден не фальшивый надёжа-государь, а лихой донской казак, не гнушающийся крепким словом. - Одни твои рабочие с крестьянами остались, какой же теперь казацкий государь.

- Придут к вам казаки, Пётр Фёдорович, - Кутасов поймал себя на том, что ему было даже немного жаль Пугачёва, настолько подавлен он был, не смотря на разгром михельсоновского корпуса. - Узнают о победе - и придут. Да и лейб-казаки Мясникова остались, в конце концов.

- Поди прочь, бригадир, - тяжело вздохнул Пугачёв. Он склонил голову, подперев её могучим кулаком. Кутасов поспешил покинуть его покои в недавно занятом казанском кремле.

Гарнизон его не стал долго обороняться. Не было у них для этого сил. Солдаты в вечер после боя быстренько перебили офицеров и несогласных унтеров и открыли ворота Пугачёву. Таков был итог. Но предводителя восстания угнетало то, что Михельсону удалось напоследок почти полностью перебить его кавалерию.

- Да уж, - вздохнул Кутасов, на выходе из царской палаты в кремле он встретил Омелина, - чему быть того не миновать. Хоть и разгромили мы Михельсона, но Белобородов голову здесь, всё равно, сложил.

- Это глупый фатализм, Владислав, - решительно заявил ему комиссар. - Белобородов погиб потому, что считал, победа уже у него в кармане. Думал, Михельсон побежит, а его казаки будут легко рубить карабинеров и драгун на всём скаку, до седла. Вот что погубило казачьего полковника, но никак не судьба или там фатум.

- Хорошо сказано, Андрей, - усмехнулся в отросшие усы комбриг. - Ты так скоро и до Господа Бога доберёшься - объявят твои комиссары, как в семнадцатом, что его нет, и всё. - Он подмигнул Омелину с какой-то хитрецей, которой раньше за ним не водилось. - Михельсона мы всё-таки разгромили, хоть и дорогой ценой, - вернул он в деловое русло разговор, - теперь надо уговорить Пугачёва идти на Москву.

- Он это и без того всем обещал, - напомнил Омелин. - Тогда, - именно это слово они употребляли для обозначения событий, имевших место в их прошлом, - его остановило поражение, нанесённое Михельсоном при Казани, теперь же дорога на Москву, можно сказать, открыта.

- Нет, Андрей, - они уже покинули "царские палаты" казанского кремля и теперь шагали по улицам города, носившим следы до сих пор идущего грабежа, - не само поражение важно. Главное то, что потеряно было ядро его войска - яицкие казаки во главе с Белобородовым. Также случилось и теперь, карабинеры и драгуны Михельсона перебили почти всех конных казаков, остались только пешие - из нищеты, так сказать, казачьего пролетариата. Ну, и Лейб-казачья сотня Мясникова. - Кутасов снова прошёлся пальцами по густым усам, что означало у него крайнюю степень волнения. - Пугачёв далеко не глуп и не доверяет нам, как и детищу нашему рабоче-крестьянским батальонам. Он, как бы то ни было, представитель совсем другого класса - и как всякий казак привык с презрением относиться к землеробам и заводским рабочим. Те отвечают казакам, можно сказать, полной взаимностью. Сейчас, пока идёт война, они дерутся

плечом к плечу, но после победы все их разногласия обостряются с новой силой. Так было хотя бы с теми же гуситами. Стоило разбить всех врагов, отразить несколько крестовых походов, как они тут же раскололись на несколько фракций, готовых вцепиться друг другу в горло. Все эти сироты, оребиты, табориты и прочие. Пугачёв лишился своих казаков, верных безоговорочно только ему одному, и теперь готов сменить направление удара, двинув войска на юг, к Дону. Основная задача лежит на тебе и твоём политотделе. Наш царь-император должен понять, что если он прикажет изменить направление движения армии, она может и взбунтоваться. По войску надо пустить нечто вроде клича: "На Москву!"; и никак иначе.

- Поработаем над этим, - кивнул Омелин, - но, думаю, против законного царя войско не обернётся. Не семнадцатый год на дворе, когда только ленивый не хаял Николашку последними словами. С этим бороться бессмысленно.

- Но надо бороться, Андрей, надо! - слишком громко сказал Кутасов, правда, никто не понял о чём он, бродившие без особой цели по городу повстанцы - население его, что ещё оставалось в живых, предпочитало сидеть по домам, носа на улицу не высывая - обернулись на бригадира и комиссара и пошли себе дальше, лишь некоторые плечами пожали. Мало ли что на уме у этих странных гостей их государя. - Как же нам тогда бороться с самодержавием, погубившим Россию?

- Рано с ним ещё бороться, - комиссар старался говорить как можно тише, ведь обсуждали они такие вещи, о которых и думать-то было опасно. Узнай Пугачёв, что готовят ему верные военачальники, лишил бы их жизни быстро и беспощадно. - Рано, Владислав. Пока идёт война, всё войско, весь народ, сплотилось вокруг Пугачёва. Кто мы такие для народа? Никто. Нет нас. Крепостные бегут к Пугачёву, готовят восстания, чтобы открыть ему городские ворота, целые деревни поднимаются, стоит слышать о нём. Только о нём, чудом воскресшем императоре Петре Третьем, "казацком царе". Ведь втайне очень многие крестьяне мечтают стать вольными казаками, лихими разбойниками, грабить барские усадьбы, растаскивать по домам их добро. И все эти помыслы у них, так или иначе, связаны именно с именем Пугачёва. Лишись мы его сейчас, все усилия пойдут к чёрту.

- И что же ты предлагаешь? - удивился Кутасов. Они зашли в дом, что занимали в Казани, и уселись за стол, на который заботливая хозяйка его тут же принялась выставлять разносолы.

Женщина не могла нарадоваться на своих гостей. Она была прислугой в этом доме, а стала полновластной хозяйкой, после того как повстанцы повесили владеющих этим домом князей Маркиных. Принимать столь высоких гостей она была очень рада, хоть и побаивалась этих странных людей, часто, не замечая её, говоривших такие вещи, которых она просто не понимала, отчего становилось только страшней. Зато с продовольствием никаких проблем не было, как бы не взлетели цены на него после взятия Казани. Всё самое лучшее для бригадира и главного комиссара пугачёвской армии ей доставляли солдаты рабочих батальонов.

- Ждать, Владислав, - ответил Омелин. - Возьмём Москву, получим, хотя относительный, но мир, вот тогда и начнём борьбу с самодержавием. - Он усмехнулся своим мыслям. - Быть может, именно на нас будут равняться деятели Великой Французской революции, как ты думаешь?

- Её может и вовсе не быть, - сказал на это Кутасов. - Посмотрит французская знать во главе с королём на наши события, да и передуют все революционные ростки, так сказать, в зародыше.

- Не получится, - резко хлопнул кулаком по столу Омелин. - К восьмидесят девятому году по всей Европе уже вспыхнет пламя революционного гнева.

- Про Коминтерн я помню, - кивнул Кутасов, - но ты, выходит, сам себе противоречишь, Андрей.

- Да, не важно, - отмахнулся комиссар, и сам понявший, что его понесло куда-то не туда. - Будущего знать никто не может, но Мировую революцию мы приближать будем всеми силами.

- Спорить с этим я не стану.

Не смотря на мрачное настроение Пугачёва, восстание развивалось стремительными темпами. Армия двигалась от города к городу под малиновый звон колоколов. Крестьяне встречали Пугачёва, что называется, хлебом-солью, именовали не иначе как "добрым царём-батюшкой" и вязали и вешали на воротах своих помещиков и их приказчиков. В Саранске на главной площади города был зачитан манифест "О даровании вольности крестьянам", Омелин, как главный комиссар армии, принимал самое деятельное участие в его написании, вспоминая формулировки, что зубрил перед отправкой в прошлое.

Однако теперь войско испытывало трудности с личным составом. Не смотря на огромную поддержку среди населения, крестьяне отказывались воевать за новую власть дальше своих деревень.

- Мы вам помощь оказали, - говорили старосты деревень, - помещиков перевешали, приказчиков ихних тож, чего ж вы от нас хотите теперь?

Записываться в армию, а уж тем более, отправляться на далёкий Урал, желающих находилось немного. Да не было их почти, на самом-то деле.

- Вот они, крестьяне, - скрипел зубами Кутасов, - мешочная порода, сволочь-людишки. С такими революции не сделать. Воевать дальше своего уезда не жалеют. Бар перевешали и довольно, а другие за них воюй. И ведь не прижать их никак! Рекрутские наборы вы отменили! - По этому вопросу у комиссара с комбригом были самые жаркие споры, точку в котором поставил Пугачёв. "Рекрутским наборам при моей власти не бывать", - сказал он, как отрезал.

- Нам нельзя открывать крестьянина от земли, - говорил на это Омелин. - Мы уже готовим манифест "О призыве в ряды РККА", будем брать по три молодых человека от каждой деревни, служить будут по пять лет. А рекрутские наборы оставим как чрезвычайное средство на время войны.

- Я всё это уже слышал, - вздыхал Кутасов, - и не один раз. А нам Москву ещё брать, не забыл, Андрей? Но кем брать, не подскажешь? На Урале осталось всего три батальона, полторы тысячи человек. И всё. Больше не будет. Никого. Крестьяне больше не бегут на Урал, а вешают помещиков с приказчиками. Но воевать не желают. Никак.

- Пойми, Владислав, - настаивал комиссар, - нельзя сейчас выпускать манифест о призыве. Это оттолкнёт от нас крестьянство. Но ведь всегда можно обратиться к истории, не находишь?

- Ты про вербовщиков? - уточнил Кутасов. - Набрал я уже их, из старых солдат, что к нам переметнулись. Пустил по деревням и городам. Результат слабый. Не желает мешочник воевать, сукин сын. Набираем одну голоту, кому держаться не за что, да преступников. Прямо не чудо-богатыри, а красные мундиры какие-то.

- А кого ты ждал? - пожал плечами Омелин. - Это в начале к нам целыми деревнями бежали, теперь же крестьяне свою силу почуяли. - Он решил сменить тему, она давно уже набила оскомину комиссару. - С восстаниями дела идут лучше. Сластин старается всюду.

Об этом Кутасов знал и без него. Сержант Голов, вполне удачно справившийся с поставленной задачей, регулярно докладывал о деятельности особого отдела. Сластин, кроме контрразведки взял на себя и задачи прямо противоположные. А именно, занимался подрывной деятельностью в тылу врага. И с этой задачей он справлялся отлично.

- Ездил я несколько раз, - говорил Голов. - В Пензу, в Саранск, да и по деревням проехался немало. Пару раз ловили меня, но каждый раз отбивали крестьяне. Не шучу, два раза восстания из-за меня начинались.

Куда пропала его уголовная манера говорить? Жаргон? Байковые словечки? Нет их, как не было. Теперь перед комбригом стоял настоящий офицер-разведчик. Славно работает Сластин, умеет ковать из любого материала настоящих бойцов.

- А что с московским подпольем? - поинтересовался Кутасов у Омелина.

- Сластин сообщил мне, что работа идёт, - пожал плечами комиссар, - но когда я пытаюсь уточнить, отвечать нормально не хочет. Вертится, как уж, он ведь у нас скользкий, что твой угорь.

- Это верно, - согласился Кутасов. Про московское подполье он спросил потому, что Голов уехал в Первопрестольную более месяца тому и вестей от него комбриг не получал. Надежды на то, что Омелин знает больше него, было мало, однако спросить всё же стоило, для проформы. - Хватит оттягивать неизбежное, Андрей, - теперь уже Кутасов сменил тему. - Пора к Пугачёву идти. Уговаривать не сворачивать на Дон.

- Давно пора, - кивнул Омелин.

И они покинули дом, в котором квартировали в Пензе. Пройдя по улицам до "царских палат", бывшей резиденции градоначальника, комиссар и комбриг поднялись по лестнице, всё ещё застеленной красной ковровой дорожкой. Правда, она была сильно истоптана сапогами, а чистить её было некому. Хотя бы потому, что всех слуг перевешали, как "Катькиных холуёв", те же, кому удалось сбежать, не собирались возвращаться к своим обязанностям. Перед залом, занимаемым Пугачёвым и его Тайной думой, топтались несколько десятков человек разных сословий, что именовались прежде подлыми, а теперь неэксплуататорскими. Значение этого слова никто не знал, да и просто выговорить его, могли немногие, что только придавало этому именованию значимости. Кутасов с Омелиным миновали их, игнорируя просьбы поговорить, и пройдя мимо шталмейстера, облачённого в ливрею с нереальным количеством золотого шитья, галунов и позументов, вошли в зал.

Вот резиденцию "императора" убрали регулярно и довольно чисто. Сам Пугачёв сидел в резном кресле, весьма похожем на трон. Его он возил с собой повсюду, от Авзяно-Петровских заводов до самой Пензы. Всюду устанавливали его в зале для приёмов, где бы он не находился, в деревенской ли хате, хорошем доме, вроде этого, или же просто в шатре посреди поля.

- С чем пожаловали, товарищи? - сказал "надёжа-царь". Слово это плотно вошло в лексикон пугачёвского войска, однако сейчас прозвучало оно как будто даже оскорбительно.

- О дальнейших планах у вас поинтересоваться, Пётр Федорович, - ответил Кутасов. - Когда армию на Москву двинем?

- Сначала на Дон, - ответил Пугачёв. - Поднимем Тихий Дон - и на Москву.

- Это смерти подобно, Пётр Федорович, - вскричал комиссар. - Ваша супруга успеет к тому времени собрать армию в несколько раз превосходящую нашу.

- Верно, - поддержал его Кутасов, - я ведь не раз говорил вам, что сила наша - во внезапности. Неожиданности. Никто не думал, что мы меньше чем за год сумеем выковать из рабочих и крестьян настоящих солдат, ничем не уступающих иным русским чудо-богатырям. Но мы разбили Михельсона и Толстого, пора взять Москву и заявить о себе не только в России, но и всему миру объявить, что Пётр Фёдорович Романов, самодержец всероссийский, жив и сидит на престоле своих предков.

- Сладко поёшь ты, - усмехнулся Пугачёв и многочисленная свита засмеялась вслед за ним, - да только и я не дурак. Вот говорите мне вы, товарищи, что неожиданность - наша главная сила. И потому поступлю я именно что неожиданно. Чего ждёт Катька, жёнка моя неверная? Что я на Москву или Петербурх армию двину, и потому перекроет все дороги на них своими генералами. А я вместо этого, на Дон пойду - и с Дона уже в таких силах вернусь, что всем небо с овчинку покажется.

- Но к тому времени поздно может быть, - настаивал Омелин. - У супруги вашей полков больше, чем казаков на Дону. К тому же, Пётр Федорович, на Яике, - он давно

уже не называл реку Уралом, а казаков уральскими, хотя поначалу это было комиссару очень сложно, - не все за вами пошли, многие на сторону Катерины переметнулись после того, как только военная фортуна от нас отвернулась.

- На то намекаешь, комиссар, - покачал головой Пугачёв, - что не весь Дон за мною пойдёт. Согласен с тобой, не все мне поверят, да только больше будет честных казаков. Иных мне не надо.

- Но время, Пётр Фёдорович, время, - напомнил Кутасов. - Оно будет упущено. Я уверен, мы разобьём солдат вашей супруги, сколько бы она их против вас не выставила. Ведь на нашей стороне правда, а она всегда победит.

- Так за чем же дело стало? - перебил его Пугачёв.

- За жизнями казацкими, - ответил Кутасов, - и рабочих с крестьянами. Выставит жена ваша против вас полки, пойдём мы против них всей силой - с донцами плечом к плечу. И сколько же душ на поле останутся? Победа будет наша, но какой ценой?

- Войны без убитых не бывает, - сказал Пугачёв, но в голосе его не было твердокаменной уверенности, что звучала минутой раньше.

- Всё дело в их числе, - покачал головой Омелин. - А ведь нам после победы жить надо. Каково будет жить России без армии? Ведь соседи только и ждут, чтобы мы сами поломали сабли и выкинули мушкеты. Немцы и шведы, да и турки готовы вцепиться в нас со всех сторон. - Комиссар отлично помнил интервенцию восемнадцатого года, как ни был мал в то время, когда вся Европа тянула соки из России, урывая, кто столько успеет.

- К тому же, Пётр Фёдорович, - продолжал давить, почувствовав слабинку, Кутасов, - после взятия Москвы Дон поднимется сам. Не надо будет вам идти на поклон, - он намеренно употребил столь дерзкий оборот, чтобы распалить Пугачёва, - к донским атаманам. Они сами придут к вам, на Москву. Склонят головы, увидев, кто подлинный царь на Руси.

- Головы склонят, - голос Пугачёва заметно изменился, став каким-то лёгким, мечтательным. Он уже представлял себе, что гордые атаманы донских казаков придут к нему, в Кремль, склонят головы перед ним, когда-то простым казаком Емелькой Пугачёвым. - А прикажу, так и вовсе на колени упадут, в ножки поклонятся.

Кутасов с Омелиным поняли, что дело сделано. На следующее утро армия Пугачёва выступила к Москве.

Глава 14.

Светлейший князь Григорий Потёмкин-Таврический и сержант особого отдела РККА Голов.

- Нельзя. Никак нельзя-с. Они вчерась водочки перекушали изрядно-с, а теперь поживать изволят-с.

Под эти слова князь Потёмкин проснулся. Он накануне, действительно, злоупотребил крепким спиртным и нынче поутру чувствовал себя не лучшим образом. И слово-то какое подлец-лакей выбрал мерзкое "изрядно-с". Не слово - патока. Но кто это требует его, да ещё так рано поутру? Надо подниматься.

Князь дёрнул за шнурок и сладкий лакей, имени которого Потёмкин никак запомнить не мог, мгновенно образовался на пороге.

- Чего изволите-с, ваша светлость?

- Корня моего, - ответил Потёмкин, - умываться и мундир. - Потом подумал и спросил: - Кто там?

- Его высокопревосходительство Никита Иванович Панин, - был ответ.

- Тогда статское платье.

Почёсывая длинные волосы и хрустя горькой редькой - своим излюбленным корнем - Потёмкин проследовал вслед за лакеем в туалетную комнату, а уже спустя десяток минут из покоев в приёмную вышел самый настоящий russische FЭrst. В статском платье с золотым шитьём, при цивильных орденах и шпаге, в белоснежном парике, со слегка припудренным лицом, чтобы скрыть мёртвый глаз - память о давней схватке с братьями Орловыми. Кивнул графу Панину, дожидавшемуся его пробуждения. В руках граф, выглядевший ничуть не менее эффектно - тоже ведь царедворец не последнего порядка и высший чиновник по Табели о рангах - держал увесистую папку, украшенную двуглавым орлом.

- Что это у тебя, граф? - спросил у него Потёмкин после положенных приветствий и пожеланий.

- Доклад государыне, - ответил тот, намеренно умолчав о содержании.

- И о чём же? - Князь пребывал в скверном настроении и не был настроен на придворные политесы.

- О положении дел во внутренних губерниях.

- О маркизе Пугачёве, что ли? - без особой надобности уточнил Потёмкин.

- Именно, - кивнул Панин, - а равно и мои предложения по этому поводу.

- За брата просить станешь, - вздохнул Потёмкин. - А я то при чём?

- Без вашей, светлейший князь, поддержки не смею нести сей доклад государыне.

- И что ж ты там такое написал-то, граф, что государыне отнести боишься? - усмехнулся Потёмкин.

- Михельсон разбит у Казани, - слова Панина падали, словно камни или комья земли на гроб, - Пугачёв скорым маршем движется на Москву.

- Что значит, разбит? - опешил Потёмкин. - Этого быть не может.

- Отчего же, известия проверенные, - он протянул князю папку, - ознакомьтесь.

- Граф, граф, - Потёмкин без сил опустился в кресло с резными ручками, жестом отстранив папку, - что же нам делать с твоим докладом. За такие вести можно и места при дворе лишиться.

- Но они не терпят отлагательств, князь, - настаивал Панин. - Щербатову Первопрестольной не удержать, а с потерей её всё обернётся весьма и весьма...

- Вот именно, что весьма и весьма, - невежливо перебил его Потёмкин, - а как же иначе-то, граф, только что весьма и, непременно, весьма.

- Здесь, - Панин похлопал по папке, - не только сообщение о разгроме Михельсона, но и доклад о положении в армии и губерниях, занятых пугачёвцами, а также непосредственно к ним прилегающих.

- И каково оно? - поинтересовался Потёмкин, без особой надежды в голосе.

- Неутешительные, - ответил Панин, - вы лучше ознакомьтесь, князь, прежде чем я сей доклад государыне понесу.

- Садись уже, - кивнул ему Потёмкин, понимая, что от этой не слишком приятной необходимости ему не отвертеться, и принял из рук графа папку с гербом.

Читал он долго. Очень долго. Иногда по несколько раз просматривая один и тот же лист. Часто откладывал иные, чтобы изучить отдельно. Вещи, о которых писал в своём докладе граф Панин, были ужасны, фатальны, кошмарны. В общем, как правильно сказал Панин "весьма и весьма". Сложив листы в начальном порядке, Потёмкин вернул папку графу, после чего наугад нащупал серебряный колокольчик и несколько раз звякнул им.

Лакей нарисовался мгновенно. В руках он держал поднос с чаркой водки и несколькими корнями горькой редьки. От водки князь решительно отказался, а вот редьку забрал и отослал лакея.

- Корню моего будешь? - спросил у Панина, а когда тот покачал головой, тут же захрустел ею. - А зря. Исключительно полезный корешок. О твоём докладе сказать можно только одно. Нельзя таких вещей государыне говорить, но и не говорить, тоже

нельзя. Если Пугачёв возьмёт Москву, он сможет говорить о себе, как о правителе хорошего куска Империи. Можно сказать, он рассечёт всю страну нашу надвое.

- Он уже это сделал, - мрачно сказал Панин. - Урал и Поволжские губернии уже, можно сказать, не наши. Малороссия, подбиваемая крайне недовольными политикой государыни запорожцами, поднимается и готова примкнуть к чудом воскресшему царю, а так оно и будет, если возьмёт Москву. Ведь именно Первопрестольную многие считают настоящей столицей Империи, а не наш, "господский", Петербург. Про Дон, откуда этот маркиз Пугачёв родом, я вообще молчу, нет смысла упоминать.

- Погодить ещё немного надо, - покивал Потёмкин, догрызая последнюю редьку. - Пускай государыню иные-всякие помучают, просьбами да петициями, а после и мы с тобой, граф, придём. С нашими вестями.

Спустя полчаса, когда Потёмкин сгрыз ещё несколько редек, а после потребовал мороженого, от которого Панин отказываться не стал, они направились в Большой дворец. Парки и фонтаны Петергофа не радовали обоих. Князь Потёмкин отмахивался ото всех просителей, что тут же атаковали его, стоило только им с графом выйти на улицу. И уже спустя несколько минут по всему Петергофу полетел слух: "Светлейший не в духе". Все придворные от тафельдекера и кондитера до гофмейстера и обер-гофмаршала принялись гадать в чём же причина. Выводов было сделано множество, но ни один реальности не соответствовал.

С первого взгляда Потёмкин понял, что государыня не в духе и очень сильно не в духе. Первые же слова только уверили князя в этом.

- Чем ты обрадуешь меня, светлейший? - спросила она.

Не "милый друг" и даже не Григорий, а светлейший. И кто у неё сейчас фаворит? Надо припомнить, но припомнить не удавалось, потому Потёмкин обратился к императрице с такими словами:

- Не вели казнить, матушка. - Он низко склонил голову.

- Брось ты свою азиатчину, светлейший. - Чуткое ухо придворного мгновенно уловило малейшее изменение интонации голоса императрицы. - С чем вы с графом пожаловали ко мне?

- Со скверными вещами, матушка, - почти непритворно вздохнул Потёмкин. - Граф Панин доклад измыслил о положении дел в армии и в губерниях, охваченных восстанием, а также непосредственно к ним примыкающих.

- И что же это за вести, относительно *marquis Pugachev*? - заинтересовалась императрица.

- Дозволите зачитать доклад, государыня? - испросил разрешения граф Панин и, дождавшись кивка самодержицы, начал: - Ситуация в губерниях, где действует армия изменника и бунтовщика, Емельяна Пугачёва, а так же, непосредственно к ним прилегающих сложилась весьма и весьма угрожающая. Но более всего угрожающей представляется мне ситуация в армии. После разгрома корпуса премьер-майора Михельсона на реке Казанке, настроения в ней стоят пораженческие. Ряд подразделений, от взвода до роты, перешли на сторону восставших. Растёт дезертирство. Самым же страшным представляется мне масштаб воровства и количество фактов, о которых мне донесли верные агенты, продажи боеприпасов и оружия врагу.

Сержант Голов смотрел на каптенармуса и его команду. Человек - даже не так, человек - этот, облачённый в мундир гарнизонного полка вызывал у сержанта особого отдела РККА только отвращение. Но с другими иметь дело не приходилось - работа такая у него на этой войне. Кажется, на музыке было особое слово для таких людишек, но этот язык давно и прочно был позабыт бывшим мазуриком. Начальник особого отдела умел выбивать из людей ненужные знания. Да и не было теперь никакого мазурика, а был сержант особого отдела РККА Голов. Отвлёкшись от своих мыслей, он снова обратил внимание на каптенармуса.

- Ружья самые новые, - сладко растекался тот. - Только что присланы. Боеприпасы к ним. Как договаривались.

- Принимайте, - кивнул Голов своим людям. - А где сабли, что ты мне обещал?

- Ещё не прибыли, - ответил тот. - Но в следующую нашу встречу будут обязательно.

- Хорошо, - снова кивнул Голов, снимая с пояса кошель с золотыми рублями. Глаза каптенармуса загорелись. Однако Голов демонстративно развязал тесёмки кошелька и отсыпал несколько полновесных монет и сунул в карман. - За сабли получишь, когда я их увижу.

- Будут сабли, будут, - закивал каптенармус, как китайский болванчик, что еще, будучи мазуриком, Голов утащил из богатого дома в Казани.

- Вот когда будут, - усмехнулся сержант, - тогда и рубли будут. - И передал кошель каптенармусу.

- Кроме оружия и боеприпасов, - продолжал Панин, - предатели и златолюбцы поставляют врагу лошадей и даже орудия. Это почти невозможно себе представить, государыня, но агенты Тайной канцелярии перехватили большой обоз, направляющийся в сторону занятой Пугачёвым Казани. Этом обозе были пять тяжёлых пушек и десять лёгких, а также три воза с порохом и ядрами.

Башкиры бродили по табуну и лица их узкоглазые просто лучились радостью. Всадники, дети степей, всегда умели ценить хорошего коня. Голов этого не понимал.

- Ну как, товарищи? - спрашивал кавалерийский офицер, ведавший поставками коней в пикинерные полки. - Хороши мои лошадки?

Каскын Самаров, башкирский старшина, предводительствовавший степняками несколько раз коротко кивнул и сказал, страшно коверкая слова:

- Хороши, хороши. Очень хороши лошадки. Как раз для башкир. Подойдут.

- А ты теперь куда? - спросил у офицера Голов. - В армию ведь уже не вернуться?

- С такими-то деньгами, товарищ, - усмехнулся тот. - Да куда угодно. Хоть бы и за границу. - Он взвесил на руке небольшой мешочек с драгоценными камнями, переданный Головым. Девять тысяч рублей, а именно столько стоил табун в пятьсот пикинерских коней, пригнанный офицером, сумма весьма значительная. Бумажным деньгам, введённым императрицей не так давно, ещё мало кто доверял, а золотом это выходил совершенно неподъёмный мешок. - С деньгами везде хорошо, а без них - всюду хреново.

Он перешагнул через труп унтера-табунщика, что вместе с ним пригнал коней, и ловким движением вскочил в седло. Делится полученными от "товарищей" деньгами, он не собирался ни с кем.

- Города, находящиеся на пути продвижения армии Пугачёва, наводнены агентами. Подготовка их такова, что заставляет задуматься о том, откуда они могли появиться в армии бунтовщиков, состоящей из казаков и черни. - Панин читал так вдохновенно, что Потёмкин даже заслушался, хотя и ознакомился заранее с текстом доклада, и не сразу заметил, как с каждым услышанным словом темнеет лицо императрицы. - Агенты Тайной канцелярии борются с ними, однако сил их, подорванных после правления Анны Иоанновны, на это не хватает. Привлекают офицеров из гарнизона, а также солдат, но они - не специалисты, и эффективно бороться с врагом не могут. Городовые и полиция, вообще, более заняты борьбой с растущей преступностью.

Городовые бежали за Головым уже несколько улиц. Вот ведь черти! Во времена его молодости, когда сержант был ещё лихим мазуриком, они бы давно отстали и бросили это дело. Война их такими приткими сделала, что ли? Или это ему так не повезло. И ведь как же фатально не повезло. Он только вошёл в комнату, где собирались нижегородские

подпольщики, как тут же понял, явка провалена. Он не слишком хорошо понимал смысл этих слов, но их часто повторял Сластин, а потому они крепко въелись в память Голова. За столом сидели вроде бы и рабочие волжских верфей, и одежда подходящая, и лица, однако стоило бросить взгляд на их руки, как учил всё тот же Сластин, сразу всё становилось понятно. Ладони их не были густо покрыты смолой, как должны были, а значит, вывод мог быть один - Тайная канцелярия.

И Голов рванул с квартиры со всех ног, плечом сшибив загородившего ему выход "рабочего", ссыпался по лестнице и выскочил на улицу. Кто ж знал, что на улице городских поставят. Для подстраховки. Голов угрём вывернулся из их крепких объятий, в которых городские сжали его, и бросился вперёд. Не особенно разбирая куда. И бежал он так уже минут пять, а городские всё не отставали.

И тут из тёмного переулка высунулась грязная физиономия и коротко свистнула Голову, показав отсутствие передних зубов, отчего свистеть было даже сподручней.

- Эй, маз, сюда, - для верности добавил обладатель физиономии, через мгновение скрывшись в переулке.

Голов нырнул вслед за ним. Долгое время он видел перед собой только спину в грязной рубаше, и старался не отстать от своего нечаянного спасителя. Удалось. Помогли бывшая сноровка опытного мазурика и уроки Сластина. А вот городские отстали. И вот беглецы остановились в каком-то дворе, откинувшись на стену. Голов судорожно ловил ртом воздух - всё же возраст не тот, чтобы бежать по полчаса кряду. Не мальчик давно.

- Третья часть слама мне, - прохрипел мазурик, которому бегство далось так же не слишком легко, однако на губах его играла мечтательная улыбка.

Голов и без хитрой науки психологии, азам которой учил его Сластин, мог прочесть мысли, бродящие сейчас в давно не мытой голове жулика. Как велено воровским законом третья часть добычи доставалась тому, кто выручил незадачливого мазурика из лап каплюжников. Но на сей раз жулику не повезло, и Голов сейчас выжидал, давая парню ещё несколько секунд счастья, чтобы разочаровать его - и очень сильно.

- Нет у меня слама, жулик, - сказал Голов.

- Прихватить не успел, - разочарованию юного маза не было конца краю. Ещё только сейчас был он самым счастливым юношей едва не во всём Нижнем Новгороде, а теперь он рухнул с небес на землю, голову себе расшибив об острые камни. - Вот непруха.

- Бывает, - невесело усмехнулся Голов. - За синичку выведешь из этих катакомб?

- А не маловато будет? - засомневался жулик. - А ты, маз, чего дороги отседова не знаешь? Ты чьей колоды, маз?

- Я без колоды, жулик, - покачал головой Голов. - Сам по себе.

- Нету таковских в Нижнем, - уверенно заявил парень. - Ты что ж, политический, что ли?

- Политический, - вынуждено кивнул Голов, - но был из мазов, жулик. Так что бери синичку и выводи меня к воротам города. Я тут не задержусь и со старшаками здешними мне корешиться выгоды нет. - Нужные и понятные жулику слова сами собою появлялись в голове. - Выходит, что мне тебя приткнуть ничего не стоит. Был жулик да весь вышел. Вот и решай. Синичка в руках или мотыль в боку.

Жулику оставалось только повздыхать, что называется, для виду - или как говаривал Сластин, для проформы - и соглашаться.

- Таково, в общем, состояние в армии, что сражается с Пугачёвым, - закрыл папку граф Панин, - а также губерниях, охваченных восстанием и непосредственно к ним прилегающих.

- И как мне это понимать, светлейший? - ледяным голосом спросила императрица у Потёмкина. - И вас, граф?

- Матушка, - вздохнул Потёмкин, - разумею, как тебе вольно. Ты глава и самодержица государству российскому. Но не гневайся на правду, ибо мы, верные слуги твои, не можем позволить, чтобы глаза твои были закрыты, а взгляд отвернут от столь великой проблемы, коя грозит всему, чем правишь ты.

- Ох, светлейший, - не смогла удержать улыбку государыня, - умеешь ты сказать. Но отчего так долго держали вы глаза мои отвернутыми от этой проблемы? Граф, зачем ты только нынче принёс мне сей доклад?

- Вести долго идут из тех губерний, ваше величество, - оправдывался Панин, стараясь не глядеть в пол при этом. - Да, к тому же, великие надежды были возложены на генерал-поручика Щербатова, которого назначили командовать после смерти генерал-аншефа Бибикова. Но он их, к прискорбию нашему, не оправдал.

- И кого же вы мыслите на его место? - поинтересовалась императрица и князь понял, что дни генерал-поручика Щербатова на посту командующего армией сочтены, и ему остаётся только радоваться, что Екатерина, как наследница Дщери Петровой, подтвердила запрет на смертную казнь.

Потёмкин взглядом единственного глаза, как умел только он один, приказал графу Панину молчать и, мысленно перекрестившись, сказал:

- Генерал-аншефа Петра Ивановича Панина. Он справится лучше всего.

- Этого unverschДmt SchwДtzer, - удивилась императрица, - это немыслимо. Этот вольтерьянец чернил меня, пребывая в Москве. Он под надзором. Я ещё могу понять графа Панина, никому не приятно, что его родной брат в опале, но ты, светлейший. Не ждала я от тебя такого.

- Токмо за отечество радею, матушка, - вздохнул Потёмкин. - И лучшего человека для войны с бунтовщиком Пугачёвым не вижу. Нельзя же графа Румянцева с Долгоруковым с войны против Порты забирать. Мир-то ещё не подписан с турком.

- Это недогляд твой, граф, - пожурела императрица Панина. - Что же это твои дипломаты так долго с ним возятся?

- Несговорчив турок, - ответил тот. - Султан поражение признаёт, но капитулировать на наших условиях не желает. Всё надеется, как доносят мои агенты, на то, что Британия или Франция вмешаются.

- А есть таковая вероятность? - поинтересовалась государыня.

- Весьма мала, - покачал головой Панин. - Европе до Порты дела нет, а нас они почитают кем-то вроде варваров или, пардон, медведей.

- Не извиняйся, граф, - улыбнулась императрица. - Я и сама думала так, когда ехала с матушкой в Россию.

- Матушка, - решился вернуть её к прежней теме, от которой государыня так красиво ушла, Потёмкин, - так что же нам делать с *marquis Pugachev*?

- Ох, и хитёр ты, светлейший, - в голосе государыни было куда больше тепла, что порадовало Потёмкина. - Хоть и не люблю я генерала Панина, но выбора не оставляет нам судьба.

- Так мне готовить фельдъегеря? - спросил Потемкин. - С депешей в Москву, - уточнил он.

- Кривишь душою, светлейший, - вздохнула императрица. - И указы у тебя готовы все, и о снятии Щербатова, и о назначении Панина, и даже фельдъегерь за дверями ждёт.

- Исключительно из предусмотрительности, матушка, - улыбнулся князь. - Ведь промедление ныне воистину подобно смерти.

- Верёвки ты из меня вьёшь, милый друг, - притворства в печальном голосе государыни было очень много. - Зови своих людей, Григорий.

И уже подписав указы, императрица обратилась к графу с князем, и голос её вновь заледенел, как в самом начале беседы.

- Но смотрите мне, господа, - сказала она. - Если *marquis Pugachev* возьмёт Москву вечной опалы брату твоему вольнодумному, граф, не миновать. Да и вам обоим, господа мои, солоно придётся.

Глава 15.

Поручик Ирашин, комиссар Омелин и комбриг Кутасов.

Болтаться в обозе отступающего войска особенно неприятно. Ты трясешься в какой-то коляске, больше всего напоминающую извозчичью пролётку, в то время как твои товарищи по оружию из последних сил отражают атаки то и дело налетающих врагов. Мы схватывались и с татарами, и с башкирами, и с легкоконными казаками, и даже с чубатыми запорожцами. Последних никто не ожидал увидеть тут. О них рассказал мне Озоровский, навещавший меня едва не каждый вечер. Приходили и ротмистр Коренин, повторно для виду отругавший меня в первый после боя вечер за самовольный побег из госпиталя, ведь за нами внимательно наблюдал батальонный лекарь Минахин, не без основания подозревавший моего командира. Из их рассказов я имел представление о том, что творится вокруг. И для меня звуки стрельбы и звон стали обретали смысл. Раз больше стреляют - то башкиры или татары налетели, принялись обстреливать из луков, а карабинеры с драгунами отвечают им мушкетной пальбой. А если почти сразу зазвенела сталь, выходит, казаки примчались по нашу душу. Они невеликие любители стрельбы - сразу за шашки хватаются.

- Ты бы видел их! - примчался ко мне как-то вечером Озоровский, в разорванном мундире, что самое интересное, моём - он был ниже и щуплее меня, а потому мундир висел на друге, как тот не загонял его за ремень, собирая складками за спиной. - Ты бы видел! С самой Польши я не видал таковых!

- Это кого же? - спросил я, находя в себе силы улыбнуться.

- Да как кого, - размахивал руками от избытка чувств Озоровский, - как кого?! Да запорожцев же! Натурально запорожцев, такие панам Барской конфедерации служили, помнишь? Чубатые, в шароварах, в рубахах расписных! И злые вояки, скажу я тебе, Петя. Ударили мы с ними в сабли, думали, от них пух и перья полетят как обычно. Да не тут то было. Ох и врезали они нам, выдали по первое число. Лихие рубаки, скажу я тебе, эти запорожцы. Четверть часа рубились мы с ними не на жизнь, а на смерть, но отогнали. Большой кровью, но отбились от этих чертей чубатых.

- И чего это стоило нам? - мрачно поинтересовался я, с каждым днём полк наш таял, что называется, на глазах, каждый день приносил нам новые потери. Один или двое убитых, и по несколько человек отправлялись в наш передвижной госпиталь, составленный из крестьянских телег и извозчичьих пролёток. Их в городах, через которые мы проходили, оставалось великое множество. Предназначенные единственно для перевозки людей они мало подходили для бегства со скарбом, а вот под госпитальные нужды приспособить их удалось. Рессоры у них были хорошие, мягкие, и на них везли тяжело раненных обер-офицеров, вроде меня. На телегах любой из нас мог бы отдать Богу душу от тряски.

- Пятерых схоронили, - помрачнел Озоровский. - Ещё семеро на телеги отправились, а легко раненных и не счесть. Меня вон пару раз зацепили. - Он продемонстрировал мне свежие повязки.

Отступление медленно, но верно перемалывало наш полк. Что ни день случались налёты, заканчивающиеся кровавыми рукопашными стычками, каждые день один два карабинера или драгуна отправлялись в могилу, а ещё столько же на телеги передвижного госпиталя. С них, надо сказать, вставали немногие. Большая часть оставалась лежать на соломе, трясясь на ухабах и в лихорадочной горячке.

Полк медленно, с боями, обливаясь кровью и теряя людей наш полк, сопровождаемый драгунами и остатками иных разбитых Пугачёвым кавалерийских частей, отступал к Москве.

Армия Пугачёва двигалась к Москве. Медленно, словно громадный грозовой фронт, надвигалась она на первую столицу государства российского. И повсюду на его пути вспыхивали восстания и бунты. Крестьяне вешали приказчиков, а своих помещиков заключали с семьями в холодные избы до прихода "батюшки-царя" для справедливого суда и расправы над ними. Заслонов на пути его не было, все войска генерал-аншеф Панин собрал на подступах к Москве. С юго-востока ему на помощь спешил генерал-поручик Мансуров, со своим корпусом вышедший из вот-вот готового вновь взбунтоваться Яицкого городка к Сызрани. Генерал-майор Голицын двинул войска к Саранску. Сам Панин с семью полками остался в Москве по настоянию генерал-губернатора князя Волконского. Последний ослабил себя на всю древнюю столицу тем, что приказал поставить около своего дома артиллерию. Этот поступок вошёл в историю, однако был забыт другой его поступок. Он собрал отставных офицеров, что ещё могли встать в строй или сесть в седло, а также офицеров с унтерами из разбитых полков. Сформировал из них Добровольческий полк московского ополчения, состоящий практически из одних только офицеров и унтеров. За свои деньги он вооружил и обмундировал небольшой корпус, и уже спустя несколько дней он был готов к бою. Состоял корпус из двух пехотных батальонов, с приданным эскадроном драгун и двумя командами конной артиллерии. Надо сказать, он постоянно пополнялся офицерами из других разбитых пугачёвской армией полков и гарнизонов, так что ещё до первого боя с ними разросся до масштабов полноценного корпуса. Командиром его числился сам князь Волконский, однако исполнять его обязанности, понятно, не мог, а уж когда полк перерос в Добровольческий корпус, то и вовсе. Князь тогда объявил себя шефом корпуса и поручил командование пожилому генерал-майору фон Бракенгейму. Он был из восточных пруссаков, прибыл молодым офицером в свите Анны Иоанновны в Москву, однако после восшествия на престол Елизаветы Петровны не покинул Россию, отличился в Семилетнюю войну, дослужился до генерал-майора, однако молодую Екатерину не поддержал и отправился в отставку, поселившись в своём имении в Москве. А теперь его вновь звала война.

- И как мы на Москву пойдём? - спросил Пугачёв у Кутасова. - Крепко её закрыли от нас жёнкины генералы.

- Через Арзамас, - уверенно ответил комбриг. В другой истории арзамасское направление закрывал от Пугачёва корпус Михельсона, однако теперь премьер-майор спешно отступал едва не к самой Москве, неся тяжёлые потери в борьбе с легкоконными налётчиками. - Ударим на Муром, а оттуда открыта прямая дорога на Первопрестольную. Так нам только новый командующий армией граф Панин со своими семью полками противостоять будет. - О назначении опального генерал-аншефа главнокомандующим сообщили Кутасову на днях сообщил Голов. Сластин эту новость пока решил придержать.

- А Мансуров, Голицын-князь? - удивился Пугачёв. - Они что же, у нас в тылу останутся, выходит. Не дело это, бригадир. Не дело. Такие части в тылу оставлять.

- Именно поэтому мы должны как можно скорее взять Москву, - настаивал Кутасов. - За её стенами нам все Мансуровы с Голицыными страшны не будут.

- А ну как отрежут они нас, - резонно возразил Пугачёв. - Запрёмся мы в Москве как поляки, да нас голодом заморят.

- Э нет, Пётр Фёдорович, - усмехнулся, вступив в разговор, Омелин. - Такого быть не может. Ведь против польских интервентов поднялась вся Россия, от мала до велика. Теперь вся страна на нашей стороне. Крестьяне нам будут, если придётся, тайно возить

еду за стены. К тому же, князь Волконский, думаю, собирает припасы на случай осады, мы ими и воспользуемся.

- Так ли и воспользуемся, - покачал головой Пугачёв. - Может же быть и как в Яицком городке. Так ведь Кремль московский не ретраншемент Михайло-Архангельского собора, да мы и его когда-то взять не сумели, а уж тут. Нет у нас артиллерии, чтобы стены его взять. Когда твой инженер заводы наладит, а?

Военинженер Кондрашов был откомандирован на уральские заводы, налаживать промышленность. Перед отъездом он вытащил из багажа странно смотрящийся среди баулов, узлов и мешков вполне современный гостями из будущего деревянный, обитый дерматином чемоданчик со стальными углами.

- Долго он своего ждал, - сказал, похлопав по нему Кондрашов. - Всюду его, родимого, за собой таскаю. От Урала до Казани, а теперь вот обратно. Но там-то он нам всем службу сослужит.

В этом невзрачного вида чемоданчике лежали чертежи машин и учебники по металлургии. С их помощью талантливый инженер-металлург, призванный в армию незадолго до отправки в прошлое, скорее всего, специально к ней, должен был существенно улучшить промышленность России. Не смотря на ударный толчок, приданный реформами Петра Первого, она была довольно отсталой. Однако с помощью военинженера её должны были вывести на совершенно иной уровень. Конечно, до тридцатых годов двадцатого века её не поднять, но лет на двадцать с лишним вперёд - вполне. Для начала должно хватить и чтобы справиться с правительственными войсками и для отражения возможной агрессии соседних стран. Одной только шрапнелью войны не выиграть.

- Заводы, Пётр Фёдорович, в единый день не перестроить, - покачал головой Кутасов. - Кондрашов сообщает, что первые пушки новых моделей мы получим не ранее, чем через несколько месяцев.

- Толку-то с них будет тогда, - пробурчал Пугачёв. - Мы Москву к тому времени взять уж должны будем по вашему плану, товарищи.

- На этом жизнь не кончится, Пётр Фёдорович, - ответил ему Омелин. - Будем воевать дальше с войсками вашей супруги, да и интервенцию исключать не стоит. На нашу землю много охотников найдётся, - пояснил он для Пугачёва, комиссар не был уверен, что "казацкий царь" понимает такое трудное слово как интервенция.

- Что да, то да, - важно покивал Пугачёв. - Но немчуру мы к нам не пустим, нечего им тут делать.

Кутасов криво усмехнулся про себя. И это говорит Карл Пётр Ульрих, сын голштинского герцога Карла Фридриха. Видел бы покойный Карл Фридрих своего "потомка", отправился бы на тот свет во второй раз, а уж от его слов про немчуру, в третий.

- Закрывать направление Арзамас-Муром-Москва нет никакой возможности, - отчеканил премьер-майор Михельсон. - Сил моего корпуса, вернее, его остатков, если быть точным, хватит, чтобы отразить атаку пугачёвцев.

- Я так и доложу его высокопревосходительству, - кивнул фельдъегерь, прибывший в ставку корпуса несколько минут назад.

И, сменив коня на свежего, он умчался обратно в Москву. Я присутствовал при его прибытии в лагерь. Высокий парень в чистеньком мундире, только сапоги с рейтузами перемазаны в грязи. Спрыгнув с коня, он коротко отдал честь премьер-майору и подал приказ генерал-аншефа Панина. Наш командир прочёл его, криво усмехнулся и ответил именно теми словами, что я привёл выше.

После того, как я смог встать на ноги, я тут же забрался в седло, сменив надоевшее хуже редьки горькой исподнее, в котором валялся в госпитальной пролётке, и надев парадный мундир. Повседневный уже успел затаскать Пашка, оба мундира которого

пришли в полную негодность за время отступления из-под Казани. Не отбирать же, в конце концов. Однако за время моего отсутствия произошло некоторое изменение в командном составе полка. Мой взвод принял вахмистр Обейко и, не смотря на мои в нём сомнения, командовал во время отступления наилучшим образом.

- В общем, поручик, - сказал мне Коренин, - для тебя пока должности в эскадроне нет. Временно. Но, хочу сказать, о тебе прослышал сам Михельсон, и затребовал тебя к себе.

Вот так я и попал на штабную должность. Вернее, у меня и должности-то не было, я просто ошивался при Михельсоне, кем-то вроде младшего адъютанта. Он присматривался ко мне, но для чего - непонятно. В конце второй недели нашего отступления, когда я вернулся из дозора, куда отправился со своим бывшим взводом, Михельсон вызвал меня к себе в палатку.

- Прошу, - после взаимных приветствий сказал мне премьер-майор, указывая рукой, затянутой в белоснежную, как всегда, перчатку, на раскладное креслице. - Вам, думаю, неудобно стоять после стольких часов в седле. - И продолжил, когда я опустился в него. - Вы, думаю, поручик, давно гадаете, что это я всё держу вас при себе, да отправляю иногда с прежним взводом. Можете не отвечать, всё и без слов ясно. Дело в том, что у меня большие сомнения относительно поручика Самохина. Он, вроде бы, и справный офицер, никогда труса не праздновал, однако есть у него один большой недостаток. Приказы слушает скверно и следует им только, когда удовлетворяют его, а для офицера это недопустимо. Вот я и решил устроить ему последнюю проверку. Вы отправитесь к нему товарищем командира эскадрона, официально, для того, чтобы поднабраться опыта перед переводом в драгунский полк командиром своего эскадрона. Он ведь для вас, поручик, был кем-то вроде старшего товарища и наставника в офицерских премудростях, поэтому подозрений вызвать это не должно.

- Но какова будет моя роль на самом деле, ваше высокоблагородие? - спросил я, понимая, что Михельсон, хоть и замолчал, но мысли не закончил.

- Дело в том, что я... проверка будет вот в чём, - было видно, что слова даются нашему командиру нелегко. - Нам уже очень скоро предстоит схватиться с Пугачёвым и битва эта будет не чета даже той, под Казанью. В ходе её Самохин снова может выкинуть этакий кунштюк, как это с ним уже бывало, тогда вы, поручик, сместите его и примете командование на себя. Я выпишу вам для этого необходимую бумагу. В эскадроне поручика не любят, а потому примут вас легко. Как это не прискорбно звучит. К сожалению, я был слишком занят войной, чтобы обращать внимание на дела в своём полку, что говорит обо мне не наилучшим образом. Теперь пришла пора исправлять свои ошибки. Пусть и такими, к сожалению, спорными методами.

- К слову о спорных методах, ваше высокоблагородие, - говорить о таких вещах мне было крайне неприятно, но надо было выяснить всё до конца. - Поручик ведь может и воспротивиться моим действиям, ведь бумагу предъявлять в бою будет некогда, а до него, как я понимаю, о ней распространяться также нельзя.

- Да, верно, поручик, - кивнул Михельсон. - В бою всякое бывает, благословить вас стрелять в спину своему я не могу, однако обстоятельства могут того потребовать. Скажу лишь, что интересоваться гибелью именно этого офицера я не стану.

С тяжёлым сердцем вышел я из палатки премьер-майора. В моём кармане лежали две бумаги. Первая - перевод из третьего эскадрона в четвёртый и назначение товарищем командира. Вторая - письменное обращение Михельсона к офицерам и унтерам четвёртого эскадрона, сообщающее об отстранении Самохина от командования.

Утром следующего дня я представился Самохину и предъявил первую из двух бумаг. Поручик с недоверием посмотрел на меня и принял на удивление неласково. Это уже позже, от офицеров эскадрона я узнал, что он недолюбливает, мягко говоря, бывлых сослуживцев. Вечером, после длительного марша, я был представлен в палатке, заменяющей офицерское собрание эскадрона.

- В драгуны, значит, тебя переводят, - усмехнулся поручик Парамонов. - В рабочие, так сказать, лошадки войны.

- Вроде того, - кивнул я, поддерживая игривый тон, взятый новыми сослуживцами. - Зато, господа, прошу заметить, старейшая кавалерия Российской империи. Пётр Великий только драгун учредил.

- Другой в то время и не было-то, поручик, - заявил пожилой вахмистр Горяев, командовавший третьим взводом вместо погибшего поручика Антонова.

- Зато с повышением в звании переводят, - заметил подпоручик Стригалёв. - Будете теперь поручиком и командиром эскадрона в драгунском полку. Кстати, в каком, поручик?

Названия полка в бумаге Михельсона не было, поэтому я назвал наобум Сибирский, в конце концов, у меня там старые знакомцы, вроде того же капитана Холода.

- Славный полк, поручик, - покивали офицеры. - Хорошо воюет с Пугачёвым. Едва не лучше нашего.

- Мы тоже хорошо воюем, господа, - вмешался в наш разговор до того молчавший Самохин. - Если бы нам всякие разные не мешали, могли и побить его. В железной клетке бы привезли в Петербург.

- У него вечно разные внутренние враги виноваты, - вполголоса сказал мне поручик Парамонов, так чтобы Самохин не услышал, хотя это было и маловероятно в небольшой палатке.

А я смотрел на своего бывшего почти что друга, и не верил своим глазам. Стать друзьями по настоящему нам мешала приличная разница в возрасте - Самохин был лет на пять или шесть старше, и потому стал, как правильно сказал Михельсон старшим товарищем для меня и Озоровского. Мы ходили с ним в загулы, часто заканчивавшиеся драками и дуэлями, нередко мы брались за палаши и пистолеты. Вместе играли в винт с другими офицерами, оставляя за столом жалования за месяц и долговые расписки едва не на год вперёд или же наоборот, сгребая со стола серебряные рубли и недавно введённые ассигнации, доверия которым, впрочем, было немного. А теперь я смотрел на него и не верил своим глазам. Его лицо высохло, став похожим на аскетическое, глаза округлились, отчего поручик более всего напоминал святого со старинных икон, только бороды не хватало. Волосы отросли и теперь лежали по плечам грязными лохмами, ещё более увеличивая сходство. За мундиром денщик его - из старых кавалерийских унтеров - ухаживал справно, и идеальное состояние одежды сильно контрастировало с обтянутым лицом и грязными волосами. Но главное, главное, взгляд. Он опять же заставлял вспомнить об иконах старинного письма, с которых глядели суроволицые святые и сам Господь Бог, и от взглядов их становилось неуютно. В детстве я каждый раз боялся глядеть на эти иконы, когда с семьёй приходил церковь по воскресеньям. Казалось, они в самую душу глядят и всё видят - самый крохотный грешок не укроется от этих суровых глаз. Именно такой взгляд был сейчас у Самохина. Каждый раз, когда былой старший товарищ даже вскользь бросал на меня взгляд, мне становилось крайне не по себе.

Запорожцам комиссар Омелин удивился. Изрядно удивился. К казакам-бородачам, крестьянам в лаптях и мало чем отличающимся от них рабочим он уже привык. Тем более, когда большая часть их теперь носила форму Красной армии. А вот с недавнего времени в лагере появились эти зычноголосые, чубатые, длинноусых запорожцы в расписных рубахах и "шароварах во всё Чёрное море". Они словно сошли со страниц "Миргорода" Николая Васильевича Гоголя. Несколько тысяч натуральных тарасов бульб, Остапов с андрями и прочими кукубенками, шилами и кирдягами. Не соврал Николай Васильевич ни единым словом о разгульном нраве их, вносившем сумятицу в армию Пугачёва, где даже башкиры с татарами начали привыкать к "революционной дисциплине". С этим надо было что-то делать, а потому комиссары Омелина трудились всюду, отчаянно борясь с возрождающейся бунтовщицкой вольницей. Помогало слабо.

Не помогла длительная беседа самого Пугачёва с запорожским старшиной - кошевым атаманом Кривоносом, живо напомнившим Омелину о другом романе про то время. Всё том же, уже вспоминавшемся во время Сакмарской мясорубки, "Огнём и мечом" Генрика Сенкевича.

- Мы воевать пришли к тебе, государь-надёжа, - ответил Пугачёву Кривонос. - За жизнь свою исконную, которую жёнка твоя порушить хочет. И отказываться от неё не желаем. И не откажемся, хоть режь нас.

- Резать вас не стану, - сказал Пугачёв. - Раз пришли ко мне. Но вольницу вашу допустить более не могу. Вы мне армию разлагаете. А потому становитесь отдельным лагерем. И чтобы так - ни к себе никого не пускайте, ни к нам не отпускайте. Такова моя царская воля.

- Не дело это, государь, - вздохнул Кривонос. - Но воля твоя для нас, козаков, превыше всего, кроме воли Господней. Нынче же станем своим лагерем.

Это всё чего удалось добиться от лихих сечевиков. Но, не смотря на строжайший запрет, запорожцы бегали в лагерь с водкой - ну, как же, нельзя ж оставлять братьев-повстанцев мучиться с сухим горлом - и к себе пропускали охотно, особенно после захода Солнца. Кутасов, как не странно, был спокоен и, словно не предавал значения этой проблеме.

- Проблема сечевиков решиться сама собой, Андрей, - сказал он, когда комиссар попенял ему. - В будущей битве мы поставим их против тяжёлой кавалерии, и проблема сама по себе перестанет существовать. - Он хищно осклабился. - Запорожцы, действительно, внесли сумятицу в наши дела, то ли дело донцы, хоть и казаки, но дисциплину понимают.

Донские казаки были не столь решительны в поддержке восстания, как расписывал Пугачёву Кутасов. Их атаман прислал ему грамоту, где уверял, что Дон полностью лоялен "чудом спасшемуся самодержцу" и никого не допустит в пределы его владений. И ни слова о военной помощи. Правда, с посланцами атамана приехало много бедных козаков, быстро определённых в пешие полки. Но этого было очень мало. Можно сказать, исчезающе мало. Однако, как говорится, нет худа без добра. Этот факт окончательно утвердил Пугачёва в решении идти на Москву, ибо искать помощи на Дону было бессмысленно, казаки его своим царём просто так никогда не признают, и воевать далеко от родных станиц не пойдут. Это Омелин с Кутасовым знали отлично, помня недавний пример Гражданской войны.

- А если запорожцы разобьют тяжёлую кавалерию? - засомневался Омелин.

- Ты себя-то слышал, Андрей, а? - усмехнулся Кутасов. - Сечевики разобьют тяжёлую кавалерию, такого быть не может. Ты лучше скажи, как дело с предателем идёт? Он сейчас для нас важнее всей казаков с сечевиками.

Засланные в тыл вражеской армии пропагандисты Омелина и шпионы Сластина обнаружили офицера, готового перебежать к восставшим. Не смотря на отсутствие немецких корней он принадлежал к роду, поддерживавшему Петра Третьего, а не Екатерину и оказавшемуся в глубокой опале и почти обнищавшему. К тому же, этот офицер был явно недоволен своим положением в полку, хотя и имел под началом не столь уж малое количество солдат. Если его удастся склонить к переходу на сторону восставших, это станет крайне неприятным примером для остальной части екатерининской армии. Он может подтолкнуть к этом других солдат и офицеров, особенно тех, чьи судьбы круто изменило убийство Петра Третьего.

- Он всё ещё колеблется, - сказал Омелин, ведавшей всей операцией, - хотя и с солдатами поговорить на эту тему уже успел. Те, как раз, практически все поддерживают его, благодаря работе моих людей. Но большой проблемой являются офицеры, с ними, как доносит и сам предатель, и мои люди, и разговаривать нечего. Все безоговорочно преданы Екатерине.

- Не так плохо, наша опора именно солдаты, - кивнул Кутасов, - а офицеры - белая кость. На них рассчитывать пустое дело. Слышал, кстати, о Добровольческой армии?

- Ещё пока корпусе, - поправил Омелин. - И верховодит ими какой-то немец природный, а не потомственный казак Лавр Корнилов.

- Вспомни ещё эту сволочь, - отмахнулся Кутасов. - Перебили и выкинули за кордон мы ещё два с лишним десятка лет тому всех этих корниловых, деникиных и кутеповых. То же будет с всякими врагами советской власти. В любом времени.

- Владислав, - не смог сдержать улыбки Омелин, глядя на раздухарившегося комбрига, - это, вообще-то, мои слова. Этак ты у меня вовсе хлеб отберёшь.

Глава 16.

Это есть наш последний...

По всем расчётам решающее сражение, от которого зависела судьба Москвы, должно было состояться около Арзамаса. Из Сызрани и Саранска скорым маршем к нему спешили Мансуров и Голицын, Добровольческий корпус фон Бракенгейма и семь полков генерал-аншефа Панина выступили из Москвы к Арзамасу, вокруг которого уже готово было сомкнуться кольцо трёх корпусов правительственных войск. Однако самозванец не проявлял ни малейшего беспокойства, как будто и не превосходил враг его числом примерно в полтора раза. Более того, он явно собирался дать бой вне стен города, в поле и без поддержки городской артиллерии. Обезопасив лишь свои тылы и частично, фланги. Именно об этом докладывала разведка, ей не верили, отправляли новых разведчиков, но и те приносили прежние сведения. Армия Пугачёва стоит лагерем в нескольких верстах от Арзамаса, словно ожидая подхода правительственных войск.

Наш корпус влился в состав армии генерал-аншефа Панина, третьей дорогой обойдя занятый врагом Арзамас. Михельсона принял у себя сам граф, я не присутствовал при этой встрече, однако по слухам он подробно расспросил нашего командира о сражении под Казанью и отступлении. Говорят, даже похвалил за относительно небольшое количество потерь среди карабинеров и драгун, а также за то, что собирал по дороге всех солдат и офицеров разбитых полков.

Спустя два дня после нашего присоединения с армией Панина, в неё влились корпуса Мансурова и Голицына, а также несколько небольших карательных команд. Офицеры последних много чего порассказали о том, что творится в губерниях.

- Озлобились мы, господа, - говорил прапорщик Марцевич из команды Муфеля. - Крайне озлобились. Нельзя так себя вести. Даже за границей, а уж со своими-то и подавно. Какие бы они не были бунтовщики, но нельзя вешать целые деревни за одну только ржавую саблю. Сотни человек шомполами запарывали.

- А как иначе с ними воевать? - привычно возражал ротмистр Коренин. - Нельзя с ними иначе. Они нас убивают, и мы их. Бунтовщики офицеров запарывают, мы будем запарывать их. Око за око, зуб за зуб, так завещано нам с древнейших времён.

- Порочный круг какой-то выходит, - заметил мрачным, как обычно в последнее время, голосом мой нынешний командир. - Мы их, они - нас. И чем это закончится?

- А у вас, поручик, сомнения есть в исходе этой кампании? - холодно поинтересовался у него Коренин.

- Вызов мой всё ещё в силе, - заметил Самохин. - А исходы у войн бывают разные. Вот вы тут предков вспомнили, но среди них был и царь Эпира.

- Скверные у вас намёки, господин поручик, - голос Коренина стал ледяным, как воды Белого моря. - О своём вызове можете не напоминать, у меня с головой всё в порядке. В отличие от иных.

Раньше Самохин вспылит бы, вскочил на ноги, замахал бы руками, схватился за палаш, однако теперь только головой покачал. Как будто только он один понимал всё на свете, а

остальные - блуждают, словно слепцы в потёмках. Очень непохоже это было на нашего лихого поручика. Быть может, именно поэтому меня к нему Михельсон и приставил.

Утром девятого августа наша армия подошла к Арзамасу. Нас уже встречали выстроенные в боевые порядки пугачёвцы. Первым, что бросалось в глаза, было почти полное отсутствие знаменитых крашенных кафтанов, большая часть армии была обмундирована должным образом в зелёные рубашки, картузы и маленькие шапочки, каких я никогда не видал. У всех мушкеты, насколько я смог разглядеть во взятую у поручика Парамонова подозрительную трубу, единого образца. На флангах кавалерия - казаки, башкиры, татары и выделяющиеся на их фоне запорожцы. Но и нам им было что противопоставить. Наш полк стоял на правом фланге армии Панина, вместе со вновь собранным Сибирским драгунским, Арзамасским драгунским и двумя эскадронами Луганского пикиёрного. Именно нам предстояло ударить по запорожцам и казакам, отличающимся от них зелёными рубашками и картузами, как-то не вяжущимися с длинными пиками. Однако все понимали, что противники эти весьма и весьма серьёзные. Драка нам предстоит не на жизнь, а на смерть.

- Сегодня решится судьба Москвы, - в который раз повторил Пугачёв. Он всё ещё не был уверен, правильно ли поступил, послушавшись совета бригадира Кутасова и выведя армию из-за стен Арзамаса.

- Именно сегодня, - вторил ему Кутасов, оглядывая поле боя в диковинную трубу с двумя окулярами, какие были у его пришлых офицеров. - Прикажете играть начало боя?

- Пусть они наступают, - покачал головой Пугачёв. Он перестал ходить туда-сюда и теперь только поигрывал булавой. - Нас меньше, так что обороняться сподручнее будет, чем нападать.

- Но ведь и спровоцировать врага тоже надо, - усмехнулся Кутасов. - Так играть, Пётр Фёдорович?

- Играть, - махнул рукой Пугачёв.

В ответ на его команду запели трубы, ударили барабаны, однако армия оставалась стоять, будто не слыша этих сигналов. А вот противник среагировал на провокацию. Слитно качнулись вперёд шеренги солдат, шагом двинулась вперёд кавалерия. Вот и началась битва.

Однако оказалось, Панин и не думал поддаваться на провокацию. Он просто сократил расстояние между армиями. Его войско прошло полверсты и замерло, солдаты подравняли ряды, конница заняла позиции на флангах, бомбардиры подтащили тяжёлую артиллерию. Вокруг пушек тут же засуетились инженеры с плетёными корзинами, набитыми землёй, габионами, превращая позиции артиллерии в хорошо укреплённые флешы и редуты. Рядом строились батальоны прикрытия, состоящие из одних гренадер в длинных шапках-митрах с медными налобниками.

Панин выстроил полки, солдаты подравняли ряды, а после снова забили барабаны - и вперёд двинулись несколько батальонов правого фланга. Они бодро прошагали разделявшее армии расстояние, замерев в двухстах аршинах от линии пугачёвцев. Командиры их сориентировались быстро. Мушкеты были заряжены, а потому батальоны, против которых встали екатерининские солдаты, дали слитный залп, без команды свыше. Тот край поля окутался пороховым дымом. Кутасову даже показалось, что он почувствовал запах протухших яиц, хотя расстояние, разделявшее его и сражающихся, было довольно большим, и ничего такого почуять носом он просто не мог. Когда же дым рассеялся, глазам его предстала престранная картина. Дав ответный залп, шеренги правительственных батальонов двинулись обратно к своим позициям. Пока солдаты рабоче-крестьянских батальонов заряжали мушкеты, расстояние, разделяющее их, стало слишком большим для стрельбы. В итоге короткой перестрелки на земле остались лежать около десятка солдат с каждой стороны.

Стоило правительственным солдатам занять свои места в построении, как тут же вперёд двинулись батальоны левого фланга.

- Прощупывают нас, - сделал правильный вывод Пугачёв. "Император" перестал ходить с места на место, размахивая булавой, а замер, то и дело поднимая к глазу хорошую, подаренную казанскими стеклодувами, подзорную трубу. - Ищут, где солдаты послабже сердцем.

- Не найдут таких, - заявил Омелин.

Кутасов вспомнил, как комиссар примчался к ним с позиций армии. Глаза горят каким-то злым азартом, на губах улыбка, иногда становящаяся похожей на какой-то волчий оскал. Фуражку он где-то потерял, видимо, так быстро скакал по позициям со своей, как он выразился, комиссарской проверкой.

- Вот оно, - почти крикнул он. - Сейчас начнётся. Разгромим Панина с такими-то солдатами! Разобьём в пух и прах! Никого не оставим!

- И долго мы будем так их прощупывать? - словно самому себе сказал Самохин. Он, вообще, часто в последнее время стал разговаривать с самим собой, не ожидая ответа от других, а то и попросту перебивая их. Так что теперь ему уже никто и не отвечал. - Пора уже в атаку идти на этих сволочей.

Как и всегда, ему никто не стал отвечать. Незачем просто. Однако, как ни странно, он выразил общее настроение. Нам всем не терпелось сорваться в атаку на казаков - пеших ли, конных, всё равно. Лошади наши нервничали, слыша треск выстрелов, фыркали от пороховой вони, хотя до нас доносились только отголоски её. Это были давно уже не те скакуны, на которых мы прибыли из Польши воевать с Пугачёвым. Теперь приходилось ездить на том, что могли достать наши квартирмейстеры, которые часто пропадали на недели и месяцы, а когда и вовсе не возвращались из своих поездок. Когда же они всё-таки пригоняли табуны, кони в них были не самыми хорошими. Оправдывались квартирмейстеры тем, что это всё, что удалось достать. Нам от этого было не легче, ведь на этом, "что удалось достать", нам приходилось сражаться. Особенно туго стало с конями после нашего отступления из Казани, если бы не табуны из обоза генерал-аншефа Панина, нам вряд ли бы удалось набрать лошадей на всех, кого можно было посадить в седло.

Перестрелка длилась уже несколько часов. Раз за разом батальоны свежих полков, приведённых Паниным, выходили вперёд, подходили к замершим пугачёвцам, давали залп и отступали, оставляя на земле трупы в зелёных мундирах и рубахах. С обеих сторон работала артиллерия. Закрепившиеся во флешах и редутах бомбардиры обстреливали стоящих казаков, чьи полки представляли собой просто отличную мишень. Им отвечали пугачёвские артиллеристы. Здоровенные чугунные шары врезались в шеренги, оставляя в них кровавые просеки. Просеки эти мгновенно заполняли солдаты, напомнив мне отчего-то о водной глади. Вот так кинешь в неё камень, он вроде оставляет в ней прореху, но её тут же заполняет вода. И вот уже вроде и не было ничего, не кидал ты никакого камня в реку.

К нам примчался вестовой от Панина. Передал письменный приказ Михельсону - он командовал кавалерией правого фланга - тот кивнул, отпустил вестового и что-то приказал полковому трубачу. Тот поднёс к губам свой инструмент и выдул из него несколько нот. Они означали: "скорый марш". По цепочке передали команду. Кавалерия правого фланга выдвигается, даёт залп с седла и отступает. Теперь пришла и наша очередь пощупать пугачёвцев.

- Кавалерию двинул, - без нужды сообщил всем Пугачёв. - Снова прощупывает? А может, уже в атаку повёл?

- Без пехоты, никогда, - покачал головой Кутасов. - Панин не дурак, иначе немца и турка не бил бы так хорошо. Очередная провокация.

- Ну да и мы не лыком шиты, - усмехнулся Пугачёв. - Юлаев, - обратился он к вернувшемуся из-под Уфы командиру башкир, - атакуй их кавалерию на подходе. Бери своих башкир, татар и казахов. Казаки останутся прикрывать пехоту.

- Слушаюсь, - кивнул Юлаев, одетый, как и всегда, в новенькую гимнастёрку и фуражку с ремнём, опущенным под подбородок, чтобы не свалилась в головы. Узкие глазки башкира горели предвкушением кровавой потехи. Он чётко отдал честь по уставу РККА, недавно разработанному политотделом со скидкой на реалии восемнадцатого века и введённому в армии Пугачёва.

- Опасная затея, Пётр Фёдорович, - заявил Кутасов. - Можем и положить легкоконных в схватке с драгунами и карабинерами.

- Нет, бригадир, - покачал головой Пугачёв. - Сам же говоришь, провокация. Значит, на настоящий бой они не настроены. Отойдут сразу, боя не приняв.

- Быть может, всё же подкрепить их сечевиками, Пётр Фёдорович, - предложил Кутасов. - Для надёжности.

- И этого хватит вполне, - махнул рукой вслед усакававшему Юлаеву Пугачёв. - Боя-то толкового не будет. А если что, сечевики скоры на подъём, и минуты не пройдёт, как они на помощь татарам и башкирами прискачут.

Омелину опять вспомнился роман Сенкевича. Там тоже чубатые запорожцы воевали плечом к плечу с татарами против шляхтичей. И весьма неплохо воевали, до поры до времени. Вот и теперь история повторяется, только воевать приходится не с польской шляхтой, а с суворовскими чудо-богатырями. Как-то неприятно.

- Из луков не стрелять, - командовал своим степнякам Салават Юлаев. - У нас теперь есть хорошие сабли и шашки. Есть пики с длинными древками и калёными жалами. Всё это дал нам царь Пётр. Сегодня его холодное железо напьётся горячей крови врагов!

И он издал дикий, понятный каждому уроженцу степи кем бы он ни был - казаком, татарин или башкиром - боевой клич. И сотни всадников под бунчуками из конского волоса и зелёными знамёнами с полумесяцем и витиеватыми цитатами из Корана сорвались с места. Помчались наперерез драгунам и карабинерам Панина.

Мы мчались, перейдя с быстрой рыси на галоп, чтобы как можно скорее сократить расстояние между собой и врагом. И тут от фланга пугачёвцев отделился изрядный клин кавалерии, состоящий из степняков. Они мчались нам наперерез. Трубы сыграли "В рукопашную". Мы взяли за палаши. Пикинеры опустили свои пики с яркими флажками-флюгерками. И уже через минуту наши полки сшиблись. С треском ломаемых пик, под звон стали, в сопровождении насадных лошадиных и людских криков.

Я был впервые за свою кавалерийскую карьеру освобождён от какого-либо бремени. Сначала я носил знамя, после - командовал взводом, теперь же мог позволить себе просто драться, не думая ни о чём. Главное, держаться своих, да вертеть головой, чтобы не пропустить какого-нибудь особенно шустрого врага. Вот и сейчас я наносил удары, вышибая из седел лихих степняков в бешметах и меховых - не смотря на лето шапках, похожих на колпаки. Надо сказать, большая часть их была вооружена хорошими саблями и шашками, которые больше не ломались после одного двух ударов о наши палаши. Драться с ними стало куда сложнее, чем раньше. И всё равно, диким всадникам степи было далеко до регулярной кавалерии.

За несколько минут ожесточённой рубки в жуткой тесноте, когда даже всадники, под которыми убили коней, не падали на землю, мы порубили большую часть вражеского авангарда. Дети вольных степей не привыкли к такому бою, когда нет пространства для манёвра, и потому мы стремительно истребили их. Однако противник наш был не так прост. Он развернул своё войско, попытавшись обойти нас с фланга, а главное, вырваться на открытое пространство, что было для него спасением. Вслед за степняками развернули коней луганские пикинеры и арзамасские драгуны, последние почти не принимали участия в битве, не заморили коней и рвались в атаку. Они попытались не

дать им обойти нас с фланга, отрезать от пространства, лишить манёвра. Завязалась новая схватка. Степняки пытались прорваться любой ценой, понимая, что в противном случае их могут вырезать до последнего всадника. Мы же поспешили на помощь товарищам, захлопывая смертоносную мышеловку.

Мы вновь врубились, на сей раз во фланг степняков. Я раздавал удары щедрой рукой. Враги, к чести их, быстро опомнились, однако против них было всё. И увеличившееся на целый полк число врагов, и теснота, и потери, понесённые степняками. Бой снова стал перерастать в истребление.

В ставку Пугачёва влетел на вороном коне кошевой атаман сечевиков Максим Кривонос. Рванул на груди расписную рубаху, сжал смуглые до черноты пальцы в кулак с голову младенца.

- Батька, - выкрикнул, - дозвожь татарве помочь! Сил нет, тут торчат, пока они там рубятся!

- Ступай, Кривонос, - махнул ему булавой в сторону идущей смертельной рубки Пугачёв. - Ступай.

И тот сложил губы как-то по-особому, блеснув желтоватыми зубами из-под пышных усов, и издал неповторимый свист. Такой же нёсся в ответ на дикий степняцкий вопль, что выдал незадолго до того Салават Юлаев. И после них начиналась кровавая сеча. Она будет и в этот раз, однако татары теперь будут драться плечом к плечу с запорожцами. В общем-то, тоже не самое невиданное дело.

С диким гиком сорвались запорожские полки, курени, помчались, размахивая саблями, опустили пики с флюгерками и бунчуками конского волоса. Вся эта разномастная конница устремилась в сторону закипевшего боя. Однако вступить в него запорожцы попросту не успели. Едва завидев их, драгуны, карабинеры и пикинеры бросили степняков Юлаева, которые отбивались из последних сил, зажатые с двух сторон, как в тиски. И со всей скоростью, доступной их приморенным лошадям, отступили под прикрытие пехоты и артиллерии.

Пришлось сечевикам возвращаться, несолоно хлебавши, сопровождая медленно плетущихся степняков, большая часть которых были без коней. Животных увели екатерининские кавалеристы, столько успели.

Мы вернулись на позиции ещё не отошедшие от недавней схватки. Кто-то смеялся истерически, размахивая палашом, другие всем повторяли одни и те же фразы, вроде: "А как я его", "Лихо-то как" и всё в том же духе, ну а те, кто постарше молча чистили оружие, готовя его к новой схватке. Как-то странно было ощущать себя принадлежащим именно к этой, третьей группе. Очистив палаш, я сунул его в ножны и замер на своём месте в эскадронном строю, ожидая новых приказов.

Вестовой промчался мимо спустя несколько минут с нашего возвращения. Он передал какой-то устный приказ Михельсону, отдал честь и ускакал обратно. Премьер-майор отстал от него только потому, что конь его притомился в недавней схватке. Рядом с нашим эскадроном он придержал коня и крикнул:

- Ирашин, за мной!

Я, не раздумывая, ударил коня пятками, устремившись за командиром, который ждать меня не собирался. Только позже я узнал, что его адъютанта - прапорщика Сергея Брюсова - ранили в недавней схватке, он получил в самой первой сшибке вражьем копьём в грудь и теперь лежал в госпитальной пролётке, мечась между жизнью и смертью. Отца его, секунд-майора Семёна Брюсова, Михельсон отпустил к сыну, оставшись, таким образом, совсем без адъютантов, взяв меня им на замену.

Мы влетели в штаб армии, расположившийся на холме. Генерал-аншеф Панин сидел в седле каракового жеребца, оглядывая поле боя в искусно сработанную подзорную трубу. Оторвавшись от этого занятия, он жестом дал знать нам, чтобы подъехали для разговора.

- Что вы учудили, премьер-майор? - поинтересовался командующий.

- Действовал по обстановке, ваше высокопревосходительство, - коротко отдал честь Михельсон, которого, похоже, задел тон и слова графа.

- Вижу, что по обстановке. - Панина, похоже, это ничуть не интересовало. - Вам, премьер-майор, что было приказано?

- Атаковать противника, - ответил Михельсон.

- Я приказал вам дать по противнику залп и отступить, - поправил его Панин. - В рукопашную ввязываться приказа не было.

- Бегать от врага - тоже не было. - Михельсон продолжал держать два пальца у треуголки, отдавая честь.

- Довольно, - махнул ему рукой Панин, - дуетесь тут, будто гимназист. Вы всё делали правильно. Уничтожили легкоконных башкир и иже с ними и отступили, как только к ним подошло подкрепление. А ворчу я на тебя так, по-стариковски, ты уж не взыщи. Жаль только, что пощупать пугачёвцев не смогли. Ну, да ничего. Передохните пока, а потом снова попробуйте. Всё ясно?

- Так точно, - чётко ответил Михельсон, будь он пехотным офицером, шёлкнул бы каблуками и развернулся как на параде. А так только коня повернул и толкнул каблуками, стараясь не задуть и без того израненные бока шпорами. - Ирашин, возвращайся в эскадрон. И глаз с Самохина не спускай.

- Слушаюсь, - ответил я. И мне отчего-то показалось, что именно из-за этих слов он меня с собой и взял.

Я вернулся на своё место и на меня тут же накинудся Самохин.

- Что такое? Чего он тебя таскал?

Никогда раньше, ни от одного офицера я не слышал, чтобы о Михельсоне сказали "он".

- Не могу знать, - ответил я казённой фразой. - В штабе премьер-майора отчитал для виду генерал-аншеф, после чего похвалил и отпустил.

- Ясно, - кивнул Самохин и снова как будто углубился в себя.

Битва же, тем временем, развивалась своим чередом. Закончив прощупывать шеренги пугачёвцев, Панин двинул вперёд полки правого фланга. Это были полки, что он привёл с собой, злых и опытных солдат Мансурова и князя Голицына он решил оставить в резерве до решающего момента битвы. Для пугачёвцев, похоже, стало большим сюрпризом, что панинские батальоны не прекратили стрельбы после нескольких взаимных залпов. Они продолжали заряжать мушкеты и палить по врагу повзводно. Правый фланг медленно затягивало пороховым дымом. В полуверсте от них гарцевали казаки в гимнастёрках, с пиками при седле, порывались атаковать, однако без приказа не делали этого. А ведь ещё полгода назад эта лихая вольница сорвалась бы с места, без приказа, даже вопреки приказу, врезалась бы во фланг панинской пехоте. Но не теперь, когда даже дикие дети степей научились понимать дисциплину. А ведь в немалой степени именно на этом был построен план баталии, составленный Паниным и его офицерами.

Ну, да генерал-аншеф не зря считался одним из лучших русских полководцев Семилетней войны и кампании против турок. Он умел справляться с разными неожиданностями. Не удалось спровоцировать Пугачёва двумя полками, начнём общее наступление.

- Вестовой, - обратился генерал-аншеф к одному из многочисленной своей свиты, не называя конкретного времени, что и не было нужно, - передайте бомбардирам, чтобы удвоили темп стрельбы. И перешли на эти новые, шрапнельные, снаряды.

Не одни только пугачёвцы имели своих людей во вражьей армии. Один из шпионов Тайной канцелярии передал через верных людей несколько снарядов нового типа, что применялись под Сакмарским городком и решили исход казанского сражения. Снаряды эти попали в военную коллегию и были тщательнейшим образом изучены. Они

представляли собой шары разных калибров из тонкого металла, начинённые мушкетными пулями. В центре их помещался небольшой пороховой заряд, к которому шёл фитиль. При взрыве этого заряда пули и куски жестяного ядра разлетались в стороны, поражая десятки людей. Жестокое оружие. Но весьма эффективное. И вполне современное. Несколько сотен таких снарядов были поставлены в армию Панина, а на оружейных заводах уже готовили к выпуску более серьёзную партию. С ними была только одна беда, лёгкие снаряды летели довольно недалеко, и из-за непрочности оболочки из жести пороховые картузы приходилось облегчать едва не вдвое, иначе сила выстрела попросту разрывала её. Именно для этого Панин подвёл свою армию так близко к пугачёвской.

В ряды солдат в зелёных гимнастёрках полетели сероватые шары с тлеющими фитилями. Они взорвались над шеренгами пугачёвцев, осыпав их мушкетными пулями. Одновременно Панин двинул вперёд полки центра и левого фланга. Пугачёвцы пригибались, они не привыкли к свистящим над головой пулям, что выбивают разом десятки солдат. Да и протяжный звук, издаваемый шрапнельными снарядами, многих нервировал, вызывая едва не зубную боль. Солдаты подошли на расстояние эффективной стрельбы и открыли огонь. Первые два залпа остались без ответа, но пугачёвцы быстро оправились от первого шока, вызванного обстрелом шрапнелью. Перестрелка между полками была чудовищно яростной. Полки осыпали друг друга свинцом не хуже шрапнелей, падали один за другим с шомполами в руках и кусками бумажных патронов в зубах, но место убитых быстро занимали другие. Раз за разом взводы окутывались пороховым дымом, давая залпы. Однако приказа идти в рукопашную всё не было.

- Что это такое? - вопрошал Пугачёв, указывая булавой на линию пехоты. - По нам палили нашими снарядами!

- Что же, - пожал плечами Кутасов, - это было почти неизбежно, Пётр Фёдорович. Наши обозы не раз перехватывали пикинеры и карабинеры, так что шрапнели попали к врагу.

- Почему же мы не стреляем по ним шрапнелями? - поинтересовался Пугачёв.

- Надобности не было, - ответил Кутасов. - Панин нас просто немного опередил.

Теперь, когда армии сблизилась, стрелять шрапнелями было слишком опасно. Они рассыпали пули слишком широко и могли основательно проредить ряды не только вражеских солдат. В общем, Панин сумел переиграть их, вовремя предъявив один из козырей. Правда, в рукаве у каждой стороны, словно у заправских шулеров, было ещё по несколько штук таких же.

- Прикажите солдатам идти в рукопашную, - посоветовал Пугачёву Омелин. - Пора уже.

Кутасов с сомнением поглядел на него. Что это нашло на комиссара? Он, конечно, не совсем профессиональный военный, однако должен же понимать.

- Нас меньше, - отвечивал "император", важно качая булавой, будто учитель указкой, придавая словам дополнительный вес. - А меньшим числом не атакуют.

- Зато мы злее, - припечатал Омелин. - Классовая ненависть стоит сотни штыков. К тому же, вы понимаете, что наших солдат просто истребляют этой перестрелкой. Панин понимает, что в рукопашной мы сильнее, а вот в огненном бою опыта нашим солдатам не хватает. Он сейчас отведёт полки и снова обстреляет нас шрапнелью.

Кутасов покачал головой. Выходит, недооценил он своего комиссара, а ведь он говорил вполне очевидные вещи. И Панин не так прост, не стал кидать авангард в рукопашную, завязал перестрелку, а в штыковую отправит злых солдат Мансурова и князя Голицына, ненавидящих пугачёвцев также сильно, как те, благодаря пропаганде политотделов, всех остальных правительственных солдат.

- Прав ты, комиссар, - покивал Пугачёв. - Передать мой приказ пехоте. В рукопашную.

Вестовые помчались к линии пехоты. Почти сразу же забили барабаны, и пехота двинулась вперёд, солдаты вели беглый огонь на ходу и заряжали мушкеты, не смотря на

примкнутые штыки. Рукопашная схватка была жестокой и кровавой: екатерининские солдаты успели примкнуть штыки перед самой атакой. Она кипела кровавой кашей, оставляя под ногами сражающихся трупы с многочисленными колотыми ранами, расколотыми головами, переломанные, словно куклы, брошенные злым ребёнком. Их число росло и росло, но солдаты продолжали истреблять друг друга. Иной и убит вроде, пронзён штыками раз тридцать, избит прикладами, но продолжает драться, как ни в чём не бывало. А потом у него будто завод кончился, падает солдат навзничь и глядит в небо остекленевшими глазами. Над ним же и по его брэнному телу, уже лишенному души, топтались другие солдаты, задевая сапогами и штиблетами.

- Молодцы, - усмехнулся Панин, опуская подзорную трубу. - Но отчего кавалерию в бой не пускают? - ни к кому не обращаясь, спросил он.

- Ударной кавалерии у них нет, - ответил ему фон Бракенгейм, - а казаки для флангового маневра хороши, да в преследовании противника. Равно как и степные всадники Юлаева, что уже доказала недавняя схватка на нашем правом фланге. К тому же, атаковать кавалерией только на одном фланге было бы глупо, а на другом у Пугачёва осталось конницы только чтобы прикрывать пехоту от наших фланговых манёвров.

- В теории вы, Магнус Карлович, сильны, - покачал головой Панин, снова поднимая трубу к глазу.

- Мои добровольцы только ждут приказа, - коротко отчеканил пожилой немец. - Я готов лично вести их в рукопашную.

В ответ донеслась отборная брань. Фон Бракенгейм сначала опешил от такого, однако он слишком хорошо знал генерал-аншефа, чтобы воспринять её на свой счёт. Он быстро поднёс к лицу свою подзорную трубу, оглядел поле боя. И тоже заругался, причём по-немецки. Солдаты правого фланга бежали, увлекая за собой остальных, пугачёвцы прорывали линию пехоты.

- Михельсона туда, - приказал Панин. - Михельсона. Пусть заткнёт эту дыру!

Вестовой тут же умчался на фланг, к Михельсону.

Вестовой был, кажется, тот же самый, что передавал приказ нашему командиру явиться к Панину. Он сказал несколько слов, после чего Михельсон обратился к нам.

- Третий, четвёртый эскадроны, - приказал он, - вперёд. Ликвидировать прорыв.

Два наших эскадрона сорвались вперёд, сразу переходя на галоп. Мы видели, как побежали солдаты правого фланга, и теперь стремились как можно скорее атаковать врага, не дать ему рассечь нашу армию. Я на скаку проверил палаш и пистолеты, на всякий случай, хотя стрелять мне сегодня ещё не приходилось. Мы промчались мимо бегущих солдат, сбивая самых нерасторопных конями, заставляя иных остановиться, повернуть голову туда, где насмерть дерутся их товарищи. И врубились в пугачёвцев, явно неготовых к атаке конницы.

Я без устали рубил палашом направо и налево, конь топтал врагов, сбивал их наземь грудью. Это было совсем не то, что драться против шеренг подготовленного противника, особенно сбившегося в плотные каре. Нет. В этот раз мы рассекали пугачёвцев, быстро вытесняя из прорыва. Они пытались отбиваться, били штыками и прикладами. Я отвечал ударами палаша по головам, по плечам, колющими в грудь. Тяжёлый клинок раскраивал черепа, от него не спасали картузы и шапочки, насквозь пробивал тела, под ним трещали рёбра и ломались хребты. Один офицер в картузе замахнулся на меня длинным мушкетом, целя штыком толи в грудь, толи в живот. Слишком медленно. Я успел выхватить левой рукой пистолет и разрядить ему в лицо. Голова его лопнула как астраханский арбуз под ударом кулака, обдав меня кровавыми брызгами. Я сунул пистолет в ольстру и толкнул коня, чтобы тот грудью отбросил оседающее тело прочь с дороги.

Теперь уже мы прорвались через пугачёвцев. И тут началось самое страшное.

Когда Самохин достал пистолет, я не придавал этому значения. Даже вспомнил, что и у меня остался один заряженный, и стал искать себе цель, достойную пули. И когда он обернулся ко мне, также не обратил внимания. А вот слова поручика меня очень удивили, не напугали - сделать это было сложновато - а именно удивили.

- Сдохни, шпион! - крикнул Самохин и нажал на курок.

Расстояние, разделявшее нас было слишком мало, да и падать с коня в толпу пугачёвцев было бы глупостью, поэтому я ничего не успел сделать. Мир залила красная волна.

Невиданное дело генералы ругающиеся, как извозчики, да ещё и на двух языках - русском и немецком. От графа Панина и фон Бракенгейма только и несло "мать-перемать", "Donnerwetter", "так вашу и растак", "verflucht"; и всё в том же духе, хотя больше было совсем уж непечатных выражений никак не приличествующих двум убелённым сединами генералам. Однако то, что случилось на поле боя, с лихвой оправдывало и генерал-майора и генерал-аншефа.

А ведь начиналось всё весьма и весьма многообещающе. Карабинеры легко разбили не успевших выстроиться и дать отпор пугачёвцев, в два счёта ликвидировали прорыв. Побежавшие было солдаты начали возвращаться, строиться в шеренги, двинулись вслед за кавалеристами. Ход боя выравнивался. Как вдруг на том же фланге началась какая-то непонятная суeta, разглядеть что-либо даже в отличные подзорные трубы, какие были у Панина и фон Бракенгейма, было нелегко.

- Они что же, к Пугачёву прорываются? - акцент в голосе фон Бракенгейма усилился от волнения. Про себя он клял ослабшее с возрастом зрение. - Das will mir nicht in den Kopf.

- Мать-перемать! - вскричал вдруг граф Панин. - Да что они творят?! Михельсона ко мне! - Он отнял от глаза подзорную трубу, и, казалось, был готов тут же швырнуть её под ноги коню. А когда премьер-майор, буквально, подлетел к нему, матерно заорал на него: - Что твои люди творят?! Да тебя самого за такое в Сибирь! В кандалы! На вечную каторгу!

- Извольте, - ледяным тоном ответил Михельсон. - Кому сдать шпагу?

- После боя разберёмся, - уже спокойнее сказал Панин. - Бери своих солдат и всех сибирских драгун, и разберитесь с этим безобразием.

- Есть, - коротко козырнул премьер-майор, разворачивая коня.

А творилось на правом фланге именно безобразие. Прорвавшиеся карабинеры неожиданно схватились друг с другом. Казалось, два эскадрона атаковали друг друга. Почему? Непонятно. А потом один эскадрон устремился в тыл Пугачёву, где карабинеров, похоже, ждали с распростёртыми объятьями. И не как врагов. Ответ тут мог быть только один. Весьма и весьма нелицеприятный. Целый эскадрон Санкт-Петербургского карабинерного полка перебежал к Пугачёву. Этого быть не могло, но глаза не врали. Карабинеры заняли почётное место рядом с лейб-казаками Самозванца.

И уже безо всякого приказа рванули в атаку запорожцы. Промчавшись мимо пехоты, они налетели на спешно сбивающиеся в каре отрезанные из-за бегства товарищей батальоны. Теперь положение их оказалось совсем уж плачевным. С двух фасов - пугачёвцы в зелёных гимнастёрках, с двух других - сечевики в национальных рубахах и с чубами. Карабинеры же, что ещё недавно так лихо громили прорвавшихся рабоче-крестьян, рубились в тесноте, точно также окружённые врагом. Им на помощь пришли два оставшихся эскадрона Санкт-Петербургского карабинерного во главе с самим премьер-майором Михельсоном. Они врубились плотную массу запорожцев, те просто не успели развернуться фронтом к новому врагу из-за тесноты, слишком много их было. Вслед за карабинерами во фланг нападающим на отрезанную пехоту сечевикам и пешим пугачёвцам ударили сибирские драгуны. Всем полком. Бой закипел жестокий и кровавый. Казаки посыпались с сёдел в первые минуты, однако карабинеры и драгуны завязли в их рядах, началась рубка в страшной тесноте.

Кутасов смотрел не на поле боя. Его больше интересовал командир перебежчиков. Молодой человек в чине, если судить по возрасту и должности ротмистра или поручика с измождённым лицом иконописного аскета, изборождённым глубокими не по возрасту морщинами, длинными сальными волосами и густыми усами. В общем, не самый приятный тип. Ну да, с ним детей не крестить, а воевать. А этот перебежчик теперь привязан к ним самыми прочными узами - вероломством и предательством.

- Поручик Василий Самохин, - щёлкнул он каблуками, обращаясь непосредственно к Пугачёву, - прибыл под ваши знамёна, ваше императорское величество.

- Молодец, ротмистр, молодец, - покивал тот. - Ишь, расшумелся на весь свет. Но, что со всем своим эскадроном пришёл, молодец, хвалю. В бой нынче не пойдёте, мундиры на вас не те, что надо. Ещё с жёнкиными кавалерами попутают. Стойте покамест при мне.

- Будет исполнено, ваше императорское величество, - снова щёлкнул каблуками поручик и вскочил в седло. - Карабинеры, - обратился он к своим солдатам, - в две шеренги стройся.

Кутасов жестом подозвал к себе бывшего сержанта - теперь он никакого звания не носил, хотя в армии так и числился сержантом - Голова. Комбриг специально отослал Сластину, который оставил за себя не кого иного, как Голова.

- Значит так, сержант, - не громко сказал комбриг, - проверь мне этого поручика. Как следует, проверь. Подольше и поплотнее. И если будут хоть малейшие сомнения, доложишь сначала мне, а уже после разговора со мной - Сластину. Всё понял?

- Так точно, товарищ комбриг, - коротко и тихо ответил тот.

Кровавая пелена застила глаза. Я мог только слышать голоса, да и то словно через вату, как в Казани. Неужели опять контузия? Меня поддерживали с двух сторон, подпирая плечами. Голова болталась из стороны в стороны. И каждый раз под черепом как будто пороховое ядро взрывалось.

- В тыл его везите, - доносились до меня голоса. - Пашка, крепче держи его. За ремень, за ремень прихвати, чёрт безрукий!

Кажется, кричал вахмистр Обейко на моего друга поручика Озоровского. Мне было как-то смешно слышать, как унтер орёт, как сумасшедший, на обер-офицера. Хотя в бою бывает и не такое.

Ноги выворачивались из стремян, меня практически волочили на себе. И как они умудрялись и меня держать, и коня моего вести. Я бы, наверное, не справился. С этой мыслью я и отключился. Глаза я открыл уже в приснопамятной пролётке.

- Ах, сечевики, - качал головой Пугачёв, - ах сукины сыны. Никакой дисциплины. Бригадир, где твой главный особист или как его там, Сластин, в общем?

- За него сержант Голов, - ответил Кутасов, жестом снова подзывая своего протеже.

- Всего-то сержант? - удивился Пугачёв.

- Звание для виду, - объяснил Кутасов. - У них там, в особом отделе, свои игры.

- Понятно, - глубокомысленно кивнул Пугачёв, и сразу стало ясно, что ничего ему не понятно. - Так вот, сержант, ты разберись с запорожцами после боя, разрешаю повесить парочку казаков и кого-нибудь из есаулов, но только одного, не больше, понял. Это научит их дисциплине, - сложные слова ещё тяжеловато давались Пугачёву, но он уже не запинаясь на них. - Будут знать, что у нас и победителей судят, ежели надо. - Он обернулся к Омелину. - Ты мне вот что скажи, комиссар. Доколе ты будешь терпеть эту запорожскую вольницу. Тут им не Сечь, пора бы у форму примерить и к дисциплине приучить.

- Откладывали до битвы, - ответил тот. - Некогда было среди них дисциплину насаждать. Сечевиков так просто не поменять, их надо через колено ломать, а делать это до битвы я не счёл нужным.

- Правильно, - одобрил Пугачёв. - Вот особисты среди них работу свою проведут, а после и ты, со своим политотделом, подключайся. А пока, - он указал на одного из вестовых, - отправляйся к казакам левого фланга. Пускай поддержат сечевиков. А пехоту остатки юлаевцев прикроют.

Вестовой отдал честь и умчался.

И вот уже скачут казаки в зелёных гимнастёрках и фуражках, опуская пики, нацеливая их на рубящихся с врагом карабинеров и драгун. Врезаются в плотную толпу, где ни конному, ни пешему не развернуться. Трещат поломанные пики, вылетают из сёдел убитые и раненные, нанизанные на длинные древки, как бабочки на булавки. Однако карабинеры и драгуны достойно приняли удар. Их палаши собирали кровавую жатву с пеших и конных врагов, не опускались руки, держащие их, хотя они орудовали ими уже больше часа и лишь изредка раздавались на этом фланге пистолетные и мушкетные выстрелы.

Военноначальникам обеих армий было понятно, что судьба сражения решится именно на этом фланге. В остальном оно шло более-менее ровно. Панинские солдаты раз за разом штурмовали позиции пугачёвцев, откатываясь после коротких и ожесточённых рукопашных схваток, перестраивались, переводили дух и атаковали снова. Затеять новую перестрелку им не давали сами пугачёвцы, тут же кидавшиеся в штыки без огневой подготовки. Пушки, хоть и надрывались, гавкая разъярённым псами, с обеих сторон, однако толку от них было мало. Бомбардиры Панина намеренно брали прицел с перелётом, чтобы не задеть своих, а пугачёвские не отличались меткостью. Они не всегда попадали в стоящие в нескольких верстах шеренги полков, ещё не вступивших в бой, а стрелять по сражающимся опасались по тем же причинам. Вот и выходило, шуму много, а толку - чуть.

- Лычков, - обратился генерал-аншеф Панин к поручику Казанского кирасирского полка. Единственному, кто пережил бой на улицах города. - Бери свой новый эскадрон и атакуй пехоту левого фланга противника.

Роман Лычков, который командовал теперь единственным кирасирским эскадроном во всём Добровольческом корпусе, просто горел от нетерпения вступить в схватку. Каждый раз, когда Панин смотрел на этого пожилого вояку, ему невольно становилось жутко. Лицо Лычкова избородили шрамы и морщины, почти не отличающиеся от них, в глазах его горела некая безумная искра, а пальцы левой руки были всё время сжаты на рукоятке тяжёлого палаша. Однако воевать он умел, о чём говорил послужной список и сам факт того, что он пробился из рядовых драгун в кирасирские обер-офицеры. После разгрома эскадрона, которым он командовал, на улицах Казани, Лычков долго пролежал в госпитальной пролётке, мечась в лихорадке между жизнью и смертью, а когда смог снова сесть в седло, остатки корпуса Михельсона уже соединились с армией Панина. Так как податься поручику было некуда, а воевать он хотел страстно, то дорога ему была только одна. В Добровольческий корпус фон Бракенгейма, где он был принят с распростёртыми объятьями. Столь опытный офицер был им очень нужен. В корпусе он возглавил единственный эскадрон тяжёлой кавалерии. Собран этот эскадрон был, преимущественно из драгунских обер-офицеров и унтеров. Им выдали белые кирзовые колеты, кирасы и треуголки, а вот воевать правильно, по-кирасирски, никто из них не умел. Так что первым делом Лычков занялся их обучением, и сегодня его эскадрон пройдёт настоящее боевое крещение, хотя они и воевали уже не первый год, а многие были отставниками.

Лычков коротко отдал честь и махнул трубачу. Кирасирский эскадрон шагом вышел на позиции, медленно набирая скорость, устремились всадники в белых колетах и чёрных кирасах на врага. Их удар в тесноту сгрудившейся пехоты и конницы был страшен. Кирасиры, буквально, смели легкоконных сечевиков и казаков, разметали пехоту, порубив пугачёвцев, что называется, в капусту. Ни один не достал пистолета, времени не было стрелять, палашам хватало работы с лихвой. Кирасиры обрушились на пугачёвцев,

сбивая пеших и конных тяжёлыми скакунами, нанося удары направо и налево, изрубив в первые же мгновения несколько сотен пугачёвцев. Они спасли истекающих кровью карабинеров Михельсона и сибирских драгун, а особенно батальоны, державшие круговую оборону, сбившись в каре. И теперь уже пугачёвцы показали врагу спину, побежали от кажущихся неуязвимыми белых всадников в кирасах и треуголках, как будто вышедших из прошлого века. Те драгуны и карабинеры, кто ещё был в силах сражаться, кинулись преследовать бегущих, добивать тех, кто ещё держится.

Казалось, вот она победа! Левый фланг Пугачёва побежал, рабоче-крестьян истребляли сотнями, казаков и запорожцев рубили тяжкими ударами - от плеча до седла. Теперь уж им никогда не оправиться от такого поражения.

- Резервы в бой! - кричал Пугачёв, размахивая булавой, будто готовый сейчас же ринуться ликвидировать прорыв лично во главе лейб-казаков. - Косухин, мать твою так-растак! Не дай кирасирам прорваться! Мясников, так тебя и разпереэтак, готовь лейб-казаков!

Забили гренадерские барабаны "Скорый марш! Атака сходу!". Гренадерские унтера на бегу кричали, надсаживая глотки: "Штыки примкнуть! Один выстрел - и штыковую!". За их спинами строились в две шеренги лейб-казаки Мясникова, готовы рвануть в атаку с пиками наперевес. Эти злые до драки яйцкие казаки были вынуждены большую часть сражений стоять в тылу, охраняя "императора", так что возможности схватиться с врагом были весьма рады.

Гренадеры бежали в атаку колоннами, примкнув штыки, слегка сгорбившись и левыми руками придерживая шапки-митры. Эти шапки были единственным отступлением от формы РККА, внедрённой военспецами Кутасова, и смотрелись несколько непривычно, особенно тем же военспецам. Однако решение ввести гренадерам митры оказалось верным, солдаты Ударного - а после и всех остальных гренадерских или ударных - батальона весьма гордились своей принадлежностью к элите линейной пехоты. Символом этого были, как раз, такие вот высокие шапки с медными налобниками.

Гренадеры ударили сходу в штыки. Только первые ряды батальонных колонн выстрелили вразнобой, без особого эффекта. Завязался новый узел жестокой рукопашной схватки. Такого ещё не бывало, что пехота атаковала кавалерию, да ещё и тяжёлую. Они штыками кололи людей и коней. Преследующие разбежавшегося врага кирасиры, драгуны и карабинеры потеряли монолитность строя, не особенно-то и свойственную кавалерии, шеренги их распались, чем и воспользовались пугачёвские гренадеры. Они рассекали их эскадроны и взводы, вклиниваясь между ними. Дольше всех продержались кирасиры, почти неуязвимые для врага. Штыки скользили по их кирасам, ломались о них, не причиняя им никакого вреда. А всадники лихо рубили их палашами, не давая гренадерам подобраться к лошадям. Ведь спешенный всадник - полвсадника. Но и кирасиры вынуждены были отступить, не смотря на всю злость и относительно невеликие потери. Уставшие от долгой битвы без передышки, драгуны и карабинеры откатились. Кони их устали и едва переставляли ноги, всадники болтались в сёдлах, у многих уже не было сил, чтобы держать оружие - палаши их висели на ременных темляках. А сами карабинеры и драгуны часто клонились к самым конским шеям.

Конница отступила. Медленно откатилась под прикрытие пушек и пехоты. Кирасиры отходили последними, отбиваясь от казаков и сечевиков, то и дело налетавших на отступающих кавалеристов. Те из карабинеров и драгун - а было таких, как не странно, немало - у кого ещё остались силы, на скаку отстреливались из карабинов и ружей. Наконец, им удалось добраться до позиций, а гренадеры Ударных батальонов заняли место разбитых и разбежавшихся солдат. Последние, к слову, также возвращались, занимая места в гренадерских шеренгах. На них косились с презрением, однако принимали. Бой идёт, тут не до выяснений. Вот только ставили их в третью шеренгу, однажды побежавшему доверия нет.

Не повезло лишь пехотинцам и спешенным всадникам, что, как не спешили, но не могли поспеть за конницей, даже движущейся столь медленно. Не спасло и то, что отступили они куда раньше, чем кирасир, драгун и карабинеров оттеснили и заставили отойти. На них налетали разъярённые казаки и сечевики, рубили отбивающихся, бегущих, закрывающих голову руками людей. С седла, без пощады. Нанизывали на пики, у кого остались. В общем, это было форменное избиение.

Но именно оно во многом помогло отступающим кавалеристам. Слишком многие казаки и сечевики польстились на более лёгкую добычу, предпочитая не связываться с готовыми к отражению атаки кирасирами и яростно отстреливающимися карабинерами и драгунами.

- Мясников, - обратился Пугачёв к полковнику своей лейб-гвардии, - твои орлы, гляжу, стосковались по хорошей рубке.

- Руки сами шашку лапают, - ответил тот.

- Шашка не баба, полковник, - благодушно усмехнулся "император". - Её лапать без дела не гоже. - Было не очень понятно, о шашке он говорит или всё-таки о бабе. - Пора вашим шашкам крови напиться. Бейте с грендерами Косухина во фланг врагу.

- Опасно, Пётр Фёдорович, - засомневался Кутасов. - Это наши последние резервы, а у Панина, как ни крути, ещё две бригады осталось.

- У нас тоже ещё кое-кто есть, - усмехнулся Пугачёв. - И, думаю, пора бы...

- Мы готовы, значить, усе. - Человек, сказавший это, от демонстрации усердия даже Пугачёва перебил, отчего страшно смутился.

- Сразу после атаки Мясникова и Косухина, - покровительственно кивнул ему "казацкий царь". - Вот когда придёт время вам ударить.

Ударные батальоны снова шагали в атаку колоннами, и опять только первые вели беглый огонь. Солдаты панинских полков спешно перестраивались в каре, те, кому предстояло встать в передние ряды фасов передавали задним патроны из сумок. Им предстояло сойтись врагом в рукопашную, стрелять будет некогда, а вот задним шеренгам только и остаётся, что стрелять. Пугачёвских грендер по неширокой дуге обходили лейб-казаки Мясникова. Сам полковник лейб-гвардии лихо размахивал золочёной шашкой и подгонял коня ударами каблуков. Глядя на них, панинские солдаты строились в каре ещё быстрее. У всех была жива в памяти кровавая расправа над отступающими солдатами правого фланга.

- Неосторожно, - покачал головой граф Панин. - Весьма неосторожно. Как-то даже не похоже на *marquis Pugachev*. Быть может, у него ещё какой-нибудь козырь в рукаве припрятан?

- Nicht, - отрезал фон Бракенгейм. - Весьма похоже, на мой взгляд. Пугачёв стремится уничтожить как можно больше солдат, для этого и подвергает своих солдат и казаков такому риску.

- Солнце садится, - заметил заместитель Панина генерал-поручик Пальников. - Рассчитывает затянуть сражение до завтра.

- Может быть, может быть, - задумчиво кивнул Панин, было видно, что его всё ещё терзают сомнения. Но вот он снова поглядел в подзорную трубу на отчаянно дерущихся почти в полном окружении солдат центра, и отдал приказ: - Генерал Мансуров, князь Голицын, двигайте свою пехоту в центр.

Ударили дробью барабаны - четыре колонны полков бригад Мансурова и Голицына двинулись вперёд, на выручку почти окружённым солдатам центра. Под барабанный бой, скорым маршем двигались они по полю боя, быстро преодолевая разделяющее позиции армий расстояние. Между колоннами бежали егерские команды - недавнее нововведение графа Румянцева. Они то и дело припадали на колени, ведя беглый огонь из нарезных штуцеров по пугачёвцам, выбирая себе цели из вражеских офицеров. Более всего от их действий страдали лейб-казаки - пули вышибали их из сёдел одного за другим, убивая наиболее опасных врагов.

Кавалерия же правого фланга пугачёвцев и левого фланга армии Панина не двигалась с места. Это был единственный кавалерийский резерв обеих войск, и пустить его в бой Пугачёв и Панин собирались лишь в решающий момент битвы. Тем более, что у Самозванца оказался-таки козырь в рукаве. И какой козырь!

Они выскочили откуда-то из тылов пугачёвской армии. Позже выяснилось, что специально для них вырыли просторные землянки, в которых они сидели до сигнала. Они бросились на чётко шагающих, стараясь насколько возможно держать строй, солдат Голицына и Мансурова, толпой, вопящей ордой. Они были одеты в армяки и тулупы, не смотря на летнее время года, ведь те хоть немного защищали от пуль и штыков, вооружены плотницкими топорами, вилами, ухватами и просто дрекольем и пьяны до изумления. Это была толпа мужиков. Крестьян окрестных губерний, беглых разбойников и каторжан. Они собирались в армию Пугачёва и из-за удалённости от Южного Урала, где из таких же людей, желающих воевать в армии бунтовщиков, делают настоящих солдат, пламенных бойцов революции, они оставались в лагере. И вот теперь их решили пустить в бой. Можно сказать, на убой, но на это всем было наплевать. Крестьян напоили почти до потери сознания, вооружили кого чем, исключительно холодным оружием, всех, кто умел хоть как-нибудь стрелять, записали в рабоче-крестьянские батальоны и учили воевать, что называется, на ходу, и отправили воевать. Предварительно, правда, с ними провели длительную и серьёзную политработу комиссары Омелина, вот только после этого никто из них на спиртное и смотреть не мог, а от запаха и просто мутило. Русский человек, конечно, может много пить, но не настолько, ведь комиссарам частенько приходилось пить с крестьянами разных деревень и сёл несколько суток без перерыва. Крестьяне менялись, а вот комиссары - нет. Но результат их работы был налицо.

Безумная от водки и ярости орда, ведомая крестьянином Московской губернии Ярославцевым - на самом деле это был старший политрук Кондаков - неслась в атаку, размахивая своим нехитрым оружием. Солдаты Мансурова и Голицына хоть и не были готовы ни к чему подобному, однако военная дисциплина быстро взяла своё. Первые ряды опустились на колени, вскинули мушкеты с примкнутыми - к рукопашной готовились - штыками и дали залп. Все понимали, что второго уже не будет. На них налетели мужики. И пошло.

Это была самая страшная и кровавая рукопашная схватка, какую помнили многие и многие солдаты в этих корпусах. Пожалуй, только с турецкими янычарами дрались также жестоко, а тут ведь свои, русские, люди, а сколько жестокости. На них кидались оскаленные бородатые мужики в шапках и зипунах, с плотницкими топорами и прочим инвентарём, как некогда янычары с ятаганами. Но, не смотря на это, колонны пехоты в зелёных мундирах продолжали шагать вперёд, к позициям армии бунтовщиков. Туда, где отбивались уже полностью окружённые каре передовых полков. Эти людские крепости огрызались мушкетными выстрелами беглым огнём, о том, чтобы бить залпами никто не и не думал. Стреляли все от обер-офицеров до каптенармусов, чьи патронные ящики пустели с пугающей скоростью. Вокруг них уже громоздились трупы в мундирах и гимнастёрках, треуголках и картузах.

- Готовь к атаке добровольцев, Бракенгейм, - приказал Панин. - Сам только в бой не суйся, а то знаю я тебя. Стар ты уже для таких дел. - Он вздохнул и добавил: - Да и я тоже.

Выстроившись колонной, в атаку двинулась пехота Добровольческого корпуса. Пятая колонна вступила в бой. Она шла без сопровождения егерей, не было их в корпусе фон Бракенгейма. Они врзались в толпу мужиков под оглушительный мушкетный залп, мгновенно окутавшись пороховым дымом, в котором люди казались привидениями.

- Твою мать, - сочно выругался Пугачёв, добавив несколько непечатных фраз тем же тоном. - Вот это солдаты. - Он опустил подзорную трубу - подарок казанских стеклодувов - дальше смотреть на эту картину боя совсем не хотелось. Раньше он

никогда не имел возможности наблюдать такую жестокую рукопашную со стороны. Будучи рядовым казаком, в Русско-турецкой войне он участвовал в подобных, шашкой рубая османов в кровавые лоскуты, однако наблюдать со стороны за тем, как чёткие колонны пробивают себе дорогу через твоих людей, это совсем другое. - Сейчас кавалерию пустит, чтобы рассеять наших мужичков, - сказал он. - Как они, сдюжат, комиссар?

- Выдержат, Пётр Фёдорович, - уверенно ответил тот.

Омелин же почти не открывался от бинокля. Он вглядывался в поле боя, через которое шагали колонны солдат в треуголках. И ведь также двигалась через варварские орды железная военная машина римлян, разрубая её на части, оставляя за собой кровавые просеки и горы трупов. Здесь, на этом поле под Арзамасом, такая же военная машина противостояла самой настоящей толпе варваров в зипунах и армяках, с топорами и вилами. Нехорошо, в общем-то, думать о своём народе, как о варварской орде, уподобляясь прогнившим буржуазным политологам, однако сейчас она представляла собой именно такую орду. Но именно в ней сейчас вязли пять колонн железной машины панинской армии.

Пугачёв всё же был опытным воякой. Он предугадал намерения генерал-аншефа. Заиграли трубы на левом фланге екатерининской армии, и лёгкая кавалерия помчалась в атаку. Бахмутские гусары, приписанные к команде премьер-майора Муфеля, изюмские гусары бригады Мансурова, три эскадрона Луганского пикинерного полка, и, конечно же, драгуны, Новгородский полк, казацкие сотни оставшихся верными императрице полков. Они сорвались с места, быстро набирая скорость. Ведь они сидели на лёгких коньках, которым не требовалось долго разгоняться для таранного удара. По широкой дуге они собирались ударить во фланг мужицкой толпе, чтобы перебить их, обратить в бегство, растоптать конями. Однако Пугачёв тут же выслал им наперерез свою кавалерию. Казаки в гимнастёрках и картузах ударили на врага. И снова зазвенела сталь. Вот только сшиблись казаки не с кирасирами, их не смогли сбить, втоптать в землю тяжёлыми конями. Здесь бой шёл на равных. Ломались пики, шашки и сабли перекрещивались, рассыпая тучи искр, полетели наземь первые трупы и раненные, чья судьба незавидна, ибо им предстояло быть растоптанными подкованными копытами.

Увидев это, пугачёвцы приободрились, надели на панинские колонны, движение солдат замедлилось, а то и вовсе застопорилось. Но солдаты Мансурова и Голицына рвались вперёд, на помощь окружённым солдатам передовых полков, убивали бородатых крестьян штыком и прикладом. И они шагали по трупам свои и чужих, переступая через раненных и просто споткнувшихся, времени на них не было.

Генерал-аншеф Панин опустил подзорную трубу, смотреть на поле боя не хотелось совершенно. Он уже понимал, что его сегодня ждёт поражение, а значит вечная опала и ссылка под гласным - в лучшем случае, негласным - надзором. Даже если сейчас вывести из боя всех кого можно, Москвы этими силами не удержать. Ведь после поражения тут, под Арзамасом, к армии Самозванца присоединится ещё больше черни. И он будет кидать их на стены города с лестницами и всё теми же плотницкими топорами, вилами и ухватами. И ведь, скорее всего, возьмёт. И снова в московском кремле засядет самозванец, как в далёком 1605-м году. Чтобы этого не произошло надо драться, на износ, как дерутся сейчас солдаты в колоннах, прорывающихся через толпы черни, и в каре, осаждаемых со всех сторон. Одна за другой эти людские крепости падали под напором врага, солдаты в них гибли до последнего, но никто не бежал. И Панин не особенно обольщался на счёт боевого духа, просто бежать им было некуда, кругом враги. Фактически, колонны полков Мансурова, Голицына и добровольцы фон Бракенгейма шли не на помощь товарищам, а почти на верную смерть. Вот только по пути на тот свет они истребляли несметные количества черни и выбивали солдат в зелёных рубашках и картузах - ядро пугачёвской армии.

- Бракенгейм, - обратился он к командиру добровольцев, вернувшемуся в штаб армии, отправив всю свою пехоту в самоубийственную - это он понимал не хуже Панина, равно как и необходимость - атаку, - принимай командование над тылом. Уводи обозы и раненных. Карабинеры и драгуны с правого фланга немного подотдохнули, лошадей сменили, вот они и прикроют... - Всё же тяжело было боевому генералу, герою Гросс-Егерсдорфа и Цорндорфа, главному виновнику победы при Кунерсдорфе, говорить то, что он сказал. - Прикроют ваше отступление.

- А фы, Пьётр Ифанофич? - от удивления в речи старого пруссака прорезался потешный акцент и заговорил он как немцы из скверных анекдотов.

Панин невесело усмехнулся, выходит, есть в этих анекдотах доля правды.

- Я героически погибать не собираюсь, Магнус Карлович, - сказал он. - И в рукопашную на чернь идти тоже. Но и отступать с тылами и обозами главнокомандующему не пристало, heist es auch so?

- Jawohl, - коротко козырнул фон Бракенгейм и отправился в тыл.

А Панин подозвал к себе начальника армейской артиллерии, подполковника Линга. Тот недавно вернулся с позиций, и лицо его было покрыто разводами от пороховой гари, а мундир прожжён в нескольких местах.

- Твои бомбардиры как? - неопределённо поинтересовался Панин.

- Стараются, Пётр Иванович, - ответил тот, спешно стряхивая серую гарь с треуголки. - Из всех сил стараются. Пороху и ядер довольно. Картечь готова.

И он отлично понимал, что очень скоро пугачёвцы придут штурмовать их редуты и флешы.

- Пускай конно-артиллеристы постараются, - сказал генерал-аншеф. - Арзамасские драгуны их прикроют. Отправитесь на правый фланг и обстреляете чернь картечью. Главное, выбить как можно больше народу. Как только вас атакуют башкиры и кто там остался ещё на левом фланге врага, даёте по ним столько залпов картечью, сколько успеете и спешно отходите. С кавалерией пусть арзамассцы разбираются.

- Будет исполнено, - ответил тот, и уже собирался уходить, но генерал-аншеф остановил его и сказал:

- Там, на поле, сейчас решается судьба Москвы. - Граф указал куда-то в сторону идущей битвы. - И от действий твоих конно-артиллеристов, Линг, зависит, победим мы Самозванца или нет. В твоих руках наша победа.

- Я понял вас, ваше высокопревосходительство, - кивнул Линг и, надев треуголку с посеребрившим от гари кантом, умчался к позициям конной артиллерии, усккал.

Вскоре откатились в сторону габионы, с позиций снялась конная артиллерия. Орудийные упряжки покатались по полю, сильно забирая на правый фланг, где их окружили драгуны Арзамасского полка. Таким вот табором они устремились напрямик к орде черни, осаждающей тылы передовых полков и медленно движущиеся колонных пехоты. Установив пушки, расчёты быстро забили их картечью и открыли огонь. Сотни мушкетных пуль вырывались из потемневших от долгого боя жерл, свинцовой метлой пройдясь по забывшимся от водки и крови мужикам. Тулупы с армяками, надетые для защиты, не смотря на жару, не спасали от картечи, бьющей практически в упор. Тем более, что многие в пылу боя посбрасывали их под ноги, да и драться они мешали. Мужики гибли сотнями, однако без страха кинулись на пушки. Чтобы тут же попасть под палаши арзамасских драгун. Бомбардиры же несколько изменили прицел, чтобы не попасть по драгунам, прикрывающим их, и обстреляли ядрами и шрапнелью тылы казаков и пугачёвских grenадер, заседающих на каре передовых полков. Чтобы шрапнелью не покалечить ненароком своих товарищей они применяли снаряды с удлинёнными запалами, что взрывались уже на земле. Они имели существенно меньшую убойную силу, однако если верно взять прицел - а уж это артиллеристы умели - то ни одна пуля не попадёт в своих. Так было и сейчас, хотя стрелять шрапнельными снарядами бомбардиры умели ещё не слишком хорошо.

- Что это творится, бригадир?! - кричал Кутасову Пугачёв, размахивая булавой, будто хотел тут же раскроить ею голову комбригу. - Твоими шрапнелями моих казаков и мужиков крошат!

Он уже отправил всю наличную кавалерию левого фланга, что ещё не была задействована в битве, а именно башкир Юлаева, совместно с татарами, казаками и прочими степными всадниками, что присоединились к его войску, чтобы те подавили конную артиллерию. Однако справиться со злыми драгунами Арзамасского полка легкоконные не могли. Раз за разом налетали они лавой на драгун, завязывалась короткая рукопашная схватка со звоном стали и треском дерева. И каждый раз лава откатывалась назад, а по полю металась кони, потерявшие всадников. Низкорослых степных лошадок среди них было гораздо больше, нежели крупных драгунских. А в тыл отступающим степнякам давали несколько залпов картечью конно-артиллеристы. Мушкетные пули выбивали из сёдел степняков в халатах, убивали под ними коней, но это не останавливало последних в стремлении исполнить приказ, а от таких вот залпов в спину они становились только злее. С яростью кидались они на драгун и конно-артиллеристов с оскаленными зубами, шашками наголо и опущенными к бою пиками с флюгерками и бунчуками конского волоса.

- Вот ведь дьяволы! - надрывался Пугачёв. Он ведь уже считал, что победа у него в кармане, однако теперь кровавое равновесие битвы снова закачалось, смещаясь на сторону панинской армии. Мужиков почти всех перебили, колонны пехоты Мансурова и Голицына подступали к окружённым полкам авангарда. Ударные батальоны схватились с быстро вырвавшимися вперёд, благодаря помощи конной артиллерии, добровольцами. - Громят нас, бригадир! Громят! И резервов уже нет!

- У Панина тоже практически не осталось резервов, - ответил Кутасов. - Он отправил свои обозы в тыл, кто-то же должен их прикрывать. Да и свежих частей у него нет, остались только сильно заморенные дракой. Теперь всё зависит только от нашего упорства и классовой ненависти наших солдат. Кто кого превозможет, тот и останется победителем сегодня.

Колонны корпусов Мансурова и Голицына потеснили бунтовщиков, осаждающих сбившиеся в каре полки авангарда, заставили их вернуться на прежние позиции и, на ходу разворачиваясь в шеренги, атаковали их широким фронтом. Их, чем смогли, поддерживали измученные солдаты передовых полков, многие из которых дрались штыками или обломками тесаков - тяжёлые мушкеты поднять им было уже не под силу. Лейб-казаки Мясникова попытались обойти колонну добровольцев, ударить ей в тыл. Однако арьергардные батальоны не дали им сделать этого. Эти солдаты почти не принимали участия в сражении - всё, что они сделали, это прошли меньше двух вёрст медленным шагом с мушкетом на плече - они были свежи и готовы к бою. Быстро развернувшись фронтом к налетающим казакам, батальоны под громовые команды офицеров и унтеров дали залп и принялись споро перестраиваться в каре для отражения кавалерийской атаки, штыками отгораживая тылы добровольцев от врага. Лейб-казаки налетели на них, выскочив из порохового дыма, словно призраки из сказок и легенд, обрушились сбившихся в крепости-каре добровольцев. Бой был кровавым, но недолгим. Как налетели казаки, также быстро и отхлынули, оставив на земле несколько десятков трупов людей и лошадей. Слишком устали лейб-казаки, не смогли превозмочь добровольцев, но пользу их атака принесла. Оставшиеся мужики и Ударные батальоны разбили-таки авангард добровольцев, рассеяли несколько шеренг в рукопашной схватке, а арьергардные батальоны в это время дрались насмерть с казаками и прийти на помощь не могли. Когда же они отогнали врага и, столь же скоро перестроившись, поспешили на помощь товарищам, пугачёвские гренадеры отступили на позиции, встав одним фронтом с остальными полками.

Панинские солдаты начали штурм редутов, раз за разом наваливаясь на врага, шагая по трупам в мундирах и гимнастёрках, падая на них убитыми и раненым. Вот уже какой-то

офицер в дырявой треуголке взбежал на габион редута в центре вражеских позиций, взмахнул обломанной у самого конца шпагой, да так и рухнул навзничь, сражённый вражьей пулей в упор. Штурм продолжался, редуты обливались кровью, но держались. Пушки били в упор картечью, сражая десятки солдат, но не зря Панин - многомудрый генерал-аншеф - берёт для решающего бригады Мансурова и Голицына. Их солдаты уже не первый день сражались с Пугачёвым и ненавидели его солдат в зелёных рубахах и шапочках. И будь на их месте свежие, только что приведённые, полки, нет уверенности, что они бы не отступили в этой ситуации, а продолжали бы атаковать с каким-то даже остервенением. Кидаясь на пули, штыки, картечь. Сражаясь, будучи неоднократно ранены или же валясь с ног от изнеможения. Команды конной артиллерии носились по полю боя, как угорелые, под прикрытием эскадронов арзамасских драгун, осыпая позиции врага ядрами и картечью - шрапнель уже вышла вся. За ними гонялись степные всадники Юлаева, затеявая рукопашные схватки. Две команды из шести уже были вырезаны под корень, как и эскадроны драгун, что их прикрывали.

- Лошади на ногах уже не стоят, - говорил поручик Маслин, принявший командование после смерти ротмистра Охлопкова, над вторым эскадроном командиру конно-артиллерийской команды капитан-поручику Лопухову. Они скакали рядом, несясь к новой позиции. - Башкиры, эвон, отступят, коней сменят, а нам, как же быть?

- Как есть, так и будем, - пожал плечами флегматичный конно-артиллерист, покрытый гарью до такой степени, что цвета его мундира угадать было невозможно, хоть он и сбрасывал его каждый раз, как только начиналась стрельба, и временные позиции их превращались в некое подобие Дантова ада на земле. - Что нам ещё остаётся? Воевать до приказа, верно?

- Что верно, то верно, - вынужден был согласиться с ним поручик Маслин.

А на левом фланге панинской армии с упоением вырезали друг друга лёгкие кавалеристы. Казаки и пикинеры, башкиры и гусары сошли в смертельной сече, истребляя друг друга, чтобы прорваться во фланг и тыл врагу, и погибая, чтобы этого не допустить. Схватка их была, казалось бы, бессмысленной, для чего драться, если результата это не приносит, однако и это отсутствие результата было своеобразной победой, хотя бы в том, что одна сторона лишалась возможности сделать то, чего добивается также и противная. Сложно и кроваво, но в этом и состоит логика войны.

- Вот он! - вскричал комиссар Омелин, выпустив из рук бинокль. - Вот он! Решающий момент всей битвы! Момент истины!

- Сила наша противу вражьей, - согласился с ним Пугачёв, также опуская подзорную трубу. - Чья превозмогнёт, за тем поле и останется. Того и победа будет.

- За нами будут и поле и победа, - уверенно заявил Омелин. - Иначе и быть не может. Ведь нас ведёт классовая ненависть ко всем врагам трудящихся и казаков, кем бы те ни были.

- На одной классовой ненависти далеко не уедешь, товарищ комиссар, - скептически заметил Кутасов, которому лихорадочный блеск глаз Омелина совершенно не нравился. Сейчас полковой комиссар более всего напоминал буйнопомешанного.

- Э, нет, - неожиданно поддержал комиссара, что бывало довольно редко, Пугачёв, - сейчас комиссар прав. На одной только ненависти сейчас наши люди держатся, и с одной только ненавистью рвутся на них жёнкины солдаты. Только ненависть, - повторил он.

Сгинула ещё одна конно-артиллерийская команда, бомбардиры успели подорвать орудия, угробив несколько десятков казахов, из тех, кто перебил драгун. Ещё одна этого сделать не успела, однако пушки загвоздили, прежде чем самим пасть под башкирскими саблями. Третья дала залп по несущимся на них всадникам картечью, свалив нескольких, однако это не спасло бомбардиров, ведь драгуны, что прикрывали их, погибли все до последнего. Четвёртой погибшей командой конно-артиллеристов была батарея флегматичного капитан-поручика Лопухова.

- Гвозди готовы! - не своим голосом кричал он, сам, забивая ядро в ствол шестифунтовой пушки. - После этого выстрела загвоздить все пушки!

Он почти не слышал себя, оглохший от грохота орудий и нескольких контузий, что пережил в сражениях молодости, а потому надрывал горло изо всех сил. Пушка, которую он заряжал, выстрелила, и тут же к ней подскочил молодой совсем капрал с молотком и быстро загвоздил оловянным гвоздём.

- На коней! - заорал ещё громче капитан-поручик Лопухов. - Уходим!

Но коней не было, а были только казахи в жёлтых халатах с кривыми саблями в руках. Такой вот саблей и получил по голове капитан-поручик - шляпа не спасла. Он покачнулся, ловя пальцами быстрые ручейки крови, бегущие по лбу, рухнул на колени и умер. Ненадолго пережил его поручик Маслин, отчаянно отбивавшийся от нападающих со всех сторон казахов. Он погиб последним в своём эскадроне.

И вот уже все команды сгинули в пучине битвы, вместе с Арзамасским драгунским полком. Бунтовщики, поняв, что по ним более не стреляют смертоносные шестифунтовки, бьющие с самых разных направлений, приободрились. С каждым новым приступом всё больше панинских солдат и офицеров оставалось лежать трупами у пугачёвских редутов и флешей.

Лёгкие кавалеристы почти полностью истребили друг друга. В кровавой схватке их уцелело всего несколько десятков. Забирая бродящих среди трупов коней, казаки и башкиры, гусары и пикинеры возвращались на позиции. Они не достигли успеха, но и не дали врагу достичь его, а значит и не проиграли. Хотя победой назвать сие также язык бы не повернулся.

Теперь судьба битвы, а значит и Москвы, решалась на редутах и флешах пугачёвских позиций. Можно сказать, она была в руках уставших солдат, что сжимали штыки, тесаки и мушкеты. Многие из них едва на ногах стояли, не падая лишь потому, что с обеих сторон подпирали их такие же вымотанные люди. Офицеры и унтера давно уже посрывали голоса, но продолжали рычать и хрипеть команды, зачастую даже себя не слыша. С пустыми патронными сумами, вынужденные идти в рукопашную, они кидались на укрепленные позиции бунтовщиков, но всякий раз бывали отброшены с всё большими потерями с обеих сторон.

- Этой баталии нам не выиграть, - сказал генерал-аншеф Панин, складывая подзорную трубу. - Армия обречена, а с нею и я. Отпишите государыне, что верный слуга её, генерал-аншеф Панин Пётр Иванович, подаёт ей прошение об отставке и отправляется в добровольную ссылку. На Камчатку, - добавил он самым мрачным тоном и обратился к адъютанту, секунд-майору Антонову-Горлову: - Подай бумагу, я подпишу, а текст отставки сам сочинишь, я пером щёлкать не силён.

- Вы, что же, Пётр Иванович, - от удивления генерал-поручик Пальников потерял всякие основы речевой субординации, позабыв положенное обращение, - бросить нас задумали?

- Отнюдь, - покачал головой главнокомандующий. - Армию из боя выведу, а уж после - в отставку, на Камчатку.

И глядя на него, Пальников вдруг понял, что генерал-аншеф уже мёртв. Да он сидит сейчас в седле, командует, пытается спасти, что осталось от армии, вывести из боя полки, штурмующие сейчас позиции пугачёвцев, однако это был уже труп. Этот крепкий человек, наверное, ещё проживёт несколько лет, даже на скованной льдами Камчатке, однако на самом деле он остался лежать на этом поле под Арзамасом, вместе с тысячами его солдат и сотнями офицеров. И боевому генералу, начавшему служить у Панина ещё в Семилетнюю войну, прошедшему Русско-турецкую, уже не под его началом, стало страшно. Он опустил глаза, чего не делал перед шеренгами "железной" немецкой пехоты и жестоких оттоманских янычар. Опустил, лишь бы не видеть этого живого пока ещё мертвеца, пытающегося спасти живых.

- Лёгкую артиллерию снимать, - командовал Панин. - Тяжёлой - бить до последнего, а как подойдёт враг вплотную, пушки загвоздить, пороха подорвать, чтоб врагу не достались. Гренадерам драться до последней капли крови, но бунтовщиков к орудиям не допустить. Лычков, как там твои кирасиры?

- Молодцом, ваше высокопревосходительство, - ответил тот, козыряя под треуголку. - Хоть сейчас в бой.

- Твоя задача будет, - сказал ему Панин, - прикрыть отступающую пехоту. Вскорости заиграют барабаны ретираду, кавалерии у Самозванца почти нету более, но, мыслю, и инфантерия его не удержится от того, чтоб накинуться на отступающих. Вот на этих и ударишь. На тех, кто преследовать кинется.

- Всё понял, - ответил Лычков. Его ничуть не смутило, что придётся одним неполным эскадроном атаковать бросившуюся преследовать отступающего противника армию. Он рвался в бой, мечтая отомстить бунтовщикам за унижение при Казани.

В тылу армии забили барабаны, возвещая о полном отступлении. Двинулись обратно по кровавому полю полки авангарда - всё, что от них осталось - инфантерия бригад Мансурова и Голицына, добровольческие полки. На ходу, уже не столь сноровисто переставались в колонны. Вопреки ожиданиям Панина их никто не кинулся преследовать. Противная сторона была вымотана куда больше. Лишь вослед им неслись ядра, да и те не слишком часто и крайне не метко. Закат обе армии встретили на тех же позициях, что занимали в начале сражения, а ночью войско Панина скрытно, насколько это вообще возможно для такого количества людей покинула поле боя, оставляя его ликующему победителю.

Глава 17.

Братья Орловы.

Когда Григорий ворвался в дом младшего брата, генерал-аншефу, графу Орлову-Чесменскому, показалось, что тот окончательно тронулся умом. Таким же он был в 1771 году, когда по приказу императрицы отправился подавлять Чумной бунт в Москве. С таким лицом, по свидетельствам очевидцев, врвался он тюрьмы, предлагая заключённым освобождение в обмен на работу в чумных бараках. Бесстрашный и буйный, часто кажущийся помешанным, он становился совершенно безумным, если им овладевала какая-нибудь идея. Вот и сейчас Алексей Орлов отлично видел, что новая идея занимает его старшего брата полностью.

- Вот ему лесенка! - закричал он едва не порога, в пинки вытолкнув слуг из комнаты брата. - Вот лесенка! - Он скрутил из пальцев кукиш, мазнул им перед носом Алексея. - Я-то спустился с неё, а он, Грицко Ничёса, скатился с неё, головою об ступеньки стукаясь!

- Да объясни ты, Григорий?! - вспылil, также не отличающийся терпением, Алексей Орлов. - Толком объясни, чёрт дурной! Какая-такая лестница?! При чём тут Потёмкин?!

- Ты, брат, хоть и в Питере живёшь, да, видать, совсем от жизни столичной отстал, - резюмировал, немного успокоившись, Григорий. - О поражении Панина при Арзамасе сейчас только немой не твердит. А кто этого генерал-аншефа опального выдвинул, кто настоял, чтоб ему армию дали, да противу Самозванца направил. Гришка Потёмкин, князюшка светлейший Римской империи. Теперь и он, и Никишка Панин у государыни в опале, а значит, пора бы и нам по лесенке-то вверх подняться!

- Долго я пил-гулял, - усмехнулся генерал-аншеф Алексей Орлов, прозванный Алеханом. - Едва всё не проспал в своей берлоге. Эй, там! - гаркнул он громовым голосом. - Готовить мой парадный мундир, да выезд!

- В моём поедешь, - отмахнулся Григорий, - а то куда твой подготовят, Гришка Потёмкин чего сочинить успеет. Он паря быстрый, что веник.

- Да хоть бы и верхами, лишь бы к государыне поскорей, - сжал пудовые кулаки Алехан. - Я же писал ей, чтоб отправила нас Самозванца воевать, или хотя бы меня одного. Да я б тех бунтовщиков узлом завязал!

Тут вошли несколько слуг с парадным генеральским мундиром на руках и внушительной коробочкой орденов, принадлежащих Алексею Орлову. Брат его, к слову, также был в мундире генерал-адъютанта, а награды его ждали своего часа в такой же коробочке, украшенной двуглавым орлом, лежащей, верно, в его парадном выезде, что стоял сейчас у крыльца дома его младшего брата. Быстро одевшись, почти без помощи слуг, Алексей велел нести его награды туда же, в братнин выезд, а сам, по привычке оправив шпагу, будто не к императрице шёл, а бой или на дуэль, зашагал следом за братом.

Они разместились в просторном выезде и возница, лихо щёлкнув кнутом над спинами коней, направил его к Ораниенбауму, где тогда располагался двор императрицы. Екатерина пребывала печали по случаю разгрома армии Панина и мало кто, кроме самых верных слуг и камеристок рисковал подходить к ней. Иностранные послы воздерживались от визитов в Ораниенбаум, ожидая ответов на письма, отосланные на родину. Князь Потёмкин был отправлен высочайшим повелением в Малороссию, подавлять там волнения Запорожской сечи, а, по сути, уничтожать эту чубатую вольницу на корню. Любовник, которого тщательно отобрал для неё князь, боялся и близко подходить к "милой госпоже", как звал он государыню в интимной обстановке. Он, не без резонов, опасался, что гнев государыни на светлейшего падёт и на его голову. Граф Панин также сидел дома, помня обещание государыни, высказанное в гневе, но всё же, отправить его вослед брату на Камчатку. В вечную ссылку. Так что лучшей обстановки для приезда графов Орловых придумать было невозможно.

- А вот и вы, братья, - сказала им Екатерина после того, как громогласный церемониймейстер прокричал имена и титулы Орловых, трижды стукнув жезлом, помнящим ещё подлинного Петра III, об пол. - Что-то давно не заглядывали ко мне, друзья сердешные.

Сколько намёков таилось в одной этой фразе стареющей интриганки, сжившей со свету собственного супруга. Но лейтмотивом звучало: не приезжали вы ко мне, от двора отлучённые, не милые мне, и ещё сто лет не приезжали бы. Однако Григорий Орлов посмел едва ли не в открытую воспротивиться сему скрытому, хотя и не слишком хорошо, предложению императрицы убраться прочь.

- Государыня, - склонил голову гордый граф, прижимая к груди расшитую золотом треуголку. На более неформальное обращение он не решился. - Государыня, - повторил он более проникновенным тоном, - не могли усидеть дома, когда такие дела в Отчизне делаются. Самозванец и вор, именем вашего супруга почившего прикрывшийся, Москву занял, чернь к нему со всей страны стремиться, соседи наши только и мечтают, чтобы оторвать от земли русской кусок пожирнее - и в это время ни один слуга твой, государыня, от службы удалиться не может. Если он, конечно, на самом деле верный слуга, а не только сказывается таковым.

- Вот за что я всегда любила тебя, Григорий, - сказала, оттаивая сердцем, императрица, - так это за то, что всегда умеешь красно говорить.

- Слово с делом, государыня, у меня никогда не расходятся, - щёлкнул каблуками ботфорт Григорий Орлов. - Вот где нынче Григорий Потёмкин, князь светлейший? Где Никита Панин? Где брат его? Кто дома сидит да больным сказывается, чуть что, кто Малороссии, а кто и вовсе на Камчатку коня настропалил. И это верные слуги, государыня? Что бросили тебя с такой день.

- Светлейшего я сама к хохлам отправила, прочь с глаз моих, пока зла я на него, - возразила ему Екатерина, однако по самомалейшему тону голоса Орлов понял, что начинает одерживать верх. - А Паниным, и вправду, лучше мне на глаза не показываться.

Пётр - вольтерьянец, но честный и достойный человек оказался, раз сам в отставку подал да на Камчатку удалился.

- Вот именно, государыня, - продолжал натиск Григорий. - Ты новых своих фаворитов отставила, так вспомни о былых, что верно служили тебе.

- Как при Чесме! - решив всё же вставить своё слово в разговор, как на параде гаркнул Алексей Орлов.

- В Фокшанах же оба подвели меня, - напомнила ничего не забывающая императрица.

- Да кто ж виноват, что турок, хоть и бит был, да столь упёрся, как, прости, государыня, за грубое слово, баран в новые ворота! - вспыхнул Алексей, и Григорий сжал пальцами треуголку, превращая её в фетровый ком, прижав груди, разорвав об острые края орденов, надетых непосредственно перед входом в Ораниенбаум. Однако на сей раз, он сумел обратить вспышку брата себе на пользу.

- Ведь мы и не с дипломатической миссией к Самозванцу ходить просим, но воевать против него желаем, - сказал он.

- В драке-то брат твой, Григорий, хорош, - улыбнулась Екатерина. - Но вот ты сам чего можешь в войне против *marquis Pugachev* мне предложить, разве только экономию свою.

- В войне, государыня, - легко нашёлся Григорий Орлов, - экономия, иной час, важнее отваги бывает. Как во врага стрелять, если пуль и пороха нет? Как в штыки на него ходить, ежели самих штыков в недостатке? Про артиллерию я и вовсе упоминать не стану.

- Так, значит, желаете попытать военного счастья там, где Панин и светлейший князь Потёмкин потерпели поражение препозорное? - поинтересовалась у братьев Екатерина, но больше для виду, было понятно, что решение императрица уже приняла.

- Токмо послужить тебе, государыня, желаем! - снова гаркнул, как на плацу, Алексей Орлов.

- Вот и послужите, - сказала Екатерина. - Тебя, Алексей, назначаю главнокомандующим новым, вместо Панина, а ты, Григорий, при нём генерал-кригскомиссаром по снабжению. Покажите мне свою отвагу, вкупе с экономией.

Уже в выезде, немного успокоившись, Григорий Орлов сделал несколько глотков из припрятанной в специальном ящике бутылки с вином, передал её брату и сказал:

- Ну ты даёшь, Алехан. Как грянул ты про турка, да про Фокшаны, тут думал и конец нам. Придётся бегом бежать из Петербурга.

- Да ведь так оно и было! - вскричал простоватый генерал-аншеф. - Мы им одно, они - другое. Мы новые предложения, а они - на прежних стоят, как ни в чём не бывало.

- А то я этого не сам не ведаю, Алехан, - отмахнулся новоявленный генерал-кригскомиссар. - Но для чего ты императрице нашей неудачей-то в нос ткнул, будто, прости Господи, дерьмом? Я уж думал, как начались мы, тут же и кончимся. Ну да ладно, - сменил он тему, - всё что ни делается, всё - к лучшему. Теперь нам надо подумать, кто командовать нашей армией станет.

- Это как, кто? - удивился Алексей Орлов. - Меня государыня поставила, я ей и послужу в этой должности.

- Имей мы дело с Емелькой Пугачёвым, да его казаками, то - да, - сказал на это Григорий, - лучше тебя, Алехан, не найти. Повёл бы ты армию в лихую атаку, смял-растоптал бы бунтовщиков, с грязью бы смешал копытами кирасирских коней. Да вот беда, противник наш не так прост, как из Петербурга кажется. На этом и погорел Гришка Потёмкин с братьями Паниными. На что хорош был генерал-аншеф Пётр Иванович, Фридриха бил в Семилетнюю, турка бил, а вот с бунтовщиками не совладал. Значит, эти казаки да чернь эта сильнее и пруссак, и турка оказались. Надо вызнать, откуда у них сила взялась, да кто им оружие смастерил.

- Какое-такое оружие? - не понял Алексей Орлов, на самом деле, не интересовавшийся крестьянской войной, разразившейся где-то в глубине Империи. Графа всё более занимала новая страсть - коневодство.

- Я имею свои уши, которые уже золотом покрыть можно, - усмехнулся Григорий, - сколько я им плачу. Так вот, уши эти и языки имеют, и доносят мне о том, что у бунтовщиков самое настоящее войско, прямо по Регламенту. Солдаты в одинаковых рубашках тёмно-зелёного цвета и маленькие шапочки, виду невиданного, зимнее обмундирование составляют шинели, что в нашей армии для егерей учреждены. Вооружены они мушкетами стандартными, явно сработанными на уральских заводах, откуда идёт постоянное снабжение оружием их армии. Холодное оружие составляют штыки и тесаки, также стандартного производства. - В голосе его были отлично слышны экономические, как звал их Алексей, нотки. Брат его будто бы и не говорил с ним, а делал доклад на очередном собрании Вольного экономического общества. - Офицеры обмундированы сходным образом, только, как и положено, форма их сшита из сукна лучшего качества, вместо треуголок носят картузы с козырьками, а вместо шпаг вооружены лёгкими саблями, которые казаки шашками называют. Эмблемы их нам незнакомы, однако выдают их бунтарскую суть. Что это такое? - Теперь голос Григория стал более человечным, в нём прорвались эмоции - и главная среди них безмерное возмущение. - Серп и молот, пахари и работяги, это же открытый вызов всему устоявшемуся миропорядку. Всему! Они идут за своим царём, который обещает им уничтожить дворян. Это же невиданное дело! Уничтожить дворянство, цвет, элиту русского общества! Куда пойдёт страна, которой станут управлять мещане, купцы да чернь?! Её же в первые же дни разорвут соседи, растащат по кускам, словно псы!

- Это наше счастье, - мрачно заметил Алексей, - что вся Европа обескровлена Фридрихом и его Семилетней войной. Иначе уже нынче же пруссаки стояли бы под Петербургом, конечно, если бы их не опередили иные стервятники, вроде Франции или Австрии. Да и сейчас нам надо опасаться за границы российские. Я, между прочим, хотел сказать о том государыне, да ты, брат, не дал, едва не силком утащил меня.

- Тебе только дай волю, братушка, - рассмеялся заметно повеселевший от вина - они приканчивали уже третью бутылку, пока выезд медленно катился по питерской мостовой к дому Алексея - Григорий Орлов, - ты такого наговоришь, что государыня позабудет о том, что пролонгировала клятву Елизавет Петровны, да и про запрет пыток тоже. Закончился бы наш визит в Сибири, где-нибудь.

- В Сибирь теперь не сошлют, - в том же игривом тоне ответил ему Алексей. - Между нами и ею родимой аккурат Самозванец и стоит. Так кого бы хотел командующим видеть, братушка?

- Граф Румянцев отбыл Дон умирять, Гришка Потёмкин, слава Богу, в Малороссии сечевиками чубы крутит, - вслух принялся размышлять Григорий Орлов, - Долгоруков в Крыму сидит безвылазно, все боятся, что татарва тамошняя восстанет, отчего и Порты по новой полыхнёт. Кто ж остаётся из полководцев в земле российской, что могли бы с бандитом совладать?

- А помнишь, брат, того офицера, как, бишь его, Суворов, что ли? - щёлкнул пальцами Алексей Орлов. - Он шляхетных панов в Польше хорошо давил, француза этого, генерала Дюмуре и Огинского разгромил преславно. Раз в Польше справился с бунтовщиками, так и на родной земле не подведёт.

- В каких же чинах Александр Васильевич нынче пребывает, не помнишь, брат? - спросил Григорий, не слишком следивший за карьерой Суворова. Он, конечно, слышал об этом полководце, весьма талантливо проявившем себя в Польше и Турции, а также о некоторой эксцентричности его, о которой порою судачили при дворе и в военных кругах. Однако мало ли таких генералов в Империи, что до них всемогущему фавориту, а когда же оказался отторгнутым от власти, так и вовсе.

- За Польшу получил генерал-майора, - ответил Алексей, также не слишком интересовавшийся судьбой Суворова, - скорей всего, за Турцию продвинулся ещё на чин, вряд ли, больше. Не сильно-то любят его в штабах.

- Генерал-поручик, - кивнул самому себе Григорий, - самый подходящий чин для твоего заместителя. Самый подходящий, - повторил он. - Надо будет нынче же узнать, где сейчас обретаётся Суворов.

Как выяснилось, обретался генерал-поручик Суворов в пределах Порты Оттоманской, пока шёл Кучук-Кайнарджийский мирный конгресс, определяющий итоги Русско-Турецкой войны. Вся Военная коллегия уже на следующий день после визита братьев Орловых в Ораниенбаум знала, что они снова пускай и не в фаворе, но и не в опале. И любой чиновник её был готов услужить Григорию. А уж выписать из-за границы не слишком милого сердцам этих самых чиновников, зато победоносного генерал-поручика Суворова и откомандировать его на подавление внутреннего восстания было для них делом едва не любезным. Минуло несколько недель, и он прибыл в Петербург, тут же отправившись не в Военную коллегию, а домой к Алексею Орлову, который стал своего рода штабом по подготовке новой армии для борьбы с Пугачёвым.

- Честь имею, господа, - лихо щёлкнул каблуками ботфорт генерал-поручик.

Он весьма комично смотрелся рядом с двумя истинными богатырями земли Русской, как братья Орловы. Уж очень невелик ростом и тщедушен телом был он, что особенно бросалось в глаза при сравнении с Орловыми. Однако смотрел Суворов с таким достоинством и держался от них на таком расстоянии, чтобы головы сильно при разговоре с ними не задирать.

- Присядем, генерал-поручик, - предложил Григорий Орлов, чтобы совершенно сгладить эту разницу. Они опустились в мягкие кресла, обитые турецкой парчой. - Ты, Александр Васильевич, мыслю, знаешь уже, с кем нам придётся драться. А чего не знаешь, вот тут прочтёшь. - Он передал Суворову памятный доклад Никиты Панина, в котором были сделаны дополнения самим Григорием Орловым. - Если коротко, то враг наш не просто казаки да чернь, это подлинная армия. Мои люди из Тайной канцелярии доносят, что в недрах её кипит работа, все усилия направлены только на одно. На поиск врага, что снабдил бунтовщиков оружием, обмундированием и, главное, подлинными военными, которые делают из сбора бунтарей армию.

- По скромному моему разумению, - ответил на это Суворов, - искать, откуда ноги растут, надобно в Германиях, особливо же в Пруссии. Семилетнюю войну пруссаки нам не простили и никогда не простят. Слишком уж славно отлупили мы по голому заду короля их Фридриха.

- Пушай ищут, - махнул рукой Алексей Орлов, - это их дело. В Пруссии или ещё где, неважно, всюду у нас враги имеются. Нам же надобно бить бунтовщиков, не хуже Фридриха в Семилетнюю. И армию готовить скорее. - Это уже упрёк брату. Деятельная натура Алексея не терпела сидения на месте, когда можно и нужно было рваться вперёд, на врага, кем бы он ни был. Но тут она столкнулась с не менее деятельной натурой его родного брата, подошедшего к формированию армии и особенно её тылов, без которых нормальной войны, по его мнению, быть не могло. И вот теперь он собирал полки, большая часть которых была также отозвана из Порты, строил магазины и часами пропадал на стрельбищах, глядя, как взрываются в воздухе и у самой земли шрапнельные снаряды, шпигуя пулями чучела в зелёных рубахах. Таким образом проверялась эффективность их при разной длине фитиля. Сборы его длились столь долго и были так основательны, что Алексей приходил в дикую ярость и напивался до полной потери сознания, понимая, что и сегодня армия не будет готова к походу на Пугачёва.

- Ведь каждый день дорог, брат, - заклинал он Григория. - Враг ведь тоже готовится, не дурней нас, поди.

Однако в этом вопросе Суворов, как заместитель командующего, неожиданно для Алексея, встал на сторону его брата.

- Без должной подготовки армия пропадёт безо всякого толку, - сказал он. - Взять того же генерал-аншефа Панина. Он ведь шёл воевать Самозванца с наскока, хватить семь полков - и вперёд, лишь бы поскорей в бой ввязаться. И чем кончилось? А главная сила

армии в крепком тылу её, вот где. Ведь предстоит нам война, кампания полноценная, а так - тят-ляп и готово. Враг у нас регулярный и воевать его до поры, стало быть, надобно регулярно.

- Что значит, до поры? - удивился Алексей Орлов. - А после поры, иррегулярно, ровно татары или калмыки дикие?

Этот вопрос насмешил его брата, а уж Суворов, любивший перед всеми изображать из себя человека простого и недалёкого, хохотал во всё горло, слезу рукавом утирая.

Секунду потерпев, к веселью общему присоединился и Алехан, не слишком понимающий, отчего стал причиной его, однако обиды на дружеский смех не державший.

- Регулярно, граф, - ответил ему, наконец, Суворов, - только пруссак воюет. По регламентам и поученьям генералов да маршалов прошлых годов. И ведь забывают как-то все, что те, кто писал наставленья эти, ломали устои лет былых. Вот и нам до начала кампании следует всех предписаний придерживаться, тылы готовить и справно магазины преуготовливать, а вот как до дела дойдёт, тогда и о регулярности позабыть и бить врага всюду, где можем и как можем, позабыв о регламентах и наставлениях.

- Это мне по нраву! - хлопнул кулаком по ручке кресла Алексей Орлов. - Бить Самозванца так, чтобы пух и перья полетели по всей России, чтобы запомнил холоп на веки вечные своё место.

- В землях, что мы у Самозванца отберём и вновь к порядку приведём, - начал самую неприятную часть беседы Григорий Орлов, - придётся меры принимать весьма жестокие. Я знаю, что вы неоднократно высказывались против убийств мирного населения, однако в нашей ситуации нам этого не избежать.

- Вы, граф Григорий, верно сказали, что я - против лишнего насилия на войне, - кивнул Суворов, - вот только меру насилия сама суть войны диктует. Воюя за границами, я стараюсь щадить людей, ведь мирные люди не виноваты в том, что правители войну затеяли, к тому же, они, возможно, пополнят собою, вместе с землёю, пределы государства Российского. А вот бунтовщиков щадить не следует, равно и людей, что живут в землях взбунтовавшихся, кров им дают, питают их своими трудами, и всем тем расширению восстания способствуют. Только жестокостью по отношению ко всем бунтовщикам, при оружии они или нет, можно споро загасить пламень пожара бунтарного.

- Верно, - с облегчением вздохнул Григорий Орлов, даже не ожидавший от Суворова такой пылкости, - среди бунтовщиков нонкомбатантов нет.

- Но кому поручить сию неблагодарную работу? - спросил у него Алексей. - Мало найдётся офицеров, что взвалили бы себе на плечи всю тяжесть сей работы, уж больно она кровава да неблагодарна. Никому не хочется прослыть палачом земли русской.

- Никого искать и брать ниоткуда не надобно, братец, - рассмеялся Григорий. - Были же каратели, что пугачёвцев резали, мирных или немирных, Муфель и Меллин, они только продолжают заниматься прежним делом. Я уже вызвал обоих в Петербург, вместе с командами, верней, тем, что от них осталось. Дадим им новых солдат, оружие, пушки и будут у нас преотличные каратели, злые, будто черти.

- Я пока из Порты в наши Палестины возвращался, - добавил Суворов, - встретил сослуживца моего ещё по Барской кампании, Михельсона Иван Ивановича. Он мне рассказал о Добровольческой армии, в ряды которой вступают офицеры из полков разбитых и отправленных на полное переформирование. Им ведь всё время, покуда полки переформировать будут, делать нечего, а сидеть без дела они не привыкли, вот потому и идут в эту Добровольческую армию, где взвода и роты из одних офицеров да унтеров.

- Михельсон, Михельсон, - протянул Григорий Орлов, - какого полка офицер?

- Командовал Санкт-Петербургским карабинерным полком, - ответил Суворов, - после - корпусом. Который почти весь, по словам его, сгинул в бою под Казанью. А полк погиб

в Арзамасской баталии. Его, можно сказать, заново формируют. Михельсона же, как доверия не оправдавшего, от командования отстранили. Вот теперь он кавалерией в Добровольческой армии руководит.

Михельсон так и остался премьер-майором. Патент на чин подполковника, уже подписанный Екатериной, после поражения под Казанью надолго лёг под сукно в Военной коллегии.

- А к чему ты вспомнил о нём? - спросил Алексей, даже не слышавший ни о какой Добровольческой армии, да и имя Михельсона было для него пустым звуком. - И об этих добровольцах?

- Это проще самого простого дела на свете, - рассмеялся Григорий. - Целая армия злых, как черти, офицеров, готовых резать пугачёвцев и на страх, и на совесть. Каратели не по принуждению, но своей волей. Идеальные каратели.

Глава 18.

Комбриг Кутасов.

- Петру Фёдоровичу Романову, самодержцу всероссийскому, слава! - кричит глашатай.
- Слава! - ревёт толпа.

Пугачёв снимает фуражку - он обряжен в парадный мундир Лейб-гвардии казачьего полка, пошитый за одну ночь, специально к торжественному вступлению "государя-императора" в Первопрестольную - и толпа срывает шапки и они летят вверх, кувыркаются, падают под ноги, и их затаптывают тысячи ног. Невиданное дело, самодержец склонился перед народом, согнул перед ним спину, но Пугачёв сделал это. Рёв толпы взвился к небесам, и Омелин подивился, как все эти люди не глохнут от своего крика.

- Спасибо вам, люди русские! - возглашает Пугачёв, и толпа мгновенно затихает, словно обратившись в единое ухо, ловящее каждое слово их правителя. - Спасибо, что поверили мне и за мною пошли! Что встали со мною против жёнки моей неверной! Что...
- Но третье "что" уже тонет в новом рёве толпы, не сумевшей удержаться себя.

Люди кричат, как оглашенные, некоторые от избытка чувств рвут на себе одежды и волосы, а в толпе орудуют ловкие мазы, успевающие резать кошельки и карманы, не забывая вовремя орать вместе со всеми. Но даже факт потери денег мало кого может огорчить в такой день. Царь-батюшка, подлинный император, вернулся, освободил Москву и теперь готов всю Россию освободить. А деньги, что? - пыль, мусор, эти спёрли, новые наживём, пушай и ворьё в такой день порадуетя напоследок. Ведь пришёл в дом хозяин крепкий, сразу по нему видать, он быстро порядок наведёт и прижмёт всех воров да проходимцев.

- Вот и началось самое сложное, - сказал Кутасов, глядя на толпу приветствующих Пугачёва москвичей и жителей окрестностей Первопрестольной.

- Если ты, Владислав, думаешь, что война закончилась, - встрял Сластин, - то ты - не прав. Мои люди доносят, что готовится новая кампания против нас.

- Она начнётся, товарищ начальник особого отдела, - не поддержал панибратского тона, взятого Сластиным, комбриг, - не раньше следующей весны. Самое лучшее время для кампании прошло, пришла осень и скоро дожди размоют дороги, начнётся распутица, армии двигать станет невозможно. Так что мир нас ждёт до самой весны следующего года. И вот за это время сделать надо успеть очень много.

- Например? - поинтересовался Сластин, но Кутасов ему не ответил, только одними губами что-то произнёс, но начальник особого отдела не успел прочесть по ним ничего. А ведь это был его смертный приговор.

Сластин занимался рассмотрением расстрельных приговоров, которые следовало отправить на подпись Пугачёву. В отличие от Екатерины, "Пётр III" никаких клятв елизаветинских поддерживать не собирался, а потому казнили новоявленных врагов народа превеликое множество. Так будут поступать несколькими годами позднее деятели Великой Французской революции - казнили за одно только дворянское происхождение. Столбовых - сразу к стенке, а служилых сначала в тюрьму до выяснения, а там выбор - новой власти служить или опять же, к стенке. Но за теми, кто соглашался служить учреждался гласный надзор и большую часть их отправляли далеко на Урал, где они готовили новые полки РККА или служили инженерами на заводах. Непригодных к этим двум делам казнили без жалости.

- Довольно попили дворяне сии кровь народную, - говорил Пугачёв, всё больше прислушивающийся к словам своих многочисленных комиссаров, - пускай теперь на народ поработают.

Сластин проглядывал приговоры двоек и троек, а также особых собраний при трибуналах, только они имели право приговаривать к "высшей мере социальной защиты". Он почти не замечал фамилий и имён, а равно и обвинений врагам народа, лишь за один приговор, лежащий последним в пухлой пачке, глаз зацепился, как обыкновенно цепляется он за первый и последний листы. На этом приговоре стояла фамилия Сластин, имя - Семён, происхождение - рабоче-крестьянское, национальность - русский, семейное положение - холост, воинское звание/должность - военный юрист 1-го ранга/начальник особого отдела РККА. Сомнений никаких быть не могло. Это был его смертный приговор, и обвинение в нём стояло "предательство всех дел и интересов Российской империи", даже отметка о том, что заседание суда прошло в отсутствие обвиняемого стояла. Сластин был в ярости. Что это могло значить?! По привычке, он громко хлопнул ладонью о стол, придавив пятернёй злосчастный приговор.

И словно только этого и дожидаясь в кабинет его ворвались пятеро солдат в фуражках с синими околышами, такую форму носили все сотрудники особых отделов. Возглавлял их бывший сержант, вор и насильник, Голов. Сластин дёрнул из всегда открытого ящика пистолет, однако на него уже смотрели стволы пяти таких же.

- Не лапай! - рявкнул ему Голов. - Положи пистолет на стол. И не дури! Ты уже приговорён, сам видишь, и приговор подписан самодержцем нашим, так что живым тебя приказано брать по возможности. Будешь противиться, мы живо тебя кончим.

Сластин понял, что проиграл. Отчего-то вспомнился ему последний разговор с Кутасовым. Он положил пистолет на столешницу, намерено явным движением щёлкнув собачкой курка. Голов забрал его, сунув по-бандитски за пояс, махнул Сластину - выходи, мол, освобождай кабинет.

Это был первый в длинной череде арестов, прогремевших по армии. Большая часть расстрельных приговоров, что просматривал в свой последний вечер Сластин, пестрели знаменитыми фамилиями. Полковник Овчинников, спасший разбегающихся казаков после разгрома у Быковки, илецкий полковник Творогов, начальник всей артиллерии майор Чумаков, башкиры Кинзя Арсланов и Каскын Самаров, новоявленный гетман запорожцев Максим Кривонос, помилованный лично Пугачёвым за отвагу в битве при Арзамасе. И ещё несколько десятков фамилий. Их хватали ночами, команды особых отделов работали, не покладая рук. К концу этой череды Голов едва держался на ногах, ведь он принимал участие в арестах самых важных казаков. А именно, казаков и старшин башкирских, татарских, казахских и прочих степных народов, хватали и бросали в тюрьмы, в камеры, помнящие ещё узников Ивана Грозного.

А на их место вставляли новые полковники, комбриги и командармы. Еремей Курыло, бывший командир 1-го Рабочего батальона, а теперь командарм 2-го ранга. Кондратий Балабуха, бывший командир 5-го Рабочего, а теперь комбриг, герой Арзамасской баталии, потерявший в ней глаз, но сражаться и командовать не прекративший. Байдак, это прозвище заменяло казаку имя и фамилию, бывший командир 3-го Рабочего

батальона, теперь же командарм 2-го ранга, как и Еремей Курыло. Михаил Забелин, в недавнем прошлом есаул и пламенный оратор, а теперь командарм 1-го ранга, командир всей рабочей кавалерии, чьим первым заместителем стал бывший поручик Санкт-Петербургского карабинерного полка, нынче же комкор, Самохин. Эскадроны рабочей кавалерии создавались в противовес казакам Мясникова и степной коннице Юлаева. И лично преданы они были не "казацкому царю", а комбригу Кутасову, считая его своим настоящим командиром, не смотря на то, что многие превосходили его в звании на несколько рангов. Они, эти новые командармы, комбриги, комдивы и комкоры, занимали главенствующее положение в армии Пугачёва. А значит, уже внутри нового государства рабочих, крестьян и казаков за одну ночь произошёл переворот, власть сменилась, полностью перейдя в руки Омелина и Кутасова, вместе с армией. Ибо за кого армия, особенно во время войны, у того и власть.

И вот уже ранним утром, спустя всего несколько дней после торжественной церемонии вступления Пугачёва в Москву, в тронный зал, как и тюрьма помнящий Ивана Грозного и предков его из рода Рюриковичей, где в резном кресле с высокой спинкой сидел Самозванец, вошли Омелин с Кутасовым в сопровождении нескольких десятков grenадер во главе с комкором Косухиным. Тронный зал был полупуст, что несколько удивляло самодержца-самозванца, он оглядывался по сторонам и всё никак понять не мог, куда это подевались его верные товарищи-казаки, с которыми он прошёл от Яицкого городка до Москвы. Однако спрашивать у Юлаева или Мясникова он не мог. Как же это, царь и не знает? Царю положено всё знать.

- Ваше императорское величество, - впервые обратился к Пугачёву так официально комбриг Кутасов, - у меня есть для вас ужасающие известия. - Он протянул руку, и комиссар Омелин вложил в неё пачку исписанных бисерным почерком листов. Это были протоколы допросов Овчинникова, Творогова, Арсланова, Самарова, Кривоноса и Чумакова. Что самое интересное, это были вполне реальные протоколы допросов пугачёвских полковников и атаманов, которых схватили после разгрома восстания и пленения самого самозванца. Показывали они, конечно, в подвалах Тайной канцелярии, воссозданной после смещения с трона Петра III, ведь без тайного сыска стране никак нельзя. Более того, протоколы эти сохранились в архивах и были переданы товарищем Бокием отправляющейся в путешествие в прошлое команде. Арестованным казакам и башкирам оставалось только подписаться под своими же словами. Тем более что по большей части написанное соответствовало истине. Казацким старшинам давно уже надоело воевать против своего же государства, многие считали, что этой войны им не выиграть, не смотря на все победы, что уже были одержаны. И они очень сильно удивлялись, когда им подсовывали под нос листы показаний, полностью соответствовавшие их мыслям. "Для чего тогда ж мытарите, ироды, - прохрипел даже полковник Овчинников, растянутый на старинной дыбе, - всё ж и без того знаете!". - Это заговор. Старшины казаков и башкир, испугавшись наших успехов, порешили выдать вас вашей супруге для расправы!

- А отчего же сейчас? - удивился Пугачёв. - Мы же в самой Москве! Армия растёт! Скоро на сам Петербург войска двинем!

- Вот этого-то, Пётр Фёдорович, - усмехнулся Кутасов, - они и боятся. Поражения нашего боятся, а победы - так ещё пуще! Никто ведь не понимает, как жить будет при новой власти, хорошо ли, плохо, а вот если выслужиться перед властью старой, тогда и послабление какой может им выйти. Да и всему казацкому сословию.

- Только о себе и пекутся! - вскричал тут Пугачёв, пудовым кулаком ударяя о резную ручку трона, так что щепки во все стороны полетели. - Только о шкуре своей! Да о добре! А надо о деле думать! О земле родной! Всем им, собакам, головы долой!

- Будет исполнено, - несколько лакейски сказал Кутасов, коротко кланяясь. Омелин поморщился от его сладкого голоса. - Голов, вы слышали приказ императора?

Бывший сержант ничего не сказал. Он отлично знал, что будет с людьми, томящимися в его подвалах. Московские врачи в данный момент приводили их в порядок после пыток, чтобы на казни они выглядели должным образом. Даже время казни было назначено, ну, а место и так было понятно, где ещё в Москве казнить, как не на Лобном месте - на то оно и лобное.

- Но как же такое может быть? - продолжал недоумевать Пугачёв, уже не стесняясь никого, до стеснения ли сейчас. - Воевали вместе, дрались плечом к плечу. Под Арзамасом разгромили самого генерал-аншефа Панина. Москву взяли. А они предали меня. В самое сердце нож вострый вонзили. Праздник светлый испохабили!

- Конями их за это разорвать! - с какой-то дикой яростью крикнул ему Салават Юлаев, похоже, безоговорочно поверивший в слова Кутасова, даже относительно своих старшин Арсланова и Самарова.

- Конями не конями, - махнул рукой вконец расстроенный Пугачёв, - без разницы. Казнить их завтра поутру на лобном месте, как положено. И дело с концом.

Так, совершенно незаметно для Пугачёва, власть перешла в руки Омелина и Кутасова. Как не гневался самозванец на своих бывших сподвижников, которых утром следующего дня одного за другим обезглавили на лобном месте, чья земля не пила крови с самого Стрелецкого бунта 1682 года, как не клял их, не ругал матерно за предательство, но настоящая измена оказалась совсем не той, о которой ему доложили. Пугачёв всё ещё сидел на троне в Московском кремле, строил планы будущей кампании против "Катки - жёнки неверной, собаки блудливой", а также переустройства страны после победы, а власть уплыла из его рук. Военные планы составлял комбриг Кутасов со своими командармами, комкорами и комдивами, страну переделывал Омелин с комиссарами, и что же оставалось самому Пугачёву. Только подписываться подо всем, что ему подавали на подпись, предварительно, конечно, зачитывая, читать "самодержец всероссийский" так и не научился. А вот факта, что тексты манифестов, рескриптов и указов, которые он подписывал сильно отличались от того, что ему читали, он не знал. Незачем ему этого было знать, как справедливо считали Кутасов и Омелин.

Дела они творили в стране, надо сказать, небывалые. Губернии, контролируемые восставшими, были спешно переименованы в области. Вместо убитых, казнённых или просто сбежавших губернаторов, были организованы Советы рабочих и крестьянских депутатов. Про солдатских решили не вспоминать - разлагать армию, как в семнадцатом не требовалось, а требовалось, как раз наоборот, сплотить её вокруг новых командиров, поставленных на место деятелей недавно разоблачённого заговора. Печально прославившихся в Гражданскую комитетов бедноты также решили не создавать, как и вводить продразвёрстку. Проблем со снабжением нового государства хлебом, мясом и иными продуктами не было - крестьяне сами несли всё в обмен на защиту от отрядов карателей, что постоянно рыскали по занятым восставшими областям и особенно зверствовавших добровольцев генерал-майора Бракенгейма. Достаточно было заехать в деревню, недавно посещённую ими и сказать крестьянам, бродящим среди пожарищ, оставшихся на месте их домов, хотите, мол, чтоб они вернулись? Нет. В следующий раз везите нам хлеб и сообщайте о приближении врага вовремя, тогда и мы поспеем. Вот потому бедным землешам и оставалось только что гнуть спину и перед теми, и перед другими. А как же иначе? Один день прискакали добровольцы, спрашивают: даёте хлеб пугачёвцам? Крестьяне отвечают, что нет. Тогда нас принимайте да хлеба врагу - ни крошки! И принимают, а куда денешься? А на следующий день - пугачёвцы. Теперь их принимай. И так изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц. В общем, думал комиссар Омелин в минуты, когда позволял себе несколько расслабиться, остаётся процитировать героя Бориса Чиркова из фильма "Чапаев": "Куда крестьянину податься?" Но таких минут у него было очень мало.

На военном фронте дела обстояли несколько лучше. От военинженера Кондрашова несколько раз приезжали люди, привозили модернизированные пушки и мушкеты,

большие партии нарезных штуцеров для пластунских команд. Вспоминая историю казачества, из пеших казаков-охотников организовали команды пластунов, вроде егерских графа Румянцева, их-то штуцерами и вооружали. Но, хотя пушки били дальше и точнее, а команды пластунов, вооружённые штуцерами, действовали намного эффективней, не было главного. Того, чего ждал от военинженера Кутасов. А именно прорыва в военной технике. Комбриг мечтал об армии, вооружённой винтовками Мосина и самозарядными карабинами Токарева, пулемётах Максима или хотя бы картечницах Гатлинга, казнозарядных пушках и гаубицах, бьющих на сотни шагов дальше, чем нынешние - дульнозарядные. Вместо этого с Урала прибывали только модернизированные образцы существующих моделей. Кутасов писал ему гневные письма с требованиями, в ответ тот слал рапорты, которые не устраивали комбрига, так что в итоге Кондрашов приехал сам. Не смотря на все опасности долгого пути.

Военинженер стоял перед комбригом по стойке "смирно", чётко держа руку у козырька фуражки. Мундир его был испачкан пороховой гарью, порван и в крови, фуражка прострелена в нескольких местах. На поясе шашка - лёгкая гарда все иссечена. Ручка пистолета тёмная, он явно хватался за неё по дороге не раз.

- Расслабьтесь, товарищ военинженер, - махнул ему рукой Кутасов. - Вольно. Присаживайтесь.

Кондрашов сел, но продолжал держаться также - спина прямая, руки на коленях, смотрит в глаза. Да уж, похоже, извёл его своими письмами комбриг, надо спешно выравнивать отношения с товарищем по команде путешественников в прошлое.

- Ладно, Кондрашов, - предельно панибратским тоном сказал Кутасов. - Спасибо, что сам приехал. Я это ценю. Ты мне вот что объясни, Кондрашов, где прорыв? Где хотя бы унитарный патрон, вместо этих фантиков?

- Да поймите же, товарищ комбриг, - несколько растерял свой сугубо уставной тон Кондрашов, - это просто невозможно. Какой прорыв может быть во второй половине восемнадцатого века. Унитарный патрон - это же конец девятнадцатого, вы представляете себе разницу в развитии промышленности. Мы разве что пневматические ружья, вроде Жирандони осваиваем, да и этих-то только экспериментальные образцы, несколько десятков испытываем. А пулемёты с картечницами, про которые вы мне, товарищ комбриг, всё время пишете, это, уж простите великодушно, просто фантастика, а я не инженер Гарин, я - военинженер Кондрашов.

- Да уж, большой гиперболоид нам бы не помешал, - усмехнулся Кутасов. - Но я ждал от тебя прорыва, - повторил он, - у тебя же и чертежи оборудования, и всё прочее...

- А где мощности взять? - спросил у него Кондрашов. - Вы на здешнем заводе, на Урале, хоть раз были, товарищ комбриг? Российской промышленности нет и ста лет, по всем меркам это даже не ребёнок, а младенец. У нас станки стоят ещё с клеймами Демидова-первого, на таких даже нарезные штуцера делать сложно, а уж всё остальное... - Он махнул рукой, показывая, что это о самом остальном и говорить нечего. - Одно могу обещать, пневматика скоро поступит на вооружение. Ещё работаем над казнозарядными штуцерами для пластунов.

- Уже что-то, - кивнул Кутасов. - Меньше, чем надо, но всё же больше чем ничего. Когда будут первые поставки пневматики и штуцеров казнозарядных в войска?

- К ноябрю, товарищ комбриг, - ответил Кондрашов. - Вот только конвои надо будет запускать мощные и большие, никак не меньше полка охранения.

- Прямо-таки и полка, - не поверил Кутасов. - Для чего столько человек гонять?

- Именно полка, - настаивал Кондрашов, - и лучше всего из пластунов и пару эскадронов кавалерии. Никак не меньше. Как вы думаете, товарищ комбриг, сколько со мной было человек?

- Взвод ведь прибыл сюда, неполный, - припомнил Кутасов.

- Прибыл взвод, - согласился Кондрашов, - а выехал я с эскадроном драгун. Полного состава. Сто двадцать человек в дороге сгинули, товарищ комбриг.

- Это кто же вас так? - изумился, иного слова не подберёшь, Кутасов. - Добровольцы? Каратели? Семёновцы?

Последние не имели никакого отношения Лейб-гвардии Семёновскому полку. Это были бандиты атамана Семёнова, бывшего казака, полковника и атамана. Когда начались аресты старшин на местах, он быстро понял, откуда ветер дует и, собрав своих казаков, подался в бега. К нему стало стекаться всякого рода отребье, не желавшее воевать ни за царя, ни за царицу, ни за Москву, ни за Петербург. Они вооружались, а уж с оружием никаких проблем не было, и выходили на большую дорогу. Грабили, насиловали, убивали. Кроме Семёнова было ещё великое множество подобного рода атаманов и атаманчиков, третьим тяжким ярмом висевших на шее несчастного крестьянства. Они налетали на деревни, выбирая моменты, когда там не было ни карателей, ни пугачёвцев, и забирали у них последнее, а часто сжигали то, что не дожгли те или другие. Всех их скопом называли одним словом - семёновцы.

- И те, и другие, и третьи отметились, - мрачно усмехнулся Кондрашов. - От добровольцев едва отбились, в полусотне километров от Москвы, там, в общем-то, большую часть драгун своих и потерял. Жестокая была драка. Так это при том, что мы быстрым маршем шли, на рысях и коней меняли часто, на каждой станции меняли. А с обозом большим так не получится, он уж очень лакомый кусок для семёновцев и карателей, тем более, если кто прознает, что он везёт оружие.

- Голов позаботится, чтобы этого не произошло, - кивнул самому себе Кутасов. - Так что, как только соберёшь обоз с оружием, пиши сюда, а я вам Голова пришлю.

- Не нужно, товарищ комбриг, - покачал головой Кондрашов, - у нас своих особистов головастых хватает. Мы придумаем, как доставить обоз в Москву, вот только мне ваша, товарищ комбриг, санкция нужна на выделение в сопровождение его двух полков и четырёх эскадронов драгун.

- Зачем тебе столько? - удивился Кутасов. - Не многовато ли для одного обоза? Ты сначала об одном полке говорил.

- А я, вообще, такой человек, товарищ комбриг, - уже веселее усмехнулся Кондрашов, - что мне, сколько не дай - всё мало будет. И вообще, чем больше табор двинется к Первопрестольной, тем меньше соблазнов для разного отребья, что по лесам шатается.

- Будет тебе санкция на твои полки и эскадроны, - согласился Кутасов. - Но ты мне вот ещё что скажи, мы промышленность двигаем?

- Потихоньку, товарищ комбриг, - сказал Кондрашов, - но быстрее не выходит. Она же здесь в зачаточном состоянии, и мастеровых людей, главное, мало, слишком мало. Рабочих хватает, а вот толковых мастеровых - нет. Я же разорваться не могу, хотя и ношусь, как угорелый, впервые отоспался по-человечески, не поверите, товарищ комбриг, по дороге сюда. Рабочие детали клепают, а чертежи разобрать может едва не один-два на сотню. Вот потому я слежу за сборкой едва не каждого станка на заводах по всему Уралу. Такими темпами мы будем поднимать промышленность ещё полсотни лет, но после этого, может быть, сумеем вывести её на европейский уровень, через - сто, обойдём Европу по всем показателям. Но не раньше, и то при условии, что сумеем сейчас подготовить толковый рабочий класс, который не только будет эксплуатировать нынешние станки, но и двигать промышленность дальше, руководствуясь нашими чертежами.

- Ну, ты и хватил, товарищ военный инженер, - покачал головой Кутасов, - сто лет. Да нас же давно на этом свете не будет к тому-то времени.

- А как вы хотели, товарищ комбриг, - сказал на это Кондрашов, - иначе не выйдет. Промышленность ударными темпами двигать не получится. Тут же дело не только в станках, но в людях, как я уже сказал, в людях. Инженеры-то сейчас, в восемнадцатом веке, кто? Дворяне. А они на нас работать не станут, сейчас не семнадцатый, идеалистов, приветствующих революцию, среди дворян нет. Да если бы и были, их, всё равно, вешают на воротах повсюду. И народного просвещения нет - большая часть населения

неграмотны. Надо бы открыть школы для детишек и техникумы - для толковых рабочих. Вот только, учить опять же некому. Замкнутый круг какой-то. Вот потому я и говорю, что нам никак не меньше ста лет понадобится.

- Сто лет, так сто лет, - покивал больше самому себе Кутасов, - но хотелось хотя бы часть увидеть своими глазами. Мне тридцать восемь лет, я уж давно не мальчик, а по твоим словам, товарищ военинженер, выходит, что результатов того, что мы сейчас делаем, ни я, никто из нас не увидит.

- Факт, не увидим, товарищ комбриг, - согласился Кондрашов, - но увидят потомки, помните, как у Некрасова: "жаль только жить в эту пору прекрасную...". - Фразу военинженер не закончил.

- Может быть, поколение Некрасова уже будет жить "в эту пору прекрасную", - заметил Кутасов.

- Нам с вами, товарищ комбриг, остаётся только на это надеяться, - он поднялся, надел фуражку и коротко взял под козырёк. - Разрешите идти, товарищ комбриг?

- Ступайте, товарищ военный инженер, - также встав, козырнул в ответ Кутасов. - Завтра утром выделю вам в сопровождение эскадрон драгун, а твой взвод пускай тут остаётся.

- Да, они и ехали на фронт, - снова помрачнел Кондрашов. - Я, так сказать, оказией воспользовался.

Глава 19.

Поручик Ирашин.

По обе стороны линии фронта.

Не успели мы спуститься с сёдел, как подбежал сержант Марченко из 2-го Пехотного полка, коротко козырнул и выкрикнул прямо-таки со слезами в голосе.

- Господа драгуны, - кричал он нам, - нашего брата, добровольца, у села Берово к реке Медведице пугачёвцы прижали. От них один едва вырвался, в штаб примчался, едва живой.

- А кого прижали-то? - спросил я, проходясь рукой в потемневшей и остро пахнущей конским потом перчатке по лицу.

- Команду поручика Мещерякова, - ответил тот.

- Опять эти сопляки, - сплюнул под ноги своему коню вахмистр Обейко.

- А что они, вообще, там делали? - задал риторический вопрос я. - Берово, вроде, недавно команда премьер-майора Муфеля навещала и замирила его полностью.

- Пограбить хотели, видать, замирённое село, - без особой нужды сказал Обейко, - да на пугачёвцев напоролись. Одно слово: сопляки и сукины дети.

- Но не бросать же их, верно, вахмистр? - кивнул я. - Эскадрон, по коням!

Мы вскочили на коней, не особенно заморенных в последнем патруле, и на рысях помчались к речке Медведице и селу Берово. Выстрелы были слышны задолго до того, как мы увидели пугачёвцев. А как только увидели, пришпорили коней. И не важно, что били они, действительно, натуральных сукиных детей из карательной команды поручика Мещерякова. Потому что били их не кто иные, как пугачёвские драгуны, известные всем, как Самохинские дети. Это была новая, регулярная кавалерия Самозванца, созданная на основе эскадрона перебежчиков Самохина. Их все мы, бывшие офицеры и унтера Санкт-Петербургского карабинерного, не пожелавшие отходить на переформирование вместе с полком и пополнившие ряды Добровольческой армии, ненавидели лютой ненавистью. И в плен не брали, даже если они кидали палаши на землю и сдавались. Но, собственно, война была такая, что пощады никто не просил и не давал. Сейчас драгуны с азартом рубили отчаянно отбивающихся, сбившись в тесное каре, добровольцев команды

Мещерякова. Они держались только потому, что драгуны решили истребить их под корень, не дать сбежать никому, а потому прижали их к крутому берегу реки Медведицы. Бежать мещеряковцам было некуда, но берег Медведицы прикрывал их тылы, не давая драгунам окружить их.

Разогнавшись до быстрого - иначе, ударного - галопа, мы врезались во фланг и тыл увлекшихся избиением самохинских драгун. Я конём наехал на первого из них, отчего скакун его попятился как-то боком, а я, приподнявшись на стремянах, рубанул его с плеча, ощутив привычное лёгкое дрожание палаша. Клинок разрубил пугачёвца до середины груди, дробя кости, разрывая мышцы, превращая в кровавую кашу лёгкие. Конь его бросился в сторону, унося на себе мёртвого всадника. Я же пришпорил своего, заходя ко второму пугачёвскому драгуну под левую руку. Он попытался развернуться, но не успел - я ударил его сзади по шее, начисто срубив голову. Но тут враг опомнился, развернулся к нам лицом, началась обыкновенная для любой схватки толкотня. Мы обменивались ударами палашей, рубили друг друга с плеча. Наземь полетели треуголки и картузы, повалились люди и лошади. Мы напирали, пугачёвцы сдавали позиции. Кони их уже подустали, да и всадники их работали палашами не так расторопно. Ну и мещеряковцы, конечно, воспрянули духом и надавили на пугачёвцев, ударив в штыки и обстреляв фланг самохинских драгун. И те не выдержали. Побежали. Мы бросились за ними, с седла рубя удирающих пугачёвцев. Я ловил момент, когда конь мой движется вверх, приподнимался на стремянах и наносил удар - по шее скачущим, по голове или плечами бегущим. И тяжёлый клинок палаша рубит врага - раскраивает черепа, и шапочка или картуз не спасает, ломает рёбра, сносит головы начисто. А я мчусь дальше, настигая следующего врага.

Вернувшись к так и стоящим на берегу Медведицы мещеряковцам, мы спешили, чтобы дать отдых усталым коням. Сам сукин поручик Мещеряков, славящийся на всю Добровольческую армию жестокостью, трусостью и корыстолюбием, был, конечно же, жив-здоров и даже не ранен. Мундир его был покрыт пятнами только от пороховой гари. Он усмехнулся мне и коротко козырнул.

- Премного благодарен, господин поручик, - сказал устало, опираясь на мушкет с девственно чистым штыком. В рукопашной он, похоже, участия не принимал. - Даже не знаю, что бы мы без ваших драгун делали.

- А что вы, собственного говоря, поручик, - спросил я у него, - делали здесь? Село, - я махнул себе за спину, где торчали соломенные крыши хат Борова, - намерен посетить каратели Муфеля.

- Мы, господин поручик, - глазом не моргнув, ответил Мещеряков, - успех Муфеля закрепляли. А то ведь и так бывает, что раз в деревню замирили, вроде всё честь по чести, но стоит отвернуться, как холопы хлеб Пугачёву повезли.

- Складно врёт, господин вор, - криво усмехнулся я.

- Меня пока никто за руку не поймал, - в том же тоне ответил Мещеряков.

- Следов на лбу вроде нет, - поддержал я, - но, говорят, есть умельцы, что и их сводят.

- Враньё, - покачал головой Мещеряков. - Невозможно это, никак невозможно.

- Ладно, - сказал я. - Вы своим ходом до расположения доберётесь. А если что, мы небыстро поедem, кони устали, так что мы шагом, недалеко будем. Пальните, и мы прискачем, как ветер. Если кони не падут.

А затем обернулся к эскадрону и командовал:

- По коням! Возвращаемся!

Из не самого большого корпуса Добровольческая армия выросла после сокрушительного разгрома под Арзамасом. Костяк её составили офицеры и унтера уведённых на квартиры, для переформирования полков. Они не желали сидеть по домам, пока товарищи их сражаются с врагом. А переформирование в связи со сложностями с рекрутским набором этого года, грозило сильно затянуться. Изрядное число рекрутов забрала Турецкая кампания, где бои шли жестокие и потери наши несли большие, и,

конечно же, война с Пугачёвым. Вот и шли офицеры и унтера к генерал-майору Бракенгейму под знамёна Добровольческой армии. Среди них был почти весь офицерский корпус нашего Санкт-Петербургского карабинерного полка. В первую ночь после Арзамасской баталии, когда мы сидели у походного костра - я был со всеми, не смотря на контузию от ранения головы - понимая погибших, все офицеры дали клятву мстить предателям из эскадрона Самохина - уже не поручика, он был лишён всех прав состояния и приговорён к смерти - до последней капли крови. И это был не пустой звук. Пусть говорят, что времена рыцарства давно минули, но дворяне мы или нет, честь для нас не пустой звук и "страшная клятва", как шутя называли её другие, была для нас вполне серьёзным делом. И не будет нам покоя, покуда последний из перебежчиков Самохина не останется лежать в земле, как секунд-майор Ерышев, поручик Парамонов, отец и сын Брюсовы, совсем ещё молодые подпоручики Ипполитов и Стригалёв. Все они сгинули в кошмаре Арзамасской битвы. Ерышева спешили и добили штыками. Парамонова зарубили свои же солдаты, перед тем как перебежать к Пугачёву, как и Стригалёва. Брюсовы до последнего прикрывали Михельсона, обороняли его палашами и закрывали своими телами. Семён Брюсов был зарублен казаками, а сын его Сергей вернулся вместе со всеми, но умер от множества ран, полученных в битве. А Максим Ипполитов из моего бывшего эскадрона получил в самом начале сражения пулю точно между глаз.

Добровольческая армия была сформирована в рекордные сроки. Из офицеров и унтеров формировали конные и пешие полки. Именований не было, ибо не было городов и областей, что содержали бы их, как положено, а потому ограничились "заграничным манером", а именно нумеровали полки, или называли по фамилиям полковников и шефов. Вот, к примеру, наш Драгунский полк называли ещё и Михельсоновым, ибо командовал нами именно Иван Иванович Михельсон, а вторым эскадроном в полку командовал я, не смотря на весьма скромный чин. В подчинении у меня были два подпоручика и сто двадцать бывших унтеров из драгунских полков, что дрались вместе с нами под Арзамасом. Первым эскадроном, к слову, в нашем Драгунском Михельсона полку командовал ни кто иной, как мой знакомец и теперь уже друг капитан Холод.

Ну, а раз армия была сформирована быстро, то и воевать мы начали тоже быстро. Вместе с карателями Муфеля и Меллина. Нашей главной задачей было постоянно держать пугачёвцев в напряжении. А именно впадать в тылы неприятеля, нарушать коммуникации, налетать на деревни, дабы они не поставляли Самозванцу хлеб и, главное, рекрутов. Последних, к слову, обычно отлавливали и забривали в наши полки. Крестьянам было, в общем-то, всё равно за кого воевать - за восставших или за нас. Но были среди них и идейные, и не так и мало было их, распропагандированные комиссарами, они кидались на нас вооружённые одним только дрекольем. Ну и мы тогда в долгу не оставались, вырезали их всех, а после наведывались в деревни, откуда они родом, и, как говорится в старинных легендах, предавали их огню. Комиссаров тоже не щадили, с ними многие, вроде Мещерякова, поступали весьма жестоко. Жгли заживо в домах и банях или разрывали деревьями или ещё что выдумывали в том же духе. Наш полковник подобных жестокостей не одобрял, а потому мы их просто вешали.

Вот так и воевали. Натуральная партизанщина. Никакой регулярной войны. От подобной войны многие ожесточились, озлобились, во всяком крестьянине видели только бунтовщика, а потому врага. А с врагами что делают? Убивают. Вот и жгли целые деревни, вешали сотни человек разом. И если каратели Муфеля и Меллина делали это профессионально, так сказать, работа у них такая на войне, то люди вроде поручика Мещерякова, кажется, даже удовольствие от этого получали. Им главное пограбить, понасиловать, а уж после - пожечь всё, чтобы следов не осталось. Но именно такие и наводили наибольший ужас на крестьян, им достаточно было узнать о том, что идёт Мещеряков, как они мгновенно замирались и выносили за околицу хлеб-соль и, конечно,

водку. Пьяный ведь всегда добрее трезвого. А бывало и комиссаров с пугачёвцами, что в деревнях и сёлах их квартировали, выдавали, лишь бы дома сохранить.

- И что самое неприятное, - говаривал у походного костра наш командир Иван Иванович Михельсон, покуривая трубочку, - в памяти останутся именно такие вот Мещеряковы со своими зверствами и насилиями. Нам, конечно, медальки какие-нибудь повесят, вроде, "Защитникам-добровольцам" или ещё что-то в этом духе, но когда вернёмся в полк, будут коситься на нас, вспоминая зверства мещеряковых и иже с ними. Станут болтать чёрт-те что, и останется нам только одно - уходить из полка. Да и вообще со службы, а из-за чего, из-за кого, из-за белой кости, что ручки запачкать в этой войне не желала, да уродов, вроде того же Мещерякова.

- И что же это получается, Иван Иванович? - спрашивал тогда у него я, проводя пальцами по отросшим уже усам. Мне было разрешено отрастить их, потому что я командовал эскадроном и был обер-офицером, хотя по чину усов мне положено не было. Но в звании уже давненько никого не повышали - не за что - а какой же драгунский командир эскадрона, почти что ротмистр, точнее капитан, да без усов. Непорядок. Вот потому, сразу по выходу из госпиталя в Великом Новгороде, где формировалась Добровольческая армия, я принялся отращивать усы. - Получается, мы тут воюем, не спорю, грязно воюем, но ведь иначе никак, а те, кто в тылу сидят, будут на нас коситься потом, плевать за спиной, где тогда справедливость?

- А может быть, просто нету её, - сказал мне Пашка Озоровский, командовавший одним из взводов в эскадроне ротмистра Коренина, третьего, как было в нашем Санкт-Петербургском карабинерном, эскадрона. - И врут всё попы. Ведь какая же это справедливость, что крысы тыловые нам спину плевать станут.

- Ты, Павел, видимо, плохо слушал меня, - ответил ему Михельсон. После Арзамаса мы все перешли на ты и общались без чинов, конечно, в приватности, а не на людях и уж, тем более, не в строю. На унтеров, хоть они и давали клятву вместе с нами, этот переход на ты, не распространялся. - Или же водки перебрал, а потому понимаешь скверно. Дело не тех, кто в Добровольцы не пошёл, на нашей армии свет клином не сошёлся, в конце концов, можно служить государыне и Отечеству не только в её рядах. И кость белая, о которой я говорил, это не тыловые крысы, они службу в других местах несут. Просто боятся запачкаться, ведь гражданская война, со своим народом война, это всегда пятно на репутации и страны, и офицеров, что в ней участвовали. Одни боятся поставить его, иные, вроде нас с вами, нет. А пятно это тем больше и тем отвратней, что кроме нас воюют и мещеряковы, и всякая, подобная им, сволочь. Из-за таких вот гадов ползучих мы, честные офицеры, оказываемся также замазаны, как и они. А те, кто косится на нас станут да в спину плевать, они будут думать про нас тоже, что и про них, не вдаваясь в подробности. Им с их высот заоблачных будет всё равно, что мы с вами, что Мещеряков со своими мародёрами.

- И опять по-моему выходит, - настаивал Озоровский. - Врут попы, и справедливости никакой нет.

- На этом свете её может и нет, - кивнул я, - а что на том будет, нам неизвестно, никто оттуда ещё не возвращался.

- А в таком случае, - сказал ставший после Арзамаса совсем молчаливым ротмистр Коренин, - нам остаётся только воевать, как привыкли. К чему нам эти умствования? Наше дело теперь врага рубить без лишних слов и раздумий. Ведь для этого мы в добровольцы пошли, не так ли, господа. - И это был не вопрос, а прямое утверждение. Ротмистр теперь, вообще, редко вопросы задавал.

Это был один из длинных вечеров, что мы коротали у костра, но этот был примечателен особо. И не только мрачным разговором, таких бесед между нами, бывшими офицерами Санкт-Петербургского карабинерного, было много, а тем, что ближе к полуночи тьму осенней ночи разорвали, разбили на куски звуки полковой трубы. Надо сказать, что мы к тому времени находились в длительном рейде за линией фронта.

В который раз проходились мы огнём и мечом по восставшим губерниям, вешая комиссаров, замирая деревни, громя разбойников атамана Семёнова и прочее отребье. Удача сопутствовала нам всё время - потери невелики и серьёзных сражений с пугачёвцами или семёновцами не было. И тут ночная тревога!

Спал я, как обычно в рейде, не раздеваясь, и вскочил быстро, кинулся к коню. Тот стоял стреноженный, с расслабленной подпругой, седла, однако со спины не снимали. Затянув ремень подпруги, я поправил португеею и вскочил в седло. А труба всё надрывалась и надрывалась. Правда, никто на нас не налетал, не подпаливал палатки, не рубил вскакивающих часовых, отчего тогда такая тревога? Выяснилось всё, когда эскадрон был построен. За нашими спинами суетились нестроевые, собирая лагерь, а перед нами гарцевал сам Михельсон, дожидаясь, чтобы последние драгуны заняли свои места. После этого, он обратился к нам.

- В полуверсте от нас, - сказал он, - как сообщает разведка, - всё время, пока полк находился в рейде, наш командир рассылал во все стороны пикеты из приданных полку пикинеров или гусар (в этот раз были изюмские гусары, в количестве одного эскадрона), - ползёт большой и хорошо охраняемый обоз бунтовщиков. Сейчас они расположились на ночь вагенбургом, крепко огородив его, я предлагаю нам нанести им визит вежливости. Как вы относитесь к этому, господа?

Мы не стали кричать "ура", ночь на дворе, как-никак, а просто проревели нечто неопределённо-утвердительное. Тогда Михельсон махнул рукой гусарам, и мы двинулись во тьму вслед за ними. В лагере остались прикрывать нестроевых и наше имущество два взвода гусар и взвод драгун четвёртого эскадрона.

Вагенбург, действительно, находился недалеко. Он был хорошо виден, из-за факелов, горящих по периметру над составленными в коробку здоровенными фургонами.

- Надо узнать, что в этих фурах? - сказал нам, командирам эскадронов, Михельсон на быстром совете перед атакой. - Вспарывайте тенты, переворачивайте фуры, но мы должны узнать, что внутри.

Мы козырнули, разъехали по эскадронам, а как только заняли свои места в строю, Михельсон вскинул над головой шпагу и скомандовал:

- В атаку!

И запели трубы, и сорвались кони, и повылетали из ножен палаши! Не было смысла таиться далее. С гиком и криком мы налетели на вагенбург, притормозили у края его, рубя палашами рогатки с колючей проволокой, которыми были огорожены телеги. Это придумка пугачёвцев была особенно ненавистна нам, кавалеристам, ибо тонкие шипы этой проволоки сильно калечили лошадей, оставляя на их телах страшные, хоть и тонкие, долго кровоточащие и плохо заживающие раны.

- Ретирада! - тут же закричал Михельсон, и его поддержали трубы.

Мы развернули коней и рванулись прочь от вагенбурга. На фурах уже стали вырастать фигуры в гимнастёрках с мушкетами в руках. Надо было разорвать дистанцию, чтобы не получить залпа в упор, ведь тогда от полка останутся только рожки да ножки, слишком уж много пугачёвцев вылезали на стенки вагенбурга. Внутри их было никак не меньше полка. Мы на скаку принялись отстреливаться из карабинов и фузей, у кого что было. С вооружением в Добровольческой армии, вообще, царило нечто невообразимое. У бывших карабинерных унтеров были штуцера, у офицеров - пистолеты, однако многие из них, оказавшиеся на положении рядовых драгун, брали вместо них карабины из цейхгауза полка, а уж оружия у нас осталось куда больше, чем людей. С драгунскими офицерами та же неразбериха, они брали из полков фузей, а те, чьи города остались на территории, занятой пугачёвцами, с разрешения командования брали их из цейхгаузов других полков, в том числе и нашего. Теперь мы и палили из всего этого разнообразного стрелкового оружия себе за спину, крайне редко, надо сказать, сбивая солдат с вагенбурга. Однако пальба наша заставляла их пригибать головы, даже не думая о том, чтобы дать залп по нам. Однако всё же дали. Теперь уже мы пригибались к конским

шеям, а над головами у нас свистели пули. Правда тоже не слишком результативно, били враги всё больше выше, так как сами стояли высоко, на фурах вагенбурга, да и палить ночью в некие тени занятие сложное.

Мы отъехали саженой на полтора, перекликнулись, оказалось, что потеряли всего двоих, лошади их прискакали с пустыми сёдлами, и ещё пятеро были легко ранены.

- Скверно, господа, - сказал нам тогда Михельсон. - Лагерь врага охраняется хорошо. С наскака его не взять. А ещё хуже то, что за линию колючей проволоки зайти не смогли. Не узнали, стоит ли и дальше штурмовать.

- Надо снова атаковать, - решительно заявил Коренин. - Как бы то ни было, а вагенбурге до полка пугачёвского отребья. Надо прорвать фуры и тогда уже внутри вырежем их под корень. Ни одна сволочь не уйдёт.

Я только однажды дрался во вражеском вагенбурге. Ещё в польской кампании. Тогда конно-артиллеристы пробили в нём брешь, и наш эскадрон, в котором я носил знамя молодым ещё совсем вахмистром, бросили в неё. Я плохо помню, что там было. Просто рубил и рубил палашом, а конь мой из-за тесноты двинуться с места не мог. Это уже после я понял, что его убили, и только толпа людей не даёт нам с ним упасть. Скольких я убил тогда, не знаю. Помню только, что меня долго тошнило после этого боя, да ещё многие ночи снилась мне эта рубка и сотни, сотни, сотни толкущихся покойников с раскрытыми головами, разрубленными телами, отсечёнными руками.

- А сколько наших в том вагенбурге останутся? - спросил у него как всегда рассудительный капитан Холод. - С этим тоже следует считаться. Также я предлагаю отправить гусар в наш лагерь. Мы и без них дорогу найдём, а вот пугачёвцы вполне могли направить туда казаков или драгун, чтобы лишить нас тыла и вынудить отказаться от новых атак на обоз.

- Ротмистр Облучков, - кивнув, обратился к командиру изюмских гусар Михельсон, - бери своих гусар, и возвращайтесь в лагерь. Головой мне ответите за обоз.

- Есть, - отдал честь Облучков и приказал своим всадникам: - За мной!

Когда же гусары умчались, мы двинулись в обход вагенбурга, время от времени тревожа врага, ураганной стрельбой. Нам отвечали из вагенбурга, однако никакого толку от этой пальбы не было и ближе к утру, мы вернулись в свой свёрнутый лагерь. Гусарский ротмистр доложил Михельсону, что никаких происшествий за время нашего отсутствия не было, всё спокойно. Тогда командир наш приказал выслать разведку, чтобы проследить за обозом противника. И тогда я понял, что мы открываем охоту на него.

Однако охоты не вышло. Мы последовали за обозом, медленно ползущим по большому тракту к Москве, но спустя полтора часа, с той стороны донеслась стрельба и даже рывкнули несколько пушек. Потом прискакали гусары из разведки и доложили, что на пугачёвцев напали семёновцы. Причём именно банда самого Семёнова, судя по количеству разбойников, напавших на обоз.

Атаман Семёнов глядел на медленно тянущий по раскисшей по осенней поре дороге обоз. Фуры были явно тяжёлые, вон как увязают в грязи колёса. Что же в них? Интересно. Наверное, золото. С приисков везут, ясное дело, с сибирских. На Москве-то золота мало, а надо его много. На армию, на страну, на всё. А где его взять? Правильно, в Сибири. Вот так удача! Одна такая бывает на всю жизнь. Он опустил трубу и проследил за подбегающим к нему казаком. Тот отчаянно скользил башмаками по скользкой от росы траве склона холма, однако довольно быстро добежал до атамана и бодро крикнул:

- Дозволь обратиться, пан атаман? - Семёнов кивнул. - Всё готово, пан атаман. Деревья подпилены, пушки забиты.

- Добре, - снова кивнул Семёнов. - Работай без сигнала.

- Слухаю, пан атаман, - махнул рукой казак и заскользил обратно, вниз по склону.

Фуры медленно втягивались в ловушку. Шагавшие рядом с ними солдаты были начеку, крутили головами, однако было видно, что они все устали. Такое впечатление, что они ночь не спали, кое-кто, когда офицеры и унтера не видели, позволял себе зевнуть, прикрыв лицо рукой. Примерно также вели себя и пластуны, сидевшие по одному на козлах фур, вместе с возчиками. Что же такое было у них ночью? Перепились? Вряд ли, это новенькие солдатики, только с Урала, вольного житья не ведают.

От размышлений атамана Семёнова отвлѣк треск. Перед первой фурой рухнула вековая сосна, какие валить запрещено ещё указом Петра Великого, послушнику - батоги. Такая же упала и за последней, отрезая обозу дорогу. Тут же выпалили две пушки, что были у атамана. Невеликие орудия, трёхфунтовки конной артиллерии, но и этого довольно. Пороховые ядра упали точно на первых лошадей, разметав их в кровавые куски, а козлы телеги в щепу. И от возницы с пластуном ничего не осталось. Потом ядра стали падать не так точно, зато быстро. Они убивали людей и лошадей, валили телеги, перепахивали грязь дороги. Подводы атамана не жалел, как и животных, у него такого добра было вдоволь, было бы что на них погрузить. А вот ядер не так и велик запас, потому пора в шашки ударить.

- Разом! - вскричал Семёнов, вскидывая над головой саблю. - Руби их в песи! Круши в хузары!

И они сорвались галоп, покатались с холма, размахивая шашками и саблями, рубя ими пока что воздух, но уже скоро под сталь их попадут тела солдат и офицеров рабоче-крестьянского полка, обороняющих обоз. Дикарской ордой, лавой мчались казаки-разбойники, быстро разделяясь на два направления. Первое атаковало голову обоза, второе - хвост. Казаки мчались навстречу друг другу, рубя солдат, диким криком оглашая окрестности. Бомбардиры дали ещё несколько залпов поверх их голов. Пусть они были не так и хороши, однако метко бить по подготовленным ориентирам, пусть и не пристрелянным, были вполне способны. Когда же стрелять стало опасно, можно и в своих угодить, обстрел прекратился. Казаки тогда удвоили напор, с удвоенной силой работая саблями и шашками.

Но и солдаты обоза были не лыком шиты. С первых же минут офицеры и унтера принялись командовать. "На левый край! Штыки примкнуть! Беглый огонь!", ну и просто кричать, поддерживая их: "Держись, братья! Бей гадов! Обороняй! Штыком их! Штыком и прикладом!". И солдаты в зелёных рубахах прыгали через дышла и лошадиные трупы, пластуны, сидевшие на козлах, вместе с кучерами, помогали им перебраться, хватая за руки и за ворота рубах. Под пальцами их трещало крепкое сукно и нередко солдаты, да и офицеры, оказывались по другую сторону обоза в сильно неуставном виде, за какой можно в другое время взыскание получить. Но сейчас бой, и не до взысканий. Разорвалось несколько тентов, и оттуда также принялись выскакивать солдаты уже с примкнутыми к мушкетам штыками. Они практически не стреляли, а сразу кидались в рукопашную. Они кололи казаков штыками, били окованными бронзой прикладами, подставляли, подставляли мушкеты под сабельные удары. Пластуны, подобно средневековым гуситам, оборонялись прямо в телегах, чьи борта были обшиты деревом, чтобы хоть как-то защитить их от казаков, или стреляли прямо с козел, выбирая себе казаков одежде побогаче, скорее всего, атаманов мелких шаек, присоединившихся к Семенову ради наживы. Но ведь это были не настоящие командиры, они верховодили в лагерях, в бою же казаки их дрались, как привыкли, без всякого строя и порядка. Так что толку в меткости пластунов было не слишком много. А вот ударные роты, пугачёвские гренадеры, своё дело знали крепко, они штыками отбили атаку казаков на голову обоза и две роты во главе с каким-то молодым ещё офицером бросились на холм. Скользя сапогами по траве, как незадолго до того скользил лаптями казак из тех, кто валил деревья на дорогу, они забежали на холм и захватили пушки, в несколько секунд переколов их обслугу. После этого развернули орудия и дали несколько залпов по тылам казаков. Пусть не слишком метких, а точнее, никаких результатов не принесших,

гренадеры ведь не бомбардиры, стрельбе не обучены и имели о ней самое отдалённое представление, разве что видели, как палят из пушек на учениях и манёврах. Но главный результат был достигнут. Семёновцы потеряли уверенность в своих тылах. К тому же, на холм тонкой цепочкой бежали пластуны, занимали позиции и открывали огонь вместе с гренадерами.

Последней каплей для казаков стала гибель атамана Семёнова. В безумной ярости он кидался на солдат, отчаянно рубя саблём направо и налево, раз за разом его отбрасывали, три лошади убило под ним, но это не остановило обеспамятевшего атамана. Семёнов понимал, что нет у него больше банды, сгубил он лихих казаков своих, а за что? За что? Ведь не было там никакого золота, а было только... Но тут пуля выбила его из седла. Он ещё раз попытался вскочить, закачался, словно пьяный, перед глазами багровая пелена, сабля из пальцев валится, и всё равно сделал шаг к врагу, другой, третий. И повалился ничком, лицом прямо в камни, раскатившиеся вокруг перевёрнутой фуры.

Премьер-майор Михельсон опустил зрительную трубу. Наблюдать за бегущими казаками ему было совершенно не интересно. Главное он теперь знал. В громадных фурах пугачёвцы везли камни и солдат. Этот обоз был громадной ловушкой, неважно на кого насторожённой, на них ли, или же на семёновцев, не важно. Вчера в неё угодил его полк, но, слава Богу, ушёл без потерь, теперь же - банда Семёнова, найдя здесь свой конец. Михельсон с треском сложил трубу и махнул рукой гусарам-разведчикам. Они развернули коней и рысью вернулись к полку. Всю дорогу гусары бросали на премьер-майора мрачные взгляды, мол, услышал да не поверил, сам проверять помчался, на что ж тогда вообще надобна разведка, вот пускай сам по чащам поскачет, да от разъездов поудирает, поглядим еще, как после этого заговорит да как поглядит на нас. Ну да ничего, ничего, пускай косятся, пусть даже шепчутся за спиной. Главное, чтобы дело своё делали. И делали, и славно справлялись.

- Значит, обманка? - кивнул я. - Значит, охоту кончаем?

- Верно, - сказал капитан Холод, - для чего за камнями гоняться?

Такова была первая реакция на то, что сказал нам премьер-майор, вернувшись из разведки, куда ездил сам, чтобы подтвердить слова гусар, следивших за обозом.

- Они обескровлены, - жестоким голосом сказал Коренин, - устали после боя с казаками, их можно брать голыми руками. Вырежем их, пока они не успели прийти в себя.

- Пусть живут, - неожиданно сказал нам премьер-майор, - излишняя кровожадность нам не к лицу. Помните, что ваша фамилия Коренин, а не Мещеряков.

- Тогда какие будут приказы, ваше высокоблагородие? - нарочито уставным тоном поинтересовался ротмистр.

- Оставьте ваши капризы, ротмистр, - неожиданно резко осадил его Михельсон. - Вы ведёте себя, как, прости меня, Господи, Самохин, и сами того не замечаете! А что до приказов, господи, мы продолжаем охоту.

- Но на кого? - удивился я. - Этот обоз был явной ловушкой, тогда...

- К чёрту этот обоз, - отмахнулся Михельсон. - Он был, действительно, ловушкой, однако должен быть и подлинный обоз. Просто обязан быть. Раз запустили фальшивый обоз, должен где-то идти и настоящий. И мы его найдём. Облучков, - обратился он к гусарскому ротмистру, - разошлите своих людей повсюду, пусть хоть до Урала дойдут, но отыщут мне этот обоз. Клянусь вам, что не стану проверять их слов и тут же поведу весь полк вслед за тем, кто укажет мне дорогу к нему.

- Будет сделано, ваше высокоблагородие! - повеселев сразу, козырнул гусарский ротмистр. - Ребята, отыщем обоз для господина премьер-майора!

- Мы встанем лагерем здесь, Облучков, - добавил Михельсон, - и будем ждать вас трое суток. На утро четвёртого дня, уходим, если не найдёте нас здесь, то возвращайтесь в расположение армии. Мы будем ждать вас там.

- Вас понял, - кивнул ротмистр Облучков и принялся раздавать приказы своим людям.

Ну, а мы принялись разбивать лагерь. Ведь нам выпала редкая передышка, каких обыкновенно в рейдах не бывает. Целых три дня отдыха! Мы сидели в палатках или бродили по лагерю, приводили в порядок себя и своих коней, чистили оружие и обмундирование, помогая своим денщикам, а то надо же было чем-то заняться. Я тогда впервые за несколько недель нормально побрился, даже ни разу не порезавшись, подрезал немного усы, придав им щёгольскую форму. Теперь я каждое утро расчёсывал волосы и вплетал в косицу стальной стержень, пехотная, конечно, идея, защищает шею и затылок от сабельных ударов сзади, но и нам, кавалеристам, тоже стоит их поберечь. Я всегда делал это, каждый раз вспоминая казаков и пугачёвских драгун, которых настигал и рубил им головы, подскочив сзади.

В таком вот безделье провели мы все трое суток, и уже собирались возвращаться в расположение армии - нестроевые даже палатки убрали, а мы сидели в сёдлах, когда примчался последний из разведчиков. Все гусары вернулись ещё в прошлый полдень, все, кроме одного, которого уже считали погибшим. Лошадь под ним качалась, роняя клочья пены, но гусар всё подгонял несчастное животное, не боясь даже загнать его. Недоскакав до Михельсона десятка сажень, он вылетел-таки из седла, не выдержал конь, но быстро перекатился через спину, потеряв шапку, и вскочил на ноги.

- Вашвысокоблагородь, - выпалил он единым духом, - нашёл обоз! Не меньше того! И охрана - полк! Дале приказанного зашёл, но нашёл!

- Молодец! - крикнул ему Михельсон. - Бери свежего коня и веди нас!

Эта гонка чем-то отдалённо напоминала ту, давнюю, к Сакмарскому городку, на помощь князю Голицыну. Длилась она, конечно, не несколько дней, как та, но гнали мы, надо сказать, куда быстрее. Не прошло и трёх часов, как мы выехали к старой дороге, ведущей к Москве, из-за войны её пользовались редко, постоянные дворы на ней давно позакрывались, а хозяева их сбежали от греха подальше. В общем, как выразился наш командир - идеальная дорога для тайного обоза такой величины. А обоз, медленно тянувшийся по ней, ничем не уступал фальшивому. Такие же тяжёлые фуры, закрытые тентами, глубоко вязнущие в дорожной грязи.

- Из-за грязи этой я удрать успел, - говорил Михельсону гусар, обнаруживший обоз. - Видите, ваш васокоблагородь, четыре эскадрона драгун при них, постоянно в пикетах кто-нить. Зайди оне чуть подале, и усё - крышка мне.

- Понятно, - кивнул тот и обратился к нам: - Господа офицеры, - мы подъехали, но премьер-майор не ограничился офицерами своего полка. - Облучков, а вы что там трётесь поодаль, или, думаете, вас наше совещание не касается. Подъезжайте, подъезжайте сюда, ротмистр, времени у нас не так много.

- Прошу простить, господин премьер-майор, - козырнул тот.

- Так вот, господа, - обратился ко всем нам Михельсон. - Взять этот обоз нашими силами нереально. Его охраняет пехотный полк и полк драгун, а значит, надо отправить кого-то за подкреплением. Вы понимаете, кто это должен быть, ротмистр Облучков?

- Без прикрытия остаться не боитесь? - поинтересовался тот. - Вы ведь весь мой эскадрон отправить в Великий Новгород хотите, не так ли?

- Верно, - кивнул Михельсон. - Время такое, господин ротмистр, даже взвод может пропасть. По округе носятся остатки банды Семёнова, и их довольно много. Так что ехать вам надо всем эскадроном, не иначе.

- Я это понимаю, господин премьер-майор, - кивнул Облучков. - Будем скакать сутки напролёт, возьмём по три коня на человека.

- При этой скорости обоз будет проходить не больше полусотни вёрст за день, - прикинул Михельсон. - Значит, вам надо будет искать нас и их почти под самыми стенами Первопрестольной. Не больше ста, ста пятидесяти вёрст от города, в районе Переславля-Залесского.

- Разрешите выполнять, господин премьер-майор? - козырнул Облучков и, не дожидаясь кивка Михельсона, умчался к своим людям.

А Михельсон же обратился к нам:

- Нам придётся крайне туго, господа офицеры, - сказал он. - Одно дело тревожить пеший обоз и совсем другое - осаждать обоз с конным прикрытием. Тем более, что драгун у врага едва не больше, чем нас. Нам придётся не раз схватываться с ними в коротких боях, постоянно тревожить обоз, днём и ночью, чтобы они не знали покоя, не спали и за едой оглядывались, не ли нас. Это, конечно, работа не для драгун, а скорее подходит гусарам или пикинерам или же казакам, однако придётся выполнить её нам. И для того, чтобы сна и отдыха не знал враг, мы сами должны позабыть о них. Лишь, когда лошади наши станут валиться с ног от усталости, мы сможем позволить себе отдохнуть до тех пор, пока отдыхают животные. Но ни минутой больше.

Он перевёл дух и спросил у нас:

- Господа офицеры, вы готовы к охоте?

- Так точно! - в один голос ответили мы.

Первым этапом нашей охоты стала засада на передовой пикет противника. Для этого Михельсон выделил целый эскадрон, а именно мой.

- Их, главное, быстро перебить и, по возможности, тихо, - наказывал он мне. -

Противника будет не больше взвода, так что справитесь без труда. Я в тебя, Пётр, верю. - Он хлопнул меня по плечу. - А трупы усадите на коней и отправьте обратно по дороге. Тактику устрашения применять будем. - Михельсон криво усмехнулся, надел шляпу и увёл эскадрон.

Я же принялся расставлять своих людей. Первым делом отобрал лучших стрелков, из бывших карабинерских унтеров, отдал их под команду вахмистру Обейко с приказом забраться на деревья и дать по врагу первый залп из своих штуцеров. Остальных же, спешенных расставил по кустам, приказав брать прицел повыше, чтобы своих не пострелять. Стрелков же со штуцерами я специально посадил позади нас, дабы и им опасности не было от своих же пуль. Лошадей мы отвели подальше, они могли взбудоражить противника раньше времени и шумом своим предупредить его. Что нам было совершенно не нужно. При животных оставили пять человек, из тех, кто получил лёгкие ранения в недавнем бою за вагенбург.

Теперь, когда все приготовления были закончены, мы засели в кустах и стали ждать. Как драгуны петровской эпохи, пешие, ждали мы врага с мушкетами и карабинами в руках. Вопреки уставу даже командиры в Добровольческой армии вооружались, словно рядовые или унтера. Особенно в такие моменты, когда мы ждали врага в засаде, вот как сейчас. Быть может, также стояли драгуны петровского "корволанта" под Лесной, громя корпус генерала Левенгаупта. Правда, тогда, летучие корпуса, действительно, налетали на врага, нанося ему быстрые, как рапирные уколы, атаки, а у нас сейчас совсем другая задача, куда как легче. Главное, с противником расправиться быстро, желательно, в один залп и чтобы ни одна сволочь не ушла и не предупредила врага раньше времени.

- Едут, - тихо по цепочке передали мне.

- Готовиться к бою, - приказал я, и приказ мой также был передан по цепочке.

Я услышал, а скорее, мне показалось, что услышал, слишком уж тихий звук, как защёлкали курки ружей и мушкетов. Несколько минут спустя, появились и сами всадники в зелёных рубахах и картузах. Драгуны, самохинские сукины дети. Вот они уже вплотную приблизились к невидимой черте, которую я провёл, когда готовил диспозицию. Вот прошли её - и тут же захлопали выстрелы штуцеров. Пули выбили передовых всадников, они посыпались с сёдел горохом, теряя картузы. Остальные попытались схватиться за палаши, но тут по ним открыли огонь мы, сметая драгун одного за другим. Как и сказал мне Михельсон, врагов был всего один взвод, и когда по ним принялись палить мы, всем эскадроном, ничего поделать не смогли, а точнее просто не успели, и быстро оказались перебиты. Только двое из самого тыла развернули коней в

самом начале этого истребления и рванули, как говорится, с места в карьер, но их догнали пули унтеров, сидевших на деревьях. Они закачались в седлах, и припали к конским шеям. Лошади их, оставшись без понукания, быстро остановились и принялись ощипывать придорожные кусты.

- Ружей не забирать, - принялся командовать я, как только наш эскадрон выбрался на дорогу и спустился с деревьев, - только огнеприпасы. Как сумки патронные очистите, вяжите драгун к сёдлам и отправляйте обратно.

- Вашбродь, - обратился ко мне вахмистр Обейко, выглядел он сейчас до крайности потешно, к мундиру прилипли листья, из волос ветки торчат, - не слишком ли расточительно? Чёрт с ним с оружием, но кони другое дело. Они нам очень пригодятся.

- Это приказ премьер-майора, - ответил на это я. - Тактика устрашения и всё такое. Да и кони нас сейчас только стеснят. Корма на них нет, людей тоже не хватит, чтоб обиходить как следует.

- Так может их того, переколоть, чтоб врагу не достались, - предложил прапорщик Епанчин, молодой человек, прямо из Сухопутного корпуса, ещё не проникшийся должным пиететом перед лошадьми, как все мы, служившие в кавалерии не первый год.

- За что тварей-то божьих колоть? - с укоризной поглядел на него Обейко. - Чем они тебе провинились?

- Это верно, вахмистр, - кивнул я. - Коня не виноваты в том, что мы воевать затеялись. - Я посмотрел на своих людей, они уже привязали трупы к сёдлам. - Отправляйте их, и уезжаем. Командир нас уже дождался.

Отправив пугачёвцам наш привет, мы сели в сёдла и поскакали прочь. Ведь враг уже должен был хватиться своей разведки, так что нам следовало поспешить.

- Молодец, Ирашин, - встретил мой доклад Михельсон. - Не ошибся я в тебе, поручик. Хотя есть у нас в полку старше тебя чином, но ни в ком другом я не сомневался меньше, чем в тебе. - Он так и сказал, не сомневался меньше, что несколько покорило меня и премьер-майор, заметив это, добавил: - Да ты не кривись, поручик, не кривись. - Мы были на "ты", потому что в палатке никого больше не было. - Я после сукина сына Самохина во всех сомневаюсь, в ком-то больше, в ком-то меньше, но зарок себе дал с Арзамаса, чтобы не было у более никого, кому доверял бы целиком и полностью.

Я кивнул и спросил у премьер-майора разрешения идти, тот отпустил меня и я вышел из палатки. Офицеры эскадрона ждали меня и принялись расспрашивать, что там да как. Я ответил, что всё нормально и нам приказано отдыхать до тех пор, пока полк не снимется с места. Это была редкая возможность. Ведь сейчас, в отсутствии гусар, пикетную службу приходилось нести самим, этим занимались постоянно сразу несколько эскадронов. Мы встретили их, это были драгуны Коренина, когда возвращались с места засады. Задачей этого эскадрона была слежка за обозом и, при возможности, уничтожать разведку противника. Мы разъехались быстро, коротко козырнув, как бы сказав друг другу, пост сдал - пост принял. Ещё один эскадрон следил за окрестностями, ибо увлекаться одним только обозом смертельно опасно, как ни крути, а мы за линией фронта, и земля под нашими ногами и копытами коней, хоть и была наша, родная, однако сейчас она принадлежала врагу. Остальные три эскадрона постоянно находились в полной боевой готовности. Нестроевые были готовы с любой момент собрать лагерь и отправиться вслед за полком. Охранять их должен был отдыхающий эскадрон.

Но нам этого делать в тот раз не пришлось. Ибо всё было спокойно, эскадрон снялся только на следующее утро и медленно двинулся следом за обозом. А тот катился очень медленно, увязая в грязи всё сильнее. С середины того дня припустил мелкий и противный, истинно осенний дождик. Мы кутались в епанчи и натягивали треуголки, вопреки правилам, на самые глаза. Мысли о том, что противнику приходится ничуть не лучше, грели не особенно хорошо. Ставить лагерь при такой погоде - сущее мучение, мы отправили солдат на помощь нестроевым, а сами остались при лошадях, от которых шёл

пар, и рядом с ними было несколько теплее. Думать о ночёвке в холодных и мокрых палатках не хотелось совершенно. Мысли вились, в основном, вокруг пары крючков водки, ведь ни грогу, ни глинтвейну сейчас не сварить, кому нужны грог или глинтвейн, изрядно разбавленный дождевой водой, так что иного способа согреться, кроме пшеничной, просто не было. От этих мыслей меня, как и остальных офицеров, отвлек Михельсон.

- Господа офицеры, - сказал он нам, - погода нам благоприятствует, из-за этого дождя враг не сумеет поставить нормального вагенбурга. И пикетов рассылать не станет. Бунтовщики считают, что в столь мерзкую погоду, мы их атаковать не станем. Ан, нет! Мы им покажем, каково расслабляться во время войны.

- Ваше высокоблагородие, - выразил наше общее удивление ротмистр Коренин, - это же почти немыслимо. Атаковать вагенбург, где сидит пехотный полк и полк кавалерийский, по такой грязи, это - самоубийство. У врага численное преимущество и...

- Это всё не имеет значения, ротмистр, - отмахнулся Михельсон. - Я не собираюсь атаковать вагенбург всерьёз, просто обозначим атаку. Сядем на свежих коней и налетим на вагенбург, обстреляем его из карабинов и тут же отступим к нашему лагерю. Не забывайте, мы, господа, должны, чёрт побери, просто обязаны, постоянно тревожить пугачёвцев. После этой атаки, мы преспокойно ляжем спать, а они всю ночь будут на чеку ждать новой атаки. Так что вперёд, господа, вперёд. По коням!

Без особого энтузиазма мы забрались в седла. Лагерь остался охранять эскадрон поручика Ваньшина, который только что вернулся из пикета. Мы же медленной рысью направились к дороге. До вагенбурга добрались достаточно быстро. Размерами он превосходил тот фальшивый, но проигрывал предыдущему и сильно. Телеги стояли кривовато, проволочных заграждений не было, зато отовсюду торчали мушкетные стволы, похоже, почти весь полк противника сейчас был на стенах.

- Нас ждут, господа офицеры, - усмехнулся Михельсон. - Не будем обманывать ожиданий. Врага, как и барышню, водить за нос нехорошо.

И мы под звуки труб ринулись в галоп с карабинами наперевес. Расчёт Михельсона оказался правильным. Нервы пугачёвцев, натянутые гитарными струнами, не выдержали, они открыли огонь без команды. Как ни орал на них унтера, как ни грозились кулаками, момент для первого залпа был безнадежно упущен. Мы подлетели к вагенбургу, почти вплотную к его стенкам, ведь проволочных заграждений, повторю, враг не выставил, и выстрелили по пугачёвцам, отчаянно торопящимся зарядить мушкеты. Я лично вцепился пулю в круглое, перекошенное от ярости, лицо в шапочке с какими-то кубиками на петлицах. Я даже их разглядеть успел, хотя видел свою цель какие-то мгновения. А потом мы развернули коней по сигналу труб и рванули прочь, а когда достигли деревьев и кони грудью врезались в облетевшие по осеннему времени, ошестинившиеся голыми ветками, кусты, в спины нам ударил залп. Не слишком слитный и уж подавно ничуть не меткий. Мы сумели отделаться несколькими легко ранеными.

Этот налёт на вагенбург существенно поднял нам настроение. Только драгуны эскадрона Ваньшина глядели на нас мрачно, ведь пока мы носились в этот лихой рейд, они мокли под усиливающимся дождём и присматривали за нестроевыми, ставящими лагерь. Загнав коней под навесы и приведя их в порядок, мы отправились по палаткам. Я забрался в свою и с удовольствием стянул сапоги. Даже не смотря на то, что внутри было сыро и холодно, это всё же куда лучше, чем мокнуть под проливным дождём на улице. Расторопный Васильич уже выставил передо мной на складной столик стаканчик водки и кусок колбасы, мгновенно наполнивший внутренности палатки чесночным духом. От него у меня аж слюнки потекли, а ведь казалось сначала, что есть совсем не хочется. Съев колбасу и выпив водки, я пожелал покойной ночи Озоровскому и тут же уснул.

Казалось, только я вытянулся на узкой походной кушетке, как за стенками палатки заиграла труба. Заиграла, естественно, "подъём". Я вскочил с койки, подхватил палаш, пистолеты и карабин, и вылетел из палатки. Трубаچی уже опустили свои трубы, не спеша

играть "построение". Значит, время ещё есть, можно умыться по-человечески. Васильич уже выбирался из палатки, вслед за Озоровским. Предусмотрительный денщик наш в руках держал основательный ушат. Он рысью направился к бочке с дождевой водой, набравшейся за ночь, и быстро наполнил его ковшом, висевшем на поясе в петле. За это время, мы с Пашкой скинули мундиры, повесив их на стойки палатки, и освободились от рубашек, завершив эту египетскую пирамиду портупьями. Вернулся Васильич, и мы быстренько умылись и вновь оделись. Тут заиграли-таки "построение" и я направился к эскадрону.

В тот день нам выпало оставаться при полковом обозе. В общем, прошёл он весьма скучно и тянулся, тянулся, как улитка, или как наш обоз, или как обоз пугачёвцев. Сначала вернулись пикеты, они были слегка потрёпаны.

- С разведкой вражьей столкнулись, - пояснил мне командир пикетного эскадрона ротмистр Коренин. - Ну, и перебили мы их конечно. Славная была драка. Мы на них вылетели, или они на нас, как поглядеть, вот и вышел классический встречный бой. Сразу в палаши ударили, и тут наша взяла. Довольно скоро, скажу тебе. Слабы они против нас оказались.

Ближе к вечеру Михельсон снова собрал офицеров полка и сообщил:

- Сегодня мы нанесём бунтовщикам визит в несколько неурочное время. Сейчас они, как и мы, остановились и строят вагенбург. И это самое удачное время для атаки.

- Они ведь будут на чеку, - заметил капитан Холод. - Можем и на засаду напороться.

- Когда они выстроят вагенбург, да, - согласился с ним Михельсон, - а вот сейчас, навряд ли. Обоз пугачёвцев велик и там сейчас творится неразбериха, этим мы должны воспользоваться. По коням, господа офицеры!

И снова рысью до обоза. А там, действительно, полная неразбериха, место тут было не слишком удобное для вагенбурга, и потому часть солдат, те, кто не стояли в карауле, и драгуны, бестолково толклись, перемещаясь с места на место и по большей части, просто мешая нестроевым, готовящим лагерь. И что самое неприятно для них, все всадники были спешены. А большей удачи и ждать нечего.

Снова запели трубы и под их аккомпанемент мы рванули в галоп, выставив палаши перед собой, как и положено по уставу. Моему эскадрону довелось атаковать пугачёвских драгун. Мы с остервенением рубили спешенных гадов, те пытались отбиваться палашами и закрываться ружьями, но это их не спасало. Их не учили отбивать кавалерийские атаки, мы быстро рассеяли их конями и рубили с высоты седла.

- Епанчин! - крикнул я прапорщику. - Бери взвод и разгони коней!

Тот не стал отвечать, а сразу приказал своим людям следовать за ним. И они налетели на коней, изрубили коновязь, к которой те были привязаны, и принялись хлестать несчастных животных плетьюми, а у кого не было плетей, бить палашами и шпагами плашмя. Кони заметались и кинулись в рассыпную, наводя в недостроенном вагенбурге ещё большую панику.

И тут трубы заиграли "отступление". Мы развернули коней и пустили их галопом прочь от пугачёвского лагеря. И на этот раз нам в спину никто не стрелял.

К себе вернулись в настроении лучше не придумаешь. За время короткого боя мы потеряли всего пятерых человек, ещё около десятка ранены, а вот противник понёс куда более серьёзные потери. Это стало ясно, когда мы получили первые рапорты разведчиков, отправившихся к врагу с первыми лучами солнца. В тот день ни мы, ни пугачёвский обоз никуда не двинулся. Бунтовщики сильными отрядами бродили по округе, собирая разбежавшихся лошадей. Руководили этими поисками драгунские офицеры и унтера. Эти-то отряды и стали нашей целью. Пускай они и были постоянно начеку, пускай не отмыкали штыков, пускай их сопровождали несколько почти по взводу драгун каждый отряд, но нас это не останавливало. Один такой отряд были уничтожен под корень моим эскадронам.

В тот раз нам повезло, мы наткнулись на некоторое количество вражеских лошадей, сбившихся в этакый табунчик и мерно жующих жёлтую траву в полуверсте от лагеря пугачёвцев. Около него я устроил засаду на врага. Как в прошлый раз я рассадил унтеров со штуцерами на деревьях, благо на кронах их ещё оставалось достаточно листвы, а остальные укрылись по кустам. Наших коней мы прибавили к тому табунку, что служил приманкой, нам особенно помогло то, что кони эти были не рассёдланы, и своих нам прятать не пришлось. Ждать врага пришлось недолго. Не прошло и четверти часа, как объявился отряд в составе двух рот пехоты и взвода драгун. Кроме того, с солдатами шли коню и спешенные драгунские офицеры и унтера, готовые тут же вскочить в седло и присоединиться к конному охранению. Специально для борьбы с последним я выделил взвод Обейко, ждущий в сотне саженой от места засады.

И вот унтера, тщательно выцелив офицеров противника, выстрелили с деревьев мои унтера. Командовать "огонь" смысла не было. Мои люди дали залп без приказа. И я постарался не отстать от них. Пули выбивали пугачёвцев, сбившихся в плотную толпу, оцетинившуюся штыками и огрызающуюся выстрелами. Драгуны рванули на нас, однако навстречу им выскочил взвод Обейко. Они тут же ударили в палаши, мгновенно позабыв о нас. Мы же, спешенные, вели огонь по выстроившимся в нормальное каре пехотинцам, унтера выбивали их офицеров, срывающих голос, пытаюсь перекрыть шум боя, и этим вносили хаос во вражеские ряды. Солдаты были явно необстрелянные, хоть и отлично обученные и вымуштрованные, они быстро выстроили живую крепость каре, однако вели себя под огнём крайне скверно и, лишившись офицеров, превратились толпу, держащую строй, но ни на что более не способную. Будь среди них кто поопытней, давно приказал бы или просто выкрикнул: "В штыки!", - вот тогда нам пришлось бы туго. Но такого не нашлось, на чём и строился мой расчёт, весьма рискованный, и риск этот оказался вполне оправдан. Мы перебили почти всех пехотинцев, в то время, как драгуны Обейко разгромили пугачёвских. Это, вообще, была весьма странная драка, они рубились среди взбесившихся от шума и запаха крови лошадей. На пехотное каре кони тоже кидались, однако солдаты кололи их штыками, так что обезумевшим животным не удалось разбить вражеского построения, на что, надо сказать, у меня был немалый расчёт. И он, в отличие от первого, не оправдался. Но и без этого мы перестреляли пугачёвцев. Остатки каре бросились бежать, за ними тут же кинулись наши драгуны, успевшие переменить коней на свежих, благо этого добра вполне хватало, далеко не все животные разбежались. Они без жалости убивали бегущих, рубили с седла, а потом ещё и мы прошлись, добили раненных, пленные нам не были нужны. Собрав коней, мы отправились к нашему лагерю.

У остальных в тот день дела были ничуть не хуже. Наскоками или из засады, как мы, они уничтожили несколько отрядов врага, угнали почти всех коней, лишив противника кавалерийского прикрытия.

- Отлично поработали, господа, - сказал нам вечером Михельсон, - просто отлично. Других слов для этого дня найти не могу. Теперь противник будет двигаться вслепую. Они больше не рискнут отправлять разведку, слишком мало коней, да и драгун тоже.

- Однако будут куда более осторожны, - заметил на это Коренин.

- И, вообще, как-то всё легко у нас выходит, - поддержал его капитан Холод. - Потери маленькие, врага бьём лихо, теперь вот ещё и кавалерии его практически лишили. Слишком легко.

- Суеверие, господин ротмистр, тоже грех, - заявил Михельсон, - так не будем же предаваться ему. А легко всё выходит, господа, потому, что мы бьём в самые уязвимые точки противника. И главное, бьём в них вовремя, а именно тогда, когда они этого не ждут.

- Пугачёвцы учатся быстро, - вновь мрачно бросил Коренин.

- Однако уже дважды попались в ловушку поручика Ирашина, - привёл пример Михельсон. - На те же грабли наступили, так сказать. - Он рассмеялся.

- Я думаю, всё дело в том, - высказал своё мнение я, - что я никого в живых не оставил. Просто некому было про мою засаду рассказать.

- Теперь уже есть кому, - невесело усмехнулся капитан Холод, и все мы поглядели на поручика Салтыкова, командующего четвёртым эскадроном в полку.

Тот потупил взор, и было из-за чего. Он со своим эскадроном попытался повторить мою засаду, также рассадил самых метких стрелков на деревьях, остальных - по кустам, вот только конный резерв оставлять не стал. И пугачёвские драгуны налетели на пеших салтыковцев, принялись рубить палашами. Выручили их унтера, сидевшие на деревьях, они быстро выбили вражеских драгун. К тому же, на счастье Салтыкова рядом случился эскадрон Холода, почти полностью состоящий из бывших сибирцев, людей крепких. Они и добились пугачёвских драгун, а затем рассеяли пехоту. Однако многим врагам, конечно же, удалось уйти, и теперь повторить мой трюк с засадой уже не удастся. С другой стороны, нельзя же, в конце концов, на одном и том же тактическом приёме выезжать бесконечно. Даже такой гений военного дела, как Фридрих II, король Пруссии, на этом попался в Семилетнюю войну. В общем, как говорится, нет худа без добра. Но на душе, всё равно, было муторно.

- Не будем о скверном, - отмахнулся Михельсон. - Теперь нам надо немного повториться. Мы уже несколько раз атаковали пугачёвцев в самые разные моменты. Разве что на марше их ещё не били, но этого делать и не будем, на такую атаку наших сил не хватит.

- Тогда, - решил уточнить Коренин, - в какой же момент мы атакуем бунтовщиков в этот раз?

- В собранном лагере, в вагенбурге, - ответил Михельсон. - Мы до того ни разу не повторились, а потому враг не будет ждать новой атаки на вагенбург. Более того, мы дадим им отдохнуть пару ночей, ограничимся только слежкой за обозом и уничтожением драгунских пикетов, если таковые будут. Пускай несколько расслабятся, решат, что мы отказались от серьёзных нападков на обоз, и потому новая атака станет для них сюрпризом. Весьма неприятным сюрпризом, господа, не так ли?

Отвечать на этот риторический вопрос командира никто не стал. Однако, похоже, мало кто из офицеров разделяет его энтузиазм относительно новой атаки. Слишком уж сильно растревожили мы это осиное гнездо пугачёвского обоза, враг будет готов к любой атаке, даже через несколько дней.

Следующие дни прошли скучно и размеренно. Полк, за исключением одного эскадрона, медленно, со скоростью нашего обоза, двигался параллельно обозу вражескому. Пикетный эскадрон следил за противником, изредка даже появляясь в прямой видимости его и обстреливая его из карабинов, без особого, впрочем, результата. Зато, как говорил Михельсон, на нервы действует - и это главное. По нам тоже стреляли, и тоже безрезультатно, только раз или два самые меткие из егерей - или, как их звали пугачёвцы, пластунов - попадали-таки в передовых всадников, а, попросту говоря, в самых наглых, кто подъезжал слишком близко к обозу. Но и они отделались лишь лёгкими ранениями.

Вечером пятого дня премьер-майор собрал командиров эскадронов и сообщил:

- Довольно отдыхали пугачёвцы от нашего внимания. Этой ночью мы атакуем их вагенбург.

- Я обязан сказать вам, - мрачно и упрямо опустив голову, произнёс ротмистр Коренин, - что эта атака на вагенбург ошибочна. Нашими стараниями враг готов к атаке в любой момент. Утром, днём, в ночь-полночь. На марше и в лагере.

- Но я намеренно почти не тревожил их на протяжении всех этих дней, - отрезал Михельсон, - чтобы они расслабились и потеряли бдительность. В общем, по коням, господа офицеры.

И полк поднялся и медленно двинулся к дороге. Вагенбург расположился на большой поляне, через которую весьма удачно проходила дорога на Москву. Это было уже в

считанных вёрстах от Переславля, где мы соединимся с подкреплением, что должен были привести ротмистр Облучков. Таким образом, выходило, что это, скорее всего, наша последняя атака на пугачёвский обоз, после чего его должны были уничтожить приведённые гусарами Облучкова полки. Пугачёвцы на этот раз были готовы к нашему нападению, они не поленились полностью вырубить подлесок, не пощадив ни кустов, ни молодых деревьев, разбросали вокруг вагенбурга разный мусор, чтобы нам было сложнее маневрировать на лошадях, выставили больше обычного рогаток с проволочными заграждениями, а, кроме того, укреплённый лагерь их ошетили не только мушкетными стволами, но ещё и жерлами маленьких, не больше трёхфунтовых, пушек, а также какими-то странными трубами, похожими на мушкетные стволы, только больше калибра и длинны.

- Что же это хреновины такие? - произнёс Обейко, привычно почесав шею палашиком. Никогда не понимал, как он себе голову не отчекрыжил ни разу, ведь оружие у него всегда было в идеальном порядке и наточено до бритвенной остроты.

- На аркебузы похожи, - ответил знаток охоты прапорщик Епанчин.

Наш полк стоял глубоко в лесу, ожидая только приказа к атаке. Хотя и не нравилась почти всем последняя авантюра нашего премьер-майора, однако перечить ему никто не стал. Раз командир принял решение, обсуждать его не следует, иначе какая это армия. Однако вместо приказа к атаке пришёл приказ командирам эскадронов к командиру. Оставив за себя Обейко, я подъехал к Михельсону. У него собрались уже все командиры эскадронов и заместитель секунд-майор Матейко, отставной гусар из пандур. Человек пожилой, но бывалый и опытный. Он был ранен в Семилетнюю войну и долго находился на излечении, за это время полк его, вместе с остальными пандурскими, расформировали, а о пожилom венгре, ушедшем с австрийской службой, позабыли. Он неоднократно писал в военную коллегию, но ответа так и не получил. И только когда начали формировать Добровольческую армию, вспомнили о нём и назначили в наш полк заместителем Михельсона.

- Враг готов к нашей атаке, - сказал нам Михельсон, - однако, предупреждаю вас, господа офицеры, сразу, атаковать мы, всё равно, будем. Именно за этим я и собрал вас сейчас, чтобы не только трубы передали мой приказ, но вы, каждый, лично получил его на руки. Письменный приказ атаковать вагенбург. Всякий, кто сегодня не поведёт свой эскадрон в атаку, будет подвергнут суду военного трибунала. Я хочу, чтобы вы знали это, господа офицеры.

- Что это значит, господин секунд-майор? - мрачнее обыкновенного поинтересовался ротмистр Коренин. - Среди нас предателей нет.

- Про Самохина никому напоминать не надо, господа, - в том же тоне ответил ему Михельсон. - Вильгельм Матвеевич, - это он Матейко, - раздайте приказы командирам эскадронов.

- Господин премьер-майор, - не выдержал я, - это уже переходит все границы. Самохин, конечно, сукин сын и пятно на всём нашем полку, однако его поступок не повод марать остальных офицеров!

- Прекратить пререкания, поручик, - отрезал Михельсон. - Берите приказ - и марш в эскадрон.

- Погодите, погодите, господа, - оборвал нашу назревающую ссору, грозящую перерасти в нечто скверное, поручик Ваньшин. - Я, кажется, узнал эти трубы, ну те, кто на мушкеты длинные похожи. Это ружья Пукла, или Пакла, как-то так.

- И чем же оно знаменито это ружьё? - поддержал его поручик Салтыков.

- Не важно, - отмахнулся Михельсон. - Плевать на все эти Паклы-пуклы, берите приказы, господа офицеры, и ждите труб.

Один за другим подъехали мы, пять командиров эскадронов, к секунд-майору Матейко и взяли у него сложенные в несколько раз приказы. Первым разорвал свой ротмистр Коренин.

- Мне достаточно будет и труб, господин премьер-майор, - бросил он под ноги михельсонову коню обрывки бумаги. После развернул своего скакуна и направился к эскадрону.

Точно также, только молча, поступили и остальные командиры эскадронов. Михельсон проводил нас тяжёлым взглядом.

Этот молчаливый демарш командиров эскадронов, однако, не означал, что мы отказываемся выполнять приказы премьер-майора. Мы протестовали против письменной отдачи их. Нам не нужны были никакие намёки на возможные последствия неповиновения. Все мы - офицеры Российской империи, и на войне всегда выполняем приказы, а люди вроде Самохина - это позорное пятно на чести русского офицера, которое не должно замарать остальных. Но ведь именно этим занимается сейчас премьер-майор, наш командир, отдавая письменные приказы. По многим, очень многим ударило предательство Самохина.

Когда я вернулся в эскадрон, Обейко тут же обратился ко мне, видимо, глазастый вахмистр заметил, что вернулся куда более мрачным, чем уехал. А ведь, казалось бы, куда уж мрачней? Однако на лице у меня в тот момент было написано всё моё недовольство не только приказом, но формой его отдачи и, вообще, всем миром и этой войной в частности.

- Что случилось, вашбродь? - спросил у меня вахмистр.

- Не важно, вахмистр, - ответил я, несколько резче, чем следовало. Говорить, что ничего не случилось, было бы попросту глупо. - Ждём сигнала к атаке.

И как будто кто услышал мои слова. Запели трубы и мы рванули с места в карьер.

- Переходить в галоп! - выкрикнул я приказ, пришпоривая коня.

Вся ярость моя обратилась на засевшего в вагенбурге врага. Трусы, сволочи, бунтовщики, вольтерьянцы, уроды! Сидят за повозками, открытого боя принимать не хотят, и кто они после этого? Вот именно. Трусы, уроды и сволочи. Окопались, отгородились от нас, гуситы, прости Господи, но ведь и в прежние века их вагенбурги разносили по досточке рыцари и латники из Германии, Польши и Силезии. Мы, конечно, не закованные в сталь тяжёлые всадники, но и мы многое можем.

Стрёкот, наверное, уже позже, после нескольких битв, пририсовало моё воображение, не мог я услышать его тогда, под стук копыт и лошадиный храп, однако до сих пор мне кажется, что всё же сначала был именно этот чёртов стрёкот. А уж потом полетели пули. Самые обычные мушкетные пули - они вышибали всадников из сёдел и убивали коней. Мы не ждали этого залпа, ведь он прозвучал куда раньше следовало, ни один мушкет не стреляют так далеко, а штуцеров у пугачёвцев таком количестве быть не могло. Да и не стреляют штуцера настолько быстро. Но меж тем пули летели и летели густо, правда, не слишком метко, так что это точно не штуцера.

Приказа отступить не было, как выяснилось позже, потому что убило нескольких трубачей, в том числе и полкового, и Михельсон никак не мог передать его. А раз его нет, то мы продолжали скакать на вагенбург, и нас косили пули. Вахмистр Обейко получил три, но каким-то чудом держался в седле. Прапорщика Епанчина срезало вместе с лошадью, словно ножом. Лучший стрелок моего эскадрона, гефрейт-капрал Болтнев, также был ранен, он рухнул ничком на лошадиную шею и лишь по тому, что он ещё пытается выпрямиться, и не выпускает из рук карабина, я догадывался, что он ещё жив. До того унтер привстал на стременах и выстрелил куда-то в вагенбург - тут же замолчала одна из труб, плюющихся в нас огнём и свинцом. Однако его почти сразу срезали пули. Закон войны прост и суров - не высывайся под обстрелом. А ведь отличный стрелок был, быть может, если повезёт, ещё переживёт этот бой.

Наконец, трубы замолчали. Над ними курился сизый дымок. Последовавшие за этим щелчки мне, конечно же, тоже воображение дорисовало. Ведь стоило прекратиться стрельбе, как по нам, всё ещё скачущим к вагенбургу, сразу же дали залп пугачёвцы. Он был едва ли не более губелен для нас, нежели предыдущий обстрел. Я понимал, что

вагенбурга не взять - весь полк, люди и кони, останется на проволочных заграждениях, но без приказа отступать мы не умели. Да и поздно уже отступать. Теперь можно только погибнуть с честью.

Налетев на проволочные заграждения, мы принялись рубить их палашами - во все стороны полетели обрывки проволоки и щепки. Быть может, нам так ярость помогла, но мы впервые смогли прорвать заграждения и впервые дорвались до самых стен вагенбурга. И обрушили палаши на засевших внутри людей. Мощными ударами рубили обшитые деревом фуры, когда удавалось, доставали людей. Осада вагенбурга шла совершенно не по правилам, но главное - без пощады. Мы рубили бунтовщиков, они кололи в ответ штыками, когда те ломались, били прикладами. Их отлично защищали фуры, из-за которых вели огонь пластуны. Ведь результативно, надо сказать. Одна из пуль даже сшибла с меня шляпу, растрепав тщательно уложенные букли. И вот одна из фур была перевёрнута, потянула за собой другую, третья устояла, но припала за два колеса. Нам бы сейчас отъехать на десяток саженей, да ворваться в вагенбург, тогда бы врагу и конец. Но сил на это у нас не было. И мы продолжали топтаться на месте, обмениваясь ударами с врагом, да топтать копытами коней перевёрнутые фуры. Однако те были так велики, что и перевёрнутыми представляли собой отличную баррикаду.

Только тут трубы заиграли ретираду, и полк устремился прочь от распотрошённого, но так и не взятого вагенбурга. Стрелять нам в спину не стали. Лишь когда мы добрались до опушки леса снова "заговорили" длинные трубы. Однако никакого эффекта они не дали - пули просвистели над головами. Однако, как бы быстро мы не скакали, никто не отказал в помощи оставшемуся без лошади товарищу. Я лично подхватил какого-то поручика, кажется, из эскадрона Коренина, усадив его за спиной, и мы, пригибая головы, поскакали прочь от вагенбурга.

Настроение по прибытии в лагерь полка было подавленным. И это ещё мягко сказано. Поручик Ваньшин даже высказался в том роде, что надо было оставить письменные приказы, чтобы предъявить их на трибунале над Михельсоном. За это тут же едва не получил по морде от меня. Я даже сам не заметил, как кинулся на него, очнулся только когда вахмистр Обейко с поручиком Мишиным, командиром второго взвода в моём эскадроне, повалили меня на землю. Как только я бросился на Ваньшина, они тут же повисли на мне, однако вырывался я так сильно, что им пришлось повалить меня лицом в грязь.

- Всё-всё-всё! - прохрипел я, только что пузыри в грязи не пуская. - Успокоился я. Отпустите.

Я поднялся и принялся чистить мундир, безумно жалея только об одном, что теперь не могу кинуть Ваньшину перчатку. Слишком уж глупо буду выглядеть после первой эскапады. Но и оставлять этого наглеца без ответа нельзя - нашёлся тоже, драгун паршивый, Михельсона, нашего командира, поганить словесно. Пусть и заносит премьер-майора после предательства Самохина, однако мы воюем с ним плечом к плечу с самой Польши, и никто не смеет, никто...

Гневные мысли прервал ротмистр Коренин. Пока я чистил мундир поданной одним из денщиков щёткой и мысленно честил Ваньшина на все корки, он подошёл к поручику и швырнул ему в лицо перчатку. Он явно взял её у кого-то, потому что перчатка была белоснежной, или может он с собой всегда запасные носит, ходили вроде про моего бывшего командира такие слухи. Вроде, в молодости - не так и давно, на самом деле - слыл тогда ещё поручик Коренин изрядным бретёром и дуэлянтом, но так как человек он по природе своей предусмотрительный и основательный, то всегда носил с собой в кармане мундира пару идеально чистых перчаток. Специально для того, чтобы швырять их в лицо противнику. Я лично в это не верил, однако, увидев сейчас, сразу после боя, в руке ротмистра именно белоснежную перчатку, начал сомневаться.

Все проводили её взглядом, пока она, словно поседевший осенний лист, падала в грязь, а потом поглядели на двух командиров эскадронов, готовых тут же, после такого

страшного и кровопролитного сражения, схватиться за шпаги - не на палахах же рубиться, век не тот - и пустить друг другу кровь. Как оказалось, видел это и Михельсон.

- Что это значит, господа офицеры? - спросил он. - Если кто хочет умереть, может отправляться обратно. Пугачёвцы вас с удовольствием прикончат. - Он поглядел на нас и продолжил: - Командиры эскадронов, жду вас через четверть часа у себя в палатке.

Этот приказ означал, что мы должны были привести себя в порядок для визита к командиру полка. И мне сделать это было куда сложнее, чем остальным. Оба моих мундира пришли в ходе этого рейда в полную негодность. Один был изорван до nepотpeбнoгo вида, а второй я только что основательно вывалял в грязи и за четверть часа его в порядок не привести. В общем, пришлось просить мундир у Пашки Озоровского, не будь мы с ним старинными друзьями, я бы себе ничего такого позволить не мог. Впрочем, как и жить в одной палатке с командиром взвода в другом эскадроне и пользоваться услугами одного денщика. Благо, фигурой мы друг на друга походим, а то, как сидит мундир, никто внимания особого не обратит, не на параде, в конце-то концов.

Так оно и вышло. Никто на меня и взгляда лишнего не бросил. Все собрались над складным столом с картами, над которыми склонился Михельсон.

- Господа офицеры, - обратился он к нам, - я не привык просить прощения. Ни у кого, никогда. Особенно у своих офицеров. Это неправильно. *Donnerwetter, das ist ja unerh*! Но, тем не менее, я вынужден просить прощения у вас, моих офицеров. И прошу. *Donnerwetter!* - Он перевёл дух после столь племенной тирады и продолжил. - Я необдуманно швырнул вас на вагенбург, зная, что он будет хорошо укреплён, я знал это, хотя сам уверял себя в обратном. Я почти погубил полк. И виной тому моя ненависть к нашему врагу, я позволил ему лишиться меня разума, и это обошлось полку слишком дорого. К тому этот *teuflich* случай с трубачами. В общем, гордыня моя принесла беду всему полку. Я готов понести заслуженное наказание, но прошу не доводить дело до трибунала. Я приму вызов любого офицера полка и, *bei meiner Ehre*, этой дуэли я не переживу.

Он поглядел на нас, смотрел долго, но никто даже к перчатке не потянулся.

- Ну, что же, в таком случае, продолжим. Последнее, этот диалог должен остаться между нами, за стенки этой палатки он выйти не должен. Все это, думаю, и без моих напоминаний понимают. Ещё одно. - Премьер-майор явно не хотел возвращаться к этой теме, но честь не позволяла ему тут же "позабыть" о том, что вспомнил. - Я ещё раз прошу прощения у вас, командиров эскадронов, за письменные приказы. Это вопиющий случай, и он никогда не повторится. - Он снова перевёл дух, эти слова дались гордому премьер-майору очень дорого. - Теперь можно вернуться к нашим делам. Каковы потери в эскадронах?

Каждый из нас доложил, и вышло, что полк лишился почти половины состава, а кроме кого ещё и около десяти командиров взводов. Замену им, по понятным причинам, нашли быстро, однако, всё равно, потери удручали. И это притом, что результата эта наша атака не дала почти никакого.

- Значит, выход у нас один, господа офицеры, - подвёл итог Михельсон. - Идём к Переславлю, там встречаемся с войсками, которые должен привести Облучков, либо ждём его три дня и отступаем к Великому Новгороду.

Добавить к сказанному было уже нечего, а потому, Михельсон сразу распустил нас. Утром же скорым маршем выступил к Переславлю-Залесскому.

Древний город, вотчина великого Александра Невского, победителя на Чудском озере, переживал нынче не лучшие времена. Пять раз за эту войну переходил он из рук в руки. Всё дело в его расположении. Переславль был отличным плацдармом для атаки на Москву. Это понимали обе стороны, а потому дрались за него отчаянно. Сначала его заняли, естественно, пугачёвцы, однако он оказался слишком далеко от Москвы, что его можно было контролировать, и гарнизон оттуда выбили спустя считанные недели после Арзамасской баталии. Когда же в Москву прибыло подкрепление с Урала, из Переславля

выбили уже наш гарнизон, укомплектованный, надо сказать, из боевых полков. Узнав об этом, командующий армией, генерал-аншеф Орлов-Чесменский, приказал немедленно занять город. И в этом был поддержан, как старшим братом, так и реальным, как поговаривали, командующим генерал-поручиком Суворовым. Что и было сделано, не без помощи недавно сформированных полков Добровольческой армии, нашего, к слову, среди них не было, не набралось ещё достаточного количества офицеров на ещё один полноценный драгунский полк. Зато кирасиры Лычкова покрыли себя славой - кровавой. Они атаковали фланг пугачёвцев, пройдя через предместья, и на большом пустыре вырезали несколько сотен врагов, обратив в бегство почти половину дивизии бунтовщиков, стоявшей в городе.

И так ещё несколько раз. В общем, подходя к городу, мы даже не знали, кем он на сей раз занят. Хотя городом назвать то поле живописных развалин, перегороженное рогатками с колючей проволокой, их там хватило на несколько сотен таких обозов, что мы так и не взяли, можно было с трудом. Говорили, что в нём ещё прячутся по подвалам мирные люди, в основном, те, кому просто некуда идти, но я, лично, в это не особенно верил. Как им тут жить и чем?

Подъехав к Переславлю, Михельсон остановил полк в нескольких десятках вёрст от первых рогаток и выслал разведку. Отправился первый взвод моего эскадрона, и я с ним, надо было лично проверить всё, увидеть своими глазами. А то мало ли, вдруг кто напутает. В общем, взяв зрительную трубу у ротмистра Коренина под честное слово и залог своей головы, что верну, я отправился на разведку.

- Подъедите к городу на версту, не ближе, - наставлял нас перед отбытием Михельсон.
- К первой заставе. Там посмотрите, кто стоит, и тут же возвращаетесь с докладом.
- Будет исполнено, господин премьер-майор, - ответил я, отдавая честь.

И вот теперь я до рези в глазах вглядывался в солдат и офицера, охранявших заставу. Да, наши мундиры сильно отличались от пугачёвских рубах и коротких офицерских курток бунтовщиков, но эти-то из-за непогоды, дождь шёл сильный, носили шинели. Что самое странное, и солдаты, и офицер, хотя это могли быть и пластуны, но ведь могли и наши егеря быть. Уставных головных уборов на них тоже не было, вместо них обычные шапки, натянутые на самые уши, тоже странность, но невеликая, бывает и такое. Попрятали их, чтоб не мочить, а то ведь от такой сырости они мигом незнамо во что превратятся. А кому хочется с какой-то шапкой грибной на голове ходить?

В общем, понять отсюда, за кем город, было невозможно. Значит, надо ехать ближе, пусть и вопреки приказу, однако в первую голову надо выяснить, в чьих всё-таки руках Переславль.

- Надо ближе подъехать, - сказал я взводу и уже сложил трубу, готовясь пустить коня шагом, когда ко мне обратился гефрейт-капрал Болтнев:

- Вашбродь, дозвольте в трубу вашу глянуть.
- Для чего тебе? - удивился я. - Всё равно, ничего не понять, они в шинелях и шапках.
- Да я вроде у офицера ихнего из-под шапки пукли видать, - ответил он. - А оно как, раз пукли, значит, наш.

- Вот ведь чёрт глазастый, - усмехнулся я, вновь прикладывая трубу к глазу, - букли он увидал. А косицу нет? - задал я риторический вопрос, однако Болтнев таких понятий не знал.

- Вроде была, - сказал он. - Когда тот головою вертел, кажись, мелькала, но не поручусь.

Я до рези вглядывался в три фигуры у рогатки, но ни буклей, ни косиц не разглядел. Оставалось только передать трубу Болтневу и довериться лучшим глазам моего взвода, а теперь и всего эскадрона. Гефрейт-капрал взял зрительную трубу, тоже долго всматривался, а после кивнул сам себе.

- Есть и букли, и косица, - доложил он, возвращая трубу. - И ещё у них навесик имеется, недалеко от будки. - Гефрейт-капрал указал мне направление. - Вон там. Под ним шапки ихние мундирные лежат.

Я перевёл окуляр трубы туда, куда указывал Болтнев. Там, действительно, под небольшим навесом лежали треугольные шляпы. Какая из них офицерская я понять с такого расстояния не мог, однако отличить наши треуголки от пугачёвских шапочек и картузов я мог. Для этого не надо быть Болтневым.

- Значит, город наш, - кивнул я, пряча трубу в чехол. - Возвращаемся.

Мы развернули коней, и уже спустя четверть часа я докладывал результаты разведки Михельсону.

- Ну что же, идём в город, - кивнул он. - Надо поспешить, хоть обоз и пойдёт в обход города, но до Первопрестольной им не так и далеко.

Мы въехали в Переславль, как раз мимо той самой рогатки с солдатами и офицером. Видимо, заметив нас, они сменили свои шапки на треуголки, чтобы всем стало понятно, кто держит город. Офицер отдал честь Михельсону и доложил:

- Господин премьер-майор, поручик Калугин к вашим услугам! Вас ждут в гарнизоне. Ротмистр Облучков.

- Только он? - спросил наш командир, лицо его мрачнело с каждой секундой.

- Только ротмистр, - кивнул поручик, не понимая, в чём дело и отчего премьер-майор, которого здесь ждали, судя по всему, так невесел, - больше никого. Он со своими гусарами прибыл дня два назад.

- Мать, - выдавил сквозь зубы Михельсон. Да уж, тут только по-русски и ругаться, как наш командир. Дело в том, что, выходя из себя, Иван Иванович часто переходил на немецкий, вставляя целые фразы, как правило, ругательные. Но если дело было совсем худо, вот как теперь, то ругался он уже по-русски, матерно. - Мать-перемать. - Ну и дальше в том же духе. - Где они? - Это фраза была единственной пристойной из того, что выдал наш командир.

- Так ведь, в гарнизоне, вас ожидают, - повторил совершенно сбитый с толку поручик Калугин.

- Командиры эскадронов за мной! - выкрикнул Михельсон. - Полк, на квартиры! Вперёд!

Мы сорвались за ним в галоп. Из-под копыт наших коней летели то искры, выбиваемые подковами из каменной мостовой, то щепы, там, где мостовая была деревянной, то комья грязи, там, где её не было вовсе. У массивного здания переславского гарнизона спешили и отдали поводья стоявшим у входа солдатам. Не сбавляя темпа Михельсон рванул внутрь здания, мы, чтобы не отстать, поспешили за ним.

- Где Облучков?! - рявкнул он на них в чём не повинного часового, стоявшего в полосатой будке около входа. - Где он, donnerwetter?!

- Дак, это, в офицерском собрании они, - ответил тот, вжимаясь в будку, как будто хотел вовсе скрыться в ней, а потом добавил, вспомнив про уставные обращения: - Ваше высокоблагородие.

Михельсон этого и не заметил. Он пролетел мимо него, едва не пинком распахнув дверь, и помчался по лестнице вверх к офицерскому собранию, оставляя на каменных ступеньках грязные следы. Мы - за ним, стараясь не отстать.

Так и ворвались в собрание, распахнув двери, так что створка хлопнула о стену, едва не треснув. Увидев нас, Облучков вскочил из-за ломберного стола, швырнув на него карты.

- В карты режешься, Ми?geburt?! - вскричал Михельсон. - В картишки! Где подкрепление, Schuft?!

- Нет подкрепления, Иван Иванович, - мрачно ответил ротмистр, - и не будет.

- Как это не будет?! - от михельсонова голоса, казалось, стёкла в окнах задрожали. - Я тебя зачем в Новгород слал?!

- Нас в него и отзываю, - сообщил Облучков. - Готовится масштабное наступление на Пугачёва. Война, в общем, начинается настоящая, так мне в Новгороде объяснили. И на какой-то там обоз, что бы он ни вёз, размениваться не станут.

Пыл нашего командира тут же угас. Он прошёл несколько шагов и сел на стул, опершись лбом о колени. Нам оставалось сделать то же самое. Обе новости ошеломляли. С одной стороны, тот факт, что война, наконец, начинается, действительно, настоящая, не мог не радовать. Мешало лишь то, что по всему выходило, зря мы столько преследовали тот чёртов обоз, задерживали его всеми силами, столько жизней - своих и чужих - положили, а толку никакого. Зачем, спрашивается, было так жилы рвать?

- Ну вот и дожили, - сказал ротмистр Коренин, и этой фразой можно было наиболее полно охарактеризовать всю нашу эскападу последних дней.

Глава 20.

Комбриг Кутасов.

- Ну давай-давай, показывай, что это за пакля такая, что её за тридевять земель к нам везли.

Пугачёв так и излучал довольство в такие моменты. Как, например, сейчас, инспектируя свежеприбывшие с Урала обозы, особенно, обозы с артиллерией. А уж нынче, когда оттуда прибыли не просто новые пушки, а оружие совсем уж невиданное, пускай с таким смешным названием, "народный царь" просто расцветал, как по весне. Словно ребёнок наблюдал Пугачёв за тем, как группа воентехников устанавливает на треногу несуразного вида трубу из бронзы с барабаном в казённой части. Солдаты в это время набивали такие же барабаны бумажными патронами.

- Всё готово, - подбежал к "царю" со свитой воентехник первого ранга. - Можно начинать, ваше величество.

- Давайте помоляся, - благословил Пугачёв, которому не терпелось поглядеть на это чудо wunderwaffen в действии.

Офицер с лейтенантскими кубарями встал за станину и принялся крутить ручку. Сначала раздались щелчки - это закрутился барабан, после шипение - загорелся порох. И следом выстрелы - и пули полетели в мишень. Били не слишком метко, однако ряды плоских мишеней, раскрашенных в зелёный и красный, косили весьма справно. Когда закончился первый барабан, солдаты в толстых рукавицах сняли его и кинули в ведро с водой - остывать, а на его место быстро поставили новый. Стрельба продолжилась спустя меньше минуты. Когда же подошёл к концу последний барабан, все красно-зелёные фигуры лежали на земле, пробитые как минимум тремя пулями каждая.

- Вот такая пакля, - усмехнулся довольный, как будто сам, своими руками, собрал это wunderwaffen, комбриг Кутасов.

- Сильно, - с важным видом кивнул явно удивлённый и в нем алой степени обрадованный Пугачёв. - Сильно, - повторил он. - С таким-то оружием мы быстро Катю из Питера выкинем.

Это было сильным преувеличением. Ружья Пакла, доставленные с Урала последним обозом, едва дошедшим до Москвы, хоть и были сделаны с применением знаний военинженера Кондрашова, но имели большинство недостатков своих английских сестричек. А именно, часто заклинивали, особенно после длительной непрерывной стрельбы, требовали тщательного ухода, чего сложно было добиться от вчерашних крестьян, а потому расчёты их составляли исключительно воентехники, рабочая кость, которых, к слову, и так не хватало. Кроме того, чтобы поддерживать темп стрельбы на должном уровне приходилось выделять не менее пяти человек, чтобы постоянно снаряжали барабаны, что также требовало определённой сноровки. В общем, с одной стороны, едва ли не wunderwaffen, с другой же, слишком много сложностей.

Основным призванием этого оружия стало произведение впечатление на Пугачёва. В качестве секретного оно не годилось ничуть после боя с добровольцами, где его полностью рассекретили.

Когда же, совершенно довольный, Пугачёв закончил инспекцию, Кутасов начал свою. Разведчики Голова докладывали, что армия против них почти сформирована Григорием Орловым и готова выступить в поход. А вот в том смогут ли рабоче-крестьянские полки и казаки отразить их атаку, комбриг был совершенно не уверен. Ведь сейчас им будут противостоять не бездарности и трусы, вроде Кара, и не каратели, такие как Муфель и Меллин, и даже не генерал-аншеф Панин. Нет, комбригу придётся воевать с самим Суворовым, на чьём примере его учили воевать и командовать в военном училище. Правда, надо сказать, что этот эпизод боевой карьеры Александра Васильевича, а именно участие в подавлении Пугачёвского восстания, всегда как-то обходили стороной. О нём попросту забывали. От этого, правда, таланты молодого генерал-лейтенанта ничуть не преуменьшались. И войска у него будут не чета панинским полкам, Григорий Орлов постарался, армия его брата получила ветеранов Турецкой кампании. Он сумел надавить на императрицу, которая повелела смягчить положения Кучук-Кайнарджийского мирного договора, сделав несколько уступок Порте, лишь бы поскорее освободить полки. И вот теперь шагали по Малороссии два десятка кавалерийских и пехотных полков, попутно помогая князю Потёмкину замирать эту область, всё ещё взбудораженную после ухода большей части запорожцев с Сечи. И очень верно сказала тогда Екатерина, что против них "столько наряжено войска, что едва не страшна ли таковая армия и соседям была". Как бы то ни было, а сражаться с ними придётся, никуда не денешься.

Смело, мы в бой пойдём,

За власть советов.

И как один умрём,

В борьбе за это!

Это надрывали глотки марширующие солдаты. Они отрабатывали на плацу строевые приёмы, которым не особенно хорошо учили на Урале. Оттуда присылали почти что рекрутов, хорошая подготовка только у пластунов, но их было слишком мало. С остальными же поступали куда проще. Научили мушкет заряжать, в мешок с пяти шагов попадать и штыком колоть, ну и строем ходить, более-менее, и отправляли в Москву доучиваться. Вот и обросла Первопрестольная за эти месяцы настоящим военным лагерем, занявшим почти все пустовавшие после прихода Пугачёва предместья.

На самом деле, войны этой зимой не ждали. Кому может прийти в голову воевать в ноябре? Армии остановит распутица и холода, как двигать войска по раскисшей ледяной грязи, где брать фураж для лошадей и еду для людей, сколько замёрзнет по дороге, сколько сбежит от такой лихой доли. Этого всего не подсчитать, но из-за всех этих факторов армия обычно тает, как сахар во рту, справиться можно либо драконовскими методами, либо попросту отказаться от зимнего похода. Последнего, однако, Суворов, похоже, делать явно не собирался, повторяя, а вернее, предвосхищая Ледовый поход генерала Корнилова. Тот, конечно, закончился провалом, однако теперь и добровольцы совсем не те, и кроме них закалённые в боях с турками полки. Чем же располагает его армия, что он может противопоставить им? Вчерашних крестьян и рабочих, хорошую артиллерию при скверных канонирах, ружья Пакла со всеми их недостатками. Армию без толковых офицеров и унтеров, а главное, не нюхавшую ещё порошу как следует.

Вставай, проклятьем заклеимённый,

Весь мир голодных и рабов.

Кипит наш разум возмущённый,

И в смертный бой идти готов!

Солдат громко распевающих на марше "Интернационал" прерывает команда старшины:

- Стой! К залпу! Товьсь!

Солдаты тренируются с полной выкладкой, у каждого по два десятка патронов в суме, не слишком сочетающейся с гимнастёрками образца тридцать шестого года двадцатого столетия, но что поделаешь, реалии времени, так сказать. Вот они вынимают их, скусывают по команде старшины хвостик патрона, при этом один совсем молодой солдат сгибается в три погибели, держась за живот. Его немилосердно рвёт от привкуса пороха, такое бывает с непривычки к неприятному солоноватому вкусу. Однако никто не обращает внимания, гремит залп, хорошо хоть слитный, потому что едва ли треть мишеней поражена.

- Ниже держи! - кричит старшина. - Ниже, кому говорят, рачьи дети, щучьи кости! Фершела, забрать красноармейца Рябчикова.

Солдата, которого всё ещё крутят спазмы, подхватывают два военфельдшера, третий подбирает его мушкет, и относят в сторону. Кладут на деревянную скамейку у костра - большего тому не положено, ведь не ранен, отлежится и снова в строй.

- Чего встали, рачьи дети, щучьи кости?! - надрывает горло старшина. - Ещё круг шагом марш! И песню мне, песню!

Это есть наш последний,

И решительный бой!

Кутасов пошёл к другим плацам. Дальше лежали, собственно, и не плацы, а самый настоящий редут. С торчащими жерлами орудий. На нём один ударный батальон тренировался брать полевые укрепления, в то время как две неполных роты другого их обороняли. И те, и другие были вооружены увесистыми палками с утолщением на том конце, где должен быть приклад. Ими гренaдеры нещадно лупили друг друга, так что над редутом только треск стоял. Здесь фельдшера старались вoвсю, вынося поaлеченных, вправляя вывихи и накладывая лубки на переломы. Неподалёку от редута сидели вышедшие из боя гренaдеры, криками поддерживая дерущихся товарищей. Когда штурмующим удавалось взять редут, что стоило им больших потерь в личном составе, они быстро заклёпывали пушки, помнящие ещё Ливонскую войну и польскую интервенцию. Правда, пару раз бывало так, что заклепать успевали не все орудия, атакующих выбивали из редута. Ну, а после окончательного его падения пушки расклёпывали, побитых и поaлеченных выносили, и место сражающихся занимали свежие гренaдеры.

Результаты ничуть не порадовали Кутасова. Каждый раз выбить гренaдер удавалось с большими потерями, ну а им ни разу не удавалось отстоять редута. Будь на месте одной из сторон гренaдеры Суворова, дело решилось куда как быстрее.

Дальше вели огонь бомбардиры, осваивая недавно прибывшие с Урала пушки и ружья Пакла. Тут стоял адский грохот, от которого, похоже, оглохли и люди, и лошади. Команды подавались знаками, а животные уже не дёргались при каждом залпе. На расстоянии от сотни саженой до нескольких вёрст земля вставала на дыбы. В воздух взлетали комья грязи, зелёно-красные манекены, куски габионов, остатки лафетов, колёса и куча прочего военного мусора, в который превращаются вещи после основательного артобстрела. Рядом плевали свинцом ружья Пакла. Стреляла примерно половина из них, остальные либо заклинило, либо их барабаны опустели, которые спешно снаряжали солдаты. У одного в руках оказался недостаточно остывший барабан и первые же патроны, что он принял в темпе совать внутрь него, с противным шипением загорелись, и не успей нерадивый красноармеец откинуть барабан подальше, многим достались бы пули, вылетевшие из него. На солдата тут же обрушились сослуживцы и в пинки погнали прочь от орудий.

Покачав головой, комбриг Кутасов направился к своему дому. Пешком прошёл он до городских стен, прошёл по улицам со смутно знакомыми коренному москвичу двадцатого века названиями и вошёл в бывший особняк генерал-губернатора Первопрестольной князя Волконского. Рядом с ним всё ещё были видны следы установленной по его приказу батареи. Обычно это веселило комбрига, но не в тот день, как назло погожий, весьма подходящий для войны и для марша.

- Ординарец! - крикнул он. - Карты в мой кабинет!

- Они уже там, - ответил молодой лейтенант, дежурный ординарец. - Товарищ комиссар Омелин приказал их туда подать.

- Ясно, - кивнул Кутасов. - Можешь быть свободен.

- Есть, - козырнул тот.

Комбриг поднялся в большую комнату, раньше бывшую одной из бальных комнат, а теперь в них располагался громадный кабинет. Центр его занимал под стать кабинету стол, сработанный на спецзаказу, на нём он расстилал карты военных действий самых разных масштабов. Сейчас над ними корпел Омелин.

- Как инспекция? - спросил он у комбрига.

- Скверно, - ответит тот. Наедине с комиссаром он мог позволить себе быть честным. - Нам нечего противопоставить Суворову.

- Боевой дух нашей армии на высоком уровне, - сообщил комиссар. - Политотделы работают отлично, культпросвет тоже на уровне.

- Культпросветом и ликбезом Суворова не победить, - отрезал комбриг, - а воевать нам нечем. Ни нечем, в плане вооружения и огнеприпасов у нас всё хорошо, в этом мы даже превосходим врага, а именно нечем. Мушкеты и пушки решают далеко не всё, выучка и муштра - вот главные, решающие, факторы победы. А они на стороне Суворова и его чудо-богатырей.

- Так что, товарищ комбриг, нам оружие сложить и сдаться?! - вспыхнул Омелин. - А может самим себе ноздри вырвать, плетей выдать и в Сибирь пешком отправиться. Пугачёву же голову срубить и в Питер выслать.

- Не перегибай палку, комиссар, - хлопнул ладонью по столу и сжал в кулаке карты Кутасов. - Мы в это ввязались и нам дороги назад нет. Ни в Сибирь, ни куда бы то ни было. Нам надо воевать здесь и сейчас.

- Тогда я тебя понять не могу, товарищ комбриг, - покачал головой Омелин. - То говоришь, что воевать надо, а до того, что воевать нечем.

- Надо, - подтвердил комбриг, - но нечем. Число на стороне Суворова, умение тоже, значит, придётся переигрывать его здесь. - Он постучал по карте. - В штабе.

- Хочешь победить военный гений Суворова? - удивился комиссар.

- А что нам остаётся, товарищ комиссар? - пожал плечами комбриг. - Только плетё, рваные ноздри и Сибирь, а, скорее всего, топор или петля. Будем переигрывать в штабах. И эта обязанность ложится на нас, военного опыта у нас меньше, практического, а вот

теоретического - больше. И это, комиссар, наш главный козырь, из которого надо выжать всё, что сможем. Что докладывает разведка?

- К Рождеству армия Орловых и Суворова выступит, - ответил Омелин, - но как именно, ещё неизвестно.

- Скорее всего, они пойдут двумя колоннами, - склонился над картой Кутасов. - Это будут два достаточно мощных кулака, при этом с не слишком растянутыми коммуникациями. И наша задача быстро и эффективно разгромить эти две армии, пока они не соединились для удара по Москве.

- А не проще ли, Владислав, - комиссар перешёл на обращение по имени, чтобы сгладить зародившийся было конфликт, - запереться в Москве и выдержать осаду. Солдат у нас для этого вполне хватит.

- Ты позабыл уроки польской интервенции, Андрей, - покачал головой комбриг. - Им не удалось усидеть в Москве, не смотря на всю мощь армии и наёмников.

- Против них поднялась вся Россия, - возразил Омелин, - а сейчас на нашей стороне поддержка народа!

- А ты забыл Украину, - мрачно напомнил ему Кутасов, - как её быстро замирил Потёмкин и двадцать полков с турецкой границы. То же будет и всюду, как только нам на смену придут екатерининские солдаты. Мы очень быстро лишимся хлеба и огнеприпаса, нас отрежут от Урала, а значит, от подкреплений, от новых пушек и мушкетов. Нас окружают и заморят голодом, как поляков в шестьсот двенадцатом, а после выбьют из города. С Уралом у них выйдет, думаю, не сложнее, как только там узнают о нашем поражении.

- Убедительно, - кивнул на это Омелин. - Однако достанет ли у нас сил на то, чтобы разгромить две армии поочерёдно?

- Должно достать, - резко ответил Кутасов, - иначе грош цена всей нашей революции. Но для того, чтобы сделать это, нам нужно знать маршруты движения вражеских армий. И очень желательно, до того, как они выступят из Великого Новгорода.

- Голов докладывает, что вести разведработу почти невозможно, - сказал Омелин. Согласно негласному разделению обязанностей разведка и контрразведка, а также слежка за деятельностью особых отделов, относились к ведомству комиссара. Кутасова на это просто не хватало. - Новгород просто наводнён агентами Тайной канцелярии, как явными, так и скрытыми, да и полиция старается вовсю. Всех неблагонадёжных или тех, кого сочли таковым, хватают и волокут в околотки, откуда хорошо, если один на десяток выходит. Всех рабочих объявили неблагонадёжными и держат прямо на заводах, отдельно от семей. И так будет продолжаться до конца войны. Чтобы попасть в число благонадёжных надо сдать товарища, замеченного в сочувствии нашему делу. И сейчас не семнадцатый год, сознательных рабочих слишком мало, и потому доносят постоянно. Преступный элемент полностью под контролем, им разрешили совершать мелкие преступления, кражи там, карманной воровство, но ничего больше. С теми же, кто нарушает этот сговор, поступают по законам военного времени. В общем, - резюмировал всё сказанное комиссар, - даже самому Голову, с небольшой группой самых опытных агентов, удалось только закрепиться в дальних предместьях города. Единственное, что он обещает, это доложить о том, что армия вышла, как только они выступят из Новгорода. Большого ждать, по всей видимости, не приходится.

- Ну что же, как говорится, с паршивой овцы, хоть шерсти клок, - философически пожал плечами комбриг. - Будем действовать так, будто никакого Голова с его разведчиками просто нет.

- Я думаю, нам надо полагаться на кавалерию, - сменил тему Омелин. - Она у нас лучше пехоты и уж подавно артиллерии.

- Вот только вся она лёгкая, казаки, в основном, - вздохнул Кутасов. - Драгуны никуда не годятся против екатерининских. Не надо, не надо, - сразу отмахнулся он от возражений комиссара, - я всё, что ты хочешь сейчас сказать, уже знаю. Только годились

они, когда против нас воевали не ветераны турецкой войны. Их закалили схватки с оттоманской кавалерией, вот что сводит на нет все твои доводы о классовой ненависти. Она, к сожалению, боевого опыта заменить не может.

- Вот теперь я понял, почему товарищ Бокий отправил с тобой, Владислав, именно меня, - невесело усмехнулся комиссар. - Я, наверное, самый гибкий из всех моих приятелей-комиссаров, с которыми я учился на военно-политическом. Кто другой мы за пистолет схватился после твоих слов о классовой ненависти.

- Товарищ Бокий человек умный, иначе не поднялся бы так высоко в вэчека, - ответил Кутасов. - Он долго работал над командой хрононавтов и над кандидатурой главного политрука думал, наверное, дольше всего. Я получил приказ о переводе в Москву за полгода до отправления в прошлое. Ну да сейчас не до того, - перебил он сам себя. - Нам надо думать о том, где встретить врага. Выбрать самое лучшее место для сражения, это всё, что мы можем сделать.

- Я думаю, надо выбрать несколько мест, - предложил Омелин, - и поглядеть все своими глазами.

- Отличный вариант, - кивнул Кутасов. - Но отрады надо будет взять основательные, потому что екатерининские разъезды шныряют повсюду. Ты про обоз с пушками слышал?

- Который драгунский полк до самого Переславля гонял? - уточнил комиссар. - Да, слышал. Очень неприятная история. И самое скверное, что рассекретили ружья Пакла, они могли бы стать хорошим козырем в баталии.

- И станут ещё, - заверил его Кутасов. - Надо только применить их с умом, а уж на это меня хватит. Вот, например, если тут бой дадим, - он постучал по подробной карте местности близ недавно отбитого у врага Переславля. - На высотах пушки поставим, а ниже по склону ружья Пакла, будем бить во фланг, при этом от кавалерии позиции легко защитить.

И комбриг с комиссаром погрузились в изучение карт разных масштабов и подробности. Часто менял их, чтобы посмотреть приглянувшееся место поближе, а после сравнить его с общей картой боевых действий. Итогом этой работы стали шесть наиболее подходящих для баталии мест, куда постановили отправиться на следующий день с рассветом.

Комбриг взял с собой два десятка казаков под командой есаула Бецкого, молодого казака из яицких, быстро вознесшегося на волне чисток в армии. Его особо выделял командарм Забелин, возглавившего всю кавалерию пугачёвской армии, который лично отбирал подразделения для охраны Омелина и Кутасова. Казаки у Бецкого были как на подбор рослые, молодые, в седле держались крепко, у каждого на груди висела медаль "Победа в Арзамасской баталии", а у самого есаула орден Красного Знамени, значит, он сумел отличиться в той кровавой бане. С наградами, вообще, выходила порядочная канитель, у многих казаков остались медали за Семилетнюю войну, а у иных и за Оттоманскую кампанию, снимать которые никто не собирался. Подумав, новые власти решили боевых традиций не менять и наград не снимать, однако к ним добавили революционные. А именно, пришедшие из будущего ордена Красного Знамени и Красной Звезды, долго гадали, чем заменить непонятную казакам и рабочим с крестьянами фразу "Пролетарии всех стран объединяйтесь". Все варианты, вроде "Казаки всех стран..." или "Рабочие всех стран..." быстро отбросили, остановились на вполне современной XVIII веку георгиевской ленте. А вместо "георгиевского", в те времена "золотого" наградного оружия для комсостава ввели революционное, "краснознамённое". К слову, у есаула была как раз такая шашка, значит, офицер проверенный, надёжный и отважный, как раз такой и нужен Кутасову.

- Ну что, командуйте, товарищ есаул, - махнул ему рукой комбриг. - Я вам не указ по дороге, считайте меня один из ваших подчинённых.

- Вас понял, товарищ Кутасов, - кивнул Бецкий. - Взвод, рысью марш!

Они выехали из Москвы и направились на северо-восток, к Переславлю-Залесскому, вновь отбитому у врага, как раз перед прибытием обоза с Урала. И даже не к самому городу, а к первому из приглянувшихся комбригу мест для баталии. Именно его он считал самым перспективным, потому что раньше все атаки враг направлял именно на этот древний город, почему он должен изменить этой стратегии теперь. Город представлял собой весьма удачный плацдарм для атаки на Москву, значит, туда в первую очередь враг и направит один из своих кулаков. Поэтому место для битвы под Переславлем Кутасов решил проверить первым, чтобы оценить его со всех сторон самым тщательнейшим образом.

Спустя несколько дней быстрой езды комбриг прибыл на то самое место. Оно было почти идеальным для "встречающей стороны". Высотки на флангах, где можно поставить пушки, которые могли бить через головы пехоты, не опасаясь попасть по своим. К тому же, левый край возможных позиций прикрывала река с поросшими осокой топкими берегами, такая преграда надёжней иных стен. На правом фланге можно поставить большую часть кавалерии, чтобы пресечь всякие попытки обхода. Между холмов пехота будет чувствовать себя весьма комфортно. Принимать удар на этих позициях удобно, как и переходить в контратаку. Только одно обстоятельство было на стороне предполагаемого противника. А именно сама земля под ногами. В полусотне сажень от речного берега почва была песчаной и очень прочной, её буквально усеивали камни, и даже после продолжительных дождей она не превращалась в жидкую грязь. На такой очень удобно действовать смертоносной конной артиллерии, что могло решить судьбу всей баталии.

Пролазив несколько часов по полю, комбриг, полностью удовлетворённый результатами осмотра, приказал разбивать лагерь. Темнело уже. Разбив несколько небольших палаток, которые легко уместались в седельных сумках, казаки и комбриг заночевали там же. С первыми лучами солнца снова отправились в дорогу. На полпути ко второму месту их застал дождь. На дворе стоял ноябрь месяц, и было довольно холодно, по утрам в бочках с водой приходилось уже разбивать лёд, и нередко с неба сыпалась снежная крупа, так что никто не ждал такого ливня. Самого настоящего, с грозой, громом и молнией, как в конце весны или летом.

- Дурной знак, - мрачно шептались казаки. - Где это видано, этакая грозища, да под самую зиму почти. Никак к великой беде.

В ясный полдень стало темно, словно ночью, ни о каком осмотре речи идти не могло, но и ставить палатки под таким ливнем бессмысленно, всё равно, что в луже ночевать. Вот и заехал казачий разъезд в небольшую рощицу, деревья которой хоть и не сильно защищали от хлещущих, словно кнуты, ледяных струй дождя, но не в поле же торчать, в конце концов. Как оказалось, так думали не только они.

Всадники выросли из пелены ливня, словно тени или призраки. Все в епанчах, поверх мундиров, и треуголках, выдающих екатерининских кавалеристов. И было их никак не меньше трёх взводов. Драгуны или карабинеры.

- Что делать будем, товарищ Кутасов? - спросил есаул Бецкий.

- Шапки долой, - отрезал тот. - Может, в такой тьме египетской нас не признают, не разглядят, что ни пуклей, ни косиц нет. Авось, пронесёт.

Не пронесло. Их заметили и опознали, ещё не доехав до рощицы, драгуны взяли за палаши.

- Прочь! - вскричал Кутасов. - На них!

И казаки сорвались с места, разбрызгивая комья грязи из-под конских копыт. Драгуны явно не ждали такой наглости от небольшого отряда промокших до нитки казаков.

- Рассыпаться! - скомандовал комбриг. - Уходить по одному! Встречаемся в третьем месте!

Лавой налетели они на драгун, ударили в шашки, а следом рассыпались, будто вода, просочившись через вражеских кавалеристов, и бросились кто куда. Гоняться за ними у драгун не было никакого желания - ливень, грязь, холод. Пусть себе скачут, куда глаза глядят под этими ледяными струями, лучше переждать ливень под пускай и почти эфемерной, защитой рощицы. Никому не докладывая об этой короткой стычке, тем более, что в ней никто не погиб, да и тяжелораненых нет.

Знали бы кого они в тот дождливый день упустили.

Эти день и ночь были самыми неприятными в жизни комбрига Кутасова. Он промыкался эти показавшиеся бесконечными часы под ледяными струями, пропитавшими длинную кавалерийскую шинель, потяжелевшую из-за этого на несколько килограмм, в поле и лесах, пробираясь к третьему из присмотренным мест. Ничего подобного в жизни молодого комбрига ещё не было, хуже было разве что трястись на носилках и в телеге после разгрома Сеитовой слободы, правда, тогда к боли ран примешивалась горечь осознания факта, что ничего поделать не можешь. Сейчас ничего подобного не было. Кутасов отлично понимал, за что терпит такие неудобства. Надо выбрать самое подходящее место для сражения, иначе поражения не избежать. Тем более, что второе из трёх мест он уже пропустил, возвращаться туда после встречи с эскортом, времени уже не будет.

Третье предполагаемое место сражения идеально подходило бы им, лет этак двести назад. Плоская, как стол равнина, с редкими кустиками да небольшим леском вдалеке, в общем, воюй - не хочу. Вот именно, что не хотел воевать на таком комбриг Кутасов. Поле-то огромное, какой простор для фланговых маневров, и это при условии, что у врага войск будет, скорее всего, больше, чем сможет выставить РККА. Двадцать полков прибыли только с турецкой границы, а с ними каратели, остатки панинских войск, Добровольческая армия. Это хорошо, если их вдвое больше, чем в РККА, но ведь, скорее всего, втрое, а то и вчетверо, солдат будет у Суворова с братьями Орловыми и фон Бракенгейма.

Но, не смотря на это, Кутасов изъездил это поле из конца в конец, топча снежную целину. Нежданный ливень под утро перешёл в мокрый снег, ковром укрывший землю. Продрогший и вымокший до нитки комбриг, понимая, что дело может закончиться воспалением лёгких, плюнул на всё и заехал на некий хутор. За десяток копеек разной чеканки, царской и пугачёвской вперемежку, ему высушили и вычистили мундир и шинель, накормили и уложили спать на печку. Спал комбриг чутко и вздрагивал при каждой шорохе. Окончательно проснулся, когда по полу дома хуторского старосты, где он квартировал, протопали тяжёлые сапоги. Кутасов взвёл курок короткоствольного пистолета, что держал под подушкой, и приготовился принять бой, возможно, последний. Однако оказалось, к старосте заявили несколько казаков его эскорта, в общем-то, с той же целью. Передохнуть и обсушиться. Кутасов облегчённо откинулся на подушки и заснул уже крепким сном. Когда же проснулся и спрыгнул с печки, оказалось, что дом занимают его казаки, а по всей комнате развешаны их мундиры и шинели. Слава Богу, это была не первая зима, что прожил комбриг в XVIII веке, а то от запаха, висевшего в доме, можно было и сознания лишиться.

Позже выяснилось, что эскорт его за ночь занял весь хутор и теперь казаки отсыпались и сушились по хатам. Пришлось переждать ещё день, после чего выдвинуться-таки к третьему месту.

Ещё спустя несколько дней комбриг и комиссар встретились в Москве, чтобы обсудить и дать оценку увиденным своими глазами предполагаемым полям сражений. Омелин из поездки вернулся простуженный, его ливень и мокрый снег застали на последнем месте, да и весьма удачно попавшегося Кутасову хутора не выпало. Вот и вымерз комиссар, промокший до того, и поспешил в Первопрестольную. Надо сказать, он ещё легко отделался, большая часть его эскорта по приезде свалилась с тяжелейшим воспалением лёгких. У комиссара же здоровье оказалось просто богатырское, хотя по нему сейчас

этого было не видно. Он постоянно чихал, кашлял, поминутно вытирал покрасневший нос и слезящиеся глаза.

- В общем, два из трёх мест никуда не годятся, - говорил он, указывая поочерёдно их на карте. - Здесь у врага будет слишком хорошая возможность установить артиллерию, вот на этих высотах. Мы будем у них как на ладони. А занять их не получится, выйдет, что мы фронтом в лес упрёмся, а оттуда они точно не пойдут. Здесь же, - он перевёл палец на пару километров севернее и около трёх южнее, а, после, оглушительно чихнув, - позиции идеальные будут у обеих армий. Думаю, встанем на них, и ни мы, ни они вперёд шагу не сделаем, значит, завяжется артиллерийская дуэль, в которой все преимущества на стороне екатерининских бомбардиров.

- Что с третьим? - спросил у него Кутасов, подавая свежий носовой платок, взамен уже насквозь промокшего.

- Ровное оно уж больно, - развёл руками комиссар, затем замолчал на несколько секунд и несколько раз подряд чихнул, - так вот, оно ровное как стол. И земля твёрдая, камни сплошные. Фланги прикрыть можно, конечно. На левом что-то вроде заброшенной усадьбы, или охотничьего хуторка, несколько домиков полуобвалившихся и остатки частокола. На правом можно вагенбург поставить. Это, конечно, от фланговых обходов совсем не убережёт, но врагу придётся серьёзно задуматься над их целесообразностью.

- На самом деле, идеальных мест для боя не бывает, - кивнул, подводя итог их совещанию, комбриг. - В общем, будем ориентироваться в своих действиях на самое первое и твоё третье.

Таким образом, начало плану военной кампании было положено. Оставалось ждать известий от Голова о выступлении армии противника.

Глава 21.

Поручик Ирашин.

И не только он.

Я присутствовал при совершенно свинской сцене. Всех нас, офицеров-командиров, полка Михельсона, во главе с самим Иван Ивановичем вызвали к генерал-поручику Суворову. Я был наслышан о нашем реальном командующем, он командовал бригадой из Смоленского, Суздальского и Нижегородского мушкетёрских полков и громил гордых шляхтичей всюду, где встречал. Теперь же стараниями вновь вернувшегося в фавор у государыни Григория Орлова он был отозван из Порты для разгрома Пугачёва. В войсках о нём ходила молва, как о чудо-богатыре, ведь именно так он именовал своих солдат, и многие бывали разочарованы его самой скромной внешностью. Невысокого роста, щуплого телосложения, с причёской буклями и короткой косицей, перетянутой чёрным бантом. Генеральский мундир сидел на нём идеально, сразу видно, что Суворов привычен к военной одежде с молодых ногтей. А вот шпажка с георгиевским темляком смотрелась откровенно потешно, как-то даже не верится, что этот щуплый человек дрался ею под Кунерсдорфом, Кольнау и Кольбергом.

И вот этот маленький генерал-поручик кричал на нашего командира, грозил ему небольшим кулаком.

- Иван Иванович, как вас понимать?! - вопрошал Суворов. - Устроили чёрт его знает что! Гонялись по лесам за каким-то обозом! Столько народу положили! И всё за ради чего?! Чего, я вас спрашиваю, Иван Иванович?!

- Если бы вы, Александр Васильевич, - ледяным тоном отвечал ему Михельсон, - дали мне солдат, как я просил, мы бы взяли этот обоз.

- Да что в нём было такого?! - вплеснул руками Суворов. - Золото что ли?

- Скверного же вы обо мне, русском офицере, мнения, - мрачно заметил Михельсон, - раз считаете, что я ради золота мог людей положить. Нет, господин генерал-поручик, - тот обоз вёз пушки, пороха, ядра и некие ружья Пакла.

- Те самые пукли, что положили столько ваших драгун, когда вы кинули их на вагенбург пугачёвцев? - уточнил Суворов. - Слыхал я про такие, слыхал. Их британец какой-то выдумал, для флота, вроде бы задумывал противу абордажей. Но, вижу, и на земле его наострились бунтовщики применять. Откуда они его взяли, тем пускай Тайная канцелярия занимается, а нам врага воевать надо.

- Этим я и занимался, господин генерал-поручик, - напомнил ему наш командир. - Для этого нас и отправили в рейд.

- Врага вас бить отправили, а не своих людей класть без толку! - снова вспылil Суворов.

- Войны не бывает без жертв, - ответил словами Петра Великого Михельсон. - Мы не только гибли, но и врага били. Уничтожили до полка мушкетёров и драгун.

- Хорошо если так, - несколько смягчился генерал-поручик. - Но, всё равно, повоевали вы, Иван Иванович, скверно. Я, было, хотел перед Алексей Григорьевичем и Магнус Карловичем ходатайствовать за вас, Иван Иванович, поставить вас командиром всей добровольческой кавалерии. Теперь же не стану. Вы живота людского слишком уж люто не жалеете, боюсь, положите вы драгун да кирасир, а такие потери мы позволить себе не можем.

- Я вас понял, господин генерал-поручик, - мрачно опустил глаза наш командир. - Если я не устраиваю вас в роли командира драгунского полка, вы вольны направить генерал-майору фон Бракенгейму рапорт с требованием моего понижения в должности.

- Я сделаю то, что сочту нужным, Иван Иванович, - ответил Суворов. - А теперь я более не задерживаю вас и ваших офицеров.

Мы, шестером, коротко отдали честь, и вышли из комнаты, где генерал-поручик учинял разнос нашему командиру. На выходе почти нос к носу столкнулись с главнокомандующим графом Орловым-Чесменским и его братом Григорием. Отдали честь обоим генералам и поспешили покинуть дом, занимаемый ими. Дом этот, к слову, был прозван генеральским из-за обилия тех самых генералов и штаб-офицеров, то и дело входивших в него и, соответственно, из него выходивших.

- Не слишком ли ты круто с Михельсоном-то, Алексан Васильич? - спросил у Суворова Григорий Орлов. Граф не граф, а не гнушался иногда послушать, что говорят за дверью, тем более, приоткрытой. Потому и одним из первых узнал о поражении Панина и доложил о нём государыне, опередив даже всемогущего Потёмкина с Никитой Паниным. - Да ещё и при офицерах его.

- Именно что при офицерах, - настаивал Суворов. - Я когда увидел Михельсона, просто не узнал его. Я с премьер-майором по Барской кампании ещё знаком. Молодой офицер был, надежды подавал. А теперь я поглядел на него, верите ли, Григорий, Алексей, так мне страшно стало. Он в какого-то карателя обращается из боевого офицера. Быть может, мои слова его хоть образумят, на верную дорогу вернут.

- Угу, ясно, - глубокомысленно кивнул Алексей Орлов, сядя в кресло у полыхающего камина и подбросив в его пасть пару полешков, очень удачно лежащих рядом с ним. - Михельсон, и правда, стал людей класть без меры, может, его на самом деле с полка снять. Пускай эскадроном покомандует.

- Никак нельзя, - покачал головой Суворов, опускаясь в соседнее кресло. - Из полка его переводить нельзя, все вакансии заняты. А в свой же полк, где эскадронами командуют офицеры, в основном, из его бывшего Санкт-Петербургского карабинерного. Это такая карусель нездоровая завертится. Нового командира полка они не примут, реально командовать станет Михельсон, а с тем командиром, что мы поставим, что прикажете делать.

- Н-да, дела, - столь же глубокомысленно согласился с ним Алексей Орлов. - Ну да мы не для того к тебе пришли, Лександр Васильич.

- И для чего же, Алехан Григорьевич? - в тон ему поинтересовался Суворов.

- Выступать пора, Александр Васильевич, - ответил за брата Григорий Орлов. - Зима на носу.

- Именно зимой, по первому снегу, и выступим, - сообщил генерал-поручик. - Нынешняя распутица задержит армию, растянет колонны, сделает уязвимой для партизан Пугачёва. А уж с казаками я дело имел и очень хорошо знаю, каковы они как партизаны. Славно мы с ними в Семилетнюю-то по Польше погуляли, и не хочу я, чтобы они также по нашим тылам гуляли.

- Я считал, что ими займутся лёгкие кавалеристы Добровольческой армии, - предположил Григорий Орлов. - Они ведь самые лютые враги друг другу.

- Ненависть не всегда хороша, Григорий Григорьич, - покачал головой Суворов. - Вот в бою без неё никак, а в деле пикетном, где работа кропотливая, местность, как зерно перебираться, от плевел очищая, она без надобности. Добровольцев через эту ненависть в ловушку завести могут. Покажет им хвост какая-нито сотня, или даже полсотни казаков, как добровольцы, вона, те же михельсоновцы, от ненависти своей за ними помчатся. Мало того, что сами погибнут, так ещё и колонну без прикрытия пикетного оставят. Сами, думаю, граф, понимаете, чем на войне это может обернуться. Такую службу, лучше всего, по моему разумению, справят гусары и иные легкоконные, что из туретчины прибыли. Они славно наострились супротив башибузуков и прочей оттоманской конницы воевать, значит, и с казаками управятся. Безо всякой излишней ненависти.

- Хитёр ты на всякие кунштюки, Александра Васильич, - покачал головой Алексей Орлов. - И вот как ловко придумал-то всё. Ведь гусары из туретчины, в основном, венгры, сербы, там, пандуры бывшие, им всё едино с кем воевать. Катерине преданы до гроба, за то, что их на службу приняла, из-под оттоманского да цесарского ига вызволив. Ведь, что в Порте, что у австрияков они были так, второй сорт, дрянь людишки, у нас же - полноправные солдаты и офицеры, многие даже дворянами стали российскими. Вот за то они и будут резать казаков, где увидят, но, как ты, верно, сказал, Александр Васильич, без лишней ненависти.

- Без этакой-то хитрости, батюшка, на войне никуда, - усмехнулся Суворов. - Кунштюки надобно постоянно новые выдумывать, иначе погибель и тебе, и воинству твоему. Даже Фридрих, король прусский, на что полководец был отменный, через то и погорел. Удивлял всех врагов своих одним и тем кунштюком, косою атакой, а как нашли и противу её средство, так и остался на бобах. - Генерал-поручик прервал себя, поняв, что увлёкся разглагольствованиями. - А что до выступления, то я мыслю, выдвигать армию след сразу после Рождества Христова. Разговеемся в великий праздник, а на утро после сочельника и выступим. Как и уговорили двумя колоннами.

- А ну, как если враг эти наши колонны по одной-то и разобьёт? - предположил Алексей Орлов. Вояка бывалый и потому осторожный, по крайней мере, до битвы.

- Не достанет у них на это сил, - покачал головой его брат. Не менее бывалый офицер, однако более доверявший цифрам, говорившим о количестве солдат, мушкетов, орудий. - Людей меньше, обучены они хуже, так что даже если и сумеют разбить одну колонну, со второй им никак не сладить. Тем паче, колонны надобно будет пустить подале друг от дружки, чтоб пугачёвцы никак не успели бы от одной ко второй. Вот и выйдет, что им останется или в Москве засесть за стены надеясь, или же попытаться разбить хотя бы одну из двух колонн, вторая же за это время возьмёт Белокаменную и вздёрнет Пугачёва на воротах.

- Это было бы весьма неверное решение, Григорий Григорьич, - возразил Орлову генерал-поручик. - Никак нельзя жертвовать одной колонной, что вы хотите сделать.

Солдата класть след за дело, токмо лишь для того, чтоб врага поболее выбить. Никак такого делать нельзя. А можно и нужно совсем по иному.

- Это как же? - уточнил тот.

- Повторять по несколько раз не люблю, - отмахнулся Суворов. - Вот тут Бракенгейм с минуты на минуту прийти должен. Я тогда всё разом всем и расскажу.

- Ну что же, Александра Васильич, - кивнул Григорий Орлов, - подождём немчуру. Что же, правда, повторять-то?

И голос вновь набирающего прежнюю власть фаворита самодержицы всероссийской несколько изменился. Тон этот новый не сулил ничего хорошего генерал-поручику, не сейчас, после победы, которую они одержат над бунтовщиками. Ведь вся слава достанется не какому-то Суворову, мало ли генерал-поручиков, графья же Орловы - другое дело, им слава, почёт, милости. А Суворова можно и позабыть, кто он, в конце концов, такой, чтобы помнить его.

- К вам генерал-майор фон Бракенгейм, - сунулся в дверь хозяин дома, в котором квартировал Суворов, богатого купца, сильно робеющего золотого шитья генеральских мундиров. - Просить?

- Проси, - кивнул Суворов. - И Прошку кликни, пускай тащит вон тот стол сюда, к камину, да карты пусть не забудет.

- Понял, понял, - закивал купец и притворил за собой дверь.

Вскоре вошли трое солдат в нестроевом, подхватили массивный стол и перетащили его к камину, придвинув к нему четвёртое кресло. Их сменил шустрый ординарец с парой медалей, ещё за Семилетнюю войну с охапкой карт. Он расстелил их на столе и откланялся. Ну, а уже после них вошёл генерал-майор Магнус Карлович фон Бракенгейм. Он не стал садиться в кресло, потому что братья Орловы и Суворов поднялись, и все склонились над столом с картами.

- Как я уже сказал их сиятельствам, - сказал Суворов, - армия двинется на Москву двумя колоннами. Первой будет армия, составленная из полков, прибывших из туретчины. Двинется она по направлению Валдай, Тверь, Клин. Другими слова, самой короткой дорогой на Первопрестольную. Именно к ней в первую очередь и устремится враг, дабы перехватить и разгромить. Вторая же, а именно твоя, Магнус Карлович, Добровольческая армия пойдёт кружным путём, через Старую Руссу, Осташков и Ржев, вроде как обходной маневр. Знаю я, что с лёгкой конницею у тебя скверно, поэтому выделю два гусарских полка, из бывших пандуров, славно себя в Оттоманской кампании показавших.

- И какая же из двух армий ударит непосредственно по Москве? - уточнил Григорий Орлов, как-то даже позабывший о своих злобных мыслях относительно Суворова.

- Обе, - усмехнулся генерал-поручик. - Как только пикеты первой армии встретят разведчиков противника, она тут же замедлит своё продвижение. Очень сильно. Будет двигаться со скоростью самого медленного обоза. В то же время, мы вышлем нескольких фельдгегерей с приказом, наоборот, продвижение ускорить. Наивозможно скорым маршем двинетесь вы к Москве, угрожая практически беззащитной столице Пугачёва. Тогда враг будет вынужден развернуть силы и двинуться уже на вас, устраняя угрозу. - Излагая план будущей кампании, Суворов разительно менялся. Он уже ничуть не походил на смешного, тщедушного человека с короткой шпажкой. Нет. Это был титан военной мысли, гений тактики, как станут говорить о нём много позже, после Рымника, Фокшан и Измаила. - И вот уже тебе, Магнус Карлович, как только заметите первых разведчиков пугачёвской армии, следует разворачиваться и идти на соединение с первой армией. Таким образом, мы заставим врага бегать туда-сюда, вымотаем его армию, утомим людей и коней. Первейшей задачей твоей, Магнус Карлович, будет соединиться с первой армией. Гони солдат и коней, сколь возможно скорее, выставляй заслоны, жертвуй ротами и эскадронами, даже пушками, ежели придётся, но соединить армии в единый кулак мы должны. И совместными силами дать бой пугачёвцам.

- Я понял вас, Александр Васильевич, - кивнул фон Бракенгейм, совершенно не смущающийся тем, что Суворов обращается к нему весьма фамильярно, хоть он и был моложе пожилого пруссака без малого на десяток лет. - А где и как вы собираетесь дать бой Пугачёву? - Сам Магнус Карлович в общении со старшим по званию был предельно вежлив, до своеобразной педантичности.

- Где, - пожал плечами Суворов, - мне неизвестно. Тут от многого зависит, мне неподвластного. А вот условия к той баталии у меня жёсткие. Мы должны заставить врага атаковать наши позиции. У Пугачёва изрядное преимущество в артиллерии, но бомбардиры у него намного худшие, противу наших. Значит, долгую артиллерийскую дуэль никак нельзя. Они ведь пристреляются, и будут лупить по нашим позициям. Тогда мы вынуждены будем штурмовать их позиции, класть людей почём зря. Вот потому должно нам вынудить пугачёвцев самим атаковать и губить своих солдат.

- Славный план, - потёр изуродованную щёку Алексей Орлов. - Да не больно ли он сложен? А ну как ударят по первой армии пугачёвцы, не станут сворачивать наперерез добровольцам, да и разобьют её.

- Нет, брат, - покачал головой Григорий. - Не под силу пугачёвцам с первой армией сладить. А ежели они с нею в дело ввяжутся, то там им карачун. Ибо тогда добровольцы Магнус Карловича, - кивок на пожилого пруссака, - возьмут Москву. И повесят Пугачёва на воротах.

- Дались тебе, Гриша, те ворота, - усмехнулся Алексей, - или позабыл указ Катерины, про железную клетку и прочее.

- Глупый указ, - отрезал тот, и всем сразу стало ясно, из-за чего некогда всемогущий фаворит императрицы, один из организаторов дворцового переворота 1762 года, полностью лишился власти, и был низвергнут с Олимпа монаршей благосклонности. - Пугачёв слишком опасный сукин сын, чтоб его везти из Москвы в Петербург, хотя бы и в железной клетке. Его могут отбить по дороге, чего нам не надо никак.

- Отбить могут, факт, - кивнул его брат, - но народу нужно показать их вождя, показать униженного и сломленного, в той же железной клетке. Так что тут Катерина, как ни крути, права. Иначе снова поползут слухи дурные о том, что спасся, мол, царь казацкий, скрылся, да готовит новое восстание. А кому нужны ещё самозванцы? Стефку Малого помнишь, брат, черногорского вора, он ведь тоже себя Катерининым супругником называл.

- Вот ведь нашёл кого вспомнить, - усмехнулся Григорий. - Этого вора черногорского свои же и прирезали, а до того ещё и порохом взрывали. Нашего *marquis Pugachev* тоже неплохо бы на бочку с порохом посадить и подорвать. Чтоб и памяти по этому вору не осталось.

- Хорошо бы, - кивнул Суворов, - но для того, чтобы Пугачёва на воротах вздёрнуть или же порохом взорвать или в железную клетку запереть, надобно ещё и армию его победить. А сделать сие непросто будет нам.

- Войны и баталии никогда просто не даются никому, - в тон ему добавил фон Бракенгейм, - а коли даются, так значит, ничего доброго от этого ждать не приходится. За удачу военную всегда расплачиваться приходится, и частенько платят за это солдаты с офицерами жизнями своими, генералы же - опалой.

- Равно как и фавориты, - рассмеялся Григорий Орлов.

- Пора наши советы заканчивать, господа генералы да фавориты, - заявил Суворов. - Вам, Григорий Григорьевич, доложили уже, что пушки новые прибыли? Те, что по образцам пугачёвских сработаны?

- Я уже осмотрел их и в деле проверил, - ответил генерал-адъютант, а в прошлом генерал-фельдцейхмейстер - начальник всей российской артиллерии. - Не были бы пугачёвские канониры столь скверны, каковы они есть, их пушки *faire fureur* тот же, что и шуваловские секретные гаубицы в Семилетнюю. У нас же их для этого *faire fureur* слишком мало, вот в чём беда.

- Та беда - не беда, - усмехнулся Суворов. - Я французского не потребляю ни в речи, ни в пище, не идёт он, как и немецкий-то, ни к языку, ни к горлу. А потому скажу, не единими только пушками баталии выигрывают. Солдат обученный да офицер грамотный всяких секретных гаубиц стоят. И вот тут все преимущества за нами. Через то самозванца и победим, господа. Совет же наш закрывают, новый соберём аккурат перед Рождеством Христовым, после которого армии выступят в поход.

Никаких слухов о том, когда назначено выступление армии из Новгорода на борьбу с Пугачёвым, по городу не ходило. На самом деле выдвигались самые разные предположения, однако большая часть офицеров сходилась на том, что раньше весны, не смотря ни на что, мы не выступим, свернув всяческие боевые действия до конца распутицы. Это как-то не вязалось с тем, что все полки вернули в Великий Новгород, и в несколько дней весь этот старинный город заполнился солдатами и офицерами, а в предместьях даже выстроили основательную слободу, названную, естественно, солдатской. Шутка ли, два десятка полков с Турецкой кампании да плюс к тому вся Добровольческая армия в полном составе. Кроме того, к нам, добровольцам, едва не каждый день прибывали всё новые пополнения. Из Сухопутного корпуса рвались вчерашние кадеты, не желающие дожидаться распределения в иные полки, отставные офицеры писали прошения в Военную коллегию о восстановлении, даже штатские, правда, в основном романтически настроенная молодёжь, уже безо всяких прошений приезжали к нам. С последними поступали крайне жестко, но поучительно. Если они никакого опыта обращения с оружием не имели, а попадались среди них и бывалые охотники, владеющие штуцером не хуже егерей, то назначали таких в нестроевые. И большая часть таких вот восторженных и глупых бежала из армии после пары дней ухода за лошадьми и работы на складах. Иные же оставались, пополняя ряды не только боевых частей, но и на тех же складах, находя своё призвание среди мушкетных пирамид и бочек с подковами. Самым показательным был пример помещика Тамбовской губернии, Игнатия Подвойтова, прибывшего на службу с десятью лучшими охотниками из своего лесного имения, над которыми его поставили начальником. И уже спустя две недели он прославил своё имя, приведя из разведки двух пугачёвских комиссаров, агитирующих крестьян на одном из хуторов Московской губернии.

- Для чего нас отозвали в Новгород, - сетовал Михельсон. - Говорили, война начинается, а где она - та война? Сидим в городе, Рождества Христова ждём. Этак просидим до самой Пасхи, куда выступим.

- Если зима будет снежная, - предположил я, - то возможно и в январе-феврале повоюем.

- Зимой воевать скверное дело, - покачал головой Иван Иванович, - особенно нам, коннице. Видел лошадиные ноги после двух часов скачки по насту? После этого на них воевать невозможно, спотыкаются и кричат, словно люди, от боли. Вот то-то же, поручик, а вы говорите, снежная зима - можно повоевать.

- Но ведь и ждать нельзя больше, - мрачно заметил Коренин. - Мы тут торчим, нянчимся с этими кадетами да вчерашними коллежскими регистраторами и купеческими детишками. А в это время к Пугачёву едва не каждый день идут обозы с орудиями и целый полки из вчерашней черни.

- До снега воевать, всё одно, нельзя, - возразил ему Холод. - Обозы потонут в грязи, армия будет проходить не больше пяти вёрст в день, а до Москвы отсюда сотни три. Со всеми проволочка выходит, что тащиться туда армия будет месяца два, и воевать с бунтовщиками придётся, так или иначе, по снегу.

- А с чего вы взяли, ротмистр, что бунтовщики в городе сидеть станут? - спросил у него я. - Ведь в таком случае они окажутся в том же мешке, что поляки в шестьсот двенадцатом.

- Выступить-то они выступят, - согласился Холод, - да недалеко. Людей и коней не заморят, как мы, долгим маршем по распутице, встанут да хотя бы на том же Девичьем поле, и будет у нас с ними жестокая баталия. Куда там Кунерсдорфу с Цорндорфом, русские люди друг друга всегда резать горазды куда сильнее, чем любого врага.

- Не думаю, что и в этом случае они с нами справиться сумеют, - покачал головой я. - Нас больше и солдаты лучше обучены, мы в любом случае разобьём бунтовщиков.

- Это верно, поручик, - кивнул Холод, - вот только что останется от двадцати полков и нашей Добровольческой? Не много. А что есть страна без армии? Наше счастье, что Семилетняя не так давно по Европам прокатилась, у Франции, Пруссии, Австрии, друзей наших заклятых армий после неё можно сказать, что и не осталось вовсе. А не то дождались бы интервенции, почище польской.

- Оно и сейчас готовятся, - мрачно заявил Салтыков. - Войска, что не на войну с Пугачёвым направили, перебрасывают к границам. Особенно, в Польшу, где новые конфедераты, вроде бы головы поднимать начинают.

- Этим только того и надо, - согласился с ним Ваньшин. - Как от них чуть отвернёшься, так они тут как тут, готовы в спину нож вонзить.

- Били псякрев раньше, - отмахнулся Коренин, - побьём и ещё. Главное, сейчас самозванца одолеть, а там можно и конфедератами заняться.

Тут за окнами офицерского собрания нашего полка, которым служил особняк какого-то дворянина, совершенно разорившегося из-за войны, особняк этот был конфискован в казну и передан нашему полку под собрание и офицерские квартиры. Особняк был отменно хорош. Всем командирам эскадронов перепало по большой комнате с маленькой клетушкой для личной прислуги, командирам взводов - несколько меньшие, скорее всего, детские, унтера же обитали в людских. Добровольцы-драгуны жили неподалёку в большом гостином доме, конфискованном в казну у того же разорившегося дворянина

С недавних пор стрельба на улицах стала привычна всем. Полиция и агенты Тайной канцелярии едва ли не ежедневно ловили пугачёвских шпионов - реальных или мнимых, никто толком не знал, - да и обычные бандиты, заметив, что все более заняты охотой за вражескими разведчиками, сильно расслабились и позволяли себе куда больше, чем в обычное время. На нас, офицеров, они нападать опасались - можно было и палашом или, к примеру, саблей получить, мы-то с ними не церемонились. С другой же стороны, убийство, либо причинения вреда солдату или, тем более, офицеру в военное время каралось не рваными ноздрями, плетью и Сибирью, но смертью долгой и жестокой. Не до обещаний государыни сейчас, когда такая война идёт. Да и не вешали воров, убийц и насильников, а насмерть запарывали, приговаривая их к сотням и тысячам плетей. И часто бывало, что в приговорах количество их записывалось уже после смерти преступника, так сказать, по факту, на каком ударе умер, столько и положено было. Жестоко, но эффективно, и завета императрицы не нарушает ни в чём, кто же виноват, что приговорённый умер, не вынеся наказания. Такое ведь и при Елизавете Петровне бывало не раз и не два.

В общем, мы даже не оглянулись на выстрелы. Однако когда стекло в окне, как раз напротив нашего стола, было пробито пулей, сидеть более мы не могли. Все повскакали, схватились за оружие. А по улице нёсся конный патруль с палашами наголо. На разбитой подковами деревянной мостовой лежали три человека одетых мещанами, но все при тесаках и пистолетах.

- Снова диверсантов поймали, - не нужды сказал Коренин. - Опять что-то, сволочи, взорвать хотели.

- Может даже нас, - невесело усмехнулся я.

Снова поручик Ирашин.

- Отче наш, иже еси на небеси, - выводил могучим голосом батюшка.

- Богородице, дево, радуйся, - пели на клиросе в другом углу Святой Софии.

Ещё где-то пели иные молитвы, но расслышать их и, тем более, понять было совершенно невозможно. По заведённой ещё при Алексее Михайловиче, кажется, Никоном, реформатором церкви, практике все молитвы пелись едва не одновременно, чтобы не затягивать службы, длившиеся в те времена долгие часы.

Мы стояли всем командным составом полка, крестились, когда положено, однако, не знаю, как у кого, но мои мысли крутились вокруг совершенно мирских тем. А если быть точным, думал я о войне. Перед самой рождественской службой в Святой Софии, нас собрал у себя Михельсон и объявил:

- Готовьте эскадроны, господа офицеры - сказал он. - На утро, после сочельника выступаем в поход на Пугачёва.

- Вот оно как? - потёр шею Коренин, одной этой фразой выразив наше общее настроение.

- А пораньше сообщить нельзя было? - поинтересовался я, адресуя этот вопрос даже не премьер-майору, а, скорее, нашему командованию.

- Тут-то, как раз всё понятно, Пётр, - вместо них ответил Холод. - Сам же видел тех диверсантов, а слухи о подготовке армии к выступлению не скрыть.

И вот теперь в Софийском соборе собрались на рождественскую службу почти все обер- и штаб-офицеры, а также генералы суворовской армии, как стали называть полки, прибывшие с турецкой границы, и нашей, Добровольческой. Некогда этот собор вмещал всех "лучшие люди" Великого Новгорода, нынче же им попросту не хватило места, да и мы, офицеры и генералы, стояли плотно, плечо к плечу, словно в строю перед атакой. И мысли у большинства из нас, за всех, конечно, не поручусь, также далеки были от горних высей, куда возносили нас голоса святых отцов и певчих с клироса.

По окончании службы, мы вышли из церкви и направились в собрание, отмечать всем командным составом полка Рождество Христово. В это же время унтера и офицеры - не командиры, готовили полк к выступлению. Денщики чистили коней и сбрую, каптенармусы и квартирмейстеры приводили в порядок своё хозяйство, пересчитывая патроны, карабины и мушкеты, а также сменные части к ним, из тех, что скорее всего выходят из себя, замки, курки, спусковые крючки. Проверяли повозки полка, меняя разошедшиеся колёса и треснувшие оси, прохудившиеся тенты и разболтавшиеся борта фур, телег и ящиков. В то же время, мы сидели в тишине офицерского собрания, рядом с большой елью, украшенной к Рождеству, и ждали полуночи. Пили, ввиду того, что на завтрашний рассвет назначено выступление, мало, к тому же, на голодный желудок старались не злоупотреблять. Когда громадные настенные часы, ещё с одной стрелкой, времён едва ли не Петра Великого, пробили полночь, Михельсон поднялся с полным бокалом шампанского вина, одну бутылку которого добыли к Рождеству, и произнёс:

- С Рождеством Христовым вас, господа офицеры!

Мы сдвинули бокалы, у всех, кроме премьер-майора они были полупустые, бутылка-то одна на четыре десятка офицеров, зазвенело стекло. Мы выпили эти крохи шампанского, и я с горечью вспомнил былые праздники, что мы справляли куда шумней и веселей. Даже в Польше, где, вроде бы тоже была война и нешуточная, шляхетные паны резались очень жестоко, но это только добавляло бесшабашности нашим попойкам. Как не веселиться, если завтра тебя могут убить в стычке, которыми изобиловала та война. Теперь же мы с мрачными минами сидели за столом, снедали, как говорится, что Бог послал, но без аппетита. Никто не вспоминал былые времена - схватки и попойки, вот так сильно изменила нас эта чёртова гражданская война.

Этот "праздник" длился около полутора часов. После чего премьер-майор поднялся и, отсалютовав нам бокалом с мозельским, произнёс:

- На погибель Пугачёву!

- На погибель! - ответили мы, сдвигая бокалы.

- Я покидаю вас, господа, - сказал Михельсон, ставя бокал на стол, - а вы веселитесь. - И вышел из большой столовой, где мы праздновали.

Следом за ним, отговорившись пожилым возрастом, нас покинул его заместитель, секунд-майор Матейко. Ну, а после как плотину прорвало, один за другим выходили мы из столовой, оставляя на столах тарелки с недоеденными блюдами и бокалы с недопитыми винами. Не было ни у кого желания праздновать, а гремящие за окнами фейерверки и радостные крики навевали мысли о некоем пире во время чумы. Как там выносили из-за стола умирающих от этой страшной заразы, так и тут, очень скоро многие из веселящихся сегодня людей окажутся на том свете.

Я улёгся на большую кровать, прямо-таки супружеское ложе какое-то, и быстро уснул под весь этот грохот фейерверков и всё более громкие крики празднующих Рождество Христово людей.

Утро следующего дня было наполнено обыкновенной суетой. Все передвигались исключительно бегом или же, будучи конными, быстрой рысью. Хотя выступали - немыслимое дело! - без предварительного смотра, что существенно ускоряло наше выход из города, однако, всё равно, все спешили куда-то, по чрезвычайно важным делам. То и дело проносились адъютанты и фельдъегеря, дробя конскими копытами деревянную мостовую. В общем, более всего, Великий Новгород походил на разворошённый муравейник. Как будто любознательный мальчишка ткнул с самую середину его палкой - и муравьи забегали во все стороны разом с каким-то жутко важным видом.

Ближе к полудню, наш муравейник отправился войною на соседний. Длинными колоннами шагала по дорогам пехота, вслед за ними катилась артиллерия, мы же, кавалерия, гарцевали рядом с ними уже по бездорожью, меся грязь конскими ногами. Разделились сразу. Суворовская армия двинулась прямым маршем к Москве. Наша же, Добровольческая, пошла, что называется, в обход, на Старую Руссу.

Уже в нескольких верстах от новгородских предместий никакой грязи не было, на дорогах и вокруг них лежал снег. Он весело скрипел под ногами людей и лошадей, под колёсами лафетов и фур. Как не странно, это подняло всем настроение, не смотря на крепкий мороз. Мы шагали быстро и весело с песнями, трубами и барабанным боем. Будто не на войну и смерть, а на парад, в самый Санкт-Петербург, пред светлы очи государыни императрицы. Вот и неслись над степью и лесами разудалые песни, трели труб и барабannую дробь. А иногда округу оглашал залихватский свист.

- Видать, правду говорят, вашбродь, про нас-то, - весело сказал мне вахмистр Обейко, - что военному человеку, кроме войны ничего и не надо. В Великом Новгороде-то кисли, что огурцы в бочке, хотя, что бы нам надо? И тепло, и при еде-питье, и вообще, - он сделал неопределённый жест, - так ведь нет, кисли и хоть ты тресни. А вот стоило в поход выступить, на войну, и вона, глядите, вашбродь, всем весело.

- Значит, мы и есть военная косточка, - ответил я. - Мы ведь своей охотой пошли, а не по принуждению, не из рекрутчины, вот потому нам любая битва в радость. Такое дело.

Первая стычка с врагом состоялась в двух днях пути от Осташкова. Мы благополучно миновали Старую Руссу, свободную от пугачёвцев. Их там никогда не было-то, на самом деле, слишком близко город располагался к Великому Новгороду. Оставив в Руссе гарнизонный полк, который сопровождал нас, мы не самым скорым маршем двинулись к Осташкову. Однако на полпути к нему нас нагнал фельдъегерь на взмыленном жеребце, спотыкающимся от усталости. Он передал нашему командующему пакет, принял у него явно заранее заготовленный ответ, сменил коня и умчался, даже не отдохнув. Как только армия встала лагерем, Бракенгейм вызвал к себе всех командиров полков и сообщил, что теперь армия будет двигаться ускоренным маршем, и в самом скором времени мы встретимся с врагом.

- Хитрые маневры затевают господа генералы, - сказал нам Михельсон. - Видимо, хочет Пугачёву голову заморочить. Как бы нам в этих хитростях не запутаться.

- Мы не дурнее иных, - ответил ему Коренин. - Они же на пугачёвцев рассчитаны, а у них толковых офицеров нет, куда им просчитать маневры, задуманные Суворовым.

- С этим-то кто спорит, - гнул своё Михельсон, - да вот мы можем в мудрости штабной заплутать.

- Оставьте, господин премьер-майор, - отмахнулся Холод. - Наше дело приказы выполнять чётко и вовремя. А штабные пускай сами в своей мудрости плутают.

- Нас бы только чёрт знает куда не завели, - буркнул Коренин.

- Осторожнее, ротмистр, - осадил его я. - Самохин, не ночи будь помянут, с таких же разговоров начинал.

- Я не стану грозить тебе, Пётр, вызовом, - мрачно заметил мой бывший командир, - чтобы совершенно не уподобляться ему. Но всё же прошу тебя, будь осторожнее с тем, что говоришь.

Я ничего не ответил на это и разговор как-то сам собою сошёл на нет.

На следующий же день авангардные пикеты вступили в короткую схватку с пугачёвскими кавалеристами. Закончилась она полной победой наших гусар. Лихие усатые всадники, почти все, как на подбор, из венгров, бывших австрийских подданных, не стали размениваться на стрельбу, а сразу ударили в сабли. Противниками их оказались не бывалые казаки, а некие рабочие кавалеристы, некто вроде лёгких драгун, даже непонятно, почему их в разведку отправили. Они не выдержали жестокой атаки гусар и погибли почти все, лишь двоим удалось скрыться.

После этой стычки Бракенгейм приказал ещё ускорить марш, сократив к тому же время привалов на час. Мы сходу вошли в Осташков, откуда успел бежать даже пугачёвский гарнизон. Видимо, узнав результаты разведки, солдаты и офицеры повстанцев решили удрать с нашего пути, так сказать, от греха подальше. В Осташкове даже гарнизона оставлять не стали, лишь отправили гонца с эстафетой в Старую Руссу, премьер-майору Сладкову, командиру того новоприборного полка, что остался в городе, и теперь именовался Тверским мушкетёрским. Прежний полк с этим именем был почти полностью уничтожен в битве под Арзамасом.

Это, конечно, была не гонка к Сакмарскому городку, армия, при всём желании, не может двигаться с той же скоростью, что кавалерийский полк. Спустя два дня такого марша, Бракенгейм приказал прекратить днёвки, а солдат посменно сажать на телеги и фуры. Ночёвки же сократили до шести часов, почти два из которых уходило на постановку и сборку лагеря. В общем, солдаты к концу недели просто валились с ног, а кавалеристы - из сёдел, даже кони начали спотыкаться. Только это и смогло убедить Бракенгейма немного замедлить марш. Конечно, тяжело на марше - легко в бою, но уставший солдат будет драться скверно, а уставший конь - в сражении не товарищ. Как сражаться, когда у скакуна ноги подламываются.

Тогда генерал-майор вызвал к себе Михельсона и командира конно-артиллерийской батареи поручика Баневича. Они долго о чём-то совещались в палатке, в которой почти до самого подъёма горел свет, а на утро премьер-майор собрал нас, командиров эскадронов полка.

- Армии нужен отдых, - сообщил он. - Бракенгейм понимает, что и дальше гнать её таким темпом невозможно. А потому мы должны задержать авангард преследующих нас пугачёвцев. Для этого нам придана батарея из шести орудий конной артиллерии поручика Баневича.

- Как останавливать будем? - уточнил поручик Ваньшин. - И где?

- Вот тут, - провёл пальцем по трёхвёрстной карте, лежащей перед нами на складном столе, Михельсон. - На одном фланге у нас будет Волга, по ней и ставим пушки во Ржев, а сами уйдём её берегом. Надеюсь, успеем уйти, когда совсем прижмёт.

- И как долго надо будет сдерживать бунтовщиков? - спросил я.

- Несколько часов вполне хватит, - ответил Михельсон. - Это смутит их и, как предполагает командующий, задержит на день-два.

- Сомнительно, - покачал головой Коренин. - Скорее всего, подерёмся зазря.

- Оставьте, Коренин, - отмахнулся премьер-майор. - На войне зазря никто не дерётся. Не для того войны устраивают, в конце концов. Кровь лить наше дело, остальное - не так и важно.

- Важно за что её лить, - сказал ротмистр.

- Именно потому мы и будем лить её за то, чтобы остальные солдаты и офицеры нашей армии могли отдохнуть, - ответил ему Михельсон. - После другие встанут заслоном на пути врага, чтобы дать нам передышку.

Возражать ему никто не стал.

Мы прошли с армией до выбранного Михельсоном для баталии места, после чего нам оставалось только проводить её взглядом.

Полк расположился между берегом Волги и высоким холмом с крутыми склонами. Для того, чтобы врагу было сложнее взять его, ведь именно на вершине расположилась батарея Баневича, Михельсон отрядил два десятка человек, которые активно заливали обращённый к фронту склон водой из Волги, превращая его в настоящую ледяную горку, с каких все мы любили кататься в детстве. На наше счастье, великая река не замёрзла и у берега её стояла небольшая баржа. Именно на ней должна была сплавиться в Ржев батарея Баневича. Экипаж баржи, как и сама она, был мобилизован проходящей мимо Добровольческой армией, а чтобы речники не сбежали, точнее не уплыли, на ней остался дежурить взвод солдат под предводительством сурового поручика Стукова. Это был человек жёсткий и бескомпромиссный, такой мог легко приказать заколоть пару речников в назидание остальным, чтоб покладистее были. На той же барже помещались и огнеприпасы для нас и пушек Баневича.

Ждать пугачёвцев нам пришлось недолго. Не прошло и двух часов, солнце только поднималось к полудню, когда на горизонте замаячили тёмные фигурки вражеской разведки.

- Стоять смирно, - скомандовал Михельсон. - Пускай разглядят нас получше, прощупать попробуют. Тут по ним и Баневич ударит.

Так оно и вышло. Разведчики быстро пропали из виду, а четверть часа спустя их сменили пугачёвские драгуны числом до эскадрона. Они потоптались какое-то время, однако подвоха, видимо, не заметили, и командир их приказал идти в атаку. Строго по уставу в сотне шагов, не давая залпа по нам из своих ружей, выхватили палаши, и перешли с быстрой рыси на галоп. Только снег из-под копыт полетел.

- Карабины к бою, - скомандовал Михельсон.

Мы, все как один, быстро зарядили карабины и положили поперёк седла.

Но прежде нас, конечно же, заговорили пушки Баневича. Шесть пороховых ядер врезались в землю и взорвались, пугая людей и лошадей. Пугачёвцы сбились, потеряли темп и превратились из атакующего эскадрона в толпу всадников на взбесившихся конях. А ядра продолжали лететь, били наши канониры не столько на меткость, но на скорость. И пугачёвцы не выдержали, до нас не доскакал ни один. Те, кто успел развернуть коней, бежали с поля боя, трусливо сутулясь в сёдлах, старались вжаться в лошадиные шеи, как будто это могло защитить их от ядер.

- Карабины убрать, - спокойно скомандовал Михельсон. - Ждём второй атаки.

- Господин премьер-майор, - подъехал к нему ротмистр Коренин, - они ведь могут обойти холм и ударить нам во фланг и тыл.

- Для этого я попросил поручика Баневича, ротмистр, - ответил ему Михельсон, - чтобы он поставил самого глазастого из своих солдат следить за возможными путями обхода нашей позиции.

- Вас понял, - кивнул Коренин и вернулся на своё место в эскадронном строю.

Противник не объявлялся довольно долго. Бомбардиры даже успели наскоро почистить стволы своих орудий, и перенести некоторое количество пороха и ядер с баржи. Теперь можно принимать бой, не сказать, что никакой враг нам больше нестрашен - армии одним полком не остановить, - но повоевать, повоюем, и ещё как.

Часам, наверное, к трём пополудни пугачёвцы появились снова. Теперь уже шли они, как говорят в былинах и сказках, "в силах тяжких". Это был весь авангард армии бунтовщиков. Солдаты шагали длинной колонной, похоже на змею из-за серых шинелей и шапок на меху. Над ним реяли знамёна кроваво-красного цвета с чёрным двуглавым орлом, как удалось мне разглядеть в позаимствованную у Ваньшина зрительную трубу, сжимающим в лапах серп и молот, под которым красовались разорванные цепи. Весьма символично. Полковые же знамёна были просто красными, на многих красовались девизы, прочесть которые я, конечно же, не смог даже в зрительную трубу. Рядом с пехотой гарцевали драгуны и казаки, последних, к слову, было очень мало, а уж лихих запорожских чубов не было видно вовсе. Артиллерия катилась где-то в самом тылу, похоже, обстреливать нас из пушек пугачёвцы не собирались.

Такой же плотной колонной пошли они и в атаку. Под барабанный бой и пение труб. Они ничем не напоминали былую толпу в крашенных кафтанах, с которой схватился бездарный и трусливый генерал Кар. Нет, это была настоящая современная армия, а может быть, и немного опережающая наше время. Но пускай их пушки бьют дальше, а мушкеты - мощней и точнее наших, но главного они заменить не смогут. А именно, выучки и боевого опыта. Пугачёвская армия только училась воевать, мы же - успели вдоволь накушаться военной соли, которую ели порой именно что пудами. Теперь же пришло время накормить ею врага.

- Полк, к бою! - скомандовал Михельсон, обнажая палаш. - Карабины не трогать! В рукопашную! Вперёд!

Он пришпорил коня, заставляя его перейти на размашистую рысь, и мы, все как один, пошли за ним. Как будто и не было никакой безрезультатно погони за ненужным, в сущности, обозом, письменных приказов и штурм вагенбурга. С нами снова был наш Иван Иванович, вождь и лидер, за которым хоть в пекло. И мы пошли. В атаку одним полком на дивизию вражеского авангарда. Захлопали пушки с вершины холма, но теперь ядра их не несли столь серьёзного ущерба, хоть и убивали, наверное, больше солдат, чем в первый раз. Они стреляли даже шрапнелью, отправляя ядра по более пологой траектории, куда-то в центр вражеской колонны, осыпая головы бунтовщиков мушкетными пулями, от которых не спасали ни картузы офицеров, ни солдатские шапки.

Передовыми шли, судя по гренадерским шапкам, ударные батальоны бунтовщиков. Они чётко остановились по команде офицеров, примкнули штыки. Первая шеренга опустилась на колено, выставив мушкеты перед собой, уткнув прикладами в землю и подперев их для жёсткости каблуками сапог.

На сотне шагов - дистанции эффективного выстрела мушкетов - перешли в галоп, нещадно пришпорив коней. Прозвучала команда "Рассыпаться", её подтвердил сигнал труб, но они были излишними - все и без них знали, что делать. Мы рванули коней в стороны, пригибаясь к шеем, как незадолго до того, пугачёвские драгуны, что удирали от ядер, сыплющихся на них с холма. Вокруг засвистали пули, одна сбила с меня шапку, ожгла горячим волосы. Подними я голову чуть повыше, она б угодила мне точнёхонько в лоб. Но вот мы, буквально, влетели в зловонное облако, окутавшее пугачёвцев, вскинув палаши, и обрушили своё оружие на их высокие шапки и серые шинели.

Давненько не приходилось мне атаковать правильно выстроенную пехоту, с самой Казани, кажется. Но руки помнили, что надо делать. Первым делом ткнул сверху вниз в стоящего на колене бунтовщика. Отточенный клинок палаша рассёк тому лицо, половину которого залило кровью. Но он мушкета не выпустил, хотя и атаковать меня не смог. Конь мой дёрнул ногой, весьма удачно угодив ему в грудь. Пугачёвский гренадер схватился левой рукой за место удара, он закашлялся, сплюнул кровью и сник. Я же

толкнул коня пятками, врубаясь глубже в плотный строй врага. Рядом отчаянно работал палашиом капитан Холод, нанося им стремительные удары направо и налево. Мы углублялись в квадрат колонны пугачёвцев, убивая их одного за другим. Они пытались дать нам отпор, но уже слишком глубоко врезались в их построение. Попытавшихся ударить нам во фланг драгун, уничтожил почти под корень эскадрон Коренина. Они загнали врага к склону холма, на ледяную корку, где ноги у коней начали разъезжаться, изрубили в песи и погнали обратно, прямо на свою же пехоту. Коренин же приказал своим людям обстрелять отступающих из карабинов, а после ударить в палаши.

Это ли или же постоянно рвущиеся над головами шрапнели, но произошло небывалое. Превосходящие нас многократно силы поколебались. Первыми побежали солдаты ударных батальонов, принявшие на себя основной наш удар. По одному, по два, а следом десятками бросились они назад, смятая ряды, внося панику. Как ни старались комиссары, выделявшиеся кожаными куртками с меховой опушкой, размахивая пашками, даже убивая иных беглецов, но всё напрасно. Их настигали, рубили палашами, выбивали выстрелами из пистолетов и карабинов.

В армии пугачёвцев началась неразбериха, паника. Вот когда сказалось отсутствие боевого опыта и настоящих офицеров с унтерами. Никто не смог остановить смуту, которая губила сейчас численно превосходящий нас многократно авангард пугачёвской армии. Полки побежали, смятая артиллерию и пытавшуюся обойти колонну пехоты кавалерию. Всадников потеснили на тот же холм, где они валились с коней, да и сами кони удержаться не могли. Они катались по льду с боку на бок, размахивая ногами, давили не успевших вовремя убратся пугачёвских драгун. Иные же, те, кто шёл по другому флангу, в опасной близости от волжских вод. Они даже ступили на тонковатый лёд, коркой которого покрылась великая река. Их также потеснила масса бегущие пехоты, заставляя заходить на лёд всё дальше. Так что драгуны вынуждены были пришпорить коней и прокладывать себе дорогу прямо через бегущих пехотинцев, кто плетью, а кто и палашиом.

И тут трубы запели "Ретирада", мы развернули коней, отмахиваясь от бегущих, совершенно не обращая на нас внимания, пугачёвцев, и отъехали обратно на позиции.

- Обейко, доложить о потерях, - распорядился я.

- Пятеро, - спустя несколько минут, после короткой переключки, сообщил вахмистр. - Командиры всех взводов живы и здоровы. Раненых разнотяжёлых ещё четверо.

- Спасибо, вахмистр, - кивнул я.

В полку потери были также не столь тяжелы. Как-то слишком легко далась нам эта победа. Почти как тогда, в лесу, когда мы вырезали пугачёвцев в несобранном ещё вагенбурге. А ведь на следующую ночь это обернулось жестоким расстрелом из тех самых ружей Пукла-Пакла. Чем ответит враг на этот наш щелчок по носу? Ведь не так и много солдат мы у него вырезали, большая часть просто сбежала. Их соберут, бежать тут особо некуда, сгонят обратно в полки и батальоны, и поведут на нас. К тому же, скорее всего, в обход холма уже направили несколько батальонов к нам вы тыл, просто они скрываются за вон той полоской деревьев, толи рощица, толи вовсе небольшой лесок, очень неприятно подходящий к нашим позициям. Если оттуда выскочат казаки, то успеем ли мы скрыться - ещё большой вопрос, как бы не пришлось вырываться из окружения, да ещё и батарею Баневича прикрывать. Это грозит нам большими потерями, а, быть может, и гибелью всего полка.

Пушки Баневича посылали шрапнели по убегаящим пугачёвцам ещё какое-то время, после чего замолчали. Бомбардиры принялись чистить жерла и подали сигнал на баржу, чтобы несли огнеприпасы. Оттуда появились с десятков крепких мужиков из бурлацкой артели, что должны были вытащить баржу на середину реки. Их подрядили ещё и таскать порох и ядра на батарею. Они вернулись на баржу, однако один из них, по всей видимости, старший, подошёл к Михельсону и сказал столь громким голосом, что услышали его, наверное, все в полку:

- Их благородие, поручик с холма, - прогудел он, - говорить, што ядров и порохов к пушкам ихним хватить ток на сполчася бою.

Премьер-майор ничего не ответил ему, отпустив мужика коротким взмахом руки. Бурлацкий старшина почесал голову и убрался вслед за остальными на баржу. Михельсон же отправил к Баневичу молодого поручика с неким сообщением, хотя я примерно представлял себе, в чём оно состояло. Как только огнеприпасы подойдут к концу, сразу убираться на баржу, что послужит и нам сигналом к отступлению.

Следующая атака произошла ближе к вечеру. В колоннах серых шинелей мелькало куда больше обыкновенного черных комиссарских курток. И теперь пугачёвцы не поёрли буром, как в прошлый раз, полагаясь на одно только численное преимущество. Теперь с нами решили воевать по всем правилам. Выстроились на расстоянии, куда ядра с батареи Баневича просто не долетали, развернули свою артиллерию и открыли огонь по холму и по нашим позициям. Здоровенные чугунные ядра врезались в ледяную горку, во все стороны полетели осколки, разящие не хуже шрапнелей, и Михельсон приказал отойти подальше от ставшего опасным холма. А отвечать пугачёвцам Баневич не мог. Не тот калибр у его артиллерии. Разбив горку вдребезги, враг медленным маршем двинулся на нас, с примкнутыми штыками, под барабанный бой, словно на параде. Боятся они нас, что ли, раз идут так медленно. Мы даже успели вернуться на прежние позиции. И это решительно не нравилось мне, как и многим офицерам полка, да и самому Михельсону.

- Они время тянут, к гадалке не ходи, - буркнул себе под нос Обейко. - По леску нам в тыл казаки...

Он не договорил, да и не нужно было договаривать. Сходные мысли бродили в тот момент во многих головах. Если к нам в тыл зайдут казаки, а отправлять уже однажды опростоволосившихся рабочих драгун никто не станет, рубка обещает быть крайне жестокой. О мрачных последствиях её я уже упоминал. Но и уходить сейчас тоже нельзя. В дерзости и хитрости пугачёвским командирам не откажешь, они могут и намеренно спровоцировать нас на ретираду, при том, что никакого обходного маневра на самом деле нет. Вот и получится, мы отступили, врага толком не задержав, да ещё и на его провокацию поддались. Сплошной конфуз со всех сторон получается, и никак иначе.

А пугачёвцы меж тем решили спровоцировать нас на атаку. Столь же медленным маршем, не обращая внимания на огонь батареи Баневича, их колонна подошла к нашим позициям шагов на сто и открыла правильный огонь залпами повзводно. Даже штыки отомкнули все, кроме первых шеренг, состоящих из гренадер. Пусть огонь их был весьма неметким, пули так и свистели вокруг нас, однако плотность его позволяла искупить сей недостаток с лихвой.

И тогда трубы запели "В атаку! В галоп!" и полк наш устремился на врага снова, сквозь пули и пороховой дым, нещадно шпоря коней и подгоняя их ударами палашей плашмя. Для того, чтобы обнажить оружие, команда нам не требовалась. Мы врубались в ряды пугачёвцев, обрушив на них палаши. А ведь штыки примкнуть успели далеко не все солдаты врага, и это было нам весьма на руку. Гренадер мы просто смели, слишком уж мало их было. И снова палаши пошли гулять по головам и плечам пугачёвцев, снова мы намеренно прорубались к комиссарам, убивая их в первую очередь, снова рассекали колонну под звон стали, редкие выстрелы и хлопки шрапнельных снарядов. Но вот шрапнели сменились пороховыми ядрами, а после и вовсе обычными, чугунными. И летели снаряды ближе и ближе, значит, пороха у Баневича всё меньше.

Снова трубы запели ретираду, хотя враг и не был обращён в бегство, а вполне справно отбивался от нас, иногда даже пытаясь отрезать отдельных драгун или группы, которых после того беспощадно закалывали штыками. Так поступили бы и со мной, если б не вахмистр Обейко с гефрейт-капралом Болтневым. Они пробились ко мне, при этом вахмистр лихо размахивал вокруг себя палашом, весь мундир его покрывали вереницы кровавых точек, по ним можно было легко отследить каждый взмах. Болтнев же выстрелил из карабина, свалив какого-то пугачёвца, что уже готов был вонзить штык в

бок моего коня, а после, бросив его болтаться при седле, поочерёдно убил ещё двоих из пистолетов, подаренных когда-то ротмистром Корениным лучшему стрелку моего взвода. С их помощью я вырвался из ловушки, и мы вместе помчались прочь от смыкающегося за нашими спинами вражеского строя.

Когда полк отступил на две с лишним сотни шагов, я огляделся и увидел баржу, уже саму по себе идущую по великой реке, бурлаков, во все пятки удирающих по снегу прочь от поля боя и мчащихся нам наперерез драгун в длинных серых шинелях. Не казаков, а именно рабочих драгун, и это давало нам большие шансы не только на жизнь, но и почти на победу. По крайней мере, над этими всадниками, слишком уже скверными наездниками они были, что видно даже с такого расстояния, да и бойцами не лучше.

Врезавшись в них с разгона, мы просто смели этих горе-драгун одним махом, что называется, протоптавшись по ним. Я даже толком палашом поработать не успел. Лишь наотмашь рубанул одного или двух врагов, даже не знаю, с каким результатом. Оставив ошеломлённого нашим бешеным натиском врага далеко позади, полк помчался прочь, вдоль берега реки ко Ржеву, где мы должны были соединиться с армией.

Но дорога эта обернулась для нас настоящим адом. Все вёрсты от места битвы до города, а было их ни много ни мало, два с половиной десятка. И идти их нам пришлось без отдыха, без остановок, постоянно в сёдлах, не спешиваясь и коней не меняя. От этого шли медленно, едва не шагом, лишь иногда переходя в галоп, когда налетали казаки. Именно тогда я и узнал, на своей шкуре узнал, каковы они казаки в последовательной и жестокой охоте за врагом. Ранее врагом этим были барские шляхтичи, теперь же, им оказались мы. И ведь какую уловку придумали пугачёвские военачальники. Всех в единую форму обрядили, только калмыков с башкирами и иных инородцев можно было отличить, по меховым шапкам вместо картузов и совсем уж неуместного вида лукам и колчанам стрел, вместо мушкетов и карабинов. Конечно, казаки носили бороды, в отличие от драгун, но, поди, разгляди их, когда они скачут с гиком, шашками размахивая, к тому же по холодному времени они лица башлыками заматывали. Так что, когда вылетали такие всадники нам наперерез, и понять было нельзя, казаки ли это или же так, рабочие драгуны, которых полк одним эскадроном расколотить можно.

Казаки атаковали нас в любое время и при любой погоде. В дождь, в грязь и слякоть, скакали на нас сквозь снежные хлопья, иногда вооружаясь привычными им пиками, какие выдавали их подлинную суть. А после следовала жестокая рубка, мы схлёстывались с казаками, разгоняя спотыкающихся коней в рысь и галоп. Несколько минут кровавой схватки и мы едем дальше, по возможности собрав казацких лошадей и тех наших, что остались без седоков. А на снегу или в грязи, как я уже говорил, за это время частенько принимался противный дождик, превращающий землю под ногами коней в подобие болота, оставались лежать без погребения трупы. Нам оставалось надеяться, что пугачёвцы похоронят и своих, и чужих, смерть она всех примиряет.

И вот утром третьего дня, считая от следующего за битвой между холмом и рекой, мы увидели окраинные дома Ржева. Перед самым городом мы столкнулись с казачьим разъездом, но бой был коротким, пугачёвцы быстро отступили, ведь из города выехали гусары, кажется из бывшего Грузинского полка, сейчас входящие в состав Московского легиона. Сталкиваться с лихими детьми Закавказья у бунтовщиков желания не было.

Гусары осадил вороных коней рядом с нами. Как, наверное, жалко выглядели мы в рваных и окровавленных, уже мундирах, на спотыкающихся лошадях, на фоне этих блистательных всадников с золотым позументом ментиков и украшенными витым шнуром рейтузами-чакчирами и сапогами из цветной кожи. Это был тот самый знаменитый эскадрон, состоящий из одних только князей.

- Эх, сукины сыны! - крикнул командир его, вбрасывая красивую саблю в ножны. Не смотря на то, что по-русски он говорил вполне чисто, в речи его ощущался грубоватый закавказский акцент. - Сбёгли! Мы мусlimской кровью сабли поили, а вот бунтовщицкой они ещё не отведали!

И он прибавил несколько выражений на своём языке, которых я не понял, но, думаю, ничего от этого не потерял.

- Скоро в крови искупаемся, - заверил князя-ротмистра Коренин.

Красивый кавказец рассмеялся и хлопнул его по плечу. Откуда ему знать о мрачной иронии нашего ротмистра?

- Простите, господа, - учтиво кивнул нам князь-ротмистр. - Нам надо продолжать патруль.

Он коротко козырнул нам и махнул рукой своим людям. Наш полк на спотыкающихся лошадях двинулся в город, а мимо нас прогарцевали грузинские князья.

- Матейко, - обратился к секунд-майору Михельсон, - найдите людям и лошадям место, а я на доклад к Бракенгейму. Командиры эскадронов, за мной, - скомандовал он, тут же добавив: - Ваньшин, останьтесь. Ваши раны нуждаются в уходе, а вы сами в отдыхе - более всех нас.

Пятый эскадрон Ваньшина вечером этого дня, незадолго до того, как мы подъехали ко Ржеву, принял на себя удар казачьего отряда, вдвое большего по количеству. Они рубились с ними жестоко, пока не подоспели остальные эскадроны полка, обратив казаков в бегство. Потери в эскадроне были весьма велики, а сам Ваньшин, не жалевший себя, получил пять ранений и только чудом, да обнаружившейся железной волей, продержался в седле до самого Ржева.

Как подсказали нам офицеры на улицах, штаб армии квартировал в усадьбе ржевского городничего, имени которого никто припомнить не мог. Мы вошли внутрь, миновав растерявшегося часового, видимо, никак не ожидавшего увидеть посреди города буквально залитых кровью офицеров.

- Вы, господа офицеры, куда? - запоздало спросил он у наших спин.

- К Бракенгейму с докладом, - бросил через плечо Михельсон.

Неким вихрем пронеслись мы по усадьбе, взлетели на второй этаж, и только там командир наш понял, что не знает, где именно искать генерал-майора. Он замер в неуверенности, однако нам очень повезло. Сам Бракенгейм выглянул из своего кабинета, чтобы узнать, отчего произошёл такой шум.

- Ваше превосходительство, - тут же обратился к нему Михельсон, коротко козырнув, - премьер-майор Михельсон прибыл с докладом.

- Входите, господа офицеры, - пригласил нас генерал-майор. - У меня как раз на докладе поручик Баневич, вы отлично дополните его.

Мы вошли в просторный кабинет, судя по развешанным по стенам натюрмортам, изображающим разнообразные яства, у городничего это была обеденная зала. Теперь же на длинном столе расположились карты и разнообразное оружие, удерживающее их от сворачивания.

- Итак, поручик, - обратился Бракенгейм к Баневичу, - продолжайте с того места, где я прервал вас.

- Таким образом, благодаря отваге и мужеству драгун премьер-майора Михельсона, - сказал поручик, - мне удалось вывести все орудия на баржу. Более того, бурлаки вытянули её на течение и успели скрыться в лесу.

- Это их не спасло, - мрачно заметил Михельсон. - Мы обнаружили их тела на утро следующего дня. Бунтовщики повесили всех на опушке леса, так чтобы их было отлично видно.

- Ну что же, новые жертвы этой войны, - кивнул Бракенгейм. - Мы уже ничем помочь им не можем. У вас есть что добавить, премьер-майор?

- Поручику с его горы, думаю, было даже лучше моего видно поле боя, - ответил Михельсон. - Его доклад в дополнениях не нуждается. Я столь срочным порядком прибыл к вам, ибо думал, что баржа ещё не прибыла, теперь же, вижу, что в докладе моём надобность отпала. А потому прошу освободить меня и моих офицеров. Мы нуждаемся в отдыхе, а офицеры и унтера - в присмотре.

- Я задержу вас, господа, ещё не более чем на минуту, - сказал Бракенгейм. - Здесь во Ржеве взяты нами богатейшие магазинны, так и, что нам куда нужнее, цейхгаузы. А в них мушкеты, богатые запасы пороха, ядер и пуль. И сбруя конская, и даже зелёные рубахи, картузы и шапочки, в каких вражья армия воюет. Из них мы пополним свои запасы. И вы, премьер-майор, в первую очередь. Завтра с рассветом вам с офицерами и квартирмейстерами следует прибыть к магазинам и цейхгаузам. Вам следует не только выбрать оружие и амуницию взамен изломанных, но и взять лучшее вашего. Ни для кого не секрет, что мушкеты и карабины у бунтовщиков превосходят наши, и раз уж у нас появилась возможность взять его, то грех был бы ею не воспользоваться. Кавалерию я хочу вооружить в первую очередь, дабы не только клинком, но и огнём могла урон врагу причинять.

- Благодарю вас, ваше превосходительство, - кивнул Михельсон. - От имени всего полка могу пообещать, что мы оправдаем ваше доверие. Так, господа офицеры?

- Так точно, - ответили мы.

- Ну что же, - сказал генерал-майор, - отдыхайте. Я более не держу и вас, поручик.

Мы вышли из кабинета, покинули усадьбу городничего и направились в расположение нашего полка. Оказалось, что офицеры и унтера вполне хорошо устроены. Они расселились в большом гостинном доме Енгальчева, пустовавшем по военному времени, неподалёку же, в больших коннозаводческих конюшнях, расположили наших лошадей. Весьма удачно.

- Отдыхаем сегодня, - сообщил я командирам взводов, - а с рассветом завтрашнего дня мы направимся к городским цейхгаузам. Будем менять наше оружие на пугачёвское.

Ближе к вечеру Михельсона снова вызвал к себе Бракенгейм. Командир наш вернулся необычайно мрачным и собрал нас, командиров эскадронов.

- Господа офицеры, - сказал он нам, - нам предлагают дело. Весьма подлое и жестокое. Но, увы, необходимое.

- Объясните толком, Иван Иванович, - взял на себя слово от всех нас ротмистр Коренин. - Кто предлагает? Какое дело предлагает?

- Командующий наш предлагает, - ответил Михельсон, - а какое дело. В цейхгаузах обнаружены сотни вражеских мундиров, армию одеть можно. Вот и придумали господа офицеры штаба переодеть несколько полков нашей армии в сии мундиры и пустить по вражеским тылам. В рейд, так сказать. Поручик Мещеряков и ещё несколько карателей уже согласились.

- Вот пускай они и идут в этот рейд, - заявил я, как и все порядочные офицеры, я от души ненавидел всяческих карателей и особенно Мещерякова, ибо имел с делом лично.

- От этого рейда Бракенгейм ждёт более разведки, нежели карательных акций, - сказал Михельсон, - и потому он предлагает это дело нам.

- Да какие из нас разведчики? - удивился Холод. - Мы же драгуны да карабинеры, как нам разведку вести, коли мы того не умеем толком.

- Не прибедняйтесь, Александр, - усмехнулся Михельсон. - Если надо, то и драгуны, и карабинеры в разведку ходили. Да и рейды для всех нас привычное дело.

- Всё едино, - отмахнулся капитан, - нет у нас должной сноровки для такого дела. И, вообще, что же, нам придётся волосы остричь, мундиры сменить, обращаться друг к другу "товарищ". Где это видано?

- Даже не в этом дело, - сказал Коренин. - Мы только из боя, люди и кони вымотаны, много раненых. Мы ведь можем и не справиться с рейдом, сгинем в пугачёвских тылах без вести и без пользы.

- Надо сделать так, чтобы не сгинули, - коротко ответил Михельсон. - Я пришёл с вами посоветоваться, ибо Бракенгейм не приказал, но предложил нам этот рейд. Я вижу, что вы, господа, против рейда и потому завтра откажусь от него.

- Быть может, не надо отказываться, Иван Иванович? - неожиданно спросил Ваньшин. - Смогли бы отмстить бунтовщикам, от души отмстить за наше отступление, за атаки их, за мой эскадрон.

- Вольно тебе рассуждать, - усмехнулся Салтыков. - Сам-то по ранению в рейд не пойдёшь.

- Надо будет, и мёртвым в бой пойду! - вскричал поручик, левой рукой - правая болталась на перевязи - хватая его за ворот мундира. - Мёртвый иль живой, а от боя не откажусь! Понял?!

- Довольно, поручик, - осадил его Михельсон. - Нам только драки сейчас не хватало. С пугачёвцами воевать надо, а не друг с другом. Довольно было среди нас раздоров в былое время, нынче нам стремя к стремени встать надо.

- И встанем, Иван Иванович, - опять же за всех ответил Коренин. - Если надо будет, за вами пойдём, как один. Вы слышали нас, но решать идти полку в рейд или не идти, только вам.

Утром следующего дня я проснулся рано, с первыми петухами. Как же хотелось, после нескольких недель в лагере и двух суток в седле, ещё немного поваляться в постели. Совершенно детское чувство, с которым надо безжалостно бороться. А потому я сдёрнул с себя одеяло и вскочил на ноги. На улице, судя по узорам на окнах, стоял мороз, но я прямо в исподнем выскочил на улицу. К дому как раз шёл Васильич с парой полных ведер воды на коромысле.

- Стой! - крикнул я ему, скидывая нательную рубаху и оставшись в одном исподнем. - Лей на меня ведро.

- Вашбродь, - удивлённо замер наш денщик, - зима уж на дворе.

- Лей, говорю, - как на плацу гаркнул я. - Долго мне ещё на морозе в исподнем торчать?!

Денщик вздохнул тяжело, но снял с плеча коромысло и выплеснул одно ведро на меня. Ледяная вода обожгла кипятком. Вскрикнув, я подхватил рубашку, также промокшую насквозь, и влетел в дом. Васильич не стал возвращаться к колодезю, а поднялся вслед за мной в комнату, где подал мне полотенце и вынул из сундука чистое бельё, забрав промокшее.

Вытершись насухо, я одел выстиранный и заштопанный денщиком мундир, для начала критически его осмотрев. Когда нам выдали их, новенькие, белоснежные, немного похожие на мундиры ландмилиции, он показался таким нарядным, даже парадным, никак, в общем, не подходящим для войны. Теперь же, после рейдов и боёв, основательно пообтрепавшись, обратился он почти что в лохмотья, какие в мирное время и в конюшню бы не одел. Однако при этом парадность всю утратив, он стал подлинно боевым мундиром. Я надел его, собрал волосы в хвост, букли завивать не стал и косицу заплетать тоже, ведь вполне возможно, их сейчас стричь придётся. И кто это завёл моду в пугачёвской армии волосы коротко стричь?

Оправив мундир, я надел епанчу и снова спустился на улицу, где меня ожидали командиры взводов. Приняв их рапорты, я в свою очередь отдал рапорт Михельсону.

- Видал ваши экзерциции, - усмехнулся он. - Полк, за мной.

И наш полк в пешем строю, что было несколько непривычно всем нам, бывалым кавалеристам, направился к ржевским цейхгаузам. Когда подошли к большим складам, у которых уже строились в очередь на получение нового оружие, а кто и обмундирования, унтера и офицеры нашей армии.

- Ваше высокоблагородие, - обратился к Михельсону квартирмейстер, - вашему полку обмундировку пугачёвскую выдавать?

- Только оружие заменить, - покачал головою тот. - Мой полк в рейд не идёт.

Комиссар Омелин и комбриг Кутасов.

Омелин, действительно, был похож на легендарных комиссаров Гражданской, вроде Фурманова, Куйбышева или Клина Ворошилова. Чёрная кожаная куртка, основательно вытертая, ведь он взял её с собой ещё из тридцать шестого, фуражка с красной звёздочкой, даже шашка на боку и кобура, правда не с маузером или наганом, а кремневым пистолетом, отлично подходили к образу негибавшего комиссара. Может, надо было вместо формы образца тридцатых годов ввести ещё ту, революционную, с буденовками и разговорами, вроде бы она больше к ситуации подходит. Хотя, с другой стороны, в этом времени никто не знает о Великой Октябрьской, а новая униформа всё же удобней. Вот только комиссаров, по настоянию Омелина, оставили в революционном обмундировании, видимо, для пущего эффекта.

- Ну что, Андрей, - обратился к нему Кутасов, - какими новостями поделишься?

- Зря ты не дал расстрелять их, - резко бросил ему Омелин. - Это стало бы отличным уроком остальным. Бегать с поля боя не могли.

- Не можем мы сейчас пускать в расход ни единого эскадрона, - покачал головой Кутасов. - Да что там, ни одного солдата расстреливать нельзя, каждый на счету.

- Я знаю это не хуже тебя, Владислав, - отчаянно скрепя потёртой кожанкой, комиссар сел на скамью напротив комбрига.

Сейчас штаб армии занимал деревню неподалёку от Ржева, из которого добровольцы ушли два дня назад, как докладывала разведка.

- Из бегунов сих я сформировал штрафные батальоны, - продолжал Омелин. - В бою их подопрём теми же ружьями Пакла, все видели их в деле, так что бежать у них желания не будет под своих же пули. С другой же стороны, не придётся искать большого количества достаточно подлых или просто жестоких людей, которые согласились бы стрелять по своим.

- Ну что же, с паршивой овцы, как говорится, - покивал Кутасов.

Он был весьма разочарован в присланных с Урала ружьях Пакла. Те слишком сильно мазали, быстро выходили из строя и при длительном бое становились просто бесполезны. Однако как оружие устрашения они вполне годились.

- Солдаты утомлены, - сказал Омелин, - но настрой у армии боевой, все готовы хоть на край света гнаться за добровольцами. Много те попили пролетарской крови.

- Вот то-то и оно, что гоняться за добровольцами мы больше не станем, - ответил ему Кутасов. - Спешным маршем двинемся к Москве.

- Что?! - вскричал Омелин. - Мы столько гонялись за Бракенгеймом, а теперь вот так возьмём и бросим всё. Ты понимаешь, Владислав, как это скажется на боевом духе армии.

- Да не хуже твоего знаю! - хлопнул кулаком по столу комбриг. - Отлично знаю! А ещё лучше знаю, как скажется на боевом духе потеря Москвы! Переиграл нас Суворов, вчистую переиграл. Любая из двух армий, что его, что Добровольческая легко управится с московским гарнизоном. И если наши солдаты готовы биться за Первопрестольную под лозунгом "Умрём же под Москвой!", то лишись мы столицы нашего государства, как символа, и всё будет потеряно. Сам понимаешь, что с массовым дезертирством нам не справиться ни расстрелами, ни штрафными батальонами. Ты же должен помнить Империалистическую, как только в тылу стало неладно, сразу началось чёрт-те что и на фронтах.

Омелин молчал, ни слова не говоря, сейчас он только внимал распаляющемуся от собственных слов комбригу. Комиссар понимал, что ему надобно выговориться, излить душу, так сказать, лишь после этого с ним можно будет говорить конструктивно.

- А может сама история против нас? - продолжал меж тем свой мрачный монолог Кутасов. - Ведь как хорошо было просчитано, ещё в тридцать шестом, двадцать полков Суворова, превосходящие силы у нас. Не смотря на обученность и боевой опыт врага, мы

должны были, чёрт побери, взять числом, положить хоть сто тысяч, хоть миллион, но разгромить екатерининские войска. И исторический период подходящий. Европу ещё лихорадит после Семилетней войны, Турция раздавлена, Англия с Францией заняты войной в Канаде, власть в России ослаблена, народ недоволен. Всё - за нас! Откуда тогда, мать его так, выскочила этот Бракенгейм со своими добровольцами. И нет теперь у нас сил воевать сразу с двумя армиями! Нет!

- Где будем бой принимать? - спросил у него Омелин, видя, что пора уже сменить тему, пока Кутасов совсем не сорвался и не схватился за бутылку от тоски.

- Здесь, на открытом месте, - комбриг указал на карте место, которое осматривал Омелин и признал слишком ровным, - фланги укрепим вагенбургам, насыпем брустверы, поставим на них артиллерию, будут вполне подготовленные позиции, чтобы принять вражеский удар. Где Самохин? - неожиданно спросил он. - Я за ним посылал полчаса назад.

- Он с инспекцией в рабочей кавалерии, - ответил Омелин. - Твоему вестовому велел с ним ехать, хочет сначала инспекцию учинить, а уж после неё, так сказать, не с пустыми руками к тебе, Владислав, явиться.

- Ну что ж, - кивнул Кутасов, - подождём камкора. С результатами.

Самохин вошёл в штабную избу, принес запахи мороза, кожи и конского пота. Отдав честь, он обратился к Кутасову:

- Для чего звали, товарищ командующий?

- Хочу о состоянии кавалерии тебя спросить, - сказал тот. - Особенно рабочей.

- Отвратительное состояние, товарищ командующий, - без обиняков ответил комкор, - худшего не придумать. Про казаков ничего сказать не могу. Они верхом родились, да притом с шашкой в руках, их несколько к порядку воинскому приучил, строи вместо лавы одной внедрил. Так что конницу справную из них сделать удалось вполне. Даже к рубашкам единым и картузам приучил. Вот только мало их. Слишком мало. Что же до кавалерии рабочей, то она хуже, чем может представиться. Воевать не умеют, на конях сидят скверно, в седле на рысях и в галопе не держатся. Как показала недавняя баталия, рабочие драгуны совершенно не готовы к реальной схватке.

- Но ведь их готовили для армии вы, товарищ комкор, - обратился к нему Омелин. - Как же тогда ваши слова понимать?

- Солдат-кавалеристов до полугода готовят, прежде чем в бой пускать, - не дрогнул под его напором Самохин, - а вы от меня требовали в две недели полки и корпуса готовить и в Москву гнать. Говорили, что в столице их домуштруют, а воевать они и в бою выучатся. Вот и учатся теперь, на крови науку батальную постигают.

- Тогда последний вопрос к тебе, комкор, - мрачно сказал Кутасов. - Сдюжат ли рабочие драгуны против регулярной екатерининской кавалерии? Хотя бы в одной баталии?

- Шансы на это имеются, - честно ответил Самохин. - Если их подпереть и лишить возможности к отступлению. Ну и при грамотной политработе, - кивнул он в сторону комиссара.

- Выдели в драгунские полки лучших комиссаров и политруков, - распорядился Кутасов. - Грамотная политработа, действительно, нужна драгунам как воздух, одними ружьями Пакла не справимся.

- Я могу быть свободен? - спросил Самохин, и комбриг отпустил его, снова оставшись с комиссаром наедине.

- Наплевать надо было на конницу, - сказал он Омелину, - только казаков вымуштровать, и того хватило бы. А из рабочих и крестьян только пехоту делать. Этого хватило бы за глаза.

- Сейчас не век девятнадцатый, - возразил ему Омелин, - одной только пехотой баталий не выиграть. Тем более, что канониры наши хуже вражеских, а образцы наших орудий уже давно в Военной коллегии имеются.

- Не думаю, что без Урала враг сумеет наладить массовое производство орудий по нашим образцам, - покачал головой комбриг. - Да и для того, чтобы сделать это, нужен ещё один Кондрашов.

- Ну, у них вместо военного инженера целая Академия наук имеется, - возразил ему комиссар. - Да и Артиллерийское ведомство не дремлет.

- Всё равно, - отмахнулся Кутасов, - без уральских печей таких пушек не отлить, а это главное. - Он тяжело вздохнул. - И ведь поле боя для кавалерии идеально подходит. Ни речки, ни высоты, ни леска, ни болотца самого завалящего. Поспешать надо, суворовским маршем пойдём к месту баталии, а там в землю зароемся, чтобы никак с флангов и тыла обойти не смогли своей чёртовой кавалерией.

- Не суворовским, - поправил его Омелин. - Здесь тебе, Владислав, не тридцать шестой и Суворов Александра Васильевич для нас враг злой, злейший, чем куртизаны Орловы. Помни об этом, Владислав, он враг, а не легенда, именно об этом что ни день говорят на политзанятиях мои комиссары и политруки. Подобные оговорки недопустимы даже между нами, мало ли кто услышит.

- Да, да, - покивал Кутасов. - Я постараюсь следить за собой.

В дверь штабной избы постучались. И следом вошёл ординарец Кутасова Прошка Никиткин и доложил:

- Товарищ командующий, к вам полковник Голов.

- Пусть войдёт, - кивнул Кутасов.

Голов "благодарил" не хуже Самохина. Шинель его была перепачкана грязью едва не до пояса, а бурые потёки на рукавах и груди говорили о том, что главному особисту армии пришлось и в бою побывать. Бросив шинель на лавку у входа, он отдал честь и сказал:

- Две деревни на нашем пути были сожжены переодетыми в нашу форму добровольцами. Кроме того, в нашем тылу появились несколько легкоконных команд, с ними-то я и столкнулся, когда возвращался из сожжённых деревень.

- Вот и ударила по нам потеря Ржева, - вздохнул Кутасов. - Я должен был знать, что этим закончится. Прошка! - крикнул он. - Забелина сюда! Голов, не уходи, ты нам ещё понадобишься. Присаживайся.

- Есть, - ответил Голов, опускаясь на лавку рядом с шинелью.

- Да что ты в углу затаился, будто паук какой?! - рявкнул на него Кутасов. - К столу садись, полковник. Не бери примера со Сластина, сам знаешь, дурён он.

И не понятно было, говорит ли он о примере или о самом покойном начальнике особого отдела.

Командарм даже не вошёл, а влетел в избу, опередив доклад Прошки. Папаху на голове сидела набекрень, длинный чуб и светлые усы его покрылись инеем, он даже снега не стяхнул с шинели и сапог, так и подскочил к столу.

- Что стряслось, товарищ командующий?! - спросил "стремительный" командарм. - Зачем вызвали?

- Вы, товарищ командарм, - нарочито спокойным тоном урезонил его Омелин, - не кричите, шинель снимите и присаживайтесь с нами за стол.

- Будь сделано, товарищ комиссар, - несколько пристыжено ответил Забелин. Он скинул шинель рядом с головской, сверху бросил папаху и пятернёй вытер усы и чуб, после чего вполне чинно присел напротив Омелина с Кутасовым, но подальше от Голова. - Разрешите спросить, из-за чего вы вызвали меня?

- В нашем тылу, товарищ Забелин, - ответил ему Кутасов, - а также на пути прохождения армии действуют несколько разведдиверсионных групп противника, переодетых в нашу форму. Ваша задача: силами казачьей и рабочей кавалерии найти их и уничтожить. Использовать преимущественно драгун, им на таких операциях опыта набираться надо.

- Рабочая кавалерия сильно уступает вражеской... - начал было Забелин.

- Эту песню я и без твоего голоса знаю, - оборвал его Кутасов. - Против нас действуют, скорее всего, каратели, а они не столь хороши, как остальная армия Бракенгейма. С ними рабочие драгуны должны справиться, обязаны, ясно?

- А как нам отличать своих от чужих в таком случае? - задал вполне резонный вопрос Забелин.

- Будете носить нарукавные повязки, - ответил Кутасов, - и менять их ежедневно. Над чередованием сам подумай и составь схему, чтобы только свои знали.

- Будь сделано, - кивнул Забелин, поражаясь простоте подсказанного решения. - Разрешите приступить?

- Ступайте, товарищ командарм, - сказал ему Кутасов.

А когда тот подскочил, как на пружине, его вновь осадил Омелин:

- Только лично участвовать в операции и не думайте, товарищ командарм. Вам своей жизнью рисковать нельзя.

Забелин разом помрачнел и уже медленней добрался до лавки, первым делом надел папаху, отдал честь, после чего накинул шинель и вышел из избы.

- Вот ведь пан Володыёвский, - усмехнулся Омелин, но тут же опомнился и добавил: - Был такой в Барской конфедерации лихой лях, враг царицы Катерины.

- Ты только его так невзначай не назови, - скривил губы в саркастической улыбке Кутасов, - а то казак обидеться может и шашкой как рубанёт тебя. До седла!

Первые результаты операции Забелина проявились на следующий день. На марше ко Ржеву, Омелин с Кутасовым гарцевали в середине растянувшейся длинной змеей армейской колонны, к ним подъехал Забелин, как всегда скакавший где-то в авангарде.

- Уничтожены две команды сукиных детей, - доложил он, отдавая честь и, как и всегда Омелин поразил, как командарм себе не разбивает лицо нагайкой, висящей в петле на правом запястье. - Одна пешая - жгла деревню в трёх верстах по ходу армии. Вторая наоборот конная, по нашим тылам шлялась.

- Пленных взяли? - спросил Кутасов.

- Никак нет, - покачал головой Забелин. - Конники, докладывают, как звери дрались, до последнего погибли с оружием в руках. А вот с пехотной командой неувязка вышла. Некоторые мушкеты побросали, капитан Глазын оставил при них троих драгун для караула, а с остальной ротой отправился преследовать удирающего врага. Разъярённые действиями переодетых карателей крестьяне в это время отбили у караула пленных и в толчки загнали в пылающую избу. Драгуны ничего предпринять не могли. Не стрелять же в крестьян, в самом деле?

- Стрелять в сельский пролетариат, конечно, нельзя было, - кивнул ему Омелин. - Скверно, конечно, но стоять на пути народного гнева неблагодарное дело. Что доказывает пример нашего врага.

- Объяви благодарность капитану Глазыну, - поддержал его Кутасов, - и второму, что конников перебил.

- Некому объявлять, - мрачно сказал Забелин и добавил: - В смысле, капитан Глазын жив, а вот старший лейтенант Караблёв погиб в схватке с врагом, вернее, умер от ран через полчаса после боя.

- Наградите его посмертно орденом Красной Звезды, товарищ командующий, - сказал Омелин. - Он достоин высокой награды, раз жизни своей не пожалел ради нашего общего дела и даже, будучи при смерти, командовал эскадроном.

- Обязательно наградим, - кивнул Кутасов. - Он послужит славным примером для всей рабочей кавалерии.

Смело, товарищи, в ногу,

Ритм боевой сохраняйте.

Пели на марше солдаты, шагали широко, твёрдо, только снег скрипел под сапогами да башмаками.

Мы - красные кавалеристы,

и про нас,

Былинники речистые,

ведут рассказ!

Это уже надрывает глотки кавалерия. Кутасов поглядел на них, и подумал, что поют драгуны куда лучше, чем сражаются.

Чёрный ворон, что ты вьёшься,

Да над моею головой!

Это диссонансом звучали среди революционных песен песни казачьи. Кутасову сразу вспомнился кинофильм "Чапаев", который он смотрел в кинематографе года за два до отправки в прошлое. Теперь это время вспоминалось бывшему комбригу, а теперь главнокомандующему всей пугачёвской армией, казалась чем-то вроде сладкого сна. Где они теперь эти кинематографы, где автомобили с электрическими трамваями, то же метро имени Кагановича? Как будто и не было ничего этого, а только грязь, кровь, война, нетопленные избы с забитыми крестьянами, боязливо косящимися на "большого пугачёвского командира". Они боялись и пугачёвцев, и добровольцев, и регулярные войска, и один Бог ведает чего ещё. На самом деле, представлялось Кутасову, русский мужик за те двести лет, что прошли с сего века до столетия двадцатого, почти не изменился. Ещё будучи помкомполка, Кутасов под началом командарма Тухачевского участвовал в подавлении Антоновского мятежа и насмотрелся на Тамбовской губернии. Те же тяжкие взгляды, заросшие бородами по самые глаза лица и топоры, заткнутые за пояса. И непонятно, против кого они их в ход пустят - антоновца череп под стальным обухом затрещит или же солдатский. Ведь не раз, не два видал он раскроенные теми топорами головы.

В этот раз, конечно, мужичьё на их стороне, слишком уж измордовали их сволочные помещики, однако они любую власть склонны принимать, что называется, в штыки. А в случае победы, Пугачёв станет именно этой властью, будут и хлебные налоги, а, скорее всего, даже продразвёрстка, будут рекрутские наборы, до всеобщего призыва Россия ещё не дожила, будет много всего, что делает власть столь ненавистной народу. Мужикам ведь не объяснишь, что тяжёлые времена требуют мер чрезвычайных, а значит, новая Тамбовская Вандея не за горами. Хотя рано он задумался о будущем, до него ведь дожить ещё надо.

- Да уж, вот так местечко для решающей баталии, - изрёк Кутасов, оглядывая в очередной раз в бинокль поле грядущего боя с крыши провиантской фуры. - Хуже не придумаешь.

- Вы б слезли с фуры, товарищ командующий, - обратился к нему комбриг Кондратий Балабуха. - Мы по вашему приказу вагенбург строим, а фура эта тут ни к селу, ни к городу.

- Ни под узду, ни в Красную армию, - мрачно сказал Кутасов, ловко спрыгивая с фуры.
- Как идёт подготовка, комбриг?

- Хорошо идёт, товарищ командующий, - ответил Балабуха, - бодро. Вот только не понимают люди, отчего обоз не в тылу нашем, а на флангах?

- Ты, комбриг, в Москве на курсах комсостава историю изучал, верно? - спросил у него Кутасов. - Про борцов с церковно-помещичьим засильем в средневековой Чехии, гуситов, помнишь?

- Ну да, - кивнул Балабуха, - доводили до нас. Про то, как они угнетённое крестьянство освобождали, как католические церкви жгли. Вот. Ну, там про Яна Гуса, Жижку знаю, полководцев ихних. Вот.

- А про стратегию их не помнишь, значит, - сказал Кутасов. - Так я напомним. Они строили её на использовании боевых повозок, ставя их вагенбургом, как раз для обороны флангов, тылов и фронта от атак тяжёлой рыцарской кавалерии. В нашем случае, когда тяжёлой кавалерии нет уже, то оборонять надо более фланги. Укроем обозных коней внутри вагенбурга, насыплем бруствер, поставим там по батарее двенадцатифунтовых орудий. И никакая сволочь их не возьмёт, разве что великой кровью. Ведь гуситы тоже были не профессиональными военными, а противостояли им опытные, злые и жестокие рыцари и гемайны с кнехтами, прошедшие множество войн, ограбившие сотни городов и сжегшие тысячи деревень.

- Сдаётся мне, товарищ командующий, - только и сказал на это Балабуха, - что тем гуситам, пролетарьяту средневековому куда сложнее нашего приходилось. Знать, и мы должны сдюжить противу силы вражьей.

- Должны, Кондратий, - кивнул Кутасов, - иначе, рваные ноздри, плети да сибирские каторги всем нам, а, скорее, петля да топор.

Шли дни, наполненные работой, солдаты и унтера рыли траншеи, ставили рогатки, для ограждения от кавалерии. Насыпали брустверы, куда вкатывали пушки, укрепляя их габионами, которые должны были предохранить от огня враждебной артиллерии. Внутри двух вагенбургов, установили пушки поменьше калибром, какие имели обыкновение в артиллерии конной, но то в екатерининских войсках, а у пугачёвцев таковой не имелось, а также ружья Пакла на треногах. Теперь их бронзовые трубы торчали над крышами фур, чтобы удобнее было вести огонь с самым широким сектором обстрела. И постепенно вырастал настоящий ретраншемент, крепость, готовая принять удар превосходящих сил противника.

- Отличный ретраншемент, - сообщил всем комиссар Омелин, - просто великолепный.

Он ходил по верху вала, насыпанного из мёрзлой земли пополам со снегом, они отчаянно скрипели под его сапогами. Морозы последние дни стояли зверские, деревья дальних рощ, откуда солдаты таскали лесины на рогатки и укрепление брустверов, трещали, стволы их лопались, а ветви становились ломкими, что твоя солома.

- За таким любую атаку отразить можно, - продолжал он, прогуливаясь по валу, будто моцион совершал. - Но не в сем ретраншементе сила наша, братцы. Не в пушках, не в мушкетах, не в саблях, не в штыках. Нет, товарищи! Главная сила наша - мы сами. Ярость наша революционная, вот что станет нам знаменем! И под этим стягом встанем мы на этом ретраншементе, и будем стоять насмерть! Насмерть стоять! Упрёмся здесь в землю и с неё не сойдём! Как говорится, с родной земли - умри, но не сойди!

- С земли не сойдём, - гаркнул некий гренадерский младший комвзвод, - токмо в землю!

- Молодец! - одобрил его Омелин. - Да и есть ли смысл говорить что-либо после эти слов комвзвода?! Вот кому в комиссары надо!

Солдаты, слушавшие его, дружно рассмеялись, принялись хлопать отличившегося солдата по плечам, называть "комиссаром". А тот как-то засмутился, потупил взор и постарался затеряться в толпе солдат. Но долго ещё Омелин мог с высоты вала разглядеть нечто вроде буруна, движущегося через спокойные речные воды, это шёл

через солдатские ряды гренадерский младший комвзвод, к которому теперь на веки вечные прикрепились прозвище "комиссар".

Омелин же спустился с вала и зашёл в штабную фуру, где квартировал Кутасов со старшим комсоставом армии.

- Как моральное состояние? - прямо с порога огорошил его вопросом командующий.

- Пока хорошее, - ответил комиссар, опускаясь на край лавки, - но только пока. Работа, даже тяжёлая и на морозе, сплочает людей. Солдатам некогда думать, пока они работают, а унтерам - надзирают за работами. Однако сейчас же, когда всё окончено, солдаты с унтерами будут сидеть в бездельи, в ожидании врага, который неясно когда явится по наши души. Занимать же их строевой подготовкой и учением нельзя, по причине близости врага, а одними политзанятиями отвлечь рядовой и младший командный состав не выйдет.

- Взвоют все от твоих занятий, - усмехнулся Кутасов. - Товарища Ленина, конечно, учить надо, но не всё же время. Так и до бунта допрыгаться можно. Доучиться, так сказать. - Он мрачно склонился над планом будущей баталии, покачал головой. - А может и зря мы ретраншемент наш возвели? - неожиданно спросил комбриг.

- Как это зря, товарищ командующий?! - вскричал Омелин. - Что это значит, зря построили?!

- А вот то и значит, товарищ комиссар, - кивнул Кутасов, - что зря. Вот выведут сюда вот, - он указал на несколько мест на плане баталии, - и сюда, и сюда, батареи. И завяжут нас артиллерийской дуэлью. Артподготовку устроят, если по-русски говорить. А выдержим ли мы её?

- Должны выдержать, - ответил ему Омелин, - иначе, что же выходит, товарищ командующий, что за войско у нас, которое даже артподготовки выдержать не смогло. Да и мы, чёрт победы, не лыком шиты, орудия у нас свои имеются.

- Только стреляет враг лучше, - хлопнул кулаком по столу с картами и планами Кутасов, - и об этом не раз говорено за последние месяцы. В Москву, в Москву уходить надо, да поздно уже, слишком поздно.

- А может быть, не поздно? - спросил у него Коренин, присутствовавший тут же, как и командарм Забелин, и комбриг Балабуха, и остальной высший комсостав армии.

- Поздно, - покачал головой Омелин. - Это скажется не столько на физическом состоянии армии, сколько на боевом духе солдат. Вот мы тут укрепились, зарылись в землю, и вдруг снимаемся табором и уходим к Москве. Вы понимаете, товарищ комкор, чем это закончится для нас? Нет. Раз уж зарылись тут в землю, выстроили ретраншемент, значит, тут нам и оборону держать. Насмерть стоять.

- Вот то-то и дело, товарищ комиссар, - мрачно усмехнулся Коренин, - что насмерть. Знать бы, чья смерть будет. Наша или вражья?

- Смерти, товарищ комкор, - ещё мрачнее заметил Кутасов, - на всех хватит. И на нас, и на врагов.

Глава 24.

На бой кровавый, святой и правый...

- Экой они ретраншемент выстроили, - дивился генерал-поручик Суворов, глядя в зрительную трубу. - Вот ведь расстарались бунтовщики, курвины дети. Ну да ничего, сейчас мы им ретраншемент-то попортим. Григорий Григорьевич, - обратился он к Орлову, - загни дуэль артиллерийскую. Первый день ей полностью посвятим.

И загремели сотни орудий с обеих сторон. Пушки, гаубицы и мортиры осыпали противников ядрами. Тяжёлые чугунные шары чертили небеса и врезались в землю. Рвались пороховые ядра, иногда убивая до десятка человек. Казалось, земля под ногами нашими дрожит в пляске святого Витта, а воздух пропитался пороховой гарью. Дышать в

нашем лагере от неё было тяжело, многих солдат, непривычных к ней даже рвало, на что никто, кроме опытных дядек внимания особого не обращал. А каково же тогда в пугачёвском ретраншементе, при жуткой скученности солдат? Даже думать об этом не хотелось.

В общем, первый день работала с обеих сторон одна только артиллерия, офицеры же остальных войск слонялись по лагерю без дела, просили друг у друга зрительные трубы, стараясь разглядеть вражеские позиции. Но даже и в самые лучшие, разглядеть что-либо полезное было невозможно. Поэтому ближе к полудню я вернулся к позициям своего полка, где в самой большой палатке, какую нашли, пили все офицеры его. И не важно, командовали ли они кем-либо или же были так называемыми рядовым офицерами. Бытовало и такое название в нашей Добровольческой армии.

Под грохот пушек и гаубиц мы пили скверное вино - а где его хорошее-то достанешь, по такому времени? - и беседовали.

- Завтра жаркая будет битва, - мрачно вещал ротмистр Коренин. - Ядра ретраншемент пугачёвский основательно разнесут, но укрепления останутся. Я так мыслю, что туда Суворов направит инфантерию, штурмовать рогатки и вагенбург.

- А когда же по вашему размышлению, господин ротмистр, - усмехнулся поручик Ваньшин, - в ход пойдёт кавалерия?

- День на второй, - без каких-либо колебаний ответил вместо него капитан Холод, - никак не раньше.

- Да бросьте вы, капитан, - отмахнулся неприлично оптимистичный Ваньшин, - после этакой-то артиллерийской дуэли инфантерия живо ретраншемент бунтовщицкий возьмёт.

- Из-за таких вот господ, как вы, поручик, - сказал я, - мы и воюем с бунтовщиками уже третий год. Шапками закидать хотели их, батогами перепороть, не ждали, что против нас весь край поднимется, суть едва не пол России. Их всех не перепорешь. Теперь они нас батогами запарывают! Про Деколонга вы рано позабыли, Ваньшин.

- Ну вы сравнили, Ирашин, - даже не обиделся поручик, - корпус Деколонга, с нашей-то силищей!

- И пугачёвцы уже давно не те, что Деколонга били, - заметил Коренин, - всяко сильнее тех, что били нас под Казанью. И больше их к тому же.

- Больше, положим, нас, - заметил Михельсон, - и две наших главных силы это артиллерия и кавалерия. А вот инфантерия, пожалуй, у Пугачёва лучше. И потому ретраншемента нам в первый день не взять, даже при такой артиллерийской подготовке. Рогатки легко выправить, а габионы новые набить. Будет ретраншемент, как новенький. Почти.

Такие вот разговоры вели мы до самого вечера под дурное вино, чёрствый хлеб и камнеподобную солонину. А когда солнце скрылось за горизонтом, и темнота накрыла землю, Михельсон поднялся и сказал, закрывая наше импровизированное собрание:

- Довольно. Посидели и будет. Завтра рано поутру будет общее построение, так что отправляйтесь по палаткам. Спать, господа офицеры, спать.

Разбудила меня утром, как это не странно звучит, тишина. Именно тишина. За предыдущий день я так привык к грохоту пушек и гаубиц и дрожанию земли под ногами, что легко заснул под канонаду. Но стоило ей завершиться, как я тут же открыл глаза, даже сначала не поняв, отчего проснулся. И тут запели трубы. Полковые, ротные, казалось, все разом. Трубили "Подъём!" и "Построение". Въевшиеся за годы службы рефлексы сослужили мне хорошую службу. Я буквально скатился с койки, нечаянно толкнув Озоровского и едва не сбив с ног Васильича, и выскочил из палатки. Окончательно проснулся, уже подбегая к коновязи, на ходу я пытался сплести косицу со стальной проволокой и обвязать её чёрным бантом, при этом сильно мешала треуголка, но не в зубах же её нести. Не собака же, в конце концов.

Приняв у расторопного конюшего седло, я закинул его на спину коня. Вредный мерин тут же надулся, не давая затянуть подпругу, и пришлось врезать ему коленом, чтобы утвердить седло как следует. После я вскочил на коня и толкнул его пятками. Оказалось, что шпоры надеть забыл. Неприятно. Остаётся надеяться на наши вчерашние умствования. Быть может, Суворов, действительно, не пустит сегодня в дело кавалерию, однако ещё по Барской кампании генерал-поручик зарекомендовал себя как очень неординарный полководец. Ждать от этого сухого человека можно всего.

Я подъехал на позиции полка, вместе со всем эскадроном. В нос ударил резкий пороховой смрад, к которому густо примешивалась уксусная вонь. Вот он, знаменитый аромат войны, довольно далёк от благоухания розовых лепестков

Перед ровными шпалерами пехотных шеренг гарцевал на сером коне Суворов. В правой руке он держал шпагу, которой, словно указкой тыкал в ретраншемент пугачёвцев, и говорил при этом:

- Господа мои, - при этом не слишком понятно было к кому он обращается, к солдатам или офицерам, - вон там засел наш враг. Злой и жестокий. Он будто змий впился в самое сердце земли русской, грызя её изнутри, будто гнойный червь.

"Во, загибает", - пронёсся по шеренгам уважительный ропот, который был отлично слышан даже с наших позиций.

- И нынче пришло время сего червя раздавить каблуком стальным наших сапог, растоптать подкованными копытами наших коней! Предатели и бунтовщики ударили в самое сердце нашей империи, в тот час, когда над нею занесены шведские мечи и турецкие ятаганы. Многие из вас помнят, как воспрянули османлисы, мамелюки с янычарами, когда наши друзья верные французы с бриттами да пруссаки с цесарцами, донесли до них весть о поражениях, нанесённых нам пугачёвцами. Как кричали они нам: "Возвращайтесь домой, московы! Ваш царь вернулся, будет кралицу вашу вешать и вас заодно, что его предали!". Сколько крови русской пролилось за Дунаем, в землях Порты, оттого, что турок воспрянул и с новыми силами ударил по нам. И никто, кроме бунтовщиков, что в ретраншементе засели, в том неповинен.

- Раздавим их, ваше превосходительство! - гаркнул какой-то седоусый гренадер. - Как гадюк поганых раздавим!

- Вот ступайте и раздавите! - ответил Суворов. - Авангард, офензива!

Грянули разом барабаны, ударили "марш колонной в атаку" и полки авангарда, составленные из двух наших, добровольческих, и трёх суворовских, стройными шеренгами двинулись на ретраншемент. Снова загрохотали пушки, почти одновременно с обеих сторон, пороховая и уксусная вонь усилилась. Ядра прочертили морозный воздух, врезались в снег с большим недалётом, вздыбив чёрно-белые волны. Всё же скверные канониры у врага, даже мне, кавалеристу, было это понятно. А вот наши били куда лучше, правда цель их была неподвижной, они успели хорошо пристреляться, и теперь клали одно ядро за другим в ретраншемент.

Увлёкшись наблюдением за работой нашей артиллерии, я и не заметил, как к Михельсону подъехал Суворов, уступающий дорогу чётко шагающей инфантерии.

- Иван Иванович, - обратился он к Михельсону, - вы, помните, некую слабость к вагенбургам питаете, не так ли? - Наш командир почёл за лучшее не отвечать на этот издевательский вопрос и генерал-поручик продолжил: - И ружья Пукла вам полюбились? - Михельсон принялся медленно снимать с левой руки перчатку. - Ну, будет, будет, Иван Иванович, с вами не в Питесрбурхе, на Невской першпективе, а на войне. Тут не сатисфакциев нам. А коли оскорбил вас чем, так извольте простить дурака окаянного. - Премьер-майор даже оторопел от такого обращения. Со времён Барской кампании все мы отвыкли от манер Александра Васильевича, которые легче всего было охарактеризовать словом "эксцентричный". - Так вот, вам, премьер-майор, нынче вагенбург атаковать. Ружья Пукла развёрнуты боком, и ежели с фланга зайти так вам и вовсе не опасны. Вот вы и ударьте по вагенбургу вражьему. Обстреляйте его из ваших

отличных карабинов, что в цейхгаузах пугачёвских взяли во Ржеве. Старайтесь обслугу ружей чёртовых выбить как можно изрядней. Очень уж наслышан я о тех ружьях, что инфантерию из них бить вроде бы англы горазды, да и они вооружать им армию не стали. И нам тут такого никак не надобно.

- Я вас понял, господин генерал-поручик, - кивнул Михельсон и обернулся к нам: - Драгуны! Шагом! Вперёд! - И снова Суворову. - Вы бы посторонились, ваше превосходительство, мои драгуны плотным строем идут. Сбить можем, снова грудь расшибёте!

Генерал-поручик никак не среагировал на эту дерзость, а лишь направил коня к штабу армии, махнув нам на прощание рукой.

- Заходим по дуге! - отдавал команды уже на скаку Михельсон. - Огонь шеренгами!

Мы поскакали, сначала шагом, потом перешли на рысь и ускорили её, но в галоп не переходили. Эскадрон за эскадроном налетали на вагенбург, шеренгами давали залпы из карабинов и мчались в сторону, уступая место следующим. Пули частым градом ударили в стенки вагенбурга, будто горох, их было отлично слышно, даже сквозь топот копыт, приглушённый снегом. Мы сильно опередили марширующую пехоту, которая не прошла ещё половины дороги до ретраншемента. Пули выбивали щепу из тележных стенок, лишь изредка с мокрым чавканьем, которое я скорее додумывал, потому что слышать никак не мог, врезались в тела пугачёвцев. По серым шинелям растекались чёрные пятна крови.

Враг пытался перенаправить на нас отливающие медью стволы ружей Пакла, но сделать это ему не удалось - слишком плотно борт к борту стояли фуры, а сами орудия были развёрнуты так, чтобы бить во фланг наступающей пехоте. Лишь два из них, стоящие на углу вагенбурга, открыли огонь по нам. Они отчаянно плевались пулями, но без особого толку, ибо ни точности, ни плотности огня обеспечить не могли. После второй или третьей атаки полка, пугачёвцы установили на внутреннем валу несколько гаубиц, стреляющих через стенки вагенбурга. Били они тоже совершенно неточно, лишь раз им удалось весьма удачно - и неудачно для нас - положить ядро в наш строй. Оно выбило из сёдел двоих драгун, одному начисто снесло голову, а второму проломило грудь и покатило дальше, ломая коням ноги.

- Господин поручик! - кричал спустя несколько наших наскоков какой-то прапорщик из взвода поручика Стукова. - Нам с тылу сигналият!

Стуков тут же доложил об этом Михельсону. Тот обернулся, как многие из полка, те, кто не был занят атакой на вагенбург, а скакал "круг почёта" для нового наскока. Нам сигналили, что враг заходит с правого фланга. Видимо, враг выпустил против нас свою кавалерию, чтобы остановить наши атаки на вагенбург. И, похоже, именно этого и добивался Суворов, отправляя нас.

- Холод! Коренин! Ирашин! - командовал Михельсон. - На кавалерию врага! Вперёд!

- Эскадрон, за мной! - три голоса наших слились в один.

Мы вырвались из "круга почёта" и помчались на врага, драгуны быстро вешали за спину карабины, выхватывая палаши. Дугой обскакав вагенбург, мы помчались навстречу вражеским всадникам, выехавшим из-за рогаток ретраншемента. Судя по отсутствию бород, это были рабочие драгуны, но числом не менее полка. Не чета, в общем, нашим трём эскадронам. Вот только, если бы они ударили во фланг и тыл, нам пришлось бы очень туго.

- Галопом! - снова сливаются наши голоса и команды.

- В палаши! - кричит капитан Холод.

- Бей их! - вторит Коренин.

- Руби в сечку! - поддерживаю я.

Встречный бой. Самое страшное в кавалерийском деле. Мы грудью в грудь сшибаемся с пугачёвцами, звенят палаши, дико кричат люди и кони. Я кулаком выбиваю из седла вражеского драгуна, которого палашом добивает Обейко. Сам он тут же едва успевает

уклониться от вражеского удара и отвечает выпадам в голову. Тяжёлый клинок легко разрубает картуз и макушку бунтовщика - и тот, заливаясь кровью, валится наземь. Я рублю направо и налево, даже не особенно замечая куда, лишь бы по своим не попасть. Секундная схватка с каким-нибудь драгуном, обмен парой ударов и либо он падает, либо нас разносит стремительное течение схватки. Мелькают окровавленные клинки, перекошенные лица, серые шинели и белые мундиры, треуголки и картузы. А я рубил направо и налево, перчатка и правый рукав пропитываются кровью, про пистолет я даже не вспоминал, будто не было его вовсе.

Не знаю, сколько времени прошло, пока мы не опрокинули пугачёвских драгун. Самохинские дети обратились в бегство, и им, как не странно, открыли проход между рогаток. Лишь когда вслед за ними в мнимый прорыв устремились самые горячие из нас, я понял, что это ловкая ловушка. Вполне в стиле нашего врага.

- Эскадрон, назад! - кричу я, вскидывая над головой палаш, с клинка его через разорванную крагу перчатки стекает неприятно холодная кровь. - Назад, я сказал!

Драгуны осаживают коней перед самым проходом в рогатках. Мы разворачиваем коней и тремя эскадронами устремляемся прочь, а за нашими спинами смыкаются рогатки. А те горячие всадники, что уже ворвались в ретраншемент, оказались заперты в нём. Они крутились, рубили направо и налево, отбиваясь от нападающих со всех сторон пугачёвцев. Судьба их было крайне незавидна. Надеюсь, что всем посчастливится умереть в бою, и ни один не попадёт в плен.

Когда мы отъехали шагов на полтора, в спину нам ударил слитный залп. Значит, покончили уже с нашими товарищами. Сволочи. Пули, однако, не нанесли нам особого ущерба, слишком далеко мы успели ускакать.

- Отступаем на позиции! - приказал полку Михельсон, как только мы вернулись к нему.

И правда, пора было дать лошадям отдохнуть, они уже спотыкались от усталости.

- Молодцы! - снова подскакал к нам Суворов. - Орлы! Лихо вы им задали! Теперь не сунутся больше из ретраншемента!

- Ваше превосходительство, - обратился к нему я, потому что и Холод и Коренин молчали, - враг на нас засаду задумал устроить. Им удалось запереть внутри ретраншемента десятерых драгун...

- Ясно, - коротко кивнул Суворов, перебив меня, не дав закончить фразу. - Враг наш ловок, да только всадник его худ. Пушай потоматся его драгуны в ретраншементе. - Он обернулся к Михельсону. - Иван Иванович, выдели мне этого поручика в штаб для связи с тобой. Не могу ж я кажен раз к тебе сам скакать.

- Поручик Ирашин, - тут же приказал мне Михельсон, - ступайте в штаб.

- Вас понял, - ответил я. - Обейко, остаётся за меня.

И я помчался вслед за генерал-поручиком к небольшой возвышенности, на которой располагался штаб армии.

Комиссар Омелин спустился с вала, где инспектировал вместо Кутасова восстановительные работы по фронту ретраншемента. Он осматривал как солдаты, вместе с нестроевыми подновляют рогатки, забивают дыры в бортах фур, набивают мёрзлой землёй габионы. Работой он остался, в общем, доволен, равно как и моральным духом армии. Собранные им на вечерней зорьке комиссары и политруки сразу по окончании совещания принялись доводить до солдат и командиров мысль, что раз враг не сунулся в атаку в первый день, значит, он в своих силах неуверен, и потому победа будет за нами. Это отлично сработало, и теперь солдаты перебрасывались шуточками на эту тему, как обычно, по-солдатски неприятельскими и почти всегда непристойными.

Командующий армией в это время лежал в штабной фуре с несколькими переломами и ранами от осколков и щепы. Дело в том, что Кутасов в душе так и остался лихим комбригом, как в Гражданскую. Он сам носился по позициям в пороховой гари и уксусной вони, и добегался до того, что едва не получил ядром в грудь. Чугунный шар

разнёс на куски рогатку и, буквально, выбил землю из-под ног комбрига. Он скатился с вала, но тут же подскочил и переломился, будто под дых получил. Кутасов рухнул на колени и, прижав руки к груди, начал отхаркиваться кровью. Омелин подбежал к нему, схватил за плечи, поднял на ноги. И, не смотря на все попытки отказаться, увёл в штабную фуру, куда был немедленно вызван бригаврач Анастас Чернышёв. Он осмотрел Кутасова и вынес решение, что тому необходим полный покой. А так как такового никак нельзя было добиться в нынешних обстоятельствах, то ограничился безапелляционным приказом не вставать с постели. Вот и лежал комбриг в штабной фуре, гоня комиссара с разными поручениями и постоянно жалуясь, что всё нужно своими глазами видеть.

- Значит, Андрей, - кивнул он, стараясь сесть на койке и морщась от боли, - говоришь, Суворов пехоту в атаку двинул. - Комбриг поднял с пола фуражку. - Вот что, довольно я тут на койке повалялся. Надо командовать битвой, иначе это за нас Суворов сделает. А уж он-то её не проиграет. Зови, Андрей, гренадер, которые часовыми около фуры моей стоят, пускай выносят меня. Буду, как Карл Двенадцатый под Полтавой командовать.

Спорить с комбригом было бессмысленно. Он вышел из фуры и приказал гренадерам выносить командующего прямо на койке.

А тем временем по полю шагала пехота в белых и зелёных мундирах. Добровольцы шли плечом к плечу с суворовцами. Красиво идут, снова вспомнилось комиссару, очень красиво идут. И ведь, как и в кинофильме, часть их, действительно, добровольцы, офицерские полки, только без мерзких символов, вроде черепа и костей, и в белой форме. Но как же красиво идут, заглядеться можно, только лихого поручика с сигаркой в зубах не хватает.

Вот сейчас ударят с флангов ружья Пакла, как пулемёт Анки, и побегут добровольцы с суворовцами. По крайней мере, Омелин очень на это надеялся. Не смотря ни на что, комиссар был страстным поклонником технического прогресса и верил в оружие куда больше чем в людей. Ведь те же ружья Пакла и пушки уничтожают за один залп или очередь в разы больше живой силы противника, нежели это может сделать то же количество солдат, из которых состоит расчёт орудия.

Однако не успели пехотинцы пройти половины расстояния, разделяющего позиции суворовской армии и ретраншемент, как от вражеского фланга отделились фигурки белых всадников. Драгуны-добровольцы. Они на рысях устремились к вагенбургу, снимая с плеч карабины.

- Что это задумал Суворов? - удивился комиссар, всматриваясь в бинокль. - Кавалерией вагенбург не взять!

- Он и не собирается, - ответил Кутасов, силящийся приподняться повыше на импровизированном наблюдательном пункте. - Видишь полковое знамя, товарищ комиссар? Это полк Михельсона, бывшие карабинеры по большей части. Они ребята меткие, ещё устроят расчётам ружей Пакла кровавую баню.

- Надо туда пластунов поставить, - сказал Омелин, - будут вести ответный огонь.

- Бесполезно, - покачал Кутасов головой. - Слишком малы щели между фурами, стрелять через них, как через бойницы, невозможно.

- Тогда пусть казаки их остановят, - настаивал комиссар.

- Казаков побережём, - опустил комбриг свой бинокль, - они нам ещё пригодятся. Отправьте против них драгунский полк.

- Есть, - ответил один из ординарцев Кутасова и, придерживая рукой фуражку, бросился к позициям кавалерии.

- Вы что же, товарищ командующий, - почти в самое ухо прошептал комбригу комиссар, - решили разменять драгун?

- Совершенно нет, - вполне обычным голосом ответил Кутасов. - Добровольцы, товарищ комиссар, слишком горячи, и слишком ненавидят нас, а значит, их легко заманить в ловушку. Где Прошка, сучий сын?!

- Я здесь, товарищ командующий, - ординарца не было видно с высоты носилок комбрига.

- Бегом к командиру пехоты левого фланга, - приказал комбриг. - Как только добровольцы загонят наших драгун в вагенбург и ворвутся внутрь, тут же закрывать рогатки, отсекая от основных сил, и уничтожать без пощады.

- Мигом, товарищ командующий! - браво крикнул Никиткин, бросаясь к левому флангу их позиций.

- Сами себя в ловушку загнали, - расслабленно откинулся на подушки Кутасов. - Не так и ловок Суворов, как кажется.

В это время в гул канонады, к которому успели привыкнуть уши и практически не замечали, врезался резкий треск ружейных выстрелов, как будто кто-то гвозди посыпал в жестяное ведро. Омелин посмотрел на вагенбург и покачал головой. И невооружённым глазом было видно, что большинство пуль били в толстые стенки фур, однако даже тех, что попадали в тела канониров, вполне хватало. Огонь вели шеренгами, подскакивая к вагенбургу эскадронами, и пули летели весьма густо.

- Но ведь как ловко удумал, генералиссимус, - увлекшись, хлопнул кулаком по бедру Омелин. - У нас же при ружьях в обслуживе лучшие бомбардиры, каждый десяти обычных стоит, если не больше. И ответного огня вести не можем.

- Зато мы, если получится, - сказал Кутасов, - уничтожим хорошую часть их кавалерии. Правда, не решаяще большую, но всё равно, это весьма ощутимый щелчок по носу нашему противнику, генерал-поручику Суворову.

Чин Суворова он намеренно выделил тоном и Омелин только тут понял, что назвал командующего врага званием, которое он получит лишь в девяносто девятом году, а может и не получит никогда, если они победят на этом поле.

Отвлекаться на этот маневр комиссар не стал, отлично осознавая, что главное действо сегодняшней баталии вершится здесь. На фронте ретраншемента. Пехота противника уже поднималась на вал. Под огнём, оскальзываясь на крови, спотыкаясь о трупы своих товарищей. Но всё же шли по валу. Они забрались наверх, уложили мушкеты на колючую проволоку рогаток. И открыли по настоящему ураганный огонь. Вот уж в чём, в чём, а в темпе стрельбы, правительственные войска могли дать хорошую фору пугачёвцам. Так что теперь рогатки служили, скорее, дурную службу, нежели добрую. Не спасали и ружья Пакла. На левом фланге у них осталось маловато обслужи, на правом же, где огонь вели куда более интенсивный, стволы их то и дело перегревались, не смотря на небольшой морозец и вёдра с уксусным раствором, которым их поливали. Одно уже вышло из строя. Его не успели достаточно остудить, и новый барабан с бумажными патронами просто взорвался, искалечив несколько канониров и фатально повредив механизм, ответственный за вращение и стрельбу ружья.

Оглушительно трещали мушкеты, отплёвываясь огнём и свинцом. Падающих солдат быстро заменяли, раненых оттаскивали в тыл, а трупы просто скатывались по валу, их пинками и прикладами отталкивали, чтобы не мешались. Кем бы ни был убитый, рабочим с уральских заводов или крестьянином Тобольской или Нижегородской губернии, простым солдатом суворовской армии или капитан-поручиком добровольческой. Со всеми ими обходились таким образом, совершенно бесцеремонно. В треске выстрелов были слышны глухие удары пионерных топоров. Эти усатые дядьки, стоя на одном колене, активно работали увесистыми орудиями труда, подрубая врытые на несколько аршин в мёрзлую землю рогатки. Стрелять по ним тяжело, потому что для этого пришлось бы также опуститься на землю, и палить между ног своих товарищей из пистолетов, или же просовывая мушкеты. Да ещё и на голову сверху всякую минуту может рухнуть убитый или раненый. И потому пионеры работали практически безнаказанно, лишь иногда какой-нибудь особенно ретивый командир стрелял по пионеру из пистолета, опустившись на колено. Вот только пионеры в ответ часто

пытались ударить таких командиров топором. Вид пары трупов с развороченными обухом лицами отбили у остальных желание стрелять в пионеров.

- Прорвут оне рогатки? - под нос себе пробурчал Прошка Никиткин. - Ить, как есть, прорвут.

- Прорвут, да не прорвутся, - ответил ему Омелин. - Кроме рогаток есть ещё и люди, не забыл, товарищ Прохор?

- Да, ить, у их тож люди, товарищ комиссар. - Видимо, от волнения в речи ординарца прорезался посконный говор, и понимать его уроженцу двадцатого столетия стало сложно. Омелин практически интуитивно ловил смысл сказанного.

- Не сравнивай империалистов с нашими революционными бойцами! - рявкнул на него Омелин так, что Прошка аж присел, инстинктивно дёрнув руками, чтобы закрыть голову от удара. - И когда ты в себе эти холуйские замашки изживёшь, а? - уже спокойней спросил у него комиссар. - Ты ж не дворян теперь, а боец регулярной Красной армии, понимать должен.

Никиткин выпрямился, но при этом отчаянно покраснел. Комиссар усмехнулся половиной лица, чтобы Прохор увидеть не смог. Молодому человеку-то и невдомёк было, что Омелин почти точно цитировал "Чапаева". Этот кинофильм, вообще, изобиловал цитатами почти на все случаи армейской жизни, что особенно хорошо осознал батальонный комиссар именно в восемнадцатом веке.

На правом фланге затрещали рогатки и две или три скатились по валу, стащенные пионерами. И тут же в пролом ринулись солдаты. Завязалась жестокая рукопашная схватка. Она была особенно страшной из-за того, что сцепились в ней ударные батальоны с добровольцами, чьи мундиры успели за время перестрелки основательно прокоптиться и окончательно утратили свой изначальный белый цвет. Пролом в линии рогаток быстро заполнялся трупами и ранеными, чья участь была незавидной. Как правило, они сами не успевали или просто не могли отползти в сторону, и их часто попросту затапывали дерущиеся.

- Прорываются, товарищ командующий, - констатировал очевидный факт комиссар. - Надо бы подкрепление отправить. Противник к пролому подтягивается с центра позиций.

- Штрафников туда, - приказал Кутасов. - Ликвидировать прорыв врага или всем сдохнуть.

- Я сам их поведу, - сказал Омелин. - За кем другим они не пойдут, а я, думаю, сумею увлечь их!

Останавливать его Кутасов не стал. Это грозило спором, что в данном случае было страшнее даже потери комиссара.

Омелин тем временем устремился к солдатам в серых шинелях без знаков различия. Это были штрафники, два батальона которых были сформированы из полков авангарда, опозорившихся в сражении на берегу Волги.

- Солдаты Революции! - крикнул им комиссар. - Вы можете искупить свою трусость! Остановим врага! Не дадим ворваться в ретраншемент. За мной!

Он выхватил свою шашку и быстрым шагом направился к пролому. За его спиной пришли в движение солдатские массы. Штрафные батальоны пошли в атаку. Перестроившись в колонну под отчаянный барабанный бой, штрафники ударили в штыки без единого выстрела. И первым был комиссар Омелин. Он отчаянно рубил вокруг себя тяжёлой шашкой, так что только кровавые ошмётки во все стороны. Он ломал штыки, направленные ему в грудь, схватывался с офицерами-командирами, носившими шпаги, каждый раз выходя из них победителем. И пусть куртка его в нескольких местах была порвана, но следов крови на чёрной коже её видно не было, и потому многим комиссар казался заговорённым от пуль и клинков. Во многом его усилиями прорыв был ликвидирован, он сам несколько минут дрался на валу, обороняя

его, вместе со штрафниками и гренадерами, пока воентехники не подтащили новые рогатки и не сровняли линию ретраншемента.

Согнанные с вала добровольцы быстро перегруппировались и снова устремились в атаку. Воентехники за это время успели заколотить рогатки в мёрзлую землю, укрепив их для надёжности дополнительными клиньями. И вновь пошла перестрелка. Оставив два батальона бывших штрафников, теперь уже признанных комиссаром равноправными бойцами Революции, подкреплять гренадер, Омелин с другими устремился на редуты, которые грозили пасть под ударами суворовских солдат. Судя по митрам, это также были гренадеры, из какой-нибудь сводной бригады или вроде того. Рослые усачи взобрались на вал и не стали обстреливать защищающих редуты солдат, а ринулись в рукопашную. Через рогатки, через колючую проволоку, они рванулись к пушкам. Кто-то вис на проволочных заграждениях, кого-то убивали, но упорству и силе гренадер могли позавидовать солдаты всех армий мира. И они прорывались к неистово плюющим орудиям. Будь, у Пугачёва лучшие канониры, быть может, они смогли бы остановить валом картечи, однако они были такими, какими были, и суворовские гренадеры уже дрались с ними. Бомбардиры отбивались банниками, но противостоять могучим усачам не могли.

Именно в этот момент и подоспел Омелин со своими штрафниками. Которые, конечно, уже совсем не штрафники. Обороной редутов командовал Стельмах, дослужившийся уже до полковника, почти весь полк его состоял из бывших уголовников и ссыльных, командирами - политические, и дрались они сейчас особенно упорно. Кутасов знал, кого ставить на эти позиции. У крестьян и рабочих ещё был хотя бы призрачный шанс сбежать, укрыться в деревнях, где сердобольные всегда укроют, спрячут, не выдадут. А куда деваться беглым уголовникам? Вот и дрались они за свою жизнь, упорно и жестоко, ни в чём, кроме, пожалуй, выучки, не уступая гренадерам.

Бывшие штрафники бегом ворвались на позиции и снова без единого выстрела ударили в штыки. Окровавленные, в рваных гимнастёрках, с мушкетами наперевес они схватились с гренадерами, уже готовыми загвоздить пушки. Среди митр мелькали шапки пионеров, те держали в руках деревянные молотки. Часто они орудовали ими, как оружием, проламывая головы особенно ретивым пугачёвцам, желавшим добраться до них.

- Пионеров бей! - выкрикнул приказ Омелин. - Не дать загвоздить пушки!

Он ворвался в битву, размахивая шашкой. Так и полетели гренадерские митры. Рослые усачи падали вокруг него, как будто он был былинным богатырём Ильёй Муромцем. И вот уже его начинают бояться, вокруг него образуется что-то вроде зоны отчуждения. Он рвётся на врагов, размахивает окровавленной шашкой, а те подаются назад, не желает драться с этим порождением преисподней. И штык его не берёт, и пуля, и шпага. Как с таким сладить?

А за неистовым комиссаром шли бывшие штрафники и солдаты Стельмаха, воспрянувшие духом. Омелин повёл их за собой, увлёк, и они выбили врага с редутов, сбросили с вала, как незадолго до того сделали это в нескольких десятках метров. И вновь воентехники заколотили в мёрзлую землю новые рогатки и намотали на них колючую проволоку. Правда, разрывов в заграждениях было здесь намного меньше, и работы было совсем немного.

- Останетесь здесь, товарищи бойцы, - приказал бывшим штрафникам Омелин. - Поступаете под командование полковника Стельмаха.

- Хорошо подкрепление, - усмехнулся бывший студент.

- Твои не лучше, - в тон ему ответил Омелин. - Я пошёл, повоевал - и будет. Пора бы и в штаб.

- Ступайте, товарищ комиссар, - кивнул Стельмах. - А я посижу тут пока.

Он опустился на мёрзлую землю и прикрыл глаза. Бывший студент отлично понимал, что умирает, долгие мытарства в тюрьмах, допросы, на которых с ним никто не

церемонился, и жизнь в ссылке научили его хорошо чувствовать своё тело. И теперь все резервы его организма были исчерпаны. Раны слишком тяжелы, крови он потерял слишком много, да и нервное истощение довело его до могилы. Он откинулся на вал, вздохнул пару раз глубоко, глубоко - и умер.

Ничего этого комиссар Омелин, уходящий с позиций артиллерии правого фланга, знать просто не мог. Пушки вновь открыли огонь, теперь уже шрапнелью, осыпая снарядами перегруппирующихся для новой атаки grenадер.

- Не расслабляться! - начали покрикивать командиры стельмаховского полка и восстановленные из штрафников. - Не сидеть! Не сидеть! - поддерживали их унтера. - Готовиться к отражению атаки!

Будить же грозного Стельмаха никто не решался. Навлекать на свою голову гнев не хотел никто. Да и пусть отдохнёт командир, ведь три ж дня на ногах, глаз не сомкнул. Солдаты занимали позиции, убирали трупы, выносили раненых, меняли сломанные мушкеты на целые. И лишь когда grenадеры снова пошли на штурм, командир первого батальона в полку Стельмаха, майор поляк Браunek, также из бывших ссыльных, всё же тронул Стельмаха за плечо. Ведь если не разбудить того перед атакой врага, значит навлечь на себя гнев командира, всё равно же проснётся когда начнётся бой. Однако вместо того, чтобы дёрнуться, помотать головой, потеряв фуражку, и потереть ладонями лицо, полковник начал заваливаться в сторону. Он скатился с вала, оставшись лежать навзничь, глаз он так и не открыл.

Только оказавшись на возвышенности, которую занимал штаб армии, я понял, какой стоит холод. На ледяном ветру усы мои мгновенно покрылись инеем, став похожими на щётку, неприятно холодящую губу. Остальные мало обращали внимания на холод и ветер, ведь большая часть офицеров носили епанчи, тяжёлые плащи и даже шубы, а какой-то пехотный генерал даже спрятал руки в муфту. Лишь Суворов да Алехан Орлов, казалось, вовсе не обращали внимания на погоду. Плащ генерал-поручика рвали порывы ветра, грозящие унести ещё и шапку, но тот не открываясь, глядел в зрительную трубу. Алексей Орлов же, брат ещё не так давно всемогущего фаворита, замер в седле, будто памятник, сжимая могучими кулаками поводья. Он даже плащом или епанчой пренебрёг, оставшись в зимнем мундире. Я смотрел на графа, и проникался, ведь, как и у него, на мне был только зимний мундир. В общем, выдержке Алексея Орлова можно было только позавидовать.

- А ведь как хорошо дерутся, каналы! - воскликнул Суворов, опуская трубу.

Дорого бы я дал за такую. Рассмотреть, что творится на поле с такого расстояния было нельзя, а просить трубу у незнакомых офицеров штаба армии я как-то не решался.

- Но возьмём ли мы сей ретраншемент в скором времени или нет? - спросил у него Орлов. - Времени-то мало у нас.

- А кто знает, возьмём или нет? - пожал плечами Суворов. - Два прорыва отбили ведь.

- Ты же знаешь, Александра Васильич, - настаивал Орлов. - От матушки письмо пришло Гришке, братцу моему. Пишет Катерина, что швед, и пруссак, и цесарец на наши земли зуб точит. В Польше снова воду конфедераты очередные мутят, своё восстание готовят. Ведь потому Потёмкин, князь байковый, с полками в Малороссии так и остался стоять. Границы караулит. Но долго он их сдерживать не сможет. Скоро соберутся с силами и ударят с трёх сторон сразу, а тогда от Потёмкина только пух да перья полетят. И никакие рекрутские наборы не спасут дела. Настоящие, войной проверенные, полки у нас, а Потёмкин к границе даже гарнизоны внутренних городов стянул. Его сметут за пару дней, ежели ударят все совокупно.

- Семилетняя война показала, как умеет Европа воевать совокупно, - ответил на это Суворов, вновь прикладывая трубу к глазу. - Это баталия решит всю войну с Пугачёвым. И я предпочту потратить несколько дней, но взять ретраншемент с меньшими потерями

для себя и возможно наибольшими для противника, нежели наоборот. День или два ничего не решат на границах. Будем правильно штурмовать ретраншемент.

Тут Суворов будто вспомнил обо мне, обернулся и сказал:

- Для вас, господа кавалеры, дел на сегодня более не предвидится. Так что скачи к своим и передай мой приказ. Нечего коней морозить, возвращайтесь в лагерь и отдыхайте. Завтра вам дело будет.

- Будет сделано, - ответил я и ускакал.

Спустя четверть часа вся кавалерия, кроме нескольких эскадронов гусар, охранявших фланги от возможных рейдов казаков и башкир, снялась с позиций и вернулась в лагерь. Где у горящих костров, с чаркой водки и тарелкой каши с салом - от изысков все мы давно отвыкли - казалось, что и нет войны. Выехали мы на зимние манёвры, хотя я таких и не припомню, обыкновенно с ноября по конец марта торчали на винтер-квартирах, а теперь они окончены и уже завтра вернёмся мы в расположение полка. К дамочкам, вину и тёплым постелям. Несколько мешали думать в этом направлении гулкие выстрелы пушек, но к канонаде давно привыкли и словно бы не слышали громов, что изрыгали орудия под руководством Григория Орлова.

Генерал-адъютант, вообще, расстарался на славу. Он собрал трофейные пушки, захваченные во время боевых действий осени прошлого и зимы этого года, в отдельные батареи. Те, что были достаточно мобильными, свёл в небольшую батарею конной артиллерии, и они носились по нашим позициям, подкрепляя огнём те участки, где это было нужно. Ядра улетали одно за другим, большая часть их оставляла за собой дымный след. Раскалённые чугунные шары врезались в стенки вагенбурга, оставляя в них здоровенные дыры, иногда от них начинались небольшие пожары, но их быстро тушили, благо средство для этого было, буквально, под ногами. Нестроевые зачёрпывали снег вёдрами, ковшами и даже шапками, и закидывали им любые очаги пламени.

Завершилась баталия к третьему часу пополудни. И завершились они ничем. Забили барабаны - и пехота двинулась от ретраншемента, подбирая на ходу раненых и убитых. Ни одно знамя не было потеряно, но и успехов добиться не удалось. Это было весьма странно. Генерал-поручик Суворов успел прославиться за Барскую кампанию и войну с Портой именно стремительностью. Он брал города и крепости сходу, не жалея ни себя, ни солдат, что часто ставили ему в вину. А теперь же какая-то осторожность, откуда она? Совершенно непонятно. И это настораживало, можно сказать, пугало всех нас. Быть может, не только нас, но и наших врагов, ведь многие казаки воевали под началом Суворова в Семилетнюю и Барскую кампании.

Ближе к вечеру начался снегопад. Сначала с неба падали крупные хлопья, будто в зимней сказке, однако вскоре поднялся ветер, настоящий ураган и хлопья сменились мелкими злыми снежинками, этакой крупой. Она нещадно секла лица, заставляя щурить глаза и пониже надвигать треуголку. А вообще, меньше всего сейчас хотелось выходить из палаток, но пришлось, ибо надо было проверить, правильно ли устроены кони. Ведь нам на них ещё воевать, как-никак. Проверив, я быстро вернулся в палатку и замотался в одеяло. Уснул я под свист снега достаточно быстро.

Утром ничуть не распогодилось. Когда я выбрался из палатки, небо висело также низко, сыпая на головы ту же снежную крупу, хорошо хоть, что ветра особого не было. Трубы пропели построение, и я поспешил на своё место в строю полка. Что самое интересное, строились без коней, сигнал просто не оставлял времени на то, чтобы оседлать их. На импровизированном плацу, который представлял собой просто площадку утоптанного до каменной плотности снега, выстроились все кавалерийские полки Добровольческой армии и гвардейский Военного ордена кирасирский, точнее два эскадрона его. Перед нами вышагивали генерал-майор Бракенгейм, генерал-поручик Суворов и генерал-аншеф Орлов.

- Нынче, господа мои, - сказал Суворов, - предстоит вам одно дело. Рисковое, как раз по вам, как я мыслю. Верно, Магнус Карлович?

Бракенгейм только кивнул.

- Отсюда вражеский ретраншемент не видать из-за снега, - продолжал Суворов, вполне таким ответом удовлетворившись, - и я отправил к нему гусар на разведку. Они доложили, что он сильно заметён снегом. Зело великие сугробы намело даже поверх проволочных заграждений. Этим-то мы и обязаны воспользоваться, верно, господа мои? Вас, кавалерию, выбрал я потому, что надобна в деле, что мы, с генерал-аншефом Орловым задумали, хорошая подготовка в фехтовальном искусстве. А именно в умении схватываться с врагом поодиночке, а не в строю или колонне. Вам должно по наметённым сугробам перебраться через проволочные заграждения и атаковать ретраншемент бунтовщиков. Снеговой буран зело силён и дозоры вражьих вас не сразу разглядят, особенно из-за сих белых епанчей, - он указал на здоровенный ящик, около которого переминался с ноги на ногу каптенармус, - что были захвачены в ржевских цейхгаузах пугачёвцев. По такой погоде вас весьма сложно будет разглядеть.

Тут на плац едва не бегом примчались каратели, во главе с поручиком Мещеряковым. Он подскочил к Суворову с Орловым, отдал честь.

- Ваши превосходительства, карательный отряд построен.

- Возвращайтесь в строй, поручик, - кивнул ему Орлов.

Мещеряков, как обычно, бодрым шагом двинулся к своим солдатам.

- Эти-то зачем нам сдались? - сквозь зубы процедил Озоровский.

- Это понятно, - усмехнулся я. - Ты станешь жечь палатки, резать выскакивающих из них в исподнем солдат и офицеров, убивать раненых? - Мой приятель злобно поглядел на меня, но, похоже, он начал понимать, в чём дело. - Вот для таких дел и нужны каратели Мещерякова.

- Господа мои, - снова обратился к нам Суворов, - стройтесь и получайте епанчи. Через три четверти часа выступление.

- Ты забыл сказать, Александр Васильич, - впервые вступил в разговор Алексей Орлов, уже одетый в белую епанчу, - что в бой солдат и офицеров поведу я сам.

- Вот ты сам, Алексей Григорьевич, - усмехнулся в ответ Суворов, - это самое и сказал.

- И сразу всем стало понятно, что генерал-поручик явно был против этой эскапады генерал-аншефа.

Мы выстроились в несколько длинных цепочек и каптенармус с двумя помощниками принялись выдавать нам белые епанчи. В таких нас, действительно, будет очень сложно разглядеть на снегу. Набросив её на плечи, я застегнул все три крючка её и понял, что она очень тёплая, наверное, в ней лежать на снегу можно и не замёрзнешь. На то, чтобы все облачились в эти епанчи, став похожими на неких призраков, ушло как раз около трёх четвертей часа. Когда же мы вновь построились на плацу в колонны, Суворов махнул, и забили барабаны, а трубы негромко запели атаку. И так, двумя колоннами - первая - кавалеристы во главе с Орловым, вторая - каратели во главе с Мещеряковым - мы двинулись в атаку.

Мы прошли почти через весь лагерь и нырнули в буран. Ветер был самым противным, какой только может быть, порывистым. То его вроде и нет вовсе, а то, как кинет в лицо пригоршню острых, как стеклянное крошево, снежинок. Именно из-за этих порывов на пути нашем вставали высоченные, как курганы древних кочевников, сугробы, а бывало, мы шагали по ровно утоптанной ещё вчера сотнями солдатских сапог и ботинок равнине. Так шли мы через ветер и снег, почти невидимые в белых епанчах, придерживая руками шляпы, а враг сидел внутри ретраншемента, почти слепой от снега и ветра и не ждал в такую погоду прихода смерти.

Комиссар ворвался к Кутасову, принеся с собою порыв ветра и снежный вихрь. Полный праведного негодования Омелин плюхнулся на койку комбрига, так что тот даже сморщился от боли.

- Прости, Владислав, - несколько опомнился комиссар, - я не хотел. Но всё-таки, зачем ты отменил мой приказ удвоить караулы?

- В этом нет нужды, - ответил комбриг. - Не нужно морозить такое количество солдат.

- Да они же, как слепые кутята! - вскричал Омелин. - На десяток шагов ничего не разглядеть!

- Вот именно, - кивнул Кутасов. - Какая разница, пятеро слепцов охраняют нас, или десяток?

Комиссар задумался над его словами.

- Тем более, что я не совсем отменил твой приказ, - добавил комбриг, - а скорректировал его. Я приказал удвоить патрули, что проверяют посты, а также укоротить время стояния в карауле вдвое.

- А как ты считаешь, Владислав, - спросил у него комиссар, - нападут они по такой погоде?

- Вряд ли, - покачал головой комбриг, - погода не та. Только что обстрел затеяли интенсивный, но на большее вряд ли решаться.

Как будто в подтверждение слов его прозвучал очередной взрыв. Артиллерия Суворова работала без перерыва. Бомбардиры перенесли прицел вглубь ретраншемента и палили в основном пороховыми ядрами, в надежде зацепить палатки или повредить вагенбурги. В общем, Григорий Орлов, который по данным разведки командовал артиллерией, старался вовсю.

- А вот я не так уверен, - поделился сомнениями Омелин. - Мы ведь не с кем-то дело имеем, а с самим Суворовым. Он прославился именно самыми неожиданными ходами.

- Сейчас сама погода на нашей стороне, Андрей, - сказал на это Кутасов. - Управлять войсками в такой буран невозможно и полки в первые минуты схватки превратятся в толпу людей, готовых побежать прочь при малейшей возможности.

- И всё же, как-то беспокойно у меня на сердце, - вздохнул комиссар. - Не может дать нам Суворов день передышки, даже в такую погоду. И одного того, что нас интенсивно обстреливает его артиллерия, мне мало. Надо ждать чего-то ещё.

- И чего же? - спросил у него Кутасов, у которого, если быть до конца честным, тоже камень на душе висел. Как-то странно вёл себя Суворов, слишком странно. - Чего нам ждать от будущего генералиссимуса?

- Если бы я знал, Владислав, - развёл руками Омелин, - если бы я знал... Пойду, проверю посты, - сказал он, поднимаясь и хлопая себя ладонями по бёдрам. - А то засиделся я у тебя.

Поверх проволочных заграждений пугачёвского ретраншемента намело изрядный сугроб. Мы по нему легко перебрались, через них, быстро и без шума перебив посты. А после начался бой. Хотя назвать это боем, язык не поворачивался. Словно волки ворвались мы в ретраншемент с палашами и саблями наголо. Стрелять до поры никто не собирался, чтобы не поднять тревогу раньше времени. Мой эскадрон, вернее сказать, первый взвод его, только им я сейчас и командовал, да то не всех драгун видел, выскочил в круг костра. Пугачёвцы ничуть не насторожились, приняв за своих, даже протянули кто чарку водки, кто миску кулеша. И когда мы ударили в палаши, это стало для них большим сюрпризом. Последним. Рубить не успевших схватиться за оружие солдат, конечно, подлю, но война теперь, в веке осьмнадцатом, совсем не та, нет в ней места благородным вызовам на бой, вроде: "Господа, мы имеем честь атаковать вас".

Ну, а уже после этого началась рубка. Зазвучали первые выстрелы, зазвенела сталь, закричали убиваемые. Мы мчались по вражескому лагерю, рубая всех, кто без епанчей. В первое время никто не мог оказать нам сопротивления. Лишь какой-то комиссар вылетел из палатки уже с шашкой наголо. Я схватился с ним. Удар, другой, третий. Во все стороны летят искры. К комиссару подбегает сбоку прапорщик из моего взвода, бьёт палашом и комиссар падает, а мы бежим дальше. Первое сопротивление встретили,

наверное, спустя десяток минут после начала атаки. Взвод пугачёвцев сбился у костра, ошестинившись штыками. Но были все они сильно напуганы, офицеров среди них не было, а мушкеты в руках так и плясали. Клинком палаша я отбил ствол ближайшего ружья в сторону, ворвался в шаткое построение пугачёвцев. Очень быстро мы рассеяли бунтовщиков и перебили их. Потом бежали мимо большой палатки, практически шатра, который завалили каратели Мещерякова. В тот момент они кололи штыками и били прикладами возящихся под тяжёлым тентом пугачёвцев. Ткань шатра и снег под ногами смеющихся карателей быстро окрашивался красным. Я сплюнул и поспешил дальше. Воевать, а не убивать беззащитных.

- На вагенбург! - услышал я, сквозь завывания ветра и шум боя. - Левого фланга!

- Эскадрон, за мной! - тут же скомандовал я.

Около мощного сооружения из сцепленных меж собой повозок и фур обоза, я едва не столкнулся с Алексеем Орловым. Генерал-аншеф был похож на некоего демона битвы. Епанча залита кровью, в руках тяжёлая шпага, на голове ни парика, ни шляпы.

- Эй ты, капитан, вперёд! - крикнул он, видимо, сделав вывод из моих заledenелых усов. - Все за мной!

И он первым прыгнул на передок фуры, стенки которой были украшены двуглавым орлом с серпом и молотом в лапах. Мы поспешили за ним. В вагенбурге царила теснота, столько солдат - и наших, и пугачёвских - набилось внутрь. Орудовать палашом было почти невозможно, приходилось бить чашкой эфеса, а то и просто кулаками. Тех, кто падал, мгновенно затапывали, раненые тоже не могли рассчитывать на то, что их вынесут. Бой был жестоким и скоротечным. Мы перебили пугачёвцев, разбили ружья Пакла, а после рассыпали по снегу порох, разбросали бочки с ним, а после бросились прочь оттуда. Последним выскочил Алехан Орлов, швырнув себе за спину несколько горящих тряпок. Вскоре над обречённым вагенбургом потянулись в небо дымки, а ещё через секунду он взлетел на воздух. Как не странно, могучие фуры выдержали взрыв, что, наверное, спасло всех нас.

Взрыв этот не сломил врага, наоборот, пугачёвцы ринулись на нас, как будто второе дыхание у них открылось. Вели их, что вполне закономерно, комиссары. Люди в чёрных куртках размахивали шашками и кричали что-то злое и яростное, часто сами шли впереди, не обращая внимания на опасность. Те же, кто только немного приостанавливался в нерешительности, тут получал шашкой по голове или пулю в грудь. Работало безотказно.

Начало атаки Омелин пропустил. Он как раз шагал по левому флангу, проверяя посты. И лишь когда зазвенела сталь и зазвучали выстрелы, он с отрядом солдат, с которыми инспектировал караулы, устремился на звуки боя. Они столкнулись с добровольцами в белых маскировочных плащах, их собственной новации, привнесённой из двадцатого века, поверх того же цвета мундиров.

Омелин выхватил шашку и первым атаковал врага. Противник попался ему непростой, явно бывалый фехтмейстер. Он ловко управлялся с тяжёлым палашом, лихо отбивая все выпады Омелина, да ещё норовя как следует рубануть его в ответ. Несколько раз схватывались комиссар с офицером, звеня сталью, однако одолеть один другого не мог, а вмешиваться в их поединок никто не решался, очень уж ловко управлялись с оружием, можно же и под случайный выпад попасть. Кому оно надо? Вот и бились насмерть батальонный комиссар и генерал-аншеф, одетый в белый мундир. Ведь именно Алексей Орлов, лихой Алехан, герой Чесмы, сам участвовавший в абордажах, схватился с Андреем Омелиным. Оба не знали противника в лицо. Батальонный комиссар, конечно, видел портреты братьев Орловых, но были они парадными и слишком мало общих черт имели с оригиналами. Генерал-аншеф же главного комиссара пугачёвцев не видал, ни в каком виде. Так рубились они, обмениваясь могучими ударами, покуда граф Орлов не уловил нужный момент и не врезал комиссару Омелину кулаком в лицо. Закалённый во

многих боях и драках граф, не раз проверявший своё искусство в кабаках и баталиях, столь сильно врезал комиссару, что рот того мгновенно наполнился кровью, в глазах потемнело, а в ушах зазвенело. Ему даже показалось, что он услышал, как трещат его зубы и кости лица. Лишь поистине титаническим усилием удалось ему устоять на ногах, каким-то чудом он даже ловкий выпад противника отбил. Орлов позволил себе расслабиться, не стал бить во всю силу, думая, что противник и без того практически выведен из строя. Более он таких ошибок не совершал, но и с Омелиным драться ему больше не пришлось. Пошатнувшегося комиссара подхватили на руки товарищи, оттащили прочь, стеной встали между ним и Орловым. Да и граф не особенно кидался вслед за ним, плевать ему было на какого-то там комиссара. Ему вполне хватало кровавой потехи.

Омелин же, немного придя в себя от удара, что отправил его, выражаясь боксёрским термином, в knock-down, вновь ринулся в гущу боя. Он намерено искал встречи с побившим его офицером, но так и не увидел его снова. Да и не до того стало. Не было уже времени для таких вот схваток один на один, словно былинные богатыри, пришло время сражения регулярного, по уставам и регламентам. Омелин надрывал глотку, выравнивая шеренги, матюгами загонял солдат в них, заставляя их выступать ровным строем против разрозненного противника. И они штыками погнали врага прочь из ретраншемента. Вот только прежде Омелину и прочим командирам удалось навести порядок, прогремел взрыв - это взлетел на воздух вагенбург левого фланга, с длинными ружьями Пакла, запасами, телегами, фурами и ящиками.

- Чего встали?! - тут же заорал Омелин. - Вперёд! На врага! В шеренги! В шеренги - и вперёд! Арсланова сюда!

Его команды подхватили другие комиссары и комсостав. Солдаты вставали плечом к плечу, теснее сжимали шеренги, шли вперёд. На врага, на врага, на врага! И добровольцы с суворовцами покатались назад, к валу, отчаянно отбиваясь, но ничего противопоставить организованному противнику не могли. Это были спешенные кавалеристы, они хорошо умели драться верхом и ловко управлялись с саблями и палашами, однако когда против них встали ровные шеренги солдат, ошестинившиеся штыками, словно злобный ёж, они невольно попятились. Однако за каждый шаг пугачёвцам приходилось платить кровью. Шеренги буквально по телам в белых или зелёных мундирах и гимнастёрках, не особенно разбираясь, шевелятся они или нет. Пленные никому не нужны, а заботиться о своих раненых времени не было.

- Зачем звал? - подбежал к комиссару бывший башкирский старшина, а теперь комкор и начальник всей нерегулярной кавалерии, Кинзя Арсланов, ближайший друг и сподвижник Салавата Юлаева.

- Седлайте коней, - приказал ему Омелин, открываясь от командования баталией. - Как только они, - он махнул шашкой в сторону пятящихся к валу кавалеристов, - перевалят на ту сторону, насакивайте на них. И убейте всех! Ни один не должен добраться до лагеря!

- Понял тебя, комиссар! - сейчас, когда он нервничал, в речи башкира особенно сильно чувствовался акцент. - Всех переколем, как баранов!

Пятиться спиной вперёд было сложно и несколько обидно. Нас теснили к валу стеной штыков, мы рубились отчаянно, но отступали. И всё же за каждый шаг врагу приходилось платить. Я наотмашь, как в кавалерийской схватке, бил палашом по штыкам и стволам мушкетов. Но мне было очень далеко до Алексея Орлова. Словно былинный богатырь обрушивался он на нестройные шеренги пугачёвцев, бестрепетно хватал левой рукой стволы мушкетов и штыки, часто из-под пальцев его текла кровь. Выдергивал, бывало, даже солдат из строя, швыряя их под ноги товарищам, а в образовавшуюся брешь тут же обрушивался со своей шпагой. Словно проделав дыру в бронированном панцире Змея Горыныча, он рубил его мягкое брюхо, так что только

кровавые ошметки во все стороны летят. Но Орлов получил уже не одну рану, белый мундир его окрасился кровью, он уже не проделявает своих эскапад, лишь, как все мы, рубится с врагом, отступая вверх по валу. Когда мы оказались на валу, стало легче. Это как будто мы оказались в седле, выше врага, и рубим его по головам, никак не защищённым. Они же кололи нас штыками снизу.

Но вот и вершина вала, многие из нас в прямом смысле скатились с его противоположного склона. Как говорить, на чём - на всём.

- Укрыться за сугробами! - закричал тут же Орлов, одним из первых вскочивший на ноги. - Скорее! Скорее! Они сейчас палить по нам станут!

И мы бросились к наметённым ветром сугробам. Вот ведь как странно, в ретраншементе и ветер был, и вьюга крутила, но только здесь, за его пределами, они накинудись на нас, как будто с новыми силами. Злой ветер так и швырял нам в лица колючие снежинки, вонзающиеся в кожу тысячами иголок. Я едва успел укрыться за здоровенным сугробом, когда захлопали выстрелы и в нас полетели пули. Однако попасть в кого-нибудь при такой вьюге, снежинки запорашивают глаза, и таком ветре, который сносит пули, можно было разве что случайно.

Дождавшись, когда выстрелы стихнут, я со всех ног бросился к лагерю. Не заплутать бы в этакой-то пурге.

Я пробежал несколько десятков сажень, прежде чем услышал свист. Страшный и отлично знакомый свист, с таким скакали в бой всадники диких народов, пугачёвские иррегуляры, башкиры, калмыки, татары, казахи. Их не пустили в бой, когда мы обстреливали вагенбург, предпочтя пожертвовать несколькими эскадронами рабочей кавалерии, а теперь, мы бежим разрозненными группами, и по нашему следу пустили иррегуляров, словно гончих псов за беглыми крепостными. Хорошо хоть ветер и пурга не дадут им пускать нам в спину стрелы, ну да им хватит и сабель. Похоже, все мы обречены.

Один такой промчался мимо меня, не заметив в пурге, а вот товарищ его, огибавший большой сугроб, выскочил точно мне наперерез. И был он поистине страшен, это дикое дитя степи. Узкие глаза, смуглое лицо, губы сложены для оглушительного свиста. В меховой шапке, странно смотрящейся с серой шинелью. Он засвистал, как соловей-разбойник, вскинул кривую саблю, готовясь рассечь меня едва ли не надвое. Но я успел рухнуть навзничь и схватился за рукоять пистолета, который так и остался заряженным лежать в моей ольстре. Не до стрельбы было во вражеском ретраншементе. Кривой клинок сабли сверкнул надо мной, распоров епанчу и мундир, обжог кожу холодом стали. Раздосадованный иррегуляр взмахнул ей снова, ещё сильнее свесившись в седле, чтобы достать меня лежащего. Конь его так и плясал, грозя затоптать меня копытами. Всадник уже занёс над головой саблю для второго удара, когда я выдернул из ольстры пистолет и выстрелил в иррегуляра. Пуля попала крайне удачно - во лбу всадника появилось круглое отверстие, а затылок лопнул, будто по нему изнутри черепа молотом врезали. Иррегуляр откинулся в седле, выронил саблю и свалился с коня. Тот тут же вскинулся на дыбы и умчался прочь. Я даже на ноги подняться не успел, а он уже скрылся в снежной круговерти. Очень жаль, верхом бы у меня было больше шансов добраться до лагеря.

Поднявшись на ноги, я побежал дальше. Несколько раз где-то вдали слышались крики, едва пробивавшиеся через завывания пурги. Это те, кому не повезло так, как мне. Одну схватку я видел, всадник налетел на бегущего, не понять солдата или офицера, добровольца или суворовца. Взмах, другой, бегущий человек падает ничком, а всадник топчет его копытами коня. А потом разворачивает его ко мне, бьёт пятками, направляя заупрямившегося скакуна, не желающего скакать сквозь пургу. Пистолет мой разряжен, придётся драться пешим против конного, что было мне весьма непривычно. Иррегуляр опустил руку, собирая силы для удара, отразить такой палашом практически невозможно. И всё же я поднял оружие для защиты, не особенно надеясь пережить этот

удар врага. Но тут из пурги вылетел ещё один всадник - не в серой шинели и меховой шапке, а в гусарском мундире. Он конём сбил пугачёвца, чей скакун пошёл боком. Они обменялись несколькими ударами, гусар наступал, тесня противника, не ожидавшего такого напора. И тут где-то вдаль, хотя на самом деле было это не так и далеко, запели трубы. Гусар, спасший меня, был всадником передового отряда. За ним мчались несколько эскадронов лёгкой кавалерии. Гусары, пикинеры, даже несколько драгунских. Они схватились с пугачёвцами, спасая нас. Без свиста и гика, только под пение труб из нашего лагеря.

Я побежал туда со всех ног, спотыкаясь, утопая в сугробах, несколько раз падал, но вставал и продолжал свой бег. А надо мной схватывались гусары с калмыками, пикинеры с башкирами, драгуны с казаками. Последние не изменили своей одежде, оставшись в длиннополых тёплых халатах и меховых шапках. Ведь казаки Младшего и Среднего жузов были союзниками самозванца, а не обычными солдатами его Красной армии.

Я едва не повалился на рогатки нашего лагеря, искать вход в него не было сил. Мне помогли, перетащили через рогатки, едва не на руках отнесли в костру, сунули в левую ладонь, правой я всё ещё мёртвой хваткой сжимал палаш, чарку с обжигающей водкой. Я проглотил её одним глотком, даже не поморщившись, и мне тут же дали вторую. Она пошла также легко. Голову заволочло туманом, пальцы сами разжались, на снег упали чарка и палаш, а следом и сам я рухнул бы, если б не подхватили меня товарищи. Дальнейшего уже не помню.

От слов комиссара лицо Кутасова в прямом смысле заledenело, став похожим на вырезанный из мрамора лик, как в Петергофе или Пушкине.

- Это невозможно, - ответил он безапелляционным тоном. - Как ты мог додуматься до такого, Андрей?

- Очень просто, Владислав, очень просто, - сказал комиссар. - Все мы тут, в ретраншементе обречены, спорить с этим глупо. Но ты, командующий Красной армии, должен жить. Именно поэтому тебя сегодня ночью вывезут в Москву. И спорить с этим не смей, Владислав, если надо я прикажу привязать тебя к носилкам...

- Ты не посмеешь! - прорычал Кутасов.

- Посмею, Владислав, - покачал головой Омелин. - Очень даже посмею. Я, в конце концов, армейский комиссар первого ранга, и принял командование после твоего ранения. И имею право отдать такой приказ.

- Знаю я твои приказы, - отмахнулся Кутасов. - Зачем ты приказал заливать вал водой, ледяную корку из пушек разобьют в несколько минут? У Орлова хорошие канониры.

- Нельзя чтобы люди сидели без дела после такого поражения, - ответил комиссар. - Часть солдат я занял на восстановлении вагенбурга, остальные же плавают снег и заливают водой вал. Так им некогда думать о поражении и налёте врага, вот пускай поработают. Заодно и согреются немного.

- А в тылу, что за работы ведутся? - настаивал командующий армией.

- Узнаешь, Владислав, когда ночью поедешь из лагеря.

- Это ещё не решено... - решил постоять на своём комбриг.

- Решено, - отрезал комиссар. - Я принял командование армией и отдал приказ о твоей эвакуации в Москву, Владислав.

- А может не в Москву, Андрей? - изменившимся тоном произнёс комбриг. - Как Кутузов говорил, ну, точнее, скажет ещё, с потерей Москвы не потеряна Россия, но с потерей армии... Уйдём на Урал, к заводам, рабочему классу, соберём новую армию и снова выступим в поход.

- Сам понимаешь, Владислав, что ничего из этого не выйдет, - покачал головой Омелин. - Ведь почти так думал и Пугачёв, повернув армию с московского направления на юг, к Дону. Тоже ведь думал о том, чтобы сил поднакопить, а чем это закончилось, сам знаешь. Ведь Голов пишет, что в столице зреет заговор против Пугачёва, он давит

его как может, однако сам говорит, что борется только с проявлениями, а корень заговора ему недоступен.

- Слишком уж пессимистично у Голова всё выходит, - заметил Кутасов. - По его словам вся верхушка казачества, что не пошла на войну с нами, спит и видит, как бы продать Пугачёва властям.

- А что тут такого? - невесело усмехнулся Омелин. - Я думаю, так оно и есть. Пока мы были на коне, громили врага, это их устраивало, теперь же - в дни поражений они готовы отвернуться от нас, чтобы спасти свои шкуры.

- Очень жаль, что мы не смогли воспитать их в подлинно революционном духе, - вздохнул Кутасов. - Тогда бы никаких подобных заговоров не было бы.

- Обстановка не та, Владислав, - сказал Омелин. - В наше время она зрела со времён первых народовольцев и Александра Третьего, но, всё равно, был и девятьсот пятый год, и успокоились после Февральской буржуазно-демократической, вспомни статью Каменева и Зиновьева А тут мы людей ломаем за несколько лет. И ведь не интеллигенцию, людей разумных и грамотных, а казаков, самое ненадёжное сословие, та же Гражданская отличный пример. Далеко от родных хат они воевать не желают. А рабочего класса почти и не осталось. Настоящего, коренного рабочего класса, что трудились на Демидовских заводах ещё со времён Петра Первого. Все они среди нас, дерутся и умирают, а на Урале те же крестьяне, не изжившие в себе мелкособственнические интересы. С ними новой революции не сделать. Тем более, что с потерей Москвы мы потеряем всё. Мы и держимся-то только на том, что Первопрестольная у нас в руках. Твоей задачей, Владислав, будет удержать столицу...

- Мы сколько про поляков говорили, Андрей, - покачал головой Кутасов. - Запрут нас за её стенами, и передохнем все с голодухи.

- Ты, Владислав, - скверно усмехнулся Омелин, - плохо отчёты Голова о международном положении читал. России грозит новая интервенция со стороны Пруссии, Швеции и Австрии. Власти станет не до нас. Закрепитесь в Москве, подойдут подкрепления с Урала, и вы сможете взять власть в свои руки.

- Это каким образом? - недоверчиво спросил у него комбриг.

- Правительственные войска будут измотаны в постоянных столкновениях с интервентами, - решительно ответил комиссар, - а вы со свежими силами не только справитесь с ними, но и вышвырнете всю заграничную нечисть, как в двадцатом.

Комбриг не стал высказывать свои сомнения в словах комиссара. Ему тоже отчаянно хотелось верить в то, что придут с Урала новые рабоче-крестьянские полки, пусть и сформированные, в основном, из беглых крепостных и набранных по призыву крестьян, кое-как обученных держать мушкет. Но это будут свежие части, полного состава, укомплектованные и вооружённые. Их он двинет на измученные правительственные войска, разгромит их, а после вышвырнет интервентов прочь из страны. Мечты, грёзы, глупость одна. Но Москву бросать нельзя, закрепиться хотя бы и за стенами Кремля, а там поглядим.

Комиссар ушёл, не прощаясь, и его не было до самого вечера. Всё это время комбриг лежал, глядя в потолок своей фуры. В голову настойчиво лезла только одна мысль, от которой никак не удавалось избавиться. А ведь враг мог взорвать и тот вагенбург, где сейчас лежит он. Ворвались бы добровольцы - почему-то обязательно добровольцы в белых мундирах и маскировочных плащах - взлетели бы к вот этому самому потолку палаши и шпаги и - всё. Нет его. А может, скрипнули бы курки пистолетов, гром, огонь. И опять же, нет его.

Несколько часов спустя вернулся Омелин с гренадерами.

- Возок готов, - сказал он. - Поднимайте командующего.

Рослые парни подняли носилки и вынесли Кутасова, споро погрузив их в крытый возок. Он сели с ним, а Омелин, судя по движению возка, забрался на козлы, рядом с возницей, который был из нестроевых, но, судя по сложению, тоже гренадер. Они

заскользили по утопанному снегу, но недолго. Через несколько минут возок встал, и дверь его распахнулась. В проёме возникло разгрозившееся с мороза лицо комиссара. Внутрь ворвался поток холодного воздуха.

- Вы спрашивали про работы в тылу, товарищ командующий, - сказал он, легко перейдя на официальный тон, как всегда. - Извольте посмотреть.

Возок стоял боком, и из проёма открывалась отличная перспектива. Кутасов увидел сплошную стену проволочных заграждений, не замётённых снегом, как по фронту, а явно выставленных недавно. Лишь в одном месте оставался небольшой проём, явно для возка, рядом с которым дежурили несколько воентехников с рогатками и колючей проволокой.

- Солдат, - пояснил Омелин, - лучше всего станет сражаться, если ему некуда бежать. Он может броситься на заградотряд, даже на штыки зашедшего в тыл противника, когда им завладеет паника. А вот, когда ему бежать некуда, когда за спиной не штыки и даже не пулемёты, а проволочные заграждение, которые не преодолеть, только тогда он будет сражаться до конца. До последней капли крови, как говорится.

- Ты что задумал, товарищ комиссар?! - вскричал Кутасов, но Омелин уже захлопнул дверь и крикнул вознице, чтобы тот трогал. Орать и биться в стенки возка командующему не подобало, а потому он только откинулся на носилках и сжал кулаки в бессильной ярости. Он уезжал, чтобы жить, а Омелин оставался тут, чтобы умереть.

Утро следующего дня началось вполне привычно, со звука труб. Я вскочил и буквально вылетел из палатки, зовя Васильича. И только тут понял, что палатка-то не моя. Видимо, после боя и двух чарок водки меня отнесли в ближайшую, особенно не задумываясь над тем, чья она. Я пробежался до своей палатки, кутаясь в белую епанчу, таким призраком, надо сказать, подобных мне "призраков" в лагере было великое множество и все они неслись куда-то, как на шабаше. Скинув на руки Васильичу белую епанчу, я принял у него обыкновенную и новую треуголку, вместо потерянной в схватке с иррегуляром. Кивнув ему, я бросился к лошадям.

Я не ухаживал за своим конём вчера и потому был приятно удивлён тому, что он отлично вычищен и вполне доволен жизнью. То ли Васильич постарался, то ли конюхи, а впрочем, неважно. Быстро оседлав и взнуздав его, я вскочил в седло и поторопил ударом каблуками. Оказалось, что шпор на сапогах моих нет. Вчера воевал без них, а сегодня забыл нацепить.

- Сегодня, - сказал нам Суворов, гарцевавший перед строем, - мы нанесём врагу решающий удар. Сейчас граф Орлов разнесёт ледяную гору, в которую пугачёвцы превратили вал, а после мы пойдём в атаку и сметём их. Как говорил король Пруссии Фридрих Второй, которого прозвали Великим, хоть мы его и не раз бивали в Семилетнюю войну: "Самые простые маневры на войне - самые лучшие". Вот мы и поступим в соответствии с его советом. Пехота пойдёт по фронту, преодолееет вал и в рукопашной схватке уничтожит врага. Егеря займут позицию на верху вала и отроют огонь поверх голов сражающихся, выбирая себе целью командиров и комиссаров. В то же время кавалерия зайдёт с фланга и, пройдя через остатки взорванного вагенбурга, атакует пугачёвцев. Я понимаю, что всем места не хватит, поэтому кавалерия пойдёт несколькими эшелонами. Первым кирасиры. Вторым и третьим драгуны. Задачей лёгкой конницы будет пресекать атаки пугачёвских иррегуляров и рабочих драгун.

- Пехота, подровнять ряды! - закричал офицеры, как только генерал-поручик закончил речь, и их команду тут же подхватили унтера. - Барабаны, бей марш!

- Драгуны, - выкрикнул Михельсон, - шагом. Не растягиваться, вперёд не забегать. Пошли.

Я снова тронул конские бока каблуками и весь эскадрон, основательно поредевший за последнее время, двинулся вслед за мной. Полк наш шёл вторым эшелонам, сразу за суворовскими кирасирами и трёхэскадронным полком Лычкова. Ехали медленно,

стараясь не обгонять пехоту, шагавшую довольно бодро под барабанный бой. Интересно, как чувствует себя враг, сидящий сейчас в ретраншементе, когда на него движется такая масса людей, да ещё и под размеренный барабанный бой? Мне в такие моменты всегда становилось не по себе.

Погода нынче стояла отличная, просто великолепная, если вспомнить вчерашнюю снеговую канитель. Солнечные лучи плясали по новеньким, ещё не утоптаным сугробам, ни единого облачка в чистом небе, синеву которого пятнают только дымные следы. Это раскалённые ядра летят во вражеский ретраншемент, впиваясь в снежную шапку, что насыпало поверх проволочных заграждений, словно нож в масло. Именно за ними тянулся масляно-чёрный след дыма. Вслед за калёными ядрами летели пороховые, сизоватый дымок которых был едва виден и скорее угадывался в небесной синеве. Они врезались в тёмный, ноздреватый, как будто не февраль на дворе, а середина весны, как минимум, снег, а затем взрывались, разбрасывая во все стороны почти чёрные комья. Ответный огонь был весьма скудный и неточный, видимо, порошу у бунтовщиков, после того как мы взорвали один вагенбург, осталось мало.

Так гарцевали мы, стараясь не обгонять пехоту. Я прямо в седле проверял пистолеты и палаш. На морозе у нерадивых кавалеристов палаши и сабли, бывало, примерзали к ножнам. Я этого не хотел, нет ничего глупее кавалериста, особенно офицера, отчаянно дёргающего рукоять палаша, совершенно не желающего выходить из ножен. Однако у меня было всё в полном порядке, и я, несколько успокоившись, подтолкнул коня каблуками, чтобы не вывалиться из строя. Тоже глупое зрелище, на самом деле.

Затрещали выстрелы. Значит, передовые шеренги пехоты подошли к ретраншементу. Вести ответный огонь они не стали, а под грохот барабанов и пение труб ринулись в рукопашную. Очень быстро выстрелы стихли, и зазвенела сталь. Начался решительный штурм ретраншемента. Тут же кирасиры первого эшелона пришпорили коней, сократили дугу, по которой обходили разрушенный вагенбург, и мы вслед за ними. Пугачёвцы, конечно, не бросили фланги без защиты. Из руин вагенбурга они сформировали нечто вроде засеки, набросали - именно набросали, а не натянули - поверху колючей проволоки, и ошетинились за нею штыками. Слабовато против тяжёлой кавалерии.

Пугачёвские мушкетёры вскинули ружья, дали залп по кирасирам, но лишь несколько латников вылетели из сёдел. Остальные, набирая скорость, понеслись на засеку. Пули врезались в их кирасы, и без того покрытые вмятинами, однако вреда всадникам наносили мало. Пугачёвцы дали ещё два залпа по атакующим их кирасирам, но с тем же результатом, и тут латники врезались в засеку. С треском, грохотом и криком. Первым делом они выпалили в упор из пистолетов, не особенно метко, но куда более результативно. Многие солдаты в серых шинелях попадали на утоптанный снег, окрасившийся красным. Нельзя сказать, что кирасиры смели засеку и засевших в ней пугачёвцев. Нет. Бой был жарким и жестоким. Кирасирские палаши окрасились кровью по самые чашки, часто звучали крики из второго эшелона: "Руби их в песок! Руби в сечку!". Я поддерживал всех, воинственно потрясая зажатым в кулаке пистолетом. Ждать, когда в атаку пойдёт второй эшелон, уже не было никаких сил.

Сколько времени длился бой за остатки вагенбурга, не знаю. Но мне время это показалось бесконечным. Несколько раз где-то за нашими спинами схватывались лёгкие кавалеристы. Казаки и иррегуляры пытались обойти нас, а гусары с пикинерами не давали им этого сделать. Вполне успешно, надо сказать. Ни единого удара в спину мы не получили.

- Ты только глянь, - усмехнулся Пашка Озоровский, чьё место в эскадронном строю было близко ко мне. - Драгун на нас пустить хотят.

Действительно, в нашу сторону из глубин позиций противника направлялись серые шинели и картузы рабочих драгун.

- Значит, скоро и нам в бой, - сказал я, по третьему разу проверяя пистолеты и палаш.

Рабочие драгуны как раз пустили коней в галоп, набирая скорость для удара по кирасирам. Вот тогда-то и запели трубы, отправляя в атаку наш, второй, эшелон. Мы пролетели через неплотный строй кирасир, даже внимания особого не обратив на пугачёвскую пехоту, рубить их, а тем более стрелять по ним, никто не стал. Разве что конём сбили или вовсе затоптали. Однако атака наша последствия имела самые сокрушительные для врага. Большая часть мушкетёров противника дрогнула - и побежала. Все усилия комиссаров, буквально швырявших солдат под ноги наших коней, пропадали впустую. К чести их, скажу, что сами комиссары не бежали, большая часть их предпочитала погибнуть. Оно и не мудрено, в плен-то комиссаров не брали, никогда.

Сшибка с рабочими драгунами была страшной. Встречный бой, вообще, жуткая штука, ну да, я об этом уже говорил. На стрельбу времени не было, едва успели палаши повыхватывать. И тут же зазвенела сталь. Командир эскадрона всегда на острие атаки, таково уж его место в строю. Командовать некогда, значит, надо вести в бой. Быть первым, и первым умереть, если приходится. Но и он же, как правило, первым поражает врага. Так и со мной. Я столкнулся с комиссаром, ведущим драгун в атаку. Похоже, они перехватили командование у пугачёвских офицеров. Верный ход в таких обстоятельствах, в какие поставлены бунтовщики. Кони наши ударились грудь в грудь, закричав жутко от боли. Я ударил комиссара палахом, тот отразил удар шашкой, атаковал в ответ, но я парировать не стал, а, уклонившись, попытался достать его в живот. Вскинувший шашку для нового выпада комиссар среагировать не успел. Клинок палаша распорол его плотную чёрную куртку, кровь хлынула на седло и холку коня. Комиссар согнулся пополам и свалился со спины лошади, куда-то ей под копыта. Я же толкнул своего скакуна пятками, впервые пожалев об отсутствии шпор.

Драгун было куда больше, нежели нас, даже с учётом кирасир первого эшелона. Как бы ни были худы они, как бойцы, но воевать можно и числом. Мы затоптались на месте, размахивая палахами и шашками. Сражались как будто бы пешком, почти не двигаясь с места. Словно в сказке на месте павшего врага или товарища тут же вставал новый. Так топтались мы достаточно долго, обмениваясь ударами, без особого результата. Две массы людей перемалывали друг друга. Удерживать нас у рабочих драгун выходило отлично, особенно в тесноте ретраншемента. Здесь не было простора для атак и маневров, невозможно было отъехать на полсотни саженей и вновь налететь на врага с новой силой. Приходилось полагаться только на своё искусство конного фехтования, и постоянно толкать коня каблуками, понукая продвинуться ещё хотя бы на вершок вперёд, чтобы вклиниться между врагами, хоть немного, но разорвать их построение. Или же в безудержной лихости попытаться прорубиться к комиссару, воодушевляющему драгун криками и угрожающими взмахами шашки. Дорваться до него, схватиться в отчаянном рукопашном поединке, рассыпая вокруг себя снопы искр и взблески стали, и сразить метким ударом.

И ведь драгуны третьего эшелона не могут прийти нам на помощь, пока мы не прорвёмся через плотные ряды врага. Стоят они сейчас рядом с обгорелыми и изломанными остатками вагенбурга, как незадолго до того стояли мы, наблюдая за схваткой кирасир с пугачёвской пехотой. Их время придёт, как только будет сломлено сопротивление рабочих драгун. Вот тогда кавалерия наша всей массой ворвётся в ретраншемент и ударит во фланг и тыл врагу. Но это же отлично понимали и командиры и комиссары врага, и поэтому рабочие драгуны стояли - именно стояли, что было им не особенно свойственно, конница всё же - насмерть. А мы толкали коней каблуками и шпорили их, чтобы они сделали ещё хоть шаг вперёд, чтобы потеснить пугачёвцев ещё на пару вершков, а потом ещё на пару и ещё на один, и ещё...

Омелин носился по позициям, как угорелый. Чёрная кожаная куртка его была порвана во многих местах, сильно закопчена пороховой гарью и испачкана кровью. Хорошо, что на чёрной коже кровь также незаметна, как на красных туниках спартанцев или

рубашках гарибальдийцев. Фуражку несколько раз приносили ему товарищи, она слетала с его головы от быстрой ходьбы и бега. Сколько раз ввязывался в мелкие стычки, ликвидируя прорывы и возвращая дрогнувших солдат в шеренги. Где окриками, а где и расстрелом бегущих, останавливал он со своей командой солдат, готовых вот-вот побежать, бросив мушкеты и знамёна. Во многом усилиями комиссара и его команды держались шеренги пугачёвцев, обороняющие вал и редуты. Надо сказать, противник не особенно усердствовал, штурмуя их, не было в этом особой необходимости. Огонь революционные бомбардиры вели не особенно интенсивный. Пороха и ядер после взрыва вагенбурга оставалось слишком мало.

После гибели Стельмаха Омелин долго думал, кому поручить оборону редутов, после недолгих раздумий остановив выбор на подполковнике Якове Поликарповиче Шабере, заместителе Стельмаха. Он был такой же ссыльный, как Стельмах, но не студент, а проштрафившийся офицер, не то поручик, не то капитан-поручик. Грешок его был невелик, но из армии он вылетел и в Сибирь угодил, в основном, за немецкое своё происхождение. После германского засилья в армии за время недолгого правления Петра III по любому поводу избавлялись даже от обрусевших офицеров. Так и оказался в глухой ссылке талантливый, в общем-то, молодой человек для которого Пётр Фёдорович был благодетелем, а супруга его, захватившая власть, стала кем-то вроде злого демона, виновника всех бед, сокрушившего все его надежды на карьеру. Человеком Шабер был суровым, а ссылка сделала его ещё и крайне жестоким, вот потому на редутах, порученных его охране, царил полный порядок. Никто не бежал, полковые и батальонные знамёна гордо реяли, а солдаты дрались насмерть, отражая все атаки противника.

Именно поэтому Омелин появлялся там крайне редко, работы для него не было. Не то, что на других участках. Лёгкая пехота на левом фланге держалась крепко, отбиваясь от вражеских гренадер, однако рядом с ними дрались с усачами в митрах и солдаты самых обычных полков, состоящие процентов на тридцать из необстрелянных новичков, ещё ни в едином сражении не участвовавших. Именно они и дрогнули, стоявшие в третьей шеренге солдаты заозирались, опустили мушкеты, решая, бежать или нет. В такой момент добежал к ним Омелин, ухватил одного за плечо, развернул, крикнул что-то в самое ухо, следом ещё одного, третьего. Спутники комиссара также старались всюду, кричали, грозили шашками и пистолетами. И ослабшие духом возвращались в строй, раздумывавшие бежать или не бежать, понимали, что если всё же покинут строй, им всё равно не жить, а значит, лучше умереть в бою, нежели от пули или клинка комиссара.

Выправив положение на левом фланге, Омелин уже бежит в центр. Закрепившиеся на валу суворовские егеря, ведя прицельную стрельбу, выбили многих командиров и комиссаров, полки центра остались почти без ком- и политсостава. Значит, придётся остаться здесь, приглядеться к младшим командирам, быстро назначить их на роты и батальоны, и всё это прямо в бою, под пулями вражеских егерей. Омелин с отрядом вихрем ворвался в схватку позиций центра армии. Встал на место бригадного комиссара, чьё тело лежало у его ног, вскинул наспех заряженный прямо на ходу пистолет, выстрелил в ближайшего суворовца, взялся за шашку. Он отчаянно рубился, нанося и отбивая удары, но при этом в краткие секунды передышки крутил головой, высматривая подходящие кандидатуры на должности командиров рот и батальонов. словно сама судьба хранила Омелина - его не брали ни штыки, ни шпаги, ни пули егерей. Раз с его головы сорвало фуражку, комиссар даже не заметил этого. В другой штык распорол куртку на боку, на палец левее - и пятьдесят сантиметров стали вонзились бы ему в печень, комиссар хоть бы руку приложил к возможной ране. В третий - на него налетел особо ретивый поручик в белом мундире добровольца со шпагой в руках, удар, другой, третий, поручик падает, а комиссар уже присматривается к молоденькому старшему лейтенанту. Тот срывает горло, пытаясь организовать солдат, и это у него вполне неплохо выходит.

Едва Омелин управился с недостатком комсостава в центре, как к нему примчался на взмыленной лошади драгун в порванной в нескольких местах и залитой кровью шинели. Спрыгнув, он козырнул комиссару, фуражка крепко держалась на ремешке, несколько мешавшем ему говорить.

- Командарм Забелин докладывает, - сказал он, - что долго нам не продержаться. Добровольцы и суворовцы давят всё сильнее, а за спинами их стоит третий эшелон свежих всадников, они готовятся ударить нам во фланг и тыл.

- Ясно, - кивнул Омелин. - Возвращайтесь и передайте командарму, надо держаться, сколько может. А как только за вашими спинами выставят каре, отступайте, но организованно, без паники.

- Есть, - снова козырнул драгун, вскочил в седло и умчался.

- Комкора Косухина ко мне, - приказал Омелин, не собиравшийся отходить в тыл, особенно в такой момент. Хотя до тыла этого было шагов с полсотни, не больше.

- Товарищ комиссар, - обратился к нему комкор Косухин, прозванный в армии Ударным комкором. Он подбежал к Омелину спустя каких-то пять минут.

- Бери все три ударных батальона резерва и ставь их в каре на правом фланге. Я тебе Кондакова дам, он - лучший из моих комиссаров, - приказал Омелин. - Драгуны сделали всё, что могли, теперь твоя очередь. Вы должны остановить вражескую кавалерию.

- Есть, - козырнул комкор и умчался, придерживая правой рукой фуражку, а левой - шашку.

И вот уже бьют барабаны тремя колоннами краснознамённые ударные батальоны - пугачёвская гвардия - быстрым шагом направились на правый фланг. Они выстроились тремя каре почти за спинами у дерущихся с врагом рабочих драгун. Эти людские крепости должны остановить атаку третьего эшелона вражеской кавалерии, не дать зайти им во фланг и тыл шеренгам пехоты.

Когда рабочие драгуны прогнулись и подались назад, мне показалось, что всё, вот она - победа. Сейчас атакуем вражескую пехоту, пугачёвцы побегут под натиском всех трёх эшелонов кавалерии, а мы станем рубить их с седла, мстя за Арзамас, Сакмарский городок и всю эту проклятую богом войну, которая у всех уже в печёнках сидит. Но не тут то было. Рабочие драгуны развернули коней и поскакали прочь, организованно, без паники, прямо через строящихся в батальонные каре пугачёвских grenадер. Похоже, этот маневр ими отработан и весьма неплохо. Лишь несколько человек падают, сбитые драгунским конями.

И тут же команда труб - уступить дорогу третьему эшелону. Дёргаю повод, уводя коня в сторону, с дороги набирающих разгон кавалеристов. Во главе их скачут кирасиры на отдохнувших конях. Они набирают разгон - и врезаются в крепости каре. За ними несутся свежие драгунские полки третьего эшелона. Grenадеры повстанцев дают залп, двумя фасадами, так как каре обращены к нам, так сказать, углом. Грамотный ход. Палаши обрушиваются на головы бунтовщиков, кони сбивают их грудью, но построение каре слишком тесное и смерть одного человека ничего не решает. На его место тут же становится новый. И они тычут штыками, раня людей и лошадей, третья шеренга без усталости палит из мушкетов, так что каре постоянно окутано дымом.

Приходит и наш черёд, без разгона врезаемся мы в угол каре, ударили в палаши. Я снова раз за разом толкаю коня каблуками, бью палашом по головам и плечам, стараясь вклиниться в плотный строй пугачёвцев. Теснота страшная, куда хуже, чем в конной схватке, отовсюду так и норовят пырнуть штыком или ударил прикладом, пули летят неточно, в основном свистят где-то над головой, но сам свист их раздражает. Кажется, сейчас случайно ли попадёт такая в лоб или же возьмёт какой пугачёвец прицел получше - и свалюсь я с коня остывающим трупом. А после даже понять нельзя будет я это или другой драгун доброволец, да и то если от мундира хоть лоскут останется. Видал я несколько раз людей растоптанных конями, не хотелось бы так закончить свой путь.

- Прорываться! - кричит наш полковник, командующий вторым эшелоном. - Не топтаться здесь! В прорыв! Между каре! Вперёд! Все вперёд!

Его приказам вторят трубы, полковые, эскадронные. И мы рвёмся вперёд. Рубим направо и налево палашами, отчаянно шпорим коней - я толкаю каблуками, - но толку с этого мало. Над каре выются красные знамёна, значит, противостоит нам элита вражеских войск, гвардейские гренадеры. И ведь, в отличие от нынешней нашей гвардии, они в столица не торчат и офицеры их водку с винами не хлещут почём зря. Нет, это настоящие ветераны, некоторые из них прошли всю эту войну едва не с самого начала. Они дрались жестоко и умело, стреляли хоть не метко, зато часто. И потому особых надежд прорваться через их каре не было. Но мы старались изо всех сил, видит бог, чего нам стоило. Сколько жизней положили мы в той схватке - представить страшно. Вот только если бы мы не рвались мы тогда через штыки гренадер, не удалось бы нам сокрушить их. Нам отдали заведомо едва ли не самоубийственный приказ, чтобы мы в отчаянной схватке, не топчась на месте, как можно скорее уничтожили возможно большее число вражеской пехоты, оставив тем самым фланг и тыл противника без защиты. И мы с этой задачей справлялись.

Ударный комкор Косухин стоял посреди людской крепости, образованной батальонными каре. Он почти не принимал участия в баталии. Командовать смысла не было, солдаты и младшие командиры отлично справлялись, даже старшему комсоставу было нечего делать. И они вставали в ряды каре, стреляя из мушкетов, словно простые красноармейцы, ведь все они вышли из рядовых и умели обращаться с ружьями довольно хорошо. Комкор смотрел на тающие, словно кусок сахара в стакане чая, квадраты каре, на падающих под копыта вражеских коней людей в серых шинелях, на тех, кто вставал на их место, когда на секунду, когда на куда большее время, однако неизменно падали и они. Его красноармейцы ударных батальонов, гренадеры, умирали, а он, их отец-командир, стоял в центре людской крепости и глядел на это. Не было у него права встать в один ряд с ними, ведь он уже представитель высшего комсостава и своей жизнью и смертью вольно распоряжаться не мог. Он должен пережить неизбежную гибель большей части его красноармейцев, а когда те дрогнут или же придёт приказ от Омелина, отвести их в тыл. Для переформирования и принятия на себя нового удара пехоты или кавалерии противника. Главное, не допустить паники, не дать солдатам побежать, спасти наибольшее число их.

Давка и сутолока царила страшная. Многие всадники противника в зелёных и белых мундирах, в кирасах и без них, продолжали сидеть верхом на уже мёртвых лошадях. Третья шеренга вела огонь, интенсивный, но крайне не меткий. Ведь стрелять приходилось по конному врагу, да к тому же, не смотря на то, что красноармейцы первой шеренги опустили на колено, но из второй и не думали по-уставному "немного наклоняться", а потому красноармейцы сильно задирали стволы мушкетов и пули летели над головами вражеских всадников. Квадраты каре были окутаны пороховым дымом, словно туманом, и в памяти комкора всплывал негромкий скрипучий голос деда. Он был ярым, почти фанатичным, человеком и вечерами читал детям Писание и не иные богоугодные книги. Ничего из этого Косухин не запомнил, в памяти остался только скрипучий, как несмазанный засов, голос деда, да особенно яркие образы, вызванные воображением. Одним из таких были всадники на мёртвых конях, что скачут сквозь туман из прошедшего в грядущее, суля смерть всему живому. Кто бы знал, что эти образы неожиданными и незванными возникнут вновь. Окровавленные всадники шпорили мёртвых коней, которые не могли упасть из-за чудовищной тесноты баталии, и несли смерть своими палашами. И страх закрадывался в душу Ударного комкора Косухина.

То, что подо мной убили коня, я понял лишь спустя, наверное, достаточно много времени. Я бил его каблуками, сетуя, что не надел шпор, а он не делал ни единого шага

вперёд. Я рубил палашом по головам и плечам пугачёвских grenадер, но места в каре быстро занимали новые солдаты. Однако число их было не бесконечно. Вот уже дважды удавалось нам прорваться между каре. Но оба раза они заканчивались ничем. Тыловые фасы каре давали залп почти в упор по не так и быстро - лошади ведь тоже не железные - скачущим всадникам. Оба раза кавалеристы гибли все до единого. От этого только злее становились мы, всё сильнее бил я каблуками бока мёртвого коня, всё более скверными словами кляня себя за то, что не надел шпор.

И вот настал этот миг. Враг дрогнул. Он был незаметен, на него не обратил внимания никто из нас. Но уже как бы не кричали комиссары, грозя солдатам всеми карами и трибуналами, как бы не толкали засомневавшихся солдат в первые шеренги, почти на верную гибель, их усилия были тщетны. Кто-то, оказавшись в первых рядах, опускал руки и подставлял шею под палаш, предпочитая быструю смерть длительной агонии битвы. Иные, не смотря на комиссаров, пытались бежать повторно и те без жалости убивали их. Но гибли и сами комиссары, кто-то от наших рук, другие - от рук своих бывших товарищей. Я сам видел, как один из таких беглецов, отбросив мушкет, ударил комиссара, зарубившего другого дезертира, отомкнутым штыком в живот, и бросился бежать. Далеко не убежал, конечно, но случай весьма показательный.

Дрогнули несгибаемые, казалось бы, пугачёвские grenадеры. Падали под ноги шапки-митры, а сами они кидались прочь, мешая более крепким духом товарищам из тыловых фасов, занимать место павших и сбежавших. Вот тут я снова ударил каблуками коня, но тот не двинулся, а завалился мордой вперёд, я едва успел выдернуть ноги из стремян. Я упал, как мне показалось, прямо на штыки бунтовщиков, однако оказалось, им на головы. Я покатился по утопанному снегу, вместе с несколькими солдатами врага. Меня лупили кулаками, я в ответ бил чашкой палаша. Попытался вскочить на ноги, но после седла они казались деревянными подпорками или костылями, чтобы устоять на них требовалось усилие. Опомнившиеся и тоже поднявшиеся на ноги враги кинулись на меня. Я пожалел, что пистолеты остались в ольстрах, хорошо бы пристрелить хоть парочку пугачёвцев. Ну да, имеем, что имеем. Я отбил выпад самого резвого grenадера, штык едва не пропорол мне бок, а за ним последовали и остальные. Я крутился, как юла, отбиваясь палашом, но на большее меня не хватало. Контратаковать я просто не успевал, слишком много было противников, да и устать я успел довольно сильно. Ноги из деревянных стали ватными, по ним побежали булавочный уколы, восстанавливалось кровообращение после долгого сиденья в седле.

Каким чудом меня не нанизали на штык, не знаю. Наверное, просто отбивался я не так и долго. Подошли драгуны и кирасиры, чьи кони были ещё живы. Скакали они не особенно быстро, потому меня не стоптали, зато изрубили моих врагов. Я махнул им рукой, они поскакали дальше, преследуя отступающего врага, а я зашагал к сбивающимся в небольшую колонну спешенным кавалеристам. Старшим офицером оказался кирасирский подполковник Крютченко, из полка Военного ордена.

- Господа, - обратился он к нам, - хоть и пешими, но ударим во фланг врагу. Шагом марш.

И мы пошли. Без барабанов, зато под пение пары труб и с эскадронным знаменем Пятого драгунского полка Добровольческой армии. Ведь и трубачи со знаменосцами могут оказаться безлошадными. Было нас не более полусотни, зато шли мы, словно вчера, только без ветра и бурана, шли на врага, чтобы ударить ему в оголённый фланг. Ведь кавалерия наша была занята. Из тыловых фасов рассыпавшихся каре враг сумел образовать новое, солдаты в нём были не такие уставшие и сильные духом, они прикрывали бегущих и медленно отступали, ошетились штыками. Часть наших кавалеристов продолжали осаждать это каре, а другие устремились во фланг и тыл шеренгам пугачёвцев. Вместе с ними мы и ударили, в двух десятках шагов перейдя на бег.

Первым, кто попался мне на палаш, был молоденький унтер, стоящий на месте поручика. Он попытался отбить удар шашкой, но я опередил его. Тяжёлый клинок вошёл в грудь пугачёвцу, заливая серую шинель кровью. Унтер с четырьмя треугольниками на петлицах, они как-то особенно врезались мне в память, кашлянул, посмотрел на мой палаш и начал оседать. Я же выдернул оружие и ринулся дальше.

Удар во фланг дерущимся с врагом шеренгам пехоты всегда страшен. Будь враг хоть конный, хоть пеший. Мы рубили и кололи, поражая вторую и третью шеренги. Фланговые роты и батальоны сбивались в каре, но держались они недолго. Слишком были вымотаны длительным боем, и атака на фланг и тыл стала последней каплей, той соломинкой, что сломала хребет верблюду. И верблюдом этим было пугачёвское войско.

Командующий правым флангом пугачёвской армии командарм второго ранга Байдак, обходившийся без имени-отчества, столкнулся с комкором Косухиным плечом к плечу. Фланг разваливался под ударами кавалерии противника, солдаты бежали, не смотря на героические усилия комиссаров. К тому же, видя такое дело, засевшие на валу егеря принялись интенсивней обстреливать именно этот фланг, выбивая командиров и комиссаров. Однако попасть в Байдака и Косухина пока никому не удавалось, на их счастье.

- Туго, - прохрипел Байдак, краснознамённая шашка его была залита кровью, да и руки тоже были в крови, действительно, едва не по локоть. - Бегут наши солдатики, сил никаких нет с ними сладить.

- Отходить надо, - ответил ему Косухин. - Омелин собирает людей на запасных позициях. Попробуем там закрепиться.

- А выгорит ли, Косухин? - без особого энтузиазма спросил у него Байдак - Войско разбегается, только твои гренадеры ещё держатся на этом фланге. Остальных на всяких позициях всё едино не соберём.

- Брось, товарищ командарм, - отмахнулся Ударный комкор, - сначала отойдём на омелинские позиции, а там уже будем солдат считать.

- А сколько ж нас до туда дойдёт, товарищ Ударный комкор? - Байдак был мрачнее обыкновенного.

- Да какой я чертям свинячьим ударный, - рявкнул тот. - Солдат бы из под удара вывести.

Они были вынуждены прервать разговор, потому что на их неплотное каре налетели с одного фланга всадники, на другой же фас навалились спешенные кавалеристы и суворовская пехота. Тут уже не разбирали, кто рядовой красноармеец, а кто высший комсостав, дрались все. В отчаянную рукопашную схватку ринулись оба командира с шашками наголо. Оба, не сговариваясь, встали в тот фас, что дрался против пехоты и спешенных конников. Их шашки мало что могли противопоставить лихим всадникам, рубящим красноармейцев с седла. И вот теперь командарм и комкор отчаянно рубились, ломая штыки и мушкетные стволы, схватываясь в коротких кровавых поединках со спешенными кавалеристами. Из каждой они выходили победителями. Шашки их были залиты кровью, рукава шинелей потемнели от неё, но врагов, казалось, меньше не становилось.

Два человека в шинелях хорошего сукна с ромбами в петлицах, явно не последние люди в пугачёвской армии, рубились в первых рядах. Странное зрелище. Я не ожидал подобного, ведь генералы, как бы они не звались, обычно предпочитают командовать из тыла, эти же подобными условностями пренебрегли. Дрались они страшно, жестоко, вокруг обоих громоздились трупы. Более того, их уже начали сторониться, а солдаты, стоявшие рядом с ними, воспрянули духом и, как будто с новыми силами, поднимались на битву.

- Ирашин, - крикнул мне ротмистр Коренин, - с ними надо покончить. За мной, поручик!

Я никогда не был выдающимся фехтмейстером, однако, видимо, лучшего рядом с ним не нашлось, а потому ротмистр выбрал именно меня для этой дуэли. Мы протолкались к отчаянно дерущимся пугачёвским генералам, вокруг которых уже образовалось кольцо пустоты. Генералы бунтовщиков стояли в фехтовальной позиции с окровавленными шашками, готовые сразиться с кем угодно. И пускай рядом с ними шла смертельная рукопашная схватка, но сами они остались без противников.

- Господа, - выкрикнул Коренин вызов пугачёвским генералам, - мы имеем честь атаковать вас.

- Да мы таких господ... - хрипло ответил один из них, с четырьмя ромбами на петлицах. Закончить явно оскорбительную фразу ему не дал Коренин, сделавший молниеносный выпад палашом. Как старший по званию из нас двоих, он атаковал старшего по званию противника. Такие вот чинопочитание и субординация.

Мне достался в противники гренадерский генерал с тремя ромбами. Он был выше меня ростом и весьма ловко пользовался этим преимуществом. Гренадер рубил отвесно сверху, с оттяжкой, и каждый раз палаш едва не вылетал у меня из руки. Только понимание, что любой такой удар станет смертельным, заставляло проявлять просто чудеса. Мы рубились отчаянно, самозабвенно, не обращая внимания на солдат и офицеров вокруг нас. Битва перестала существовать для нас. Какая там баталия, когда идёт, можно сказать, самая настоящая дуэль. Звенят клинки, во все стороны летят искры. Перекошенное лицо противника, хотя моё, верно, немногим лучше выглядит, взмахи шашки, ноги, уже вполне обретшие гибкость после сидения в седле, исполняют сложный танец, единственное назначение которого не дать мне погибнуть. Гренадерскому генералу мешает шинель, рукава её отяжелели от крови, плотное сукно стесняет движение, не смотря на то, что под мышками давно полопались швы, и выглядел враг мой несколько забавно. Схватка всё более напоминает некий танец, оба мы исполняем трудные па, стараясь поразить друг друга, оба понимаем, что первый же удар станет смертельным, и потому пытаемся не пропустить ни единого, даже в ущерб атаке или контратаке. Кто первым допустит ошибку, самую крошечную оплошность, тому - смерть.

И первым ошибся мой противник. Слишком широкий замах сделал для удара с оттяжкой, хотел, наверное, располовинить меня, словно чудо-богатырь из былин. Я глубоко присел и весь бросил себя вперёд в длинном выпаде. Тяжёлый клинок палаша с противным хрустом вошёл в грудь пугачёвского генерала. Я рванулся ещё вперёд, вгоняя его глубже, так что кровь хлынула на руки. Гренадер всё же опустил шашку в страшном ударе, но я был уже слишком близко к нему, так что на спину мне обрушился только пудовый кулак с всё ещё зажатой в нём рукояткой шашки. Оголовье её пребольно врезалось мне меж рёбер, но я не обратил внимания на это. Рывком выпрямившись, я толкнул противника, чтобы освободить палаш. Гренадерский генерал рухнул навзничь и устался в небо стекленеющими глазами.

В это время Коренин отчаянно отбивался от второго генерала. Тот оказался куда более искусным фехтмейстером, думаю, против него мне не продержаться и минуты. Даже ротмистр, слывший первым мастером шпаги и палаша во всё полку, лишь отбивался от него, даже не помышляя о контратаках. Прийти ему на помощь было немыслимо, всё же это дуэль. С кем бы он не дрался, хоть с распоследним бунтовщиком и казаком, бросив ему вызов, Коренин как бы поднял его до своего уровня. Тем более, что противник его был вроде как генералом в пугачёвской Табели о рангах или как она у них называется.

- Господин капитан, - раздался вдруг знакомый грубоватый голос и через толпу к нам протолкался генерал-аншеф Алексей Орлов в своём белом мундире, как выяснилось, тоже оставшийся безлошадным, - уступите-ка место старшему по званию.

Коренин тут же отскочил назад, едва увернувшись от выпада вражеской шашки.

- Слушаюсь, ваше высокопревосходительство, - козырнул тот, вытирая клинок палаша о рукав мундира.

- Ты, быдло, каких будешь? - спросил Орлов у пугачёвского генерала.

- Я командарм второго ранга Байдак, - ответил тот, утирая со лба крупные градины пота, выступившего, не смотря на мороз. - А ты можешь не представляться. До нас доводили портреты главных фаворитов жинки нашего царя. И гишторию вашу знаем. Это ж ты в Ропше Петра Фёдорыча, самодержца всероссийского, убить хотел, да не убил. Не попустил Господь!

- Чушь это всё! - гаркнул Орлов.

И с этими словами он атаковал командарма (вот ведь слово выдумали, язык сломать можно). Тяжёлая шпага Орлова зазвенела о шашку. Вот это были фехтмейстеры, засмотреться можно. На этом участке баталии даже бой как-то затих. Все стояли, опустив шашки, палаши да мушкеты, и глядели на схватившихся мастеров. А они бились ловко и жёстко. Движений обоих было не разглядеть, столь быстры были они. Казалось, на самом деле сошли в поединке два былинных богатыря, и пускай шашка и шпага не особенно похожи на мечи-кладенцы, зато оба противника вполне соответствовали образу. Алексей Орлов основательно похудел за время кампании, вновь обретя былые пропорции, что так нравились придворным дамам. Под мундиром перекачивались мускулы, на изуродованном лице играет лихая улыбка. Этот грубый и жестокий человек, казалось, по настоящему жил теперь только в бою. И противник ему под стать. Пусть не такой могучий, как гренадерский генерал, которого я зарубил несколькими минутами раньше, зато куда быстрее и ловчее моего противника. Шашка в руке его, словно жила своей жизнью, стараясь прорваться через взблески стали, в которые обратилась шпага Орлова, и впитываясь в обтянутое белым сукном тело, напиться тёплой крови генерал-аншефа. Но Орлов отбивал все атаки и лихо проводил свои.

Первым достать противника удалось всё же этому самому командарму. Жуткое звание его я запомнил, а вот имя - нет. Клинок шашки распорол рукав орловского мундира, по белому сукну потекла кровь. Орлова это ничуть не смутило. Он метнулся вперёд, отбил шашку противника в сторону, и сделал быстрый, неглубокий выпад. Шпага его глубоко вонзилась в правое плечо командарма. Тот сумел воспользоваться даже этим, клинок орловской шпаги застрял в кости, тот не сумел быстро выдернуть её, чтобы разорвать дистанцию. Пугачёвец почти без размаха ударил генерал-аншефа в лицо - пудовый кулак врезался прямо в уродливый шрам Алехана Орлова. Тот не остался в долгу, впечатав свой, куда более впечатляющий кулак под рёбра командарму. Пугачёвец надсадно кашлянул, словно чахоточный, он прижал руку к плечу, из-под пальцев потекла кровь. Орлов выдернул-таки шпагу из плеча командарма, но продолжить поединок не смог. Тот покачнулся и рухнул на руки товарищей.

- Да что ж это такое?! - в сердцах заорал Орлов. - Вторая сволота пугачёвская уходит от меня!

Командарма подхватили товарищи, оттащили куда-то в задние ряды. А каре правого фланга дрогнуло, многие солдаты, видя гибель одного генерала и ранение второго, окончательно утратили боевой дух и побежали, бросая мушкеты.

- Не бежать! - надрывался комиссар Омелин. - Держать строй! Отступать организованно!

Но с каждой минутой сохранять построения становилось всё сложнее. Шеренги рассыпались на глазах, солдаты бежали, кое-кто даже бросал мушкеты. Егеря на валу старались вовсю - командиров и комиссаров почти не осталось.

- Отступаем! - приказал, наконец, основательно уменьшившемуся с начала баталии отряду комиссар. - Отходим к рогаткам, товарищи политесостав. Там для нас будет много работы.

Спорить с этими словами было глупо. Прибежавшие с линии фронта солдаты и кое-кто из комсостава, сбежавшие, в основном, от смертоносного огня вражеских егерей, были попросту шокированы рогатками и колючей проволокой, отрезавшими им путь к спасению. Преодолеть это препятствие сходу, без лестниц или чего такого, было невозможно, и потому дезертиры остановились, заозирались, они не понимали, что им теперь делать. А сзади всё напирала другие беглецы и подходили недрогнувшие полки. Вот тут-то и объявился Омелин со своими комиссарами.

- Товарищи красноармейцы! - громогласно крикнул он. - Вы дрогнули перед лицом врага! В иное время это стоило бы вам жизни! Но здесь нет трибунала! Нет особых отделов! Вот наш трибунал! - Он махнул шашкой за спину, где перестраивались для новой атаки суворовские полки. - Они расстреляют вас! Всех нас! И дезертиров, и недрогнувших красноармейцев! Отступать нам некуда! Мы могли погибнуть или победить! Победить не смогли! Остаётся погибнуть! - Комиссар перевёл дух. - Так погибнем же, товарищи! Не как телки в загоне! А как пламенные бойцы Революции! Стройся!

Премьер-майор Михельсон первым заметил их. Пугачёвские драгуны во главе с командармом первого ранга, бывшим есаулом, Забелиным, и комкором, бывшим поручиком, Самохиным, перегруппировались и атаковали правительственную кавалерию. Михельсон успел поймать за плечо трубача в драгунском мундире и приказал ему играть: "К отражению атаки!". Кто-то услышал этот приказ и развернул коня навстречу новому врагу, иные же продолжали с азартом рубить отступающую пехоту.

Но всё же, благодаря усилиям премьер-майора, атака пугачёвцев не стала фатальной неожиданностью для правительственной кавалерии. И возглавил контратаку на рабочих драгун сам Михельсон. С палахом наголо помчался он на врага, рядом трубач, продолжающий яростно выдувать "К отражению атаки!", и знаменосец, удалой вахмистр с завитыми усами, глядящий пальцами в грязно-белых перчатках рукоять пистолета в ольстре. А за ними скакали драгуны в белых и зелёных мундирах и кирасиры в позлащенных кирасах гвардейцев Военного ордена и обычных, железных, регулярных полков. Почти все - без шапок, в растрёпанных париках, со съехавшими на сторону чёрными бантами, с торчащими из "крысиных хвостов" стальными штырями и блестящей проволокой, с размётанными "кошельками", многие без кожаных мешочков. Противники их были такими же разорванными и растрёпанными, кто без фуражек, в бекешах и шинелях, какими бы и нищие на паперти пренебрегли, только вон причёски их были вполне аккуратными - все стрижены очень коротко. И эти два, прямо-таки потешных, войска схватились друг с другом.

Первым же ударом Михельсон едва не выбил из седла Самохина. Тот успел отразить могучий удар премьер-майора своим палахом. Тут же на Михельсона налетел Забелин, готовый уже рубануть его шашкой, но его опередил вахмистр-знаменосец. Он выхватил из ольстры пистолет и выстрелил в грудь командарму. Тот раскинул руки, выронив шашку, и рухнул из седла замертво.

Михельсон с Самохиным схватились насмерть. Это не было похоже на недавнюю дуэль Орлова с Байдаком, да и такого фурора она не вызвала. Тем более что весь встречный бой кавалеристов разбился на отдельные схватки. Противники крутились, обмениваясь быстрыми и сильными ударами палашей, случалось, пропусти один такой и - всё, драгун с серой шинели или белом или зелёном мундире падает на утоптаный копытами снег. Чаше же схватки эти заканчивались ничем. Всадников разносило бурное течение битвы, в общем-то, для того, чтобы кинуть в новую схватку. Но Михельсон с Самохиным расставаться ни желали, словно влюблённые. Они танцевали друг вокруг друга, рубили палашами, кони их злились, кусались, норовя вцепиться зубами в ногу всаднику врага. Михельсон толкал своего скакуна, шпорил его, заставлял грудью толкать

лошадь противника, Самохин в ответ шпорил своего. Они сталкивались, да так что, как говориться, пыль - или снег - столбом.

Самохин понимал, что долго против Михельсона ему не продержаться. Его бывший командир был лучшим наездником и бойцом превосходным. Победить его в схватке один на один комкор не надеялся, значит, надо предпринять какой-нибудь хитрый кунштюк. Ведь так любил говорить обрусевший Иван Иванович. Кавалеристы обменивались ударами палашей, и каждый раз выпады Михельсона становились всё опасней для Самохина. Вот уже только фуражка спасла его - тяжёлый клинок карабинерского палаша разрубил плотный козырёк и тулью, рассёк кожу на лбу, правда, ближе к виску, так что кровь не заливала глаз. Именно это стало последней каплей. Самохин дёрнул из ольстры пистолет левой рукой, пальцем привычно взвёл курок, но при этом замешкался на секунду с отражением нового выпада бывшего командира. Комкор так и не сумел перебороть свою самоуверенность, не смог понять, что управляться с пистолетом и палашом одновременно не всегда может и существенно лучший боец. Самохин не успел вскинуть пистолета, как и отразить удара Михельсона. Клинок палаша врезался в плечо бывшего поручика, сделавшего ошеломительную карьеру в армии Пугачёва. С хрустом, ломая рёбра, разрывая лёгкие, клинок погрузился в его грудь. Самохин покачнулся в седле, Михельсон выдернул палаш, давая телу - уже телу - предателя упасть с коня, пришпорил коня и помчался дальше, в гущу боя, где ждали его многие другие враги. А бывший поручик и комкор, командир революционной рабочей кавалерии, первый заместитель ныне покойного командарма Забелина, лежал на снегу, зацепившись сапогом за стремя, и глядел остекленевшими глазами в небо. Конь переступал копытами, успокоившись после столь яростной схватки, волоча тело поручика и комкора по окровавленному, утоптанному снегу.

Отчаянная, практически самоубийственная атака рабочей кавалерии позволила комиссару перегруппировать войска, выстроить батальоны в шеренги, на скорую руку назначить старших и младших командиров. Сложно было сказать, что они были полностью готовы принять удар вражеской армии, но лучшего добиться в данной ситуации было попросту невозможно. К тыловым рогаткам подошли каре ударных батальонов и полков правого фланга, возглавляемые раненым в руку командармом Байдаком.

- Что это значит?! - грозно рявкнул на него комиссар. - Вы не просто солдат революции! Вы командарм и обязаны понимать всю ответственность, которую накладывает на вас это высокое звание.

- Командовать там было незачем, - ответил Байдак. - Драться надо было, мы с Косухиным много контры сволочной перебили.

- Вот только комкор погиб в результате вашей безответственности, - отрезал Омелин, - да и вы пострадали и весьма серьёзно.

Противник атаковать сходу не собирался. Его шеренги остановились около вала, дожидаясь пока через него переберутся все, с вершины его спустятся егеря, кавалерия отойдёт на фланг, ближе к остаткам вагенбурга. Более того, на вал вскарабкались три команды конной артиллерии, установили пушки и открыли огонь по пугачёвцам. Это стало последней каплей.

- Товарищи! - выкрикнул Омелин. - Довольно мы оборонялись! Мы можем погибнуть тут под вражескими ядрами, ожидая атаки! Но можем и пойти в атаку сами! Вперёд! Сыны отчизны милой! Добровольцы, за мной!

И он решительным шагом направился вперёд, прямо на строящегося в шеренги врага в белых и зелёных мундирах. Комиссар не смотрел через плечо, он знал, был уверен, что красноармейцы пойдут за ним. И ведь, действительно, многие двинулись вслед за комиссаром, а остальные, понимая, что стоять, когда большая часть пошла в атаку, глупо, или же поддавшись общему порыву, также поспешили за ним. И вот только что

отступавшее, почти бежавшее, войско, вновь поднялось в атаку, немного нестройными шеренгами шагали красноармейцы в серых шинелях, под красными флагами, с примкнутыми штыками, под барабанный бой, словно те самые каппелевцы в "психической" атаке. Чтобы разрушить это ощущение, Омелин первый вывел громким, не слишком музыкальным голосом первые слова "Варшавянки"

Вихри враждебные веют над нами,

Тёмные силы нас злобно гнетут.

В бой роковой мы вступили с врагами,

Нас ещё судьбы безвестные ждут.

И вот уже подхватывают другие красноармейцы этот знакомый мотив.

Но мы поднимем гордо и смело,

Знамя борьбы за рабочее дело,

Знамя великой борьбы всех народов,

За лучший мир, за Святую свободу.

Припев грянули уже все.

На бой кровавый, святой и правый,

Марш, марш вперёд, рабочий народ!

Мрёт в наши дни с голодухи рабочий,

Станем ли, братья мы дольше молчать?

Наших сподвижников юные очи,

Может ли вид эшафота пугать?

В битве великой не сгинут бесследно,

Павшие с честью во имя идей.

Их имена с нашей песней победной,

Станут священны миллионам людей.

На бой кровавый, святой и правый,

Марш, марш вперёд, рабочий народ!

Нам ненавистны тиранов короны,

Цепи народа-страдальца мы чтим.

Кровью народной залитые троны,
Кровью мы наших врагов обагрим!
Смерть беспощадная всем супостатам!
Всем паразитам трудящихся масс!
Мщенье и смерть всем царям-плутократам!
Близок победы торжественный час!
На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперёд, рабочий народ!
На бой кровавый, святой и правый,
Марш, марш вперёд, рабочий народ!

И вот шеренги красноармейцев подровнялись, спины разогнулись, головы гордо поднялись. Они шли на верную смерть, на штыки превосходящих сил противника, но шли с гордо поднятыми головами, как свободные люди, как пламенные бойцы революции. Шли с песней, словно на праздник или на парад, и каждый шаг их был шагом в бессмертие.

Когда же до шеренг врага оставалось не более полусотни саженей, Омелин снова взмахнул саблей, барабаны, предвосхищая его команду, забили "Бегом марш!", и армия повстанцев кинулась в рукопашную. Вот они пробежали десять саженей, миновали двадцать. В то же время солдаты в зелёных и белых мундирах вскидывают к плечу заряженные мушкеты. Тридцать саженей. Звучит команда "целься", штыки мелодично звенят сталью друг о друга. Сорок. Залп. Пламя, дым, треск мушкетных выстрелов.

Тут кончилось везение комиссара Омелина. Пули изрешетили его, сбив с ног, насквозь пробили тело, но он пробежал ещё несколько шагов, замер на секунду с вскинутой над головой шашкой. И только после этого упал ничком на утоптаный снег.

Встретили нас, спешенных всадников, можно сказать, неласково. Некогда было разбираться с нами офицерам пехотных полков, готовящихся к решительной атаке на пугачёвцев. Надо сказать, всех основательно удивила задумка противника с проволочными заграждениями в тылу. Это не обозами подпереться, тут кто-то сознательно отрезал всей армии пути к отступлению. Уйти смогла только лёгкая кавалерия. После нескольких неудачных попыток атаковать наши тылы, потерпев поражение от гусар и пикинеров, пугачёвские иррегуляры поспешили скрыться, спасти свои жизни, бросив товарищей на произвол судьбы. Хотя, по большому счёту, они уже ничего не решили бы в этой баталии. Они сыграли свою роль, провалились с треском и галопом покинули окровавленные подмостки.

- Кто такой?! - рявкнул на меня пехотный штаб-офицер с вмятиной от пули на знаке.

- Поручик Ирашин! - представился я.

- Поручик, - сказал тот, - вот и отлично. Становитесь на место в пехотном строю.

Знаете, где оно? - Я кивнул. - Вот и отлично, - повторил штаб-офицер с вмятиной на знаке. - Ваша задача шагать в ногу с ротой и не отбиваться далеко от солдат. С командованием справятся и унтера.

- Я понял вас, ваше высокоблагородие, - ответил я, занимая место поручика в строю.

- А вот и егеря, - добавил штаб-офицер, махнув рукой командиру егерской команды. - Вы что там, к валу примёрзли, что ли?

Егерский поручик никак не ответил, только козырнул и построил своих людей между ротами штаб-офицерова батальона.

Место егерей на валу заняли команды конной артиллерии. Командовал ими, как не странно, сам генерал-адъютант Григорий Орлов. И ещё мне показалось, что я узнал в командире одной из них поручика Баневича. Быстро отцепив орудия от передков, бомбардиры открыли огонь по выстроившемуся у тыловых рогаток противнику. И тогда пугачёвцы пошли в атаку.

Их повёл одетый в чёрную кожу комиссар с поднятой шашкой. Они шли с некой, никогда раньше не слышанной мною песней. С каждым шагом превращаясь из ошеломлённых поражением и сломленных солдат, в гордо идущих на смерть бойцов, готовых сложить головы, но не сдаться, не побежать. Тем более что и бежать-то им было по сути некуда.

Будучи в пятидесяти саженьях от нас, пугачёвцы ринулись в рукопашную. Без единого выстрела. В этот момент унтера в нашем строю закричали, часто опережая обер-офицеров:

- К залпу товсь! Целься!

А когда до бегущих пугачёвцев осталось меньше десятка саженьей, над шеренгами пронеслась команда "Пли!". И тысячи мушкетов почти одновременно выплюнули свинцовую погиль в перекошенные лица бегущих бунтовщиков. На несколько секунд всё окуталось дымом, в котором выделялась только замершая фигура комиссара в чёрной кожаной куртке, а потом из этого порохового тумана вырвались пугачёвцы.

Перекошенные лица, почерневшие от крови шинели, глаза горят дикой злобой, какой мне прежде видать не приходилось. Вот тогда, впервые в жизни, мне стало по настоящему страшно. И я ударил палашом по этим лица, раз другой, третий. И продолжал бить, бить, бить.

Это была не битва. Это была настоящая кровавая вакханалия. Никакого порядка. Ничего общего с моими представлениями о войне. Да, они были далеки от идиллических. Я всё же прошёл одну кампанию, и довольно жестокую, однако то, что творилось сейчас, ни в какие рамки не лезло. Пугачёвцы будто с цепи сорвались. Они кидались на нас, тыча штыками, били прикладами, мы отвечали тем же. Я крушил палашом во все стороны, стоило заметить серую шинель, как тут же туда следовал удар. Шеренг уже не было. Всё смешалось. Свои, чужие, враги, товарищи. Где-то на фланге возвышались кавалеристы, казавшиеся сейчас чем-то далёким и нереальным, как фигуры на горизонте. Трещали, ломаясь, чьи-то кости. Кричали люди и кони. Где-то хлопали отдельные выстрелы. Звенела сталь. И всё это сливалось в единый гул баталии. Он вливался в уши смертельным ядом, отравляющим всё тело.

Сколько длилась эта кровавая вакханалия, знать не знаю - ведать не ведаю. Я как заведённый крутился, рубил палашом, даже не особенно заботясь глянуть, попал ли, стал ли мой удар смертельным или нет. А потом, как-то неожиданно, враги кончились. Раз - и нету их. Не надо никого рубить, никто не кидается на тебя с мушкетом, шашкой, штыком. Я замер посреди чудовищного поля, где снега не было видно от трупов, ступить было некуда. Трупы, трупы, трупы. Кругом, во всех направлениях. Людские и конские. В мундирах и шинелях, цвета которых разглядеть невозможно. Сломанное оружие. Барабаны и трубы. Только тут я понял, насколько сильно устал за этот бесконечный день.

И тут вдруг над смертным полем грянуло дружное, слитное, такое же усталое, как все мы "Ура!". "Ура!" кричали кирасиры Военного ордена, вскидывая над головами палаши и шляпы. "Ура!" гремело над шеренгами пехоты. "Ура!" солдаты потрясают мушкетами. "Ура!" надрываю я горло вместе со всеми, размахивая палашом, куда только усталость

делась. "Ура!" - и реют над полем знамёна полков и самое большое знамя - Российской империи.

Я опустил на большой барабан и вложил палаш в ножны. На устье их появилась кровь, значит, я не удосужился даже протереть клинок. Такого со мной раньше не бывало никогда. Но сейчас мне было на это попросту наплевать.

Глава 25.

Комбриг Кутасов и Емельян Пугачёв.

Весть о поражении у Вороньего леса и гибели армии опередила даже возок Кутасова. Она пришла в Москву вместе с запыхавшимися иррегулярами, примчавшимися в Первопрестольную на взмыленных конях. Поэтому приехавшего комбрига встречали мрачные взгляды горожан и молчание Пугачёва. Он принял Кутасова, сидя на древнем троне, помнившим седалище Ивана Грозного и деда его, и прадеда, наверное, тоже. И был "народный царь" воистину грозен и величествен. Он даже не сидел, но восседал, и где только набраться успел такого величия. Ведь казак же простой с Дона, но теперь уже назвать его иначе, как "ваше императорское величество", язык бы не повернулся даже у Кутасова.

Комбриг стоял перед тронном московских царей на костылях, выструганных на скорую руку непосредственно перед аудиенцией. Поклониться в таком виде он не мог, чему был только рад.

- Итак, товарищ главком, - мрачно произнёс Пугачёв, - ты потерял армию. Потерпел поражение. А что обещал мне? Победу? Суворова в железной клетке обещал приволочь мне сюда. - Он топнул ногой по ступенькам трона.

- Военная фортуна оказалась на стороне Суворова, - пожал плечами, насколько позволяли костыли, Кутасов. - Мы сделали всё, что смогли, но войска у него куда лучше обучены, про добровольцев я просто молчу, и даже ретраншемент не помог. Но у нас осталась Резервная армия комкора Гвоздя, с Урала со дня на день должны прибыть подкрепления. Провианта, не смотря на зиму, в столице вполне довольно, да и крестьянство окрестных губерний за нас...

- Ты уже говорил мне обратное, главком! - перебил его Пугачёв, треснув кулаком по подлокотнику трона.

- Врагу надо было дать полевое сражение, - ничтоже сумняшеся, принялся откровенно лгать Кутасов, - пусть даже оно закончилось нашим поражением, и поражением сокрушительным, что греха таить. Но теперь у врага не осталось сил, чтобы взять Москву с наскока или же взять в плотное кольцо осады. Мы не застрянем в столице, как поляки в шестьсот двенадцатом, ибо против них была вся земля русская, сейчас же сама земля русская - вся за вас, Пётр Фёдорович. Потому и с провиантом у нас проблем не будет.

- Ну что ж, главком, - выдохнул Пугачёв, - я снова поверю тебе. Но, сам понимаешь, это последний раз. - И добавил тихо, так что Кутасов едва услышал: - Для нас обоих.

Прохрамав прочь из тронного зала, Кутасов сел в свой возок и направился к московским цейхгаузам. Непосредственно перед визитом к "народному царю" к нему заходил воентехник Муравьёв, заведовавший ими, и сообщил, что с Урала прибыл большой обоз. Правда, воентехник не успел толком объяснить, что именно было в том обозе. Именно поэтому Кутасов поспешил к цейхгаузам, он не особенно надеялся, что Кондрашов пришлёт ему некое чудо-оружие, однако с его помощью можно было надеяться отстоять Москву.

Резервная армия комкора Гвоздя, она же по совместительству, столичный гарнизон, была приведена в состояние боевой готовности. Круглые сутки дежурили на стенах кремля, последнего рубежа обороны, пластуны с длинными нарезными ружьями. Почти

все они остались в Москве, ибо как рассудил перед выступлением Кутасов, от лёгкой пехоты будет больше толку при обороне города, нежели в полевом сражении, ведь они всё же сильно уступают в обученности суворовским егерям. Вместе с ними держать оборону стен должны были три ударных батальона Резервной армии, вооружённые против обыкновенного не мушкетами, а ручными мортирками. Оружие это было хоть и устаревшее, но практически незаменимое при отражении штурмов. Ведь довольно тяжело карабкаться по лестницам на высокие стены Московского кремля, когда на голову тебе сыплются, словно градины, небольшие ядрышки.

У цейхгаузов стоял двойной караул. Красноармейцы помогли Кутасову выбраться из возка, и отдали ему честь. К нему тут же подошёл Муравьёв, так и не поднявшийся в звании выше воентехника первого ранга, что его не особенно расстраивало. Он был профессиональным младшим командиром и в старший комсостав никогда не рвался.

- Ну, что прислал нам Кондрашов? - спросил у него Кутасов.

- Он там, у себя на Урале, сумел-таки сделать взрывчатку, - гордо, как будто сам принимал в этом участие, заявил Муравьёв, - и прислал нам две сотни ящиков в шашках и минах. Ну, и миномёты, само собой, тоже. Так что будет нам, чем встретить Суворова.

- Давайте поглядим на наши миномёты, товарищ воентехник, - кивнул Кутасов, вслед за Муравьёвым заходя в цейхгауз.

Внутри цейхгауза горели несколько керосиновых ламп, висящих под самым потолком, под которыми шла специальная длинная полка. Она почти полностью возмощность исключала попадания горящего керосина на порох и взрывчатку. Однако сам факт наличия горящих ламп всегда нервировал Кутасова. Комбриг видел лишь однажды взрыв склада боеприпасов - и зрелище это врезалось в память его на всю жизнь. Ему совершенно не хотелось оказаться в эпицентре подобного взрыва.

- Вот они, - гордым жестом указал Муравьёв на ящики, внутри которых лежали мины. Самые обыкновенные с точки зрения военного двадцатого века - и почти чудо-оружие в веке осмнадцатом. - Ну и миномёты к ним. Восемнадцать штук миномётов по сотне мин к каждой. Не бог весть что, но при обороне столицы пригодится всё, верно? Расставим миномёты на стенах и башнях Кремля - и поглядим ещё, как запоют тут эксплуататоры.

- Это не спасёт нас, воентехник, - покачал головой Кутасов, уж с ним-то он мог позволить себе быть честным до конца.

- Даст бог, первый штурм отобьём, - решительно настаивал Муравьёв, - а там посмотрим. Кондрашов с Урала не только мины с миномётами прислал. И техников, и инженеров, и химиков даже. Мины-то не пороховые, не думайте, товарищ комбриг. - Он по-прежнему звал его комбригом, среди пришельцев из будущего всё время бытовали старые звания. Даже когда их стало очень мало. - Кондрашов же сначала нитроглицерин получил, а после и динамит сделать смог. И техники с инженерами и химиками приехали химическую промышленность тут поднимать. Заводов, конечно, не построишь, однако химлаборатория в Университете-то есть. Реактивов тут, думаю, хватит на сотни и тысячи мин. А уж ста восьмидесяти миномётов нам вполне хватит, чтобы показать эксплуататорам, где раки зимуют.

- Красиво рисуешь, воентехник, - вздохнул Кутасов, - прямо как комиссар какой. Осталось нам только этот штурм отбить.

- Красиво - некрасиво, - пожал плечами Муравьёв, похоже, слегка обиженный на слова комбрига, - не знаю. Я не комиссар, я - воентехник. Не умею я красно да складно говорить, но вот ты меня выслушай, товарищ комбриг. Омелин там, при Вороньем лесе, жизнь свою дорого продал. Очень дорого. И каждый солдат, и комиссар в его армии тоже. А это значит, что и у врага нашего потери весьма велики. Придёт сюда армия Суворова весьма потрепанной. А мы встретим их минным огнём, пускай попробуют взять Кремль! Да и на плотную осаду сил у них не хватит. Тем более что миномёты стреляют хоть и не слишком точно, но на большие дистанции, заставят вражескую артиллерию держаться на расстоянии. Разве что из мортир обстреливать нас смогут, а

гаубицы мы на расстояние прицельного залпа не подпустим. Кондрашов прислал не ротные, а полковые миномёты. А уж когда они подкрепления подтянут, так мы к тому времени выпуск мин наладить сможем, в Университете или ещё где, и со ста восьмьюдесятью миномётами устроим эксплуататорам такую баню!

- Отлично, воентехник, - кивнул Кутасов, - просто отлично.

Он развернулся на костылях и вышел из цейхгауза.

"Народный царь" Пётр Фёдорович Романов, он же Емельян Иванович Пугачёв, бывший донской казак, георгиевский кавалер, ветеран Оттоманской кампании, стоял у открытого, не смотря на зиму окна. Никак не мог привыкнуть он к пышности кремлёвских палат, к собольему меху на кровати, к парсунам на стенах. Большую часть тех парсун он велел выкинуть, и место их заняли поясные портреты деятелей революции. Больше всего было его собственных парсун - в маршальском ли мундире с орденами Красного знамени и Красной звезды на груди или казачьем жупане с саблей на боку или даже в голштинском платье, их он не слишком любил, ведь они особенно хорошо подчёркивали его несходство с Петром III. Вторыми по количеству были парсуны Омелина, в кожаной куртке и фуражке со звёздочкой, и Кутасова в мундире комбрига и тоже с орденами на груди. Поменьше было портретом всех сгинувших у Вороньего леса командармов и комкоров, все как один, с траурными ленточками. Они как будто осуждающе смотрели на живых - все эти Косухины, Забелины и Балабухи с Байдаками. Славные были казаки, что ни говори, хоть и из голоты, ничего кроме доброй сабли не имевшие. Но и иные, сгинувшие за время всей этой чёртовой войны, были не хуже. И некому их парсуны намалевать да на стенки повесить, а жаль.

Такие вот мысли бродили в голове у "народного царя", пока он стоял и смотрел в окно. Может, зря затеял он всё это. Какой чёрт дёрнул его представляться сгинувшим царём. Ни один же самозванец хорошо жизнь свою не закончил. Вот тот же Степан Малый, того и вовсе свои прибили. А потом эти черти зелёные объявились. И как складно баяли, всё выйдет с их помощью. Из казаков да мужиков солдат регулярных сделаем, Катерину скинем, страной править станем, а потом и вовсе какую-то Мировую революцию устроим. Как там любил петь тот этот, как его, одним из первых сгинул, подполковник Сваржинский, вроде. "Мы на горе всем буржуям, мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови, Господи, благослови!". Вот ведь красиво-то как, лихо. "Мировой пожар в крови, Господи, благослови!". И ведь как будто благословил их Господь, то они громили Каткины войска, то их громили, такое бывало, но ведь даже Панина разгромить сумели. А тот ведь не хрен собачий, генерал-аншеф, турка победитель. Пугачёв, будучи ещё хорунжим, воевал под его началом и хорошо помнил этого сурового человека. И всё же побили его под Арзамасом, Москву взяли, закрепились, новыми мускулами обросли. Казалось, победа близка, сразись с Суворовым, победи его - и дорога на Питербурх открыта. Пугачёв отлично понимал, что его как-то незаметно оттеснили от управления армией, и ключевые посты в ней заняли не бывалые казаки, которые вроде готовили против него злокозненные заговоры, за что их быстро осудили и расстреляли, а преданные лично Кутасову с Омелиным командармы да комбриги, взлетевшие из младших командиров. О такой карьере можно было только мечтать - из сержантов в командармы. Он перестал управлять армией, оставшись куклой в руках этих зелёных чертей. Точнее одного зелёного, а второго чёрного, что твоя сажа.

Он усмехнулся. Такие вот дела получаются. Был казак, потом самозванец, "народный царь", а стал - кукла на верёвочках. Черти его за верёвочки дёрг-дёрг, а он пляшет потешный танец, ровно базарный Петрушка. Только вместо красного кафтана зелёный мундир, а вместо колпака - картуз со звёздочкой.

Двери в покои "народного царя" распахнулись. По полу затопали сапоги. Пугачёв снял с головы картуз, с усилием выдернул из него красную звёздочку и швырнул в окно. И тут же на него навалились толпой, стали руки вязать, но казак не отбивался. И не потому, что

не было в этом особого смысла - слишком много было противников, он просто устал быть куклой на верёвочках, не хотел больше плясать под чужую дудку.

Здоровенный нескладный деревянный футляр, который комбриг Кутасов всюду таскал с собой, когда на ремешке, через плечо, когда прицепив к поясу, был ничем иным, как кобурой маузера. Этот большой чёрный пистолет был одной из немногих вещей, что взял с собой из будущего комбриг. Кроме него хрононавт - таким вот мудрёным словечком называли его высоколобые учёные - взял с собой ещё краснознамённую шашку, ну, и конечно, не голым он к Пугачёву явился. Однако больше всего Кутасов гордился именно маузером. Он знал своё оружие до последнего винтика, сотни раз собирал и разбирал его. Это была довольно новая двадцатизарядная модель 1912 года, под девятимиллиметровый парабеллумовский патрон, о чём говорила девятка на "щёчках" рукоятки. Не какой-то там укороченный пистолет, из тех, что поставлялись ещё в Империю, каких полно, а, можно сказать, настоящий военный трофей. Но главную ценность его для комбрига представляла гравировка на одной из "щёчек" рукоятки: "Товарищу Кутасову на смерть врагам Революции. Командарм М.Н. Тухачевский". Он лично вручил молодому тогда ещё комбату, отличившемуся при решительном наступлении на белополяков Пилсудского. Кутасов выбил трёхбатальонный полк белополяков из деревеньки Члуховки с большими потерями для противника.

В самые неприятные моменты Кутасов вынимал деревянную кобуру, доставал из него маузер, собирал-разбирал, выщёлкивал обойму, пересчитывал патроны, ровно двадцать штук, и прятал обратно в кобуру. Но в этот раз чёрный пистолет так и остался лежать на столе, Кутасов чувствовал, что он ему сейчас очень пригодится. Голов не явился с очередным докладом по поводу заговора казачьих старшин в Москве. Это было весьма подозрительно, скорее всего, он уже мёртв. А значит, за Кутасовым придут, и придут очень скоро. Быть может, даже сейчас поднимаются по лестнице, идут по коридору, а вот теперь ударят прикладами в прочную дубовую дверь. Однако вместо грохота прикладов раздался деликатный стук Голова.

- Ты опоздал, - сказал ему Кутасов, не убирая со стола пистолет, - такого за тобой раньше не водилось.

- Дела задержали, товарищ командующий, - ответил Голов, входя в кабинет, однако дверь осталась открытой слишком широко, и Кутасов увидел теснящихся в коридоре казаков в форме пугачёвской лейб-гвардии.

- И ты, Брут, - неизвестно чему улыбнулся Кутасов, берясь за маузер.

- Я решил, товарищ командующий, - спокойно ответил Голов, - что раз не могу эффективно бороться с заговором, надо его возглавить.

- Ловко тебя Сластин натаскал. - Кутасов вскинул пистолет и выстрелил.

Пуля прошла над плечом дёрнувшегося Голова, угодила в лицо ринувшемуся в кабинет казаку. Тот закричал и рухнул навзничь. Остальные казаки рванулись внутрь. Кутасов встретил их выстрелами из маузера. Быть может, на средневековых кнехтов это и произвело бы впечатление, плюющийся огнём и воняющий серой пистолет, однако в просвещённом осьмнадцатом столетии, он особой диковинкой не стал. Выстрелы сбивали казаков одного за другим, но останавливаться они не собирались. Одному пуля угодила в грудь, свалив наповал. Другому в живот - и он упал, ещё живой, под ноги товарищам, скрючившись в три погибели. Третьему угодила в шею - казак захрипел, надсадно кашлянул кровью и умер. Четвёртый, пятый, шестой, седьмой... Кутасов решил, что отстреляет девятнадцать патронов, двадцатый же оставит себе. Однако вышло не совсем так. Когда счёт дошёл до двадцати и Кутасов уже собирался поднести маузер к виску, он заметил Голова. Контрразведчик предусмотрительно спрятался за спины ворвавшихся казаков, но тут неосмотрительно высунул голову из-за их плеч, видимо, хотел глянуть, отчего так долго не могут схватить Кутасова. И комбриг решился. Вскинул руку, прицелился, даже не замечая тянущихся к нему через стол рук, и нажал на

курок. Маузер дёрнулся в последний раз - Голов схватился за голову. Но то ли рука Кутасова дрогнула, то ли Голову снова повезло, пуля рассекла ему кожу на лбу, не причинив особого вреда.

Кутасов не успел пожалеть об этом. Его скрутили быстро и жёстко, тут же принялись бить, неумело и жестоко. Едва насмерть не забили. Только Голов не дал убить его. И вот связанного собственным ремнём, избитого до полусмерти комбрига поволокли в темницу.

Темница эта была очень древняя. Настоящий каземат. Ведь он, наверное, помнил и стрелецких старшин, и сановных раскольников, и даже Малюту Скуратова. Камеры были крошечные - пять с половиной шагов, в углу нары, лежащие прямо на полу, чтобы заключённый не помер зимой от холода, и поганое ведро рядом с дверью. Кутасов часами лежал навзничь на нарах и глядел, как падают с потолка капельки воды. После побоев всё тело отчаянно болело, а от холода немели члены, он уже не чувствовал ни рук ни ног. За всё это время его совсем не кормили, лишь раз в сутки, как думал комбриг, мрачный человек выносил ведро и ставил пустое.

Лишь однажды заглянул в его камеру Голов.

- Привет, иуда, - усмехнулся Кутасов. - Не получил своих серебряников?

- Орловы со дня на день вступят в Москву, - ответил Голов. - Мясников уже выслал к ним гонцов с вестью о полной покорности.

- На что может рассчитывать этот лейб-казак? - удивился Кутасов. - Ему же Сибирь в самом лучшем случае грозит? Бессрочная каторга.

- Хоть на каторге, да живой, - заметил Голов, - я на это давил, когда уговаривал его перейти на свою сторону. А то ведь лейб-казаки преданы лично ему, тут бы без большой крови не обошлось. Этого мне не надо. Всё должно было пройти тихо и чинно, как и вышло. Красиво, ведь вышло, согласитесь, товарищ комбриг?

- Ты достойный ученик сукина сына Сластина, - ответил Кутасов. - Я ведь тебя из дерьма поднял, человеком сделал, от петли спас. И это вот твоя благодарность? - Он слабой рукой обвёл стенки своей камеры.

- Но ведь я не дал лейб-казакам убить вас, товарищ комбриг, - сказал Голов, - хотя после того, как чуть не два десятка отправили на тот свет, они готовы были вас на куски рвать. Да, кстати, славный пистоль у вас был, - добавил он, - похожий у Сластина нашли при обыске. Хорошая штука, удобная, только с барабаном каким-то, и патронов на него очень мало было. Около десятка штук, кажется, не помню уже. Я их все отстрелял из любопытства. Это где такие делают, а?

- Да не важно это, Голов, - Кутасов откинулся на нары, - ещё один маузер был у Омелина, но его, наверное, офицеры орловские разглядывают. Если нашли, конечно. А у Сластина не маузер был, а ревнаган, он к ним нездоровую страсть испытывал.

- Слова-то всё какие, - покачал головой Голов, - заграничные. Я-то, собственно, чего зашёл. Проведать вас хотел, а то узнал, что не кормят вас, товарищ комбриг, думал вы уже того, коней двинули. Но, гляжу, нет, живой. Крепкий вы человек, товарищ комбриг.

- Ты скользкий, как слизень, - не остался в долгу Кутасов. - Ещё, небось, в Тайную сыскных дел канцелярию без мыла влезешь.

- Это если карта мне хорошая ляжет, - как ни в чём не бывало, ответил Голов, - и ежели человек мне попадётся знающий. В общем, проведаль я вас, товарищ комбриг, а теперь пора мне. Не скажу, что дел много, но и засиживаться в застенках не хочется, воспоминания дурные, сами понимаете.

Он зачем-то отдал честь и вышел из камеры. Через час Кутасову принесли еды. Но ещё раньше, едва шаги Голова стихли в коридоре, как в стену кто-то постучался.

- Это что там за аббат Фарриа? - громко спросил Кутасов.

- Ты чего лаешься не по-нашему, мил человек, - раздался с той стороны приглушённый голос. - Я твой царь, незаконно в темницу кинутый.

- Емельян Иваныч! - рассмеялся Кутасов, обрадовавшись отчего-то Пугачёву, как лучшему другу. - Тебя сюда кинули?! Я думал, тебе отдельную, царскую, камеру выделили. А тебя в общую, несправедливо получается!

- Это ты, чёрт зелёный! - вспыхнул на той стороне стены Пугачёв. - Бес поганый! Искуситель! Изыди! Пропади! Креста на тебе нет!

- Я не чёрт, Емельян Иваныч, - прервал его Кутасов, задумавшийся о том, что стенки в камерах, наверное, специально такие, чтобы говорить можно было. Вот болтают подельнички о делах своих тёмных, думая, что никто об их разговоре в застенках не прознает, а кому надо слушает. - Человек я, такой же, как ты, и крест есть на мне. Крещёный я по православному обычаю, ежели тебе интересно.

- А коли не чёрт, тогда кто? - неожиданно заинтересовался Пугачёв. - Ведь искусил ты меня, аки змий, толкнул на дело поганое.

- Можно подумать, что это я заставил тебя царём прикинуться, Емельян Иваныч, - даже рассмеялся Кутасов, - что без меня ты бы жил в Зимовейской или Есауловской, да детишек с жёнкой своей, Софьей Дмитриевной, в девичестве Недюжевой, десятков завёл?

- Ах ты ж чёрт зелёный! - заорал Пугачёв. - Ещё крещёным зовёшься, а всё про меня ведаешь! Да про супругу мою никто не ведал толком, даже Мясников, всё удивлялся, что за бабу я с собой таскаю! Попа сюда звать надобно! Святою водицей окропить тебя!

- Окропить помещение! - возопил дурным голосом Кутасов, рассмеялся от души, и его тут же скрутило от боли.

- Над церковью надсмехаешься, сатана! - бушевал за стенкой Пугачёв.

- Да брось ты, Емельян Иваныч, - отдышавшись, сказал Кутасов. - Говорю же, крещёный я, православный. Сколько помощи мы тебе оказали. Солдаты - не хуже суворовских чудо-богатырей. Пушки да мушкеты - таких ещё сто лет не будет, можешь мне поверить. Даже знамя голштинское достали, подлинное, между прочим, из Музея РККА. А ты меня чёртом честишь.

- Да пошёл ты со своими пушками да мушкетами! - Пугачёв принялся ругать его самыми скверными словами, какие знал. А потом вдруг спросил: - А ты, вообще, кто будешь?

- Комбриг Рабоче-крестьянской красной армии Владислав Кутасов, - представился тот, - награждён орденами Красного знамени и Красной звезды. Красное знамя за Гражданскую получил, а Звезду - за Советско-польскую. Хорошо, получить успел, - усмехнулся Кутасов, - перед самым разгромом.

- Ты о чём сейчас толкуешь, комбриг? - удивлённо спросил Пугачёв. - Я ни чёрта лысого понять не могу.

- И не поймёшь, Емельян Иваныч, - ответил Кутасов, насколько это, вообще, возможно, поудобнее устраиваясь на своих нарах. - А объяснять тебе про Революцию, февраль и октябрь, про Гражданскую войну, расстрел царской семьи, белое движение, да мало что ещё было с семнадцатого до тридцать шестого. От этого ни мне ни тебе, Емельян Иваныч, легче не станет. Да и отдохнуть я хочу.

Эпилог.

Казнили Пугачёва на Болотной площади, и в почётный караул выставили нас, офицеров Добровольческой армии. Мы выстроились в два ряда перед большой плахой, одетые в белоснежные, с иголочки, мундиры, которым судьба была упокоиться после этого в самых дальних сундуках. Ведь после окончания войны с Пугачёвым Добровольческую армию расформировали, а нас вернули в полки.

Суд над самозванцем был скорым, ведь его было негласно, хотя знали об этом почти все, приказано завершить до начала весны. Я был в карауле и на суде. Стоящий на коленях Пугачёв произвёл на меня впечатление. Я ведь не видел его ни разу, и представлялся он мне толи неким дьяволом с рогами, хвостом и копытами, толи очень

похожим на Петра III, ведь как-то признали в нём умершего царя. А тут стоял на коленях бородатый человек, стриженный "под горшок", в грязном мундире с сорванными знаками различия. И он безропотно отвечал на все вопросы и обвинения, не спорил с судом, полностью принимая свою участь. Однако видно было, что он не сломлен, просто смирился и был готов принять любую назначенную ему судьбу. Состав суда был весьма представительен: четырнадцать сенаторов, одиннадцать персон первых трех классов, четыре члена Святейшего синода и шесть президентов коллегий. Они не то чтобы даже допрашивали Пугачёва, скорее просто предъявляли обвинения, и самозванец с ними полностью соглашался. Так что уже на втором заседании был оглашён приговор. "Емельку Пугачева четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырём частям города и положить на колеса, а после на тех местах сжечь". Он равнодушно выслушал это решение и вышел под конвоем мрачных солдат заново сформированного московского гарнизона из Тронного зала Кремлёвского дворца, где проходило заседание.

Вместе с ним был приговорен к четвертованию главнокомандующий пугачёвской армии некто Владислав Кутасов. Этот странный человек лишь раз появился на заседании суда, он столь же спокойно отвечал утвердительно на все обвинения, однако всей манерой поведения он отчего-то напомнил мне комиссаров времён Барской кампании. Повесите нас - придут другие. Наверное, именно поэтому его больше не вызывали на заседание суда, мне показалось, что этот Кутасов попросту перепугал всех сенаторов, персон первых трёх классов, членов Святейшего синода и президентов коллегий. А вот лично у меня, и как позже выяснилось, у многих офицеров, как добровольцев, так и суворовцев, Кутасов вызывал уважение, как достойный противник. Григорий Орлов же отозвался о нём: "Он казался кем-то, вроде хищника в цепях. Кажется, ты в безопасности, но ведь он может порвать любые цепи". Ещё четверых сподвижников Пугачёва, захваченных в разное время Зарубина-Чикю, Максима Шигаева, Тимофея Подурова и Василия Торнова, приговорили к повешению. При этом Зарубина отправили на казнь в Уфу, которую он так долго осаждал. Салавата Юлаева возили по башкирским селениям, подвергая жестоким экзекуциям, а после с вырванными ноздрями отправили на каторгу.

Почти все офицеры Добровольческой армии стояли в тот тёплый февральский день у Лобного места. В воздухе уже пахло весной, хотя небо и так и норовило просыпаться на головы снегом. Два человека в нижних рубашках, мундирных шароварах, заведённых в пугачёвской армии, и сапогах шагали к плахе и колесу. Мрачный палач стоял, как-то картинно опираясь на топор. Кутасов всё ещё хромал, было видно, что он сильно избит. Насколько мне известно, ни его, ни Пугачёва не пытали, просто незачем было, значит, Кутасова избили ещё свои, видимо, он оказывал сопротивление. И теперь Пугачёв иногда помогал ему, когда бывший командующий его армией спотыкался и начинал падать, хотя было заметно, что самозванец старается отчего-то держаться от него как можно дальше. И каждый раз, когда ловил его за локоть, не давая упасть, начинал истово креститься, будто с чёртом дело имел.

Поднявшись же на эшафот, Пугачёв выпрямился во весь свой немалый рост и принялся ещё более истово осенять себя крестным знаменем на все соборы Кремля, а после кланялся на все четыре стороны, громко говоря: "Прости, народ православный, отпусти мне, в чём я согрешил перед тобой... прости, народ православный!". После того, как он поклонился и повинился перед народом, палач притянул его к плахе и одним ударом отрубил голову, а уже мёртвое тело кинул на колесо для четвертования. Основательно и без суеты палач поместил голову на спицу и установил её, так чтобы, во исполнение приговора, её было видно всем. Расчленив мёртвое тело Пугачёва, он принялся за Кутасова. Быстрый взмах топора - и голова бывшего командующего скатилась с плеч. Палач подхватил её за волосы и поднял, демонстрируя всем, однако второй спицы не было, и голова Кутасова легла в корзину.

Таков был итог Пугачёвской кампании, однако война была далека от завершения. Смута в стране, вызванная самозванцем, подтолкнула наших заклятых соседей Швецию и Австрию. И значит, грядёт новая война. Именно потому наш полк, только что сформированный заново после Арзамасской баталии, едва ли не назавтра отправляется в Польшу, где уже собирается новая Конфедерация против нас. И ведь всему виной этот человек, чья голова сейчас торчит на спице над эшафотом, а разъятые члены развезли по разных концах Первопрестольной. Емельян Иванович Пугачёв, казак, бунтовщик, самозванец.
Конец.

июль 2009 - январь 2010 г.

Маленькая историческая неточность, вполне допустимая, с моей точки зрения. Конечно, фуражные шапки появились несколько позже и ничуть не напоминали современные фуражки, однако словосочетание "шапки незнакомого вида" слишком абстрактно и не даёт представления о внешнем виде комиссаров.

До рождения Гастона Александра Августа маркиза де Галифе ещё четверть века, а введённые им во французской кавалерии и после ставшие весьма популярными брюки более всего похожи именно на шаровары.

Назначенный 8 января 1762 флигель-адъютантом к императору Петру III, Голицын при дворцовом перевороте присоединился к сторонникам Екатерины II

И снова прошу простить за небольшую историческую неточность. Конечно же, Омелин не может цитировать Булата Окуджаву, так как он был отправлен в прошлое за много лет до рождения великого советского барда.

Это толковое предложение (нем.).

Любимчик, фаворит (нем.).

Это немыслимо (нем.).

Не так ли? (нем.).

Дурной тон (нем.).

Попался на воровстве (байковый язык или музыка, далее байк.)

Попался (байк.)

Розги (байк.)

Плеть (байк.)

Следственный пристав (байк.)

Полицейский (байк.)

Фраза имеет двойное дно: заставить себя уважать - умереть, то же самое, что приказать долго жить.

Движение, совершаемое седоком при езде рысью верхом. Он вынуждено периодически вставать на стременах, чтобы седло не отбило ему зад.

Вес пули в описываемое время, примерно 32 грамма.

Намёк на британскую армию, формировавшуюся методом вербовки зачастую из преступников, желающих избежать преследования со стороны закона.

Ещё одна историческая вольность. В княжеское достоинство Григорий Потёмкин был возведён императором Священной Римской империи только в 1776 г., а в 1774-1775 гг. он не был даже графом.

Одно из названий байкового языка.

Доля, добыча (байк.).

Воришка, мальчишка вор (байк.).

Пять рублей (байк.).

Ножик (байк.)

Дерзкого болтуна (нем.).

Самого известного царя Эпира звали Пирр.

Никак не могу понять (нем.)

Не так ли? (нем.)

Григорий намекает на историю, впоследствии ставшую неким придворным анекдотом. Он якобы встретился на лестнице с Потёмкиным, идя от императрицы, в то время как Потёмкин шёл к ней. "Ты поднимаешься, - сказал Григорий Орлов, а, видишь, спускаюсь". За достоверность её автор не ручается.

Прозвище Потёмкина у запорожских казаков.

Намёк на пост президента Вольного Экономического общества, занимаемый Григорием Орловым.

Намёк на клеймо, что ставили на лбу вора, выжигая слово "вор" и для закрепления втирая порох.

Несмотря на то, что в драгунских полках в то время чину ротмистра соответствовал чин капитана, да и прочие звания у драгун были пехотные, в Добровольческой армии было сделано исключение. Все кавалерийские офицеры сохранили свои прежние чины.

Маленький реверанс В.С. Пикулю.

Существовали правила ношения шляп: край тульи должен проходить у самой правой брови и на два пальца выше левой брови.

Чёрт побери, это черт знает что! (нем.)

Чёртов (нем.).

Клянусь честью (нем.).

Офицеры тех времён шинелей не носили, вместо них были в основном епанчи, но, вообще, зимняя одежда офицеров и генералов вплоть до конца XVIII века отличалась удивительным разнообразием. Шинели, кроме солдат, носили только егерские унтер-офицеры.

Ублюдок (нем.)

Предатель, подлец, мошенник (нем.)

Чудо-оружие (нем.)

Алексей Орлов имеет в виду Степана (Стефана) Малого (? - 1773г.) - черногорского царя с 1767 по 1773, выдававшего себя за "чудом спасшегося" Петра III задолго до Пугачёва. Был признан черногорским народом не только русским, но и черногорским царём. Провёл ряд реформ, в том числе судебную, и отделил церковь от государства. Переговоры с ним от имени Екатерины II вёл именно Алексей Орлов.

Производить фурор (фр.)

Новоприборный - заново сформированный, вновь набранный, снова созданный полк.

Комиссар имеет в виду одного из героев "Национальной трилогии" Г.Сенкевича полковника Михая Ежи Володыевского, отличавшегося лихим нравом при невысоком росте.

Помощник командира полка - до 1935 года в Красной армии званий как таковых не было и они были приравнены к должности, что вызывало определённые неудобства, но считалось, что офицерские звания и само слово "офицер" были белогвардейщиной, недостойной командиров революционных войск.

От нем. *gemeiner* - рядовой, общее название средневековых пехотинцев.

Младший командный и начальствующий состав сухопутных сил СССР с 1935 по 1940 год: отделенный командир, младший комвзвод, старшина.

Раствором уксуса поливали стволы орудий, чтобы избежать перегрева.

Офензива - наступление. Дефензива или ретирада - отступление.

Михельсон намекает на случай Барской кампании, когда при переправе через Вислу Суворов упал и разбил себе грудь о понтон, вследствие чего несколько месяцев находился на лечении.

"Покаянное письмо" из Ропши Екатерине, в котором А. Г. Орлов сознался в причастности к убийству Петра Фёдоровича, недавние исследования называют фальшивкой

Названия популярных в XVIII веке военных причёсок.

Исторический факт. У Пугачёва, действительно, было откуда-то голштинское знамя.

На самом деле четвертовали вместе с Пугачёвым одного из его первых сподвижников Афанасия Перфильева.